

Вѣстникъ Права

Журналъ Юридическаго Общества

при

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

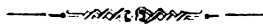

XXIX.

ІЮНЬ

1899.

№ 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

1899

СОДЕРЖАНИЕ ШЕСТОЙ КНИГИ „ВѢСТНИКА ПРАВА“.

- I.** Примѣненіе общихъ положеній уголовныхъ законовъ къ нарушеніямъ постановленій уставовъ казеннаго управленія. **А. К. фонъ-Резона** 1—26
- II.** Обсужденіе вопроса о преобразованіи гражданской службы въ комитетѣ 6 декабря 1826 г. и въ чрезвычайныхъ собраніяхъ Государственнаго Совѣта (Историческая справка). **Н. М. Корнунова** 27—62
- III.** Страхуваніе рабочихъ. **Фанъ-деръ-Борхта**, переводъ съ нѣмецкаго—**І. К.** 63—85
- IV.** Участіе прокурора въ направленіи дѣлъ частнаго обвиненія. **А. В. Волжина** 86—92
- V.** Проектъ книги **V** Гражданскаго Уложенія „Обязательства“ 93—151
- VI.** Юридическое обозрѣніе: 152—240
1. Послѣднія рѣшенія Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената за 1899 годъ 152
2. Право крестьянъ-католиковъ польскаго происхожденія приобрѣтать имѣнія въ западномъ краѣ 178
3. Изданіе прекратившееся или прекращенное? 182
4. Указы Перваго Общаго Собранія Правительствующаго Сената 189
5. Права состоянія разведенныхъ женъ 213
6. Вознагражденіе за увѣчье по ст. 683 т. X. ч. 1. 218

II

7. Окончание работ Высочайше учрежденной Комиссии по пересмотру законоположений по судебной части 227

VII. Приложение:

Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению гражданского уложения. Книга пятая. „Обязательства“. 1—96

Объявления I—IV

*see. Russia Grazhdanskoe Ulozhenie
sect. III*

I.

ПРИМѢНЕНІЕ ОБЩИХЪ ПОЛОЖЕНІЙ УГОЛОВНЫХЪ ЗАКОНОВЪ КЪ НАРУШЕНІЯМЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ УСТАВОВЪ КАЗЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ.

I.

Государство, наравнѣ съ частными лицами, имѣетъ свое имущество и свои доходы, которые могутъ служить, какъ всѣ другія юридическія блага, предметомъ противозаконнаго нападенія. Преступныя дѣянія, направленныя противъ *имущества* казны, по общему правилу облагаются тѣми же навазаніями, какъ и дѣянія противъ имущества частныхъ лицъ (548—552 ст. улож. о нак.). Но денежные потребности государства покрываются лишь въ незначительной части прибылями съ его имущества; большая часть государственныхъ доходовъ получается отъ частныхъ лицъ или учрежденій путемъ различныхъ налоговъ и пошлинъ. Слѣдовательно, доходы государственные, какъ по источникамъ своимъ, такъ и по условіямъ поступленія, существенно отличаются отъ доходовъ частныхъ лицъ, почему и законы, обезпечивающіе послѣднимъ спокойное пользованіе ихъ достатками, не могутъ считаться достаточною охраною доходовъ государства. Вслѣдствіе этого послѣднее вынуждено создать для обезпеченія своихъ правъ и интересовъ по взиманію и поступленію доходовъ особое управленіе и особыя правовыя нормы.

Постановленія объ имуществѣ и доходахъ казны изложены въ V—VII, 1 ч. VIII, 2 ч. XI и 1 ч. XII т. свода законовъ, въ такъ называемыхъ уставахъ казеннаго управленія, т. е. въ уставѣ о прямыхъ налогахъ, отчасти замѣненномъ положеніемъ о государственномъ промышленномъ налогѣ (собр. узак. и расп. прав. 1898 г. № 76 ст. 964), полож. о госуд. кварт. налогѣ, уст. о пошлинахъ, уст. объ акцизныхъ сборахъ, сводѣ учреждений и уставовъ таможенныхъ, уставахъ монетномъ, горномъ, ¹⁾ лѣсномъ, пробырномъ, почтовомъ и телеграфномъ ²⁾).

По взгляду составителей проекта улож. о нак. 1845 г., преступныя дѣянія противъ существовавшихъ тогда повинностей и уставовъ казенныхъ, какъ „вредящія силамъ или средствамъ вещественнаго существованія государства ³⁾“, были отнесены къ преступленіямъ государственнымъ; дѣянія же противъ уставовъ Почтовыхъ и установленій кредитныхъ, торговыхъ, фабричныхъ и ремесленныхъ (уст. пром.), „какъ вредящія вещественному благосостоянію общества“, — къ преступленіямъ общественнымъ. Согласно этому раздѣленію въ VII разд. улож. о нак. изд. 1845 и 1857 г. „о преступленіяхъ и проступкахъ противъ имущества и доходовъ казны“, вошли рядомъ съ общими положеніями постановленій о нарушеніяхъ уставовъ монетныхъ, о гербовой бумагѣ, Горнаго, о соли, о питейныхъ и табачныхъ сборахъ и объ акцизѣ съ сахара, таможенныхъ и лѣснаго, между тѣмъ какъ постановленія о нарушеніи уставовъ почтового, телеграфнаго и пробырнаго и о производствѣ торговли и промысловъ были помѣщены въ 11 и 14 гл. VIII разд. о преступленіяхъ и проступкахъ противъ общественнаго благоустройства и благосостоянія.

При изданіи же улож. о нак. 1866 г. размѣщеніе проступковъ противъ уст. каз. упр. осталось безъ измѣненій, но почти всѣ проступки лѣснаго устава, насколько они каса-

¹⁾ Уставъ о соли вошелъ въ Горный уставъ изд. 1893 г.

²⁾ Суд. уст. изд. госуд. канц. II, стр. 435, прим. къ 1124 ст. уст. угол. суд.

³⁾ Проектъ улож. о нак. стр. XLIV.

ются интересовъ казны, были перенесены въ уст. о нак. (Отд. II гл. XIII о похищеніи и поврежденіи чужаго лѣса, ст. 154—168 ¹⁾), а многія нарушенія уставовъ Таможеннаго и Торговаго—въ уст. Там. и пол. о пошл. за пр. торговли ²⁾. Затѣмъ впослѣдствіи были исключены изъ уложенія о нак. всѣ правила о наказаніяхъ и взысканіяхъ за нарушенія постановленій таможенныхъ, о гербовомъ сборѣ ³⁾ о питейномъ и табачномъ сборахъ и объ акцизѣ съ сахара, при чемъ первыя перенесены въ уставъ таможенный, вторыя въ уст. о герб. сб., а послѣднія въ уст. объ акц. сб., въ которомъ помѣщены кромѣ того еще правила о взысканіяхъ за нарушенія постановленій объ акцизѣ съ освѣтительныхъ нефтяныхъ маселъ и зажигательныхъ спичекъ и о продажѣ фосфора. Наконецъ, во вновь изданныхъ уставахъ (напр., пол. о гос. кв. нал. и гос. пром. налогѣ, уст. Проб.) включены также карательныя постановленія.

Такимъ образомъ, преступныя дѣянія противъ имущества и доходовъ казны теперь предусмотрѣны:

- 1) по уставамъ монетному и почтовому—въ уложеніи о нак.;
- 2) по уставамъ горному и пробирному—въ уложеніе о нак. и сихъ уставахъ;
- 3) по уставу лѣсному—въ уложеніи и уст. о нак. ⁴⁾ и въ семъ уставѣ;
- 4) по всѣмъ другимъ уставамъ казеннаго управленія—въ самыхъ уставахъ ⁴⁾.

¹⁾ Сравнит. указатель статей проекта улож. о нак. 1844 г., соответствующихъ статьямъ улож. изд. 1845, 1857 и 1866 гг. и уст. о нак., приложенный къ означенному проекту улож., стр. 17—19, 83; въ улож. сохранились лишь тѣ нарушенія пост. о произв. торговли, которыя нарушаютъ не фискальный интересъ, а общественное благоустройство и благочиніе.

²⁾ Въ улож. о нак. остались лишь правила о взысканіяхъ и наказаніяхъ за преступленія и проступки таможенныхъ чиновъ и пограничной стражи, не имѣющихъ для насъ интереса, и тѣ нарушенія гербоваго уст., которыя представляются общими преступленіями.

³⁾ Изъ постановленій улож. о нак. о нарушеніяхъ лѣснаго устава къ преступкамъ противъ доходовъ и имущества казны относится только 822 ст.

⁴⁾ Въ проектѣ улож. улож. преступныя дѣянія противъ доходовъ и имущества казны вовсе не встрѣчаются; нарушеніе же уставовъ монетнаго и о герб. сборѣ помѣщены въ гл. 19: „Подлогъ“ и лѣснаго устава въ гл. 34 „самовольное пользование чужимъ имуществомъ“.

II.

И такъ, извѣстныя нарушенія постановленій уст. каз. упр. предусмотрѣны въ улож. о нак. Не требуетъ доказательствъ, что уложеніе составляетъ одинъ цѣльный законодательный актъ и что, слѣдовательно, общая часть его (разд. I) относится безразлично ко всѣмъ предусмотрѣннымъ въ его особой части преступнымъ дѣяніямъ, не исключая нарушеній уст. каз. упр. Сомнѣніе можетъ явиться, однако, въ томъ случаѣ, если указанное въ уложеніи о нак. преступное дѣяніе подсудно казеннымъ управленіямъ (прил. къ ст. 1124 уст.)¹⁾ или мировымъ судебнымъ установленіямъ²⁾ (1 прим. къ 1 ст. уст. о нак. и 33 ст. уст. угол. суд.).

Что же касается перваго случая, то онъ едва ли представляетъ особыя затрудненія. Въ нашихъ законахъ не имѣется специальныхъ правилъ уголовного права, обязательныхъ только для казенныхъ управленій, коими послѣднія могли бы замѣнить для предусмотрѣнныхъ въ уложеніи дѣяній общія его правила; кромѣ того, какъ я уже сказалъ, улож. о нак. есть одно цѣльное законодательство, общія постановленія котораго должны быть примѣнены ко всѣмъ предусмотрѣннымъ имъ дѣяніямъ; слѣдовательно, I разд. улож. долженъ быть въ указанныхъ случаяхъ примѣняемъ и казенными управленіями³⁾.

Казалось бы, что то же правило должно относиться и къ мировымъ судебнымъ установленіямъ, но Правительствующій Сенатъ высказалъ противоположное мнѣніе. Прим. къ 1 ст. уст. о нак. и прим. къ 33 ст. уст. угол. суд. по изд. 1864 г., содержать постановленіе о томъ, что „впредь до пересмотра уставовъ казенныхъ управленій, а также о повинностяхъ и о торговлѣ, мировые судьи, при опредѣленіи взысканій за нарушеніе сихъ уставовъ, руководствуются уложеніемъ о нак., не выходя

¹⁾ Улож. о нак. ст. 1112, 1123—1126.

²⁾ Подъ мировыми установленіями я всегда подразумѣваю не только эти установленія въ буквальномъ смыслѣ, но и всѣ замѣняющія ихъ установленія, какъ губніе суды, земскіе начальники и т. д.

³⁾ Вопросъ этотъ имѣетъ практическое значеніе лишь относительно немногочисленныхъ выше указанныхъ нарушеній уст. почт.

изъ указанныхъ въ сей статьѣ (т. е. въ ст. 1 и 33) предѣловъ предоставленной имъ власти“¹⁾. Еще въ 1867 г. угол. касс. деп. въ р. № 444 далъ толкованіе этого постановленія: „хотя примѣчаніемъ къ 33 ст. уст. угол. суд. мировымъ судьямъ и предписано впредь до пересмотра уст. каз. упр. руководствоваться улож. о нак. при наложеніи взысканій за нарушенія сихъ уставовъ, но ни въ этой и ни въ какой другой статьѣ закона вовсе не упоминается, чтобы мировыя установленія по дѣламъ этого рода были лишены той власти и освобождены отъ тѣхъ обязанностей въ опредѣленіи наказаній, которыя постановлены въ общихъ положеніяхъ уст. о нак., т. е., чтобы и они въ тѣхъ случаяхъ руководствовались постановленіями главъ 3 и 4 улож. о нак. Напротивъ того, по смыслу существующихъ узаконеній, не подлежитъ сомнѣнію, что мировыя установленія и при назначеніи въ указанныхъ случаяхъ взысканій на основаніи улож. о наказ. въ опредѣленіи мѣры сихъ взысканій по обстоятельствамъ увеличивающимъ или уменьшающимъ вину, по мѣрѣ участія въ преступленіи и т. д., должны руководствоваться постановленіями уст. о нак.“

Это общее положеніе было примѣнено въ указанномъ рѣшеніи къ совокупности проступковъ; правильность изложенныхъ соображеній, по мнѣнію Правительствующаго Сената, „въ особенности явствуетъ изъ примѣчанія къ 16 ст. сего устава“²⁾, гдѣ именно упоминается о совокупности проступковъ противъ уст. каз. упр. и предписывается лишь соблюдать правило, изложенное въ 1126 ст. уст. угол. суд., но вовсе не указывается на то, чтобы правило, въ 16 ст. уст. постановленное, не относилось до дѣлъ по проступкамъ противъ казеннаго управленія. Поэтому, мировой съѣздъ не былъ

¹⁾ Примѣчаніе это является теперь въ измѣненной редакціи 1-мъ прим. къ означеннымъ статьямъ.

²⁾ Примѣчаніе это въ первоначальной редакціи гласило: „при совокупности проступковъ противъ уставовъ каз. упр. съ другими преступными дѣйствіями, соблюдается правило, изложенное въ ст. 1126 уст. угол. суд.“, т. е. денежное взысканіе за нарушеніе уст. каз. упр. не покрывается наказаніями за иныя преступныя дѣянія.

обязанъ руководствоваться 152 ст. улож. о нак. и имѣлъ полное право назначить слѣдующее съ подсудимаго взыска-
ніе не въ высшей онаго мѣрѣ, принявъ лишь совокупность
проступковъ за обстоятельство, увеличивающее вину“.

То же мнѣніе относительно совокупности высказано, напр.,
въ рѣш. 1867 г. № 549, 1868 г. № 477; далѣе, приведен-
ныя общія положенія примѣнены къ давности—въ рѣш. 1869 г.
№ 71, 1896 г. № 7 и др.; къ совершенію проступковъ
безъ намѣренія—въ рѣш. 1870 г. № 1063, 1872 г. № 212 и
др.; къ замѣнѣ денежнаго взысканія—въ рѣш. 1875 г. № 497,
и т. д.

Но затѣмъ въ рѣш. 1875 г. № 552 былъ высказанъ
противоположный взглядъ. Мировой съѣздъ призналъ обви-
няемаго Финкельштейна, 16 лѣтъ, виновнымъ въ тайномъ
проносѣ спирта и подвергъ его денежному взысканію въ
183 руб. 26 коп. съ уменьшеніемъ, на основаніи 11 ст. уст.
о наказ., мѣры взысканія на половину. Правительствующій
Сенатъ, однако, не согласился съ этимъ мнѣніемъ: „установ-
ленный въ 11 ст. уст. о нак. половинный размѣръ наказа-
нія имѣетъ примѣненіе исключительно къ тѣмъ проступкамъ,
для которыхъ въ уст. о наказ. предусмотрѣно наказаніе, такъ
какъ на основаніи примѣч. къ ст. 1 сего устава, мировые
судьи при опредѣленіи взысканій за нарушеніе уставовъ ка-
зеннаго управленія обязаны руководствоваться улож. о нак.,
къ взысканіямъ же, въ семъ послѣднемъ указаннымъ, содер-
жащееся въ ст. 11 уст. о нак. правило не относится“.

Доводы, изложенные въ только что приведенномъ рѣше-
ніи, являются, по моему мнѣнію, болѣе правильными. Слова
„руководствуются уложеніемъ о наказ.“ по буквальному,
вполнѣ ясному и точному смыслу ихъ, относятся ко всему
уложенію, а не только къ особенной части его. Это толко-
ваніе становится безспорнымъ, если обратить вниманіе на
тѣ условія, при которыхъ было составлено примѣч. къ 1 ст.
уст. о наказ. Уставъ этотъ, въ томъ видѣ, въ которомъ онъ
былъ принятъ Государственнымъ Совѣтомъ въ 1864 г., счи-
тался тогда временнымъ, такъ какъ ожидалось, что мини-
стерствомъ финансовъ въ возможно непродолжительномъ вре-

мени составлено будетъ дополненіе къ нему, заключающее въ себѣ подвѣдомыя мировымъ судьямъ нарушенія правилъ отдѣльныхъ уставовъ казеннаго управленія. Поэтому, разумѣется, не могло быть желательнымъ измѣнить на это непродолжительное время въ чемъ либо дѣйствующія правила о примѣненіи наказаній къ нарушеніямъ означенныхъ уставовъ. Нѣтъ даже никакого указанія, чтобы Государственный Совѣтъ возбуждалъ вопросъ о возможности примѣненія I-й главы уст. о наказ. къ проступкамъ противъ уставовъ казеннаго управленія. Если при этихъ условіяхъ Государственный Совѣтъ предполагалъ изложить прим. къ 1 ст. въ слѣдующей редакціи: „впредь до пересмотра уставовъ о повинностяхъ, торговаго и о казенномъ управленіи, мировые судьи при опредѣленіи взысканій за нарушенія означенныхъ уставовъ *руководствуются дѣйствующими узаконеніями*, не выходя при томъ изъ предѣловъ предоставленной имъ власти“ ¹⁾, то смыслъ этого постановленія не могъ вызвать никакихъ сомнѣній, такъ какъ по взгляду Государственного Совѣта правила о наказаніи означенныхъ проступковъ должны были остаться безъ измѣненія „впредь до пересмотра“ надлежащихъ уставовъ. Послѣдующія затѣмъ измѣненія въ редакціи означеннаго постановленія, т. е. замѣна словъ „дѣйствующими узаконеніями“ словами „уложеніемъ о наказ.“ ни въ чемъ не измѣнили первоначальнаго смысла его, что видно уже изъ того, что Государственный Совѣтъ при обсужденіи 30 сентября 1864 г. уст. о наказ. вовсе не остановился на примѣч. къ 1 ст. ²⁾. По всему этому не можетъ быть сомнѣнія, что мировыя судебныя установленія при наложеніи взысканій за предусмотрѣнныя въ улож. о наказ. нарушенія устава казеннаго управленія должны руководствоваться исключительно улож. о наказ.

¹⁾ Журн. Соед. Деп. Гос. Сов. 1 и 9 іюля 1864 г., у Таганцева, Уставъ о наказ. 11-е изд. стр. 7.

²⁾ По крайней мѣрѣ, на это нѣтъ указанія у Таганцева I. с., хотя тамъ же стр. 5 и 6 приведены подробныя выписки изъ Журн. Госуд. Сов. 30 сентября 1864 г.

Этотъ выводъ нисколько не противорѣчитъ содержанію примѣчанія къ ст. 16 уст. о наказ.

Дѣло въ томъ, что по проекту устава предполагалось включить въ оный еще двѣ главы о торговомъ мореплаваніи и о проступкахъ торговыхъ (IX и X), къ числу воиныхъ были отнесены, между прочимъ, нарушенія правилъ питейнаго и табачнаго устава ¹⁾. Поэтому, т. е. въ виду того, что взысканія за нарушенія означенныхъ уставовъ были помѣщены въ самомъ уставѣ о наказ., было необходимо помѣстить въ немъ и правило о совокупности сихъ проступковъ съ другими дѣяніями. Что примѣчаніе къ 16 ст. должно было относиться именно къ помѣщеннымъ въ уставѣ о наказ. нарушеніямъ уставовъ казеннаго управленія видно изъ разъясненія къ этому примѣчанію: „Въ нѣкоторыхъ статьяхъ устава (129, 133, 139, 140 и 141) денежное взысканіе, опредѣленное въ постоянномъ размѣрѣ, составляетъ не только наказаніе виновнаго, но также и вознагражденіе за причиненные убытки. Посему въ примѣчаніи къ настоящей статьѣ сдѣлано указаніе на ст. 1126 уст. угол. суд. ²⁾“.... Между тѣмъ въ уст. о нак. денежное взысканіе, опредѣленное въ постоянномъ размѣрѣ, въ указанныхъ статьяхъ не встрѣчается и таковое вообще назначено только по проступкамъ о похищеніи и поврежденіи лѣса. Но изъ текста означеннаго примѣчанія видно, что оно не относится къ симъ послѣднимъ проступкамъ, и поэтому едва ли можетъ представиться сомнительнымъ, что указанные статьи принадлежали именно къ исключеннымъ двумъ главамъ, въ которыхъ были предусмотрѣны нарушенія уставовъ казеннаго управленія; слѣдовательно, одновременно съ исключеніемъ этихъ нарушеній слѣдовало бы исключить и примѣчаніе къ 16 ст., какъ потерявшее всякое значеніе; если же оно сохранилось, то не потому, что оно имѣетъ какое-либо значеніе, объяснимое содержаніемъ устава о наказ., а лишь случайно, по недосмотру при окончательной редакціи его. Этимъ и устраняется единственный мотивъ,

¹⁾ Таганцевъ, I. с.

²⁾ Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. изд. Госуд. Канц. IV, стр. 21.

указанный Правительствующимъ Сенатомъ въ подтвержденіи высказаннаго въ рѣш. 1867 г. № 444 и др. взгляда.

Но затѣмъ имѣются и положительныя и совершенно несомнѣнныя доказательства противъ правильности мнѣнія Правительствующаго Сената. А именно, въ улож. о нак. разд. VII, гл. IV и V о нарушеніяхъ уст. горн. и о соли въ 611 и 638 ст. опредѣлено, что несостоятельный къ платежу возложенныхъ на него денежныхъ взысканій подвергается заключенію или работамъ по правиламъ, въ 84 и 85 ст. улож. о наказ. постановленнымъ ¹⁾; слѣдовательно, мировыя судебныя установленія въ случаѣ постановленія приговора по дѣламъ о нарушеніяхъ уст. горн. не имѣютъ права замѣнять денежные взысканія по правиламъ уст. о нак., а *обязаны* руководствоваться улож. о нак. ²⁾. Если такимъ образомъ законъ прямо исключаетъ возможность примѣненія устава о наказ. въ единственномъ случаѣ, когда упоминается о примѣненіи общихъ положеній уголовного права къ предусмотрѣннымъ въ улож. о наказ. нарушеніямъ уставовъ казеннаго управленія, то очевидно, что тѣмъ самымъ устанавливается примѣненіе общей части улож. о нак. ко всѣмъ этимъ проступкамъ. Нельзя допустить безъ яснаго и точнаго предписанія закона, что къ извѣстному разряду дѣяній однимъ и тѣмъ же судомъ, въ одномъ и томъ же случаѣ могли бы примѣняться въ перемежку общія постановленія улож. и уст. о наказ.; нельзя же утверждать, что 611 и 638 ст. улож. о наказ. устанавливаютъ исключеніе изъ общаго правила, ибо въ законахъ нѣтъ общаго правила о примѣненіи 1-й главы уст. о нак. къ предусмотрѣннымъ въ уложеніи о нак. нарушеніямъ уст. каз. упр.

¹⁾ То же правило встрѣчалось въ ст. 679, 705, 752 улож. о нак., перенесенныхъ въ уставъ объ акц. сборѣ и там.

²⁾ Въ большей своей части постановленія 84 и 85 ст. улож. и 7—8 ст. уст. о нак. вполне идентичны; но если замѣняется присужденное казнѣ вознагражденіе отъ 300 до 900 руб., то разница весьма существенна: а именно по улож. о нак. оно замѣняется тюремнымъ заключеніемъ въ шесть мѣсяцевъ (3 и 84 ст. улож. и 36 ст. прил. III къ 1400 ст. (прим.) уст. гражд. суд.), а по уставу (ст. 7) такимъ же заключеніемъ не выше четырехъ мѣсяцевъ.

Наконецъ, слѣдуетъ указать и на тѣ правительственныя послѣдствія, которыя влечетъ за собою оспариваемое здѣсь толкованіе Правительствующаго Сената, а именно, приходится въ извѣстныхъ случаяхъ назначить при совершенно одинаковыхъ дѣяніяхъ разные наказанія, смотря потому, какимъ судебнымъ установленіемъ дѣло подсудно по суммѣ денежнаго взысканія ¹⁾). Если напр. эта сумма равняется 301 р., то шестнадцатилѣтній обвиняемый, признанный дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ, присуждается согласно 140 ст. улож. къ полному размѣру денежнаго взысканія, между тѣмъ какъ согласно 11 ст. уст. о нак. размѣръ его уменьшается на половину, если сумма взысканія ниже 300 р. Очевидно, что законъ не могъ желать и установить подобной неравномерности въ наказаніи ²⁾).

Слѣдовательно, общія постановленія улож. о нак. должны быть примѣняемы ко всѣмъ предусмотрѣннымъ въ немъ преступнымъ дѣяніямъ, безразлично кому они подсудны.

Что же касается затѣмъ упомянутыхъ въ уст. о нак. нарушеній уст. каз. упр., т. е. нарушеній лѣснаго устава,

¹⁾ 601 ст. улож. о нак. и др.

²⁾ Въ 1885 г. былъ измѣненъ текстъ прим. къ 1 ст. уст. и къ 33 ст. уст. угол. суд., которымъ была дана слѣдующая редакция: „Мировые судьи при опредѣленіи взысканій за нарушеніе уставовъ казенныхъ управленій, а также о повинностяхъ, о торговлѣ и о промышленности фабричной, заводской и ремесленной, руководствуются уложеніемъ о наказ. и означенными уставами, не выходя изъ указанныхъ въ сей (1, 33) статьѣ предѣловъ предоставленной имъ власти“. Измѣненіе редакціи вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что карательныя постановленія о питейномъ и т. п. сборахъ были исключены изъ улож. о наказ. и перенесены въ подлежащіе уставы, почему и явилась обязанность для мировыхъ установленій руководствоваться не однимъ уложеніемъ о наказ., но и означенными уставами. Но очевидно, что это измѣненіе редакціи ни въ чемъ не могло измѣнить обязанности мировыхъ установленій примѣнять общія правила уложенія къ сохранившимся въ немъ нарушеніямъ устава казеннаго управленія. То обстоятельство, что измѣненіе редакціи прим. къ 1 ст. уст. о нак. ни въ чемъ не измѣнило положенія разсматриваемаго вопроса, признаетъ и Правительствующій Сенатъ въ рѣш. 1896 г. № 7, въ которомъ обязанность мировыхъ установленій руководствоваться въ указанныхъ случаяхъ не уложеніемъ, а общими постановленіями уст. о нак. подтверждается не ссылкой на новую редакцію примѣч. къ 1 ст. уст., а ссылкой на рѣш. 1867 г. № 444, 1868 г. № 477 и другія послѣдующія до 1885 года.

то къ нимъ безспорно примѣняются общія положенія сего устава, безразлично разсматривается-ли дѣло мировыми или общими судебными установленіями (прим. къ 147 ст. улож.). Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда наказаніе опредѣляется за одно изъ нарушеній уст. каз. упр. какъ за извѣстный видъ общихъ преступныхъ дѣяній ¹⁾, то примѣняются общія положенія улож. или устава о нак., смотря по тому, подходитъ ли данное дѣяніе подъ дѣйствіе перваго или втораго.

Такимъ образомъ, къ этимъ тремъ категоріямъ преступковъ противъ имущества и доходовъ казны примѣняются безспорно всѣ общія постановленія уголовного права; возбуждалось лишь сомнѣніе о примѣненіи въ указанныхъ выше случаяхъ уложенія *или* уст. о наказаніи.

III.

Спрашивается теперь, ко всѣмъ ли безъ исключенія нарушеніямъ уставовъ каз. упр. примѣняются общія положенія уголовного права или же имѣются такія категоріи сихъ нарушеній, къ которымъ примѣненіе означенныхъ положеній а priori невозможно?

Общія положенія нашего уголовного права, какъ извѣстно, изложены въ уложеніи и уставѣ о *наказаніяхъ*; слѣдовательно, они могутъ быть примѣняемы только къ наказаніямъ или точнѣе къ тѣмъ преступнымъ дѣяніямъ, которыя запрещены подъ страхомъ наказанія. Но не всякое взысканіе, налагаемое по предписанію уставовъ каз. упр., является послѣдствіемъ преступнаго дѣянія. А именно, наложеніе взысканія обусловливается нерѣдко однимъ не исполненіемъ

¹⁾ Напр. какъ за мошенничество (2 ч. 567 ст., 2 ч. 576 ст. и 581 ст. улож. о нак.), за утайку найденной чужой собственности (607 ст. улож.), за кражу, учиненную домашними (629 ст. улож. о нак.), за поддѣлку, предусмотрѣнную 554 ст. улож. о нак. (1072 и 1127 ст. уст. объ акц. сбор.), за подлоги, предусмотрѣнные 1690 ст. улож. о нак. (1481 ст. устава там.), за сопротивленіе, предусмотрѣнное 268—266, 268—271 ст. улож. о нак. (3 п. 1544 и 1545, 1563 там. устава), за преступки, предусмотрѣнные 1359¹ и 1359² ст. улож. о нак. и 51⁴ ст. устава о наказ. (1265 ст. устава горнаго) и т. д.

государственныхъ повинностей; поэтому не является прежде всего наказаніемъ *пеня*, налагаемая за недоимку, т. е. за невнесеніе въ установленный срокъ пошлины или подати, въ размѣрѣ 2, 1, или $\frac{1}{2}$ % въ мѣсяцъ съ неуплаченной суммы ¹⁾. Что таковъ взглядъ закона, видно уже изъ того, что во всѣхъ уставахъ, въ которыхъ говорится о пеняхъ за недоимки и о взысканіяхъ за нарушенія постановленій этихъ уставовъ, первыя никогда не смѣшиваются съ послѣдними, а рассматриваются въ особомъ отдѣлѣ или главѣ; такъ напр. въ пол. о гос. пром. нал. о недоимкахъ говорится въ 1-й, а о взысканіяхъ во 2-мъ отдѣлѣ VI главы; въ уст. объ акц. сб. о недоимкахъ въ уплатѣ акциза съ сахара—въ 5 от. 1-й гл. IV разд.: „правила объ акцизѣ съ сахара“ и т. д., а о взысканіяхъ за нарушенія постановленій объ означенномъ акцизномъ сборѣ—въ 3 гл. V раздѣла.

Такимъ образомъ, по намѣренію закона неуплата налога не принадлежитъ къ тѣмъ дѣяніямъ, которыя признаются „нарушеніями“ уст. каз. управленія и облагаются наказаніями; слѣдовательно, не является наказаніемъ и взыскиваемая за недоимку пеня. Тотъ же юридическій характеръ имѣютъ по тѣмъ же причинамъ и другія невыгодныя послѣдствія, которыя напр. въ уст. объ акц. сб. ²⁾ соединены съ несвоевременнымъ взносомъ или неплатежемъ разныхъ пошлинъ, какъ напр., ограниченіе или лишеніе заводчика или складчика права выпускать вино или освѣтительныя нефтяныя масла съ отсрочкою акциза или взятія бандеролей подъ залогъ, закрытіе фабрики и т. д. ³⁾.

¹⁾ Уст. о пр. нал. ст. 15, 53, 184; пол. о гос. кв. нал. ст. 42; пол. о гос. пром. нал. ст. 153; уст. о пошл. ст. 164, 172, 223; уст. объ акц. сб. (объ акц. съ сахара) ст. 883.

²⁾ Напр. ст. 310, 321, 796, 802, 900, 928, 930.

³⁾ Къ этимъ невыгоднымъ послѣдствіямъ принадлежитъ и установленное въ 366 ст. зак. о суд. гражд. лишеніе заимодавца процентовъ по обязательствамъ, совершеннымъ домашнимъ образомъ, безъ соблюденія установленныхъ уст. о герб. сб. правилъ, за время протекшее до предъявленія обязательствъ ко взысканію и процентовъ, постановленныхъ за неустойку. Правило это по проекту новаго уст. о герб. сборахъ предполагается перенести въ означенный уставъ.

Далѣ слѣдуетъ причислить къ взысканіямъ, не представляющимъ наказаніями, такъ назыв. *акциденціи* по тамож. уставу ¹⁾. Подъ акциденціями, согласно 1435 ст. сего уст., „разумѣются тѣ въ добавокъ къ пошлинѣ взысканія, кои въ количествѣ 10 (или 5) копѣекъ съ пошлиннаго рубля опредѣлены таможеннымъ уставомъ за разныя упущенія предписаннаго порядка“. А именно, акциденція „взыскивается по коносаментамъ и накладнымъ за такія ошибки, подчистки, поправки, пропуски, исправленія печатныхъ словъ въ бланкахъ или другія несообразности съ правилами, которыя заключаютъ измѣненія въ качествѣ или количествѣ товаровъ къ ущербу пошлиннаго сбора“ (ст. 1436). Кромѣ того, согласно 1490 и 1673 ст. того же устава, налагаемое по ст. 1453—1486 на торгующихъ и по ст. 1434, 1467 и 1470—1472 на корабельщиковъ денежное взысканіе (т. е. наказаніе) *замѣняется* акциденціею, когда по обстоятельствамъ дѣла и представленнымъ несомнѣннымъ доказательствамъ будетъ признано, что означенныя нарушенія явились слѣдствіемъ неумышленной ошибки въ объявленіи, деклараціи или коносаментѣ.

Такимъ образомъ, по прямому предписанію закона акциденція *замѣняетъ* наказаніе, и слѣдовательно, является не таковымъ, а однимъ изъ видовъ тѣхъ карательныхъ мѣръ, которыя извѣстны въ германскомъ правѣ подъ названіемъ „*Ordnungsstrafen*“ ²⁾. Поэтому, хотя акциденція отличается отъ

¹⁾ Ст. 1435—1451, 1456, 1480, 1490, 1491.

²⁾ V. Liszt, *Ordnungs- und Disciplinarstrafen*, въ Holtzendorf's *Rechtslexikon*, 3 изд. II стр. 966—968, Таганцевъ, Лекціи по русскому уголовному праву, стр. 1013. Интересны въ юридическомъ отношеніи постановленія 1490 и 1673 ст.; исходя отъ общаго правила, что при взысканіяхъ за нарушенія уст. каз. упр. умыселъ не долженъ имѣть значенія, и что виновные подвергаются одинаковой ответственности за одинъ лишь фактъ нарушенія установленныхъ правилъ, приведенныя статьи предоставляютъ обвиняемымъ въ видѣ снисхожденія доказать отсутствіе умысла, а въ случаѣ доказанной „неумышленной ошибки“ не освобождаютъ ихъ отъ наказанія согласно 5 ст. улож. о нак., а налагаютъ на нихъ акциденцію. Подобныя же постановленія находятъ и въ многихъ германскихъ уст. каз. упр.; см. Liszt I. с. По проекту новаго уст. тамъ предполагается совсѣмъ отмѣнить акциденцію.

наказанія только по велѣнію закона, а не по своему внутреннему характеру и свойству, къ ней не могутъ быть примѣняемы тѣ общія правовыя положенія, которыя относятся къ наказаніямъ, тѣмъ болѣе, что акциденція имѣетъ отчасти свои общія положенія, какъ напр. о причинахъ, освобождающихъ отъ взысканія (ст. 1436—1439 и др.), о способѣ опредѣленія размѣра (ст. 1441), о совокупности (ст. 1491).

Такимъ образомъ, пеня и другія невыгодныя послѣдствія недоимки или другого непроступнаго неисполненія уст. каз. упр. и акциденція не являются наказаніями и, слѣдовательно, къ нимъ непримѣнимы общія положенія улож. и уст. о нак. ¹⁾).

IV.

Я говорилъ до сихъ поръ о тѣхъ нарушеніяхъ уст. каз. упр., къ которымъ общія постановленія уголовного права бесомынно или примѣняются на общемъ основаніи, или вовсе не примѣняются. Перехожу теперь къ остальнымъ нарушеніямъ означенныхъ уставовъ, составляющимъ главный предметъ этого изслѣдованія, т. е. къ нарушеніямъ, предусмотрѣннымъ въ самыхъ уставахъ, за исключеніемъ разумѣется тѣхъ, о которыхъ рѣчь была уже выше.

Нельзя прежде всего не обратить вниманія на то, что, кромѣ наказаній главныхъ и дополнительныхъ, нѣкоторые изъ сихъ уставовъ заключаютъ въ себѣ и постановленія, относящіяся къ общимъ правиламъ уголовного права. Къ таковымъ принадлежатъ напр. правила: 1) о личной отвѣтственности лицъ, совершившихъ преступное дѣяніе и объ отвѣтственности за нихъ другихъ лицъ ²⁾; 2) объ уголовныхъ поручителяхъ ³⁾; 3) о распредѣленіи

¹⁾ Я упомянулъ здѣсь только о тѣхъ взысканіяхъ, которыя несомнѣнно не могутъ быть причислены къ наказаніямъ; вопросъ, должны ли считаться таковыми остальныя взысканія, налагаемыя по уст. каз. упр., будетъ разсмотрѣнъ впоследствии при разсмотрѣніи вопроса о юридическомъ характерѣ этихъ взысканій.

²⁾ Уст. объ акц. сб. ст. 1001—108, 1006, 1008, 1009, 1076, 1077, 1080, 1082—1084, 1101, 1113, 1128; уст. там. ст. 1548; уст. гѣсн. ст. 845, 846.

³⁾ Уст. объ акц. сб. ст. 1004, 1078, 1102, 1113, 1128; уст. там. ст. 1548.

денежнаго взысканія, наложеннаго на нѣсколькихъ обвиняемыхъ ¹⁾; 4) о непреодолимомъ отъ превосходящей силы принужденіи ²⁾; 5) о другихъ причинахъ ненаказуемости ³⁾; 6) о замѣнѣ денежнаго взысканія въ случаѣ несостоятельности ⁴⁾; 7) объ уплатѣ денежнаго взысканія наследниками ⁵⁾; 8) о повтореніи ⁶⁾; 9) о совокупности ⁷⁾; 10) о давности ⁸⁾.

Не подлежитъ, разумѣется, сомнѣнію, что приведенныя здѣсь постановленія примѣняются ко всѣмъ тѣмъ отдѣльнымъ нарушеніямъ даннаго устава, къ которымъ они по содержанию своему относятся. Но затѣмъ является вопросъ, могутъ ли быть прикѣнены къ каждому уставу и другія неупомянутыя въ немъ общія положенія уголовнаго права? Отвѣтъ долженъ быть утвердительный. Мы видѣли, напр., изъ только-что приведеннаго перечня, что въ уставахъ каз. упр. нѣтъ никакихъ правилъ о вѣнненіи; но слѣдуетъ-ли изъ этого, что можно наказать, заключить въ тюрьму, за нарушеніе уст. объ акц. сб. и т. д., за вѣдомо умалишеннаго, т. е. невѣняемаго? Очевидно, нѣтъ. Но если хотя одно изъ общихъ правилъ уголовнаго права обязательно при примѣненіи уст. каз. упр., то будетъ послѣдовательно признать, что обязательны и всѣ остальные, если только не имѣется по данному вопросу отмѣняющаго ихъ силу спеціальнаго постановленія.

Но затѣмъ спрашивается, чѣмъ должны быть пополнены недостающія постановленія извѣстнаго устава, общими ли правилами, заключающимися въ уложеніи и уставѣ о нак., или же правилами, заключающимися въ другихъ уставахъ

¹⁾ Уст. объ акц. сб. ст. 1010, 1085, 1113, 1128; уст. там. ст. 1548.

²⁾ Уст. там. ст. 1452, 1460, 1506, 857.

³⁾ Уст. там. ст. 1528, 1529, см. и ст. 1490 и 1673; уст. объ акц. сб. ст. 1009, 1084, 1113.

⁴⁾ Уст. объ акц. сб. ст. 1004, 1005, 1078, 1079, 1103, 1113, 1128; уст. там. ст. 1549; уст. горн. ст. 1281.

⁵⁾ Уст. о герб. сб. ст. 135.

⁶⁾ Уст. объ акц. сб. ст. 1000, 1074, 1113, 1128.

⁷⁾ Уст. объ акц. сб. ст. 999, 1073, 1113, 1128; пол. о гос. пром. мал. ст. 166, 177.

⁸⁾ Уст. о герб. сб. ст. 133; пол. о гос. пром. мал. прим. къ 157 ст.

каз. упр.? Противъ послѣдняго предположенія говорить уже то, что заключающіяся въ сихъ уставахъ постановленія объ общихъ вопросахъ уголовного права, составляютъ весьма неполную систему общихъ условій наказуемости, и что, слѣдовательно, примѣненіе ихъ далеко не можетъ разрѣшить всѣхъ возникающихъ на практикѣ сомнѣній. Но еще болѣе важно то обстоятельство, что хотя уставы каз. упр. соединяются одною общею цѣлью, установить карательныя мѣры для защиты государственныхъ доходовъ, но всетаки постановленія каждаго устава, хотя бы они и относились къ общимъ вопросамъ уголовного права, должны быть различны, смотря по тому предмету, къ которому относится данный уставъ, ибо содержаніемъ его опредѣляются существо его нарушеній и тѣ спеціальныя мѣры, которыя въ виду фискальныхъ интересовъ замѣняютъ постановленія уложенія и устава о нак. ¹⁾. Слѣдовательно, безъ особаго предписанія закона общія постановленія одного устава каз. упр. (напр. постановленія о давности уст. о герб. сбор.) ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть примѣняемы къ другому, потому что сама *ratio legis*, мотивъ, вызвавшій данное постановленіе, встрѣчается только въ одномъ, а не въ другихъ уставахъ.

Такимъ образомъ, къ уставамъ каз. упр. примѣняются въ указанныхъ случаяхъ общія положенія, изложенныя въ уголовныхъ законахъ, т. е. въ уложеніи и уставѣ о нак. Это положеніе признано и постоянною практикой Правительствующаго Сената, согласно которой примѣняются къ

¹⁾ Какъ различны эти фискальные интересы, можно видѣть иногда изъ постановленій одного и того же устава каз. упр.; такъ напр., по уст. объ акц. сб. въ случаѣ нарушенія постановленій акциза съ сахара съ уголовного поручителя взыскивается денежное взысканіе въ полномъ размѣрѣ (1102 ст.), въ другихъ же случаяхъ лишь въ размѣрѣ трехъ четвертей опредѣленной ко взысканію суммы (ст. 1004, 1078, 1118, 1128); въ случаѣ нарушенія постановленій о пит. сб. и объ акцизѣ съ освѣтительныхъ нефтяныхъ маселъ на заводчика и т. д. возлагается всегда взысканіе единичнаго акциза за пять и т. д., сокрытія отъ оплаты онымъ (1006 и 1118 ст.); по нарушенію же постановленій о там. сб. и правилъ объ акцизѣ съ спичекъ и продажи фосфора на него возлагается уплата акциза не только въ единичномъ, но и въ увеличенномъ размѣрѣ (1080 и 1128 ст.) и т. д. и т. д.

нарушеніямъ уст. каз. упр. не только общія постановленія нашихъ уголовныхъ законовъ о давности (напр. рѣш. 1869 г. № 71, 1896 г. № 7, и общ. собр. 1889 г. № 12), о вмѣненіи въ вину (рѣш. 1896 г. № 8), объ укрывательствѣ (рѣш. 1888 г. № 25), о несовершеннолѣтнихъ (рѣш. 1875 г. № 552) и т. д., но и общія правовыя положенія, какъ напр., о невозможности распространительнаго толкованія ограничительнаго закона (рѣш. 1897 г. № 45).

Дѣйствительно, нарушенія уставовъ каз. упр. не могутъ быть вполне отдѣлены отъ другихъ преступныхъ дѣяній; они входятъ въ общую область уголовно-наказуемыхъ дѣяній и поѣтому подлежатъ дѣйствию общихъ уголовныхъ нормъ, насколько примѣненіе ихъ не устранено спеціальными правилами даннаго устава ¹⁾.

Это общее правило весьма точно и опредѣленно формулировано въ соображеніяхъ къ проекту уголовного уложенія: „Редакціонною комиссіей были начертаны общія положенія, составляющія содержаніе гл. I проекта и долженствующія имѣть примѣненіе ко всѣмъ преступнымъ дѣяніямъ, въ томъ числѣ и къ нарушеніямъ спеціальныхъ уставовъ, поскольку для сихъ послѣднихъ не установлено изъятій въ подлежащихъ уставахъ. Засимъ можетъ, конечно, обнаружиться необходимость допущенія и дальнѣйшихъ изъятій изъ общихъ постановленій уложенія“.....

„Подобныя указанія должны послужить поводомъ къ разработкѣ особенныхъ правилъ, которыя, въ случаѣ утвержденія ихъ законодательною властью, замѣнятъ собою соотвѣтствующія статьи уголовного уложенія. Но изъятія изъ установленныхъ проектомъ общихъ основаній наказуемости могутъ оказаться необходимыми лишь относительно весьма немногихъ положеній, большинство же статей главы I уложенія должны распространяться и на нарушенія спеціальныхъ уставовъ; такъ напр., постановленія, опредѣляющія понятіе преступнаго дѣянія и

¹⁾ Haelschner, das gemeine deutsche Strafrecht, II, стр. 1002. Loebe, das deutsche Zollstrafrecht 2 изд., стр. 33; 149 ст. герм. Vereins Zollgesetz отъ 1 июля 1869 г.

его виды, пространство дѣйствія уголовного уложенія, порядокъ и условія отбытія наказанія лишеніемъ свободы, условія вѣнченія, виды виновности и т. п., не требуютъ никакихъ измѣненій по отношенію къ дѣламъ о нарушеніи уст. каз. упр.; поэтому ст. 9 не можетъ быть дополнена постановленіемъ, которое исключало бы примѣненіе къ названнымъ дѣламъ всѣхъ общихъ началъ уголовного уложенія¹⁾.

Но затѣмъ является еще нѣсколько частныхъ вопросовъ, а именно: а) примѣняются ли къ преступнымъ дѣяніямъ, предусмотрѣннымъ въ уставахъ каз. упр., общія начала уложенія о нак. или уст. о нак. и б) обязательно-ли при выше указанныхъ условіяхъ примѣненіе общихъ началъ уголовного права и для казенныхъ управленій, если преступное дѣяніе подвѣдомо имъ, а не судебнымъ установленіямъ?

Первый вопросъ не представляетъ затрудненія, если данное дѣяніе подсудно общимъ судебнымъ мѣстамъ, согласно 200 и 33 ст. уст. угол. суд. въ виду опредѣленнаго закономъ наказанія (напр. проступки, предусмотрѣнные 2 п. 1542, 1544 ст. уст. там.), ибо несомнѣнно, что къ этимъ наказаніямъ (напр. ссылка, въ каторжныя работы, на поселеніе, отдача въ испр. арест. отд. по 3 или 4 и 31 ст.) могутъ быть примѣняемы только общія начала улож. о нак.

Сомнѣнія возникаютъ относительно тѣхъ нарушеній уст. каз. упр., которыя по общему правилу (33 ст. уст. угол. суд.) подсудны мир. суд. уст. и изъемяются изъ ихъ подсудности только на основаніи 34 ст. того же устава; утверждаютъ, именно, что эти нарушенія во всемъ приравнены къ проступкамъ, предусмотрѣннымъ уст. о нак., и что, слѣдовательно, на основаніи прим. къ 147 ст. улож. о нак. къ нимъ примѣняются общія положенія устава о нак. даже въ томъ случаѣ, когда дѣла объ этихъ нарушеніяхъ разсматриваются общими судебными мѣстами.

¹⁾ Такимъ образомъ, отношеніе будущаго уголов. улож. къ уст. каз. упр. установлено разъ на всегда точно и вполне правильно: примѣненіе общихъ началъ уложенія къ уст. каз. упр. есть общее правило, изъ котораго допускаются исключенія лишь на столько, на сколько они установлены въ отдѣльныхъ уставахъ; гдѣ таковыхъ исключеній нѣтъ, примѣненіе общихъ началъ уложенія обязательно.

Но подобное мѣніе совершенно неправильно. Мы увидимъ ниже, что нарушенія уст. каз. упр. вовсе не приравнены къ проступкамъ, предусмотрѣннымъ уст. о нак., и что въ большинствѣ случаевъ примѣняются общія правила улож. о нак. Но независимо отъ этого, о примѣненіи прим. къ 147 ст. улож. о нак. къ означеннымъ нарушеніямъ не можетъ быть рѣчи; 147 ст. устанавливаетъ общее правило, что судъ не можетъ опредѣлить иного наказанія, „кромя того, которое въ законахъ за судимое преступленіе именно назначено“, и что въ случаѣ наличности обстоятельствъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ наказаніе, соблюдаются правила, изложенныя въ слѣдующихъ за 147 статьяхъ, и поэтому всѣ общія постановленія улож. о нак. примѣняются не только къ преступнымъ дѣяніямъ, предусмотрѣннымъ въ уложеніи, но и въ другихъ законахъ, т. е. ко всѣмъ преступнымъ дѣяніямъ, подсуднымъ тѣмъ судебнымъ установленіямъ, которыя примѣняютъ уложеніе о нак. Изъ этого общаго правила сдѣлано только одно исключеніе (прим. къ 147 ст.) относительно, предусмотрѣнныхъ въ уст. о нак. проступковъ, по которымъ наказаніе опредѣляется по правиламъ означеннаго устава. Несомнѣнно, слѣдовательно, что это—правило исполнѣ исключительное, которое не можетъ быть толкуемо распространительно и поэтому не можетъ быть примѣняемо къ преступнымъ дѣяніямъ, въ уст. о нак. не предусмотрѣннымъ; другими словами, прим. къ 147 ст. улож. о нак. не примѣняется къ нарушеніямъ уст. каз. упр. и наказаніе по этимъ нарушеніямъ, насколько они подсудны общимъ судебнымъ мѣстамъ, опредѣляется по улож., а не по уст. о нак.

Относительно дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, Правительствующій Сенатъ (рѣш. 1896 г. № 7) призналъ, что означенныя установленія при опредѣленіи наказанія по нарушеніямъ уст. каз. упр. обязаны руководствоваться не улож. о нак., а правилами уст. о нак. ¹⁾.

¹⁾ Тотъ же взглядъ принятъ первымъ отдѣленіемъ угол. касс. департ., въ которомъ сосредоточены всѣ дѣла о нарушеніяхъ уст. каз. упр.; оно примѣняетъ къ нимъ дѣла и 11 ст. уст. о нак. о наказаніи несовершеннолѣтнихъ (напр. рѣш. по дѣлу Чернова отъ 10 дек. 1898 г. д. № 4887).

Но это мнѣніе основано исключительно на невѣрномъ, какъ мы уже видѣли, толкованіи прим. къ 1 ст. уст. о нак. и 33 ст. уст. угол. суд. Но кромѣ того, Правительствующій Сенатъ упустилъ изъ виду, что въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда въ постановленіяхъ уст. каз. упр., изданныхъ послѣ уст. о нак., упоминается о примѣненіи общихъ положеній уголовного закона, въ означенныхъ постановленіяхъ имѣются *осида* ссылки на статьи улож. о нак. (ст. 84 и 85) и никогда не приводятся соотвѣтствующія статьи уст. о нак.¹⁾. Очевидно, что это обстоятельство не можетъ быть объяснено однимъ редакціоннымъ недосмотромъ. Если министерство финансовъ могло допустить ошибку при начертаніи законопроектовъ, то несомнѣнно, что на подобную ошибку—если только указаніе статей улож. о нак. въ данномъ случаѣ было бы ошибкой—указало бы министерство юстиціи, и что это разногласіе обсуждалось бы Государственнымъ Совѣтомъ. Но въ журналахъ его отъ 19 и 23 февр. 1883 г. № 41 и 42, въ которыхъ изложены соображенія, служившія основаніемъ указанныхъ статей уст. объ акц. сб., нѣтъ никакого указанія на подобное разногласіе²⁾. Слѣдовательно, ссылка на статьи уложенія сдѣлана сознательно, съ намѣреніемъ, а потому законъ, предписывая примѣненіе къ нарушеніямъ уст. каз. упр. извѣстнаго постановленія улож. о нак., тѣмъ самымъ указавъ, какъ общее, руководящее правило, что къ симъ нарушеніямъ примѣняются правила улож., а не устава о нак.

Это мнѣніе вполне подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что наказанія по нарушеніямъ уст. каз. упр. лишеніемъ свободы до послѣдняго времени назначаются новыми узаконеніями преимущественно согласно степенямъ 38 и 39 ст. улож. о нак.³⁾ При составленіи проекта правилъ о взысканіяхъ за нарушенія положенія о каз. прод. питей министерство финансовъ предполагало увеличить наказаніе, назна-

¹⁾ 1004, 1005, 1078, 1079 и 1103 ст. уст. объ акц. сб.; см. еще 1549 ст. уст. там., 1281 ст. уст. горн.

²⁾ Отчетъ по Госуд. Сов. 1883 г. стр. 70 и сл.

³⁾ Напр. 2, 3, 4 и 7 ст. прим. къ 937 ст. (прим.) уст. объ акц. сб. по прод. 1895 г.

ченное 981 ст. уст. объ акц. сб., а именно, назначить во 2 п. 3 ст. означенныхъ правилъ вмѣсто тюремнаго заключенія отъ 2 до 4 мѣсяцевъ таковое же заключеніе отъ 3 до 6 мѣсяцевъ¹⁾; но при окончательномъ обсужденіи проекта было признано невозможнымъ отступить при градаціи взысканій отъ установленной уложеніемъ о нак. лѣстницы наказаній, вслѣдствіе чего усиленное тюремное заключеніе было назначено въ размѣрѣ, опредѣленномъ 2 ст. 38 ст., т. е. отъ 4 до 8 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли назначить наказаніе, соответствующее по своимъ размѣрамъ уставу о нак. (напр. 169 ст.) или уложенію о нак. былъ разрѣшенъ послѣ тщательнаго обсужденія. Если предпочтеніе было отдано системѣ наказаній улож. о нак., то это можетъ быть объяснено только тѣмъ, что по общему правилу постановленія уложенія, а не устава о нак., должны быть примѣняемы къ нарушеніямъ уст. объ акц. сб., и что поэтому нельзя было нарушить ее установленіемъ наказанія, несогласнаго съ общей ихъ лѣстницей, которое могло бы вызвать затрудненія при примѣненіи извѣстныхъ общихъ положеній, напр. объ уменьшеніи наказаній.

Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе еще на то, что многія нарушенія уст. каз. упр. были прежде предусмотрѣны улож. о нак., такъ что къ нимъ несомнѣнно примѣнялись всѣ его постановленія и только впослѣдствіи перенесены въ подлежащіе уставы. Но это перенесеніе означенныхъ проступковъ изъ одного тома св. зак. въ другой имѣло только редакціонное значеніе и ни въ чемъ не измѣнило ихъ юридическую природу и условія наказуемости.

Поэтому несомнѣнно, что и къ нарушеніямъ уст. каз. упр., подсуднымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, примѣняются общія положенія улож. о нак. Изъ этого общаго правила можно допустить лишь одно исключеніе, а именно, для тѣхъ нарушеній, которыя никогда не входили въ составъ улож. о нак., и по которымъ наказанія лишеніемъ свободы,

¹⁾ Представленіе министерства финансовъ въ Государственный Совѣтъ отъ 3 окт. 1894 № 1816.

назначены не въ размѣрѣ степеней по 38 и 39 ст. улож. о нак., а въ одномъ высшемъ размѣрѣ по примѣру 1 ст. уст. о нак.

Правда, что и это исключеніе не можетъ быть подтверждено ссылкой на извѣстную, опредѣленную статью, но оно вытекаетъ изъ общаго смысла нашихъ уголовныхъ законовъ, требующихъ, чтобы мировыя судебныя установленія руководствовались при назначеніи наказанія всегда общими положеніями уст. о нак., кромѣ тѣхъ исключительныхъ случаевъ, когда закономъ предписано противоположное. Въ настоящемъ же случаѣ таковаго предписанія не имѣется и оно не можетъ быть выведено изъ намѣренія законодателя.

Само собою разумѣется, что правило о примѣненіи общихъ положеній уст. о нак., какъ правило исключительное, не можетъ быть толкуемо распространительно, и что въ каждомъ данномъ случаѣ необходимо предварительное установленіе тѣхъ вышеуказанныхъ условий, которыми оно обусловливается; какъ примѣръ противозаконнаго дѣянія, къ которому примѣняются общія положенія уст., а не уложенія о нак., можно указать на часто встрѣчающееся въ практикѣ нарушеніе 1061 ст. уст. объ акц. сб.

Къ нарушеніямъ, не значившимся въ улож. о нак., но облагаемымъ денежными взысканіями, общія положенія уст. о нак. никогда не могутъ быть примѣняемы, такъ какъ предписаніемъ закона о замѣнѣ означенныхъ взысканій по 84 и 85 ст. улож. о нак. рѣшается и вопросъ о безусловномъ примѣненіи общихъ положеній этого кодекса.

Переходя затѣмъ ко второму вопросу объ обязательности общихъ положеній уголовныхъ законовъ для казенныхъ управленій, необходимо прежде всего припомнить то, что было сказано выше о неразрывной связи нарушеній уст. каз. упр. съ другими предусмотрѣнными уголовнымъ закономъ дѣяніями. Эта несомнѣнная связь, при полномъ отсутствіи какихъ либо спеціальныхъ постановленій по данному вопросу, даетъ полное основаніе предполагать, что общія правила уголовныхъ законовъ обязательны и для казенныхъ управленій ¹⁾.

¹⁾ Не слѣдуетъ забывать, что казеннымъ управленіямъ подсудны только нару-

Предположеніе это подтверждается прежде всего въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудность нарушеній казенному управленію основана на 1125² ст. уст. угол. суд. ¹⁾, содержаніемъ 999, 1073, 1113 и 1128 ст. уст. объ акц. сб., согласно которымъ, назначается наказаніе по совокупности за нарушенія сего устава, „которые не покрыты давностью“. А такъ какъ въ числѣ сихъ нарушеній многія обложены одними денежными взысканіями и согласно 1125² ст. у. с. подсудны казенному управленію, то очевидно, что и послѣднія могутъ налагать наказанія только при условіи истеченія давности, т. е. должны примѣнять общія положенія уголовного закона. Это правило вытекаетъ кромѣ того и изъ самой цѣли установленія административнаго разбирательства. А именно, съ точки зрѣнія казеннаго управленія, очевидно, желательно кончить дѣло какъ возможно скорѣе, безъ всякой судебной процедуры однимъ административнымъ распоряженіемъ. Но для того, чтобы обвиняемый согласился на это распоряженіе, необходима увѣренность его въ томъ, что приговоръ суда не можетъ быть болѣе льготнымъ для него ²⁾, чѣмъ это распо-

шенія, наказуемыя денежными взысканіями (съ конфискаціею или безъ оной), такъ что фактически здѣсь идетъ рѣчь только о тѣхъ началахъ, которыя примѣнимы къ означеннымъ взысканіямъ.

¹⁾ Т. е. когда дѣло можетъ быть перенесено въ судебныя установленія въ случаѣ нежеланія обвиняемаго подчиниться постановленію казен. упр. Объ установленномъ этою статьею порядкѣ говорится у Bonnenberg, *Strafverfahren in Zoll und Steuersachen* стр. 1, что правило, по которому административное мѣсто управомочено по дѣламъ, затрагивающимъ его собственныя интересы, назначать наказаніе, основывается на особой природѣ этихъ проступковъ и оказалось во всѣхъ отношеніяхъ цѣлесообразнымъ за продолжительное время своего существованія (въ Германіи); прежде всего административное мѣсто можетъ скорѣе всѣхъ установить составъ проступка; затѣмъ самое административное производство не утруждаетъ обвиняемаго, такъ какъ отъ него зависитъ въ случаѣ неудовольствія противъ административнаго постановленія, обратиться въ судъ, а если онъ подчинится этому постановленію, то освобождается отъ всѣхъ непріятностей судебной процедуры и отъ платежа судебныхъ издержекъ. Эта форма подсудности дѣлъ казенному управленію допускается у насъ только по нарушеніямъ уст. объ акц. сб. и пол. гос. кварт. нал.

²⁾ Поэтому существуетъ напр. въ Пруссіи весьма разумное правило, что казенное управленіе при наложеніи денежнаго взысканія въ административномъ порядкѣ, можетъ назначить это взысканіе въ размѣрѣ ниже опредѣленнаго въ законѣ. Bonnenberg стр. 155.

раженіе другими словами, что въ послѣднемъ приняты въ соображеніе не только карательныя постановленія уст. объ акц. сб., но и всѣ законныя правила о смягченіи или устраненіи наказанія. Слѣдовательно, отрицаніе обязательности въ сихъ случаяхъ общихъ правилъ уголовныхъ законовъ невозможно безъ отрицанія самыхъ основаній, вызвавшихъ установленіе порядка, опредѣленнаго 1125² ст. Но если означенныя положенія обязательны для казенныхъ управленій безъ всякаго спеціальнаго предписанія закона, то изъ этого слѣдуетъ, что эта обязательность вообще предполагается и распространяется и на тѣ нарушенія, которыя исключительно подсудны казеннымъ управленіямъ согласно 1124 ст. уст. угол. суд. Это вытекаетъ и изъ соображеній, на которыхъ основана означенная статья: „Когда фактъ нарушенія виновности обвиняемаго и слѣдующее съ него взысканіе не могутъ подлежать оспариванію и, слѣдовательно, правильное *разрѣшеніе* дѣла не требуетъ строгаго соблюденія неотъемлемыхъ принадлежностей суда, а именно обвиненія, защиты, оцѣнки доказательствъ и толкованія закона, то предоставленіе сихъ дѣлъ разсмотрѣнію власти административной не можетъ имѣть послѣдствіемъ возложенія на администрацію обязанностей, ей несвойственныхъ; съ другой стороны, самый интересъ обвиняемыхъ, едва ли, во всякомъ случаѣ, требуетъ разсмотрѣнія сихъ дѣлъ судебнымъ порядкомъ“ ¹⁾. Слѣдовательно, по смыслу этихъ соображеній и административныя мѣста при разборѣ подсудныхъ имъ дѣлъ являются судебными мѣстами *in specie*, при чемъ нигдѣ не говорится о томъ, чтобы они были освобождены отъ обязанности примѣнять законы, обязательныя для общихъ судовъ. Кромѣ того, если самый интересъ обвиняемаго требуетъ передачи дѣлъ вѣдѣнію административной власти, то очевидно, что послѣдняя при разсмотрѣніи сихъ дѣлъ обязана примѣнять всѣ тѣ постановленія, т. е. общія положенія уголовныхъ законовъ, которыя могутъ служить въ пользу обвиняемыхъ, хотя бы эти постановленія не были включены въ данный уставъ.

¹⁾ Суд. уст. изд. гос. канц. II стр. 439.

И такъ, общія положенія уголовныхъ законовъ примѣняются къ нарушеніямъ уставовъ казеннаго управленія, подсуднымъ симъ управленіямъ. При томъ въ виду вышеизложенныхъ соображеній не можетъ быть сомнѣнія, что къ нарушеніямъ, предусмотрѣннымъ 1125² ст. уст. угол. суд., относятся всѣ тѣ правила о примѣненіи уложенія или устава о нак., которыя были указаны выше для нарушеній уставовъ казенныхъ управленій, подсудныхъ судебнымъ установленіямъ, т. е., что къ этимъ нарушеніямъ примѣняется всегда уложеніе о нак.

Относительно же дѣлъ, перечисленныхъ въ прим. къ ст. 1124 уст. угол. суд. (т. е. подсудныхъ исключительно казеннымъ управленіямъ), слѣдуетъ различать двѣ группы: дѣла, существовавшія еще до изданія уст. о нак., и нарушенія, установленныя лишь впоследствии. Къ первой примѣняется улож. о нак., такъ какъ къ ней оно несомнѣнно примѣнялось прежде и этотъ порядокъ закономъ не отмѣненъ. Относительно второй группы, въ виду полного молчанія закона, нельзя найти какого либо руководящаго указанія, но уже изъ чисто практическихъ соображеній слѣдуетъ придти къ убѣжденію, что и къ ней должно быть примѣняемо уложеніе о нак.

Впрочемъ, вопросъ о примѣненіи къ подсуднымъ казеннымъ управленіямъ нарушеніямъ положеній уложенія или устава о нак. не имѣетъ особенно серьезнаго значенія въ практическомъ отношеніи, такъ какъ общія положенія этихъ двухъ законовъ въ примѣненіи къ денежнымъ взысканіямъ, (которыя только могутъ быть налагаемы казенными управленіями), расходятся лишь относительно немногихъ вопросовъ (напр. о наказаніи несовершеннолѣтнихъ, о случаѣ и т. д.). Существенно то, что примѣненіе общихъ положеній уголовныхъ законовъ (напр. о давности), какъ примѣненіе всякаго вообще закона, зависитъ не отъ усмотрѣнія даннаго управленія, а обязательно для него ¹⁾, ибо не можетъ под-

¹⁾ То же мнѣніе относительно Германскаго права высказано у Loebe, I. с. стр. 38.

лежать сомнѣнію, что дѣятельность казенныхъ управленій при разрѣшеніи подсудныхъ ей дѣлъ должна быть столько же правомѣрная, какъ и дѣятельность судебныхъ установленій.

А. Фонъ-Резонъ.

II.

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСА О ПРЕОБРАЗОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ ВЪ КОМИТЕТЪ 6 ДЕКАБРЯ 1826 г. И ВЪ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХЪ СОБРАНИЯХЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВѢТА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА ¹⁾.

Комитетъ 6 декабря 1826 года былъ образованъ для обозрѣнія разныхъ предположеній, найденныхъ въ бумагахъ Императора Александра I, а также для обозрѣнія тогдашняго положенія всѣхъ частей управленія, дабы изъ сихъ соображеній вывести правила къ лучшему ихъ устройству и исправленію. Предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ тайный совѣтникъ, графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, а членами генералъ отъ инфантеріи графъ П. А. Толстой; генералъ-адъютантъ И. В. Васильчиковъ; дѣйствительный тайный совѣтникъ князь А. Н. Голицынъ; генералъ-адъютантъ баронъ И. И. Дибичъ; тайный совѣтникъ М. М. Сперанскій. Дѣлопроизводителями назначены были: статсъ-секретари Д. Н. Блудовъ и Д. В. Дашковъ, а съ 1831 года баронъ М. А. Корфъ.

Въ числѣ проектовъ, выработанныхъ былъ комитетомъ между прочимъ и проектъ дополнительнаго закона о состояніяхъ; въ

¹⁾ Вопросъ объ уничтоженіи чиновъ отъ времени до времени ставится на очередь въ печати; вообще порядокъ опредѣленія на службу и прохожденія ея ждетъ капитальной реформа; поэтому помѣщаемая справка имѣетъ несомнѣнный интересъ для настоящаго времени. *Ред.*

составъ его входилъ, между прочимъ, и вопросъ о преобразованіи нашей гражданской службы. Весь этотъ проектъ былъ внесенъ изъ комитета въ Государственный Совѣтъ, помимо его департаментовъ, прямо въ чрезвычайныя засѣданія общаго его собранія.

Сначала въ комитетѣ обсуждались вопросы о высшихъ государственныхъ установленіяхъ Государственного Совѣта, комисіи прошеній, Сената, министерствъ, и обсужденіе вопроса о преобразованіи нашей гражданской службы началось только въ засѣданіи комитета 31 августа 1827 года ¹⁾ когда комитету былъ сообщенъ, писанный собственной Его Императорскаго Величества рукою проектъ указа о введеніи новаго порядка для производства нижнихъ канцелярскихъ служителей въ классныя чины. Комитетъ призналъ какъ важность причинъ этого новаго порядка, такъ и мудрость начертанныхъ въ проектѣ указа правилъ. Несомнѣнно нужно, какъ можно скорѣе, положить конецъ все усиливающемуся, непомѣрному и отъ того вредному стремленію нижняго состоянія выходить изъ него посредствомъ службы, почти всегда неознаменованной истинно полезнымъ трудомъ. Но имѣя для сего въ виду другое предположеніе, слѣдствіемъ коего должно получиться совершенное измѣненіе степеней гражданской службы и уничтоженіе всѣхъ титулярныхъ, не соединенныхъ съ соотвѣтственными мѣстами, чиновъ, комитетъ осмѣливался предполагать, что если этотъ планъ удостоится Высочайшаго утвержденія, то нѣкоторыя постановленія проекта указа, не будутъ уже нужны. Вслѣдствіе этого составленъ тайнымъ совѣтникомъ Сперанскимъ проектъ новаго порядка гражданской службы въ губерніяхъ. Комитетъ положилъ препроводить этотъ проектъ къ членамъ комитета для предварительнаго разсмотрѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ нужнымъ Всеподданнѣйше представить на Высочайшее усмотрѣніе слѣдующія главныя въ отношеніи къ этому заключенія:

- 1) что производство въ чины и самыя названія чиновъ

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества, томъ 74, 1891 г. стр. 153, 154.

по гражданской службѣ должны быть совершенно отмѣнены и, вмѣсто нихъ, установлена приличная каждой части, сообразная съ общимъ въ Европѣ порядкомъ, іерархія или постепенность въ опредѣленіи къ мѣстамъ;

2) что ни мѣста въ гражданской службѣ, ни чины въ военной, не должны давать правъ на дворянство, и что, слѣдственно, хотя всѣ пріобрѣтенныя доселѣ по существующимъ законамъ права остаются неприкосновенными, но впредь уже дворянское достоинство, какъ одна изъ высшихъ въ государствѣ наградъ, можетъ быть даруемо только особеннымъ дѣйствіемъ монаршей милости и по собственному усмотрѣнію Его Императорскаго Величества.

Въ слѣдующемъ засѣданіи 7 сентября предсѣдатель комитета объявилъ, что онъ подносилъ журналъ прошлаго засѣданія на Высочайшее усмотрѣніе, и Государь соизволилъ удостоить благосклоннаго вниманія означенные въ томъ журналѣ виды Комитета. Что же касается до установленія лучшаго порядка при опредѣленіи и производствѣ канцелярскихъ служителей, Государь находитъ эту мѣру необходимой и потому соизволяетъ, чтобы комитетъ, разсмотрѣвъ вновь проектъ указа, а равно и составленное министромъ финансовъ положеніе о канцелярскихъ служителяхъ, составилъ проекты указа и постановленія. Исполняя Высочайшую волю, комитетъ, сообразуясь съ изъявленной ему Высочайшею волею и съ предначертанными имъ общими правилами касательно чиновъ гражданскихъ, опредѣлилъ §§ 1 и 2 этого проекта передѣлать слѣдующимъ образомъ: „Всѣ канцелярскіе служители гражданского вѣдомства, не достигнувшіе классныхъ чиновъ (или мѣстъ), раздѣляются на четыре разряда: 1) дворянъ потомственныхъ; 2) дѣтей дворянъ личныхъ; 3) дѣтей привязанныхъ служителей, священниковъ и діаконъ, евангелическихъ и реформатскихъ пасторовъ, ученыхъ и художниковъ, не имѣющихъ чиновъ; 4) принятыхъ до обнародованія сего положенія иностранцевъ, нижнихъ воинскихъ чиновъ и дѣтей ихъ, вольноотпущенныхъ и дѣтей ихъ и вообще людей, вышедшихъ изъ податнаго состоянія“. Въ § 3, о порядкѣ производства, положено для достиженія перваго класснаго чина или мѣста на-

значить въ I разрядѣ два года службы; въ II—четыре; въ III—шесть; въ IV—доколѣ онъ существовать будетъ—двѣнадцать лѣтъ, сообразно съ принятыми въ военной службѣ правилами. Положено присоединить къ этому, что производство есть награда, а не обязанность правительства и что на оное не дають правъ одни лѣта службы безъ дѣйствительныхъ, одобряемыхъ начальствомъ трудовъ. За особенныя же заслуги, когда притомъ канцелярскій служитель отличается способностью, свѣдѣніями и безпорочною нравственностью, начальство можетъ представить къ производству и прежде установленныхъ сроковъ, но означая съ точностью, какая заслуга даетъ право на такое исключеніе; §§ 4 и 5 оставлены безъ перемѣны, за исключеніемъ находящагося въ послѣднемъ выраженія: *въ высшіе чины*; §§ 6, 7 и 8 опредѣлено соединить и сказать просто, что канцелярскимъ служителямъ всѣхъ четырехъ нижнихъ разрядовъ безъ различія, будутъ даны сюртуки отъ казны по приложенному въ рисунокѣ образцу, но что каждому предоставляется право имѣть также сходный съ приложеннымъ рисункомъ вицъ-мундиръ. (Противъ этого мѣста Государь написалъ карандашемъ: „Сюртуки я имѣлъ въ виду для однихъ не сущихъ дворянами. Дворянамъ же носить тѣ фраки, кои нынѣ заведены въ министерствахъ.“) § 9 комитетъ положилъ перемѣнить, сообразно съ Высочайшей резолюціей, означенной на запискѣ министра финансовъ и постановить, что форменные сюртуки и прочее принадлежащее къ онымъ платьѣ будутъ выдаваемы канцелярскимъ ежегодно изъ казны безъ всякаго вычета изъ жалованья.

Разсматривая § 10, комитетъ нашелъ, что предполагаемое въ немъ общежитіе канцелярскихъ служителей для холостыхъ и неживущихъ съ родителями или родственниками представляетъ важныя неудобства, что для помѣщенія ихъ, особливо въ столицахъ, нужны будутъ обширныя зданія, коихъ постройка и содержаніе вовлекутъ правительство въ новыя значительныя расходы; что надзоръ эзекутора или даже особаго чиновника, не будетъ достаточенъ; что въ семъ общежитіи будутъ постоянныя перемѣны отъ нововступающихъ

и выходящихъ по поводу женитьбы, житья съ родственниками, полученія класнаго чина. По всѣмъ симъ причинамъ опредѣлено отмѣнить §§ 10—14 ¹⁾).

Въ засѣданіи 4 октября предсѣдатель объявилъ комитету слѣдующія Высочайшія повелѣнія: положеніе о нижнихъ канцелярскихъ служителяхъ внести въ Государственный Совѣтъ въ томъ самомъ видѣ, какъ оно комитетомъ представлено, для разсмотрѣнія и дополненія, еслибы сіе было нужно ²⁾).

Засимъ, по статьѣ III журнала 31 августа комитетъ обратился въ общему разсужденію о представленномъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Сперанскимъ проектѣ новаго порядка гражданской службы въ губерніяхъ. Признавая утвержденіе рѣшительныхъ мѣръ по этой части возможнымъ только послѣ трудовъ по устройству всѣхъ отраслей губернскаго управленія, комитетъ рѣшился, однако же, тотчасъ заняться разсмотрѣніемъ этого проекта, дабы положить основаніе желаемой *ієрархіи* или постепеннаго распредѣленія мѣстъ и званій гражданскихъ ³⁾).

Раздѣленіе мѣстъ служебныхъ въ губерніяхъ на четыре рода одобрено. Равнымъ образомъ и статья I проекта, *объ означеніи по разнымъ управленіямъ*, утверждена комитетомъ съ слѣдующими перемѣнами и дополненіями:

1) Званія уѣзднаго судьи и земскаго исправника весьма важны въ общемъ составѣ управленія. Честность и дѣятельность ихъ обусловливаютъ благочиніе и тишину въ селеніяхъ, безопасность дорогъ, успѣшный сборъ податей, точное исполненіе повелѣній правительства, правильное производство слѣдствій и первоначальнаго суда въ тяжбахъ; эти званія надо возвысить, перемѣстивъ ихъ изъ предполагаемаго 5 въ 4, т. е. сравнить съ засѣдателями палатъ.

2) Званіе уѣзднаго стряпчаго по важности также должно быть возвышено.

¹⁾ Тамъ же стр. 154—157.

²⁾ Тамъ же стр. 175.

³⁾ Тамъ же стр. 176.

3) Къ секретарямъ, полагаемымъ въ 7 разрядъ слѣдуетъ прибавить и консистерскихъ секретарей.

Сверхъ того, комитетъ находилъ званія начальниковъ стола, регистратуры, архива, надсмотрщиковъ у ерѣпостныхъ дѣлъ, расходчиковъ (казначеевъ), эзекуторовъ въ мѣстахъ губернскихъ настолько значительными, что ихъ слѣдовало бы причислить въ девятый разрядъ, сравнивъ оный въ слѣдующей статьѣ съ военнымъ чиномъ прапорщика. Что же касается до двухъ низшихъ разрядовъ канцелярскихъ служителей, то надлежитъ положеніе ихъ сообразить съ положеніемъ комитета о канцелярскихъ служителяхъ, внесеннымъ нынѣ въ Государственный Совѣтъ.

Въ статьѣ II проекта, о *сравненіи мѣстъ*, сверхъ означеннаго выше сравненія 9 разряда губернскихъ чиновниковъ съ прапорщиками, принято еще за правило, чтобы одинъ только гражданскій губернаторъ, по важности своего званія, бралъ шагъ у генералъ-маіора, губернский же предводитель уступалъ бы ему оный, если онъ самъ не имѣлъ чина высшаго ¹⁾).

Въ томъ же засѣданіи комитетъ разсматривалъ и правила о порядкѣ опредѣленія къ мѣстамъ, изложенныя въ ст. III проекта, и одобрилъ предложенное въ ней двоякое опредѣленіе: по губерніи и по округу.

Статья эта дѣлится на четыре отдѣленія. Въ первомъ ея отдѣленіи изложенъ порядокъ опредѣленія на мѣста канцелярскія, начиная съ низшихъ. Эти правила, вообще одобренныя комитетомъ, должны быть соображены однако при окончательной редакціи съ утвержденнымъ причисленіемъ канцелярскихъ служителей перваго разряда къ классу губернскихъ чиновниковъ.

Для справедливѣйшаго опредѣленія кандидатовъ на открывающіяся канцелярскія вакансіи предполагалось по проекту содержать въ каждомъ губернскомъ правленіи списки кандидатовъ, составляемые такъ, чтобы первое мѣсто въ спискѣ

¹⁾ Тамъ же стр. 177.

предоставлялось кончившимъ курсъ ученія въ гимназіяхъ; комитетъ нашелъ справедливымъ поставить съ ними наравнѣ и тѣхъ, кто, не учившись въ гимназіи, выдержалъ гимназическій экзаменъ и получилъ аттестатъ зрѣлости; на второе мѣсто ставятся неполучившіе аттестата зрѣлости. Въ каждомъ изъ этихъ двухъ отдѣловъ списка предполагалось размѣщать кандидатовъ по времени подачи ими прошеній.

Дополняя отдѣленіе второе статьи III правиломъ объ опредѣленіи на мѣста штатныя установленнаго вновь 9 разряда губернскихъ чиновниковъ, и притомъ имѣя въ виду уравнивать, сколько можно, службу по уѣздамъ и въ городахъ губернскихъ, комитетъ постановилъ: 1) чтобы на вакансіи 9 разряда помѣщаемы были губернскимъ правленіемъ лучшіе изъ канцелярскихъ служителей высшаго разряда, установленнымъ порядкомъ; 2) чтобы на вакансіи секретарей въ уѣздныхъ мѣстахъ губернское правленіе опредѣляло лучшихъ чиновниковъ 9 разряда, не разбирая, въ губернскихъ или уѣздныхъ мѣстахъ они до того служили; 3) чтобы въ секретари губернское правленіе опредѣляло лучшаго изъ секретарей уѣздныхъ или изъ чиновниковъ 9 разряда, служащихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ вакансія открылась. Но дабы и въ семъ отношеніи сохранить въ точности принятое вообще главное правило объ отдѣленіи части судебной отъ правительственной, комитетъ полагалъ, что всѣ чиновники, начиная съ 9 разряда, служащіе по судебной части, какъ въ губернскихъ, такъ и въ уѣздныхъ мѣстахъ, не могутъ быть переводимы на вакансіи, зависящія отъ мѣстъ правительственныхъ и обратно. Такимъ образомъ, долженъ быть допускаемъ переходъ чиновниковъ изъ уѣздныхъ судовъ въ палаты гражданскую и уголовную, или въ совѣстный судъ, а изъ земскихъ судовъ, полицій или казначействъ—въ губернское правленіе или казенную палату; но изъ уѣзднаго суда или какой либо судебной палаты переходъ въ казначейство или губернское правленіе предполагалось воспретить.

Устанавливая эти два рода службы по губерніямъ (кромѣ выборовъ), предполагали установить порядокъ *іерархіи*, необходимой для общественной пользы и каждой должности

обеспечить опытныхъ, привыкшихъ къ подвѣдомымъ ей дѣламъ чиновниковъ.

Впрочемъ, постановляя всѣ эти правила, комитетъ предполагалъ въ послѣдствіи, когда весь проектъ дополнительнаго закона будетъ готовъ, пересмотрѣть эти предположенія ¹⁾.

Въ засѣданіи 9 октября ²⁾, выслушавъ Высочайше утвержденный журналъ 4 октября, комитетъ снова вернулся къ разсужденію о необходимости совершенно уничтожить самыя чины и раздѣлять всѣ по разнымъ частямъ суда и правленія установленія на двѣнадцать степеней, сообразно на дѣлѣ существующему числу военныхъ чиновъ, съ тѣмъ однако, чтобы правами, соединенными съ этими степенями, никто не пользовался иначе, какъ подъ условіемъ дѣйствительнаго занятія соотвѣтственной должности, одинаково и служащіе, и отставные; первые—по занимаемой ими въ данное время должности, вторые—по той должности, какую они занимали во время отставки. Степени должностей устанавливаются для того, чтобы въ торжественныхъ собраніяхъ, въ составныхъ коммисіяхъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ можно было опредѣлить, въ какомъ порядкѣ чины гражданскіе должны засѣдать, подавать голоса, подписывать бумаги. Вмѣстѣ съ тѣмъ было опредѣлено въ непродолжительномъ времени составить проектъ сравнительной таблицы должностей по степенямъ, стараясь существовавшія тогда, какъ и теперь, различныя названія однѣхъ и тѣхъ же должностей по разнымъ вѣдомствамъ—замѣнить общими всѣмъ вѣдомствамъ названіями.

Затѣмъ продолжали обсуждать проектъ Сперанскаго, а именно, пункты объ опредѣленіи на должности первыхъ трехъ разрядовъ. Комитетъ единогласно одобрилъ: 1) постановленія проекта о назначеніи губернскихъ прокуроровъ изъ губернскихъ стряпчихъ по представленію Министра Юстиціи Сенатомъ, признавъ при этомъ, что, охраняя до этой степени различіе судебныхъ и, правительственныхъ должностей, губернскихъ прокуроровъ слѣдуетъ все-

¹⁾ Тамъ же, стр. 178, 179.

²⁾ Тамъ же, стр. 180—182.

такъ причислить къ судебнымъ должностямъ, и 2) назначеніе Высочайшей властью предсѣдателей казенныхъ палатъ по соединенному представленію Министровъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ, и предсѣдателей палатъ уголовного и гражданскаго суда—по докладу Сената изъ старшихъ совѣтниковъ судебныхъ палатъ. Но относительно порядка представленія на должности гражданскаго губернатора произошло разногласіе. Въ проектѣ Сперанскаго предполагалось назначеніе губернаторовъ посредствомъ представленія на Высочайшее утвержденіе всѣхъ предсѣдателей казенныхъ палатъ того округа, гдѣ требуется назначеніе губернатора. Предсѣдатель комитета, графъ Кочубей и четыре члена графы Толстой и Дибичъ, князь Голицынъ и Васильчиковъ, напротивъ, находили болѣе сообразнымъ съ пользою службы и съ истиннымъ понятіемъ отвѣтственности министровъ предъ Государемъ предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ не всѣхъ предсѣдателей, а только трехъ лучшихъ по его выбору и притомъ предсѣдателей не только казенныхъ палатъ, но также и палатъ судебныхъ, а кромѣ того еще и четвертаго кандидата не изъ предсѣдателей, а изъ чиновниковъ другихъ вѣдомствъ, хотя бы и отставныхъ, достойныхъ занять мѣсто начальника губерніи. Сперанскій остался одинъ (такъ какъ въ этомъ засѣданіи было только 5 членовъ) при своемъ мнѣніи, замѣтивъ, однако, что отъ воли Государя Императора всегда должно зависѣть назначить губернатора по своему непосредственному усмотрѣнію, хотя бы и не изъ числа представленныхъ ему Министромъ.

Кромѣ того комитетомъ опредѣлено къ постановленію о губернскихъ землемѣрахъ присоединить о назначеніи ихъ межевымъ Сенатомъ.

Въ засѣданіи 19 октября было объявлено комитету его предсѣдателемъ, что Государь изволилъ утвердить мнѣніе предсѣдателя и четырехъ членовъ.

Въ засѣданіи 12 октября ¹⁾ продолжалось разсмотрѣніе проекта Сперанскаго объ опредѣленіи на мѣста сверхштатныя и его рѣшено передѣлать слѣдующимъ образомъ: „Въ губер-

¹⁾ Тамъ же, стр. 183—185.

скихъ правленійхъ и палатахъ казенныхъ, уголовныхъ и гражданскихъ назначаются сверхштатныя должности, по одной въ каждомъ изъ оныхъ мѣстъ. Къ симъ должностямъ опредѣляются съ жалованьемъ половиннымъ противъ штатныхъ ассесоровъ получившіе въ русскихъ университетахъ ученныя степени кандидатовъ, магистровъ или докторовъ, какъ для испытанія ихъ способностей, такъ и для пріобрѣтенія практическихъ по службѣ свѣдѣній. Они могутъ быть представляемы на открывающіяся ассесорскія мѣста: имѣющіе степень доктора черезъ два года, магистра—черезъ три, а кандидата—черезъ четыре. На такихъ же правилахъ, но лишь для магистровъ и кандидатовъ, учреждаются мѣста помощниковъ губернскихъ стряпчихъ по два при каждомъ; изъ сихъ, по усмотрѣнію, поступаютъ на мѣста губернскихъ стряпчихъ, магистры черезъ два, кандидаты черезъ четыре года. Сверхъ того, всякій магистръ и кандидатъ, по истеченіи перваго года испытанія имѣетъ право перейти на дѣйствительную службу въ уѣзды той или иной губерніи къ какому либо соотвѣтственному ученой степени мѣсту, то есть 5 или 6 разряда, даже и по выборамъ дворянства. Студенты, окончившіе съ успѣхомъ курсъ ученія въ университетѣ, опредѣляются также сверхъ штата и съ половиннымъ противъ секретарей жалованьемъ, за секретарскіе столы въ высшихъ губернскихъ мѣстахъ и черезъ годъ, если окажутся достойными, могутъ поступать въ секретари губернскихъ правленій и палатъ. При опредѣленіи на мѣста въ министерскихъ канцеляріяхъ и департаментахъ, они, испытанные на службѣ, должны предпочитаться другимъ, не служившимъ въ губернскихъ учрежденіяхъ; они получаютъ мѣста, соотвѣтственныя тѣмъ, на которыя имѣли право, оставаясь въ прежнемъ вѣдомствѣ.

Комитетъ полагалъ распространить эти преимущества и на обучавшихся не въ университетѣ, но выдержавшихъ экзаменъ въ немъ и получившихъ аттестатъ, исключая студентовъ иностранныхъ университетовъ, гдѣ русскимъ тогда было запрещено учиться.

Въ послѣднихъ двухъ отдѣленіяхъ проекта Сперанскаго опредѣляются правила объ *увольненіи* и о *наградахъ*.

Объ увольненіи предполагалось установить: 1) члены присутственных мѣстъ по части судебной, не исключая служащихъ по выборамъ, могутъ быть отставляемы или по желанію, или по суду, или за противозаконныя дѣйствія, не могущія быть доказанными формальнымъ судебнымъ порядкомъ, но достовѣрно извѣстныя, и не по представленію начальства, но не иначе, какъ Именными Высочайшими повѣленіями и съ правомъ жаловаться за несправедливое удаленіе.

2) Члены присутственныхъ правительственныхъ мѣстъ, кои не Высочайшими указами опредѣлены, могутъ быть отрѣшаемы по представленіямъ министровъ Сенатомъ, но также имѣютъ право приносить на сіе жалобу.

3) Объ удаленіи секретарей губернскихъ правленій и папалъ надлежитъ представлять Сенату, прочихъ же чиновниковъ канцелярій и служителей и даже секретарей въ уѣздахъ губернское правленіе можетъ удалить собственною властью.

4) Всякій секретарь, чиновникъ или канцелярскій служитель, отрѣшаемый отъ службы, имѣетъ право жаловаться начальству и просить взять его снова на службу и черезъ годъ, доказавъ свои способности или же что пересталъ быть нерадивымъ, получить равное съ прежнимъ мѣсто.

Относительно наградъ предполагалось установить:

1) Чиновники, не занимающіе штатныхъ мѣстъ и прослужившіе на этихъ мѣстахъ менѣе 15 лѣтъ, не могутъ быть представляемы къ орденамъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ особенныхъ случаевъ, кои означены именно въ статутѣ ордена св. Владиміра.

2) Никто за какое отличіе не можетъ въ установленномъ для каждой части особенномъ порядкѣ быть переѣщаемъ изъ низшей степени на высшую, минуя среднія.

3) За отлѣнное усердіе штатные чиновники и канцелярскіе служители могутъ, вмѣсто чиновъ и орденовъ, быть представляемы къ единовременнымъ денежнымъ награжденіямъ, соразмѣрнымъ, какъ съ жалованьемъ, ими получаемымъ, такъ и съ заслугами, кои обратили на себя вниманіе начальства.

4) За десять лѣтъ отличной службы въ званіяхъ, принадлежащихъ въ двумъ первымъ губернскимъ разрядамъ, выс-

шее начальство имѣетъ право представлять, между прочими наградами, и къ пожалованію дворянскимъ достоинствомъ.

5) За долговременное и безпорочное служеніе полагаются, на основаніи устанавливаемыхъ для сего особыхъ правилъ, пенсіи не только самимъ служащимъ при отставкѣ, но и вдовамъ и дѣтямъ ихъ.

6) Для поощренія достойныхъ гражданскихъ чиновниковъ къ продолженію службы имъ дается право получить прибавочное жалованье, равное той пенсіи, полной или половинной, которую они получили бы, если бы вышли въ отставку.

Въ проектѣ Сперанскаго предполагалось, что чиновникамъ, коихъ отцы и дѣды служили болѣе 40 лѣтъ или были личными дворянами, можно послѣ трехлѣтняго служенія представить право просить себѣ дворянства потомственного, но комитетъ не утвердилъ сего, хотя и согласнаго съ постановленіями дворянской грамоты, находя оное противнымъ тому основному правилу, въ засѣданіи 31 августа сего года имъ признанному, что дворянское достоинство, какъ одна изъ высшихъ въ государствѣ наградъ, можетъ быть даруемо только особеннымъ дѣйствіемъ Монаршей милости и по собственному усмотрѣнію Его Императорскаго Величества.

Положеніе послѣдней статьи объ оставленіи всѣхъ чиновъ, доселѣ полученныхъ, вполне одобрены.

Въ засѣданіи 27 ноября ¹⁾ комитетъ приступилъ къ разсмотрѣнію составленнаго къ тому времени проекта мѣстъ и должностей въ статской службѣ. Предсѣдатель предупредилъ при этомъ комитетъ, что, обсуждая проектъ табели, необходимо имѣть въ виду и составляемое новое положеніе о пенсіяхъ по гражданской службѣ, гдѣ также принята во вниманіе отмѣна чиновъ въ гражданской службѣ и та самая группировка, какая принята комитетомъ.

Группировка, послѣ долгаго обсужденія комитетомъ вылилась въ такой формѣ. Всѣ гражданскія должности раздѣляются на три главныхъ степени, соотвѣтствующія дѣленію

¹⁾ Тамъ же, стр. 207—210.

военныхъ чиновъ на генеральскія, штабъ-офицерскія и оберъ-офицерскія. Нижнія канцелярскія служители не входятъ въ это дѣленіе и потому не имѣютъ ни классовъ, ни степеней. Каждая изъ степеней состоитъ изъ четырехъ классовъ, такъ что всѣхъ классовъ гражданскихъ должностей двѣнадцать, коихъ именованіе не предполагалось установить на основѣ слѣдованія этихъ чиселъ. Напротивъ, предполагалось именовать относительное положеніе каждой должности и по степени, и по классу. Нѣтъ болѣе четвертаго класса, но будучи четвертаго класса можно быть трехъ различныхъ степеней: можно быть четвертаго класса и первой степени, можно быть втораго класса и третьей степени, третьяго класса и второй степени.

Въ первой степени: въ первомъ классѣ считается одинъ канцлеръ; во второмъ—члены государственнаго совѣта, министры и послы; въ третьемъ—сенаторы, государственный секретарь и проч.; въ четвертомъ—статсъ-секретари, дѣйствительные камергеры, оберъ-прокуроры, члены министерскихъ совѣтовъ, директоры департаментовъ, губернаторы, градоначальники и проч.

Во второй степени: въ первомъ классѣ считаются вице-губернаторы, предсѣдатели палатъ, и равныя имъ должности; во второмъ оберъ-секретари Сената и Синода, совѣтники палатъ и равныя имъ должности; третій классъ соответствуетъ полковничьему чину; четвертый—майорскому.

Въ третьей степени уже прямо говорится только о соответствіи съ военными чинами: третій соответствуетъ капитанамъ; второй—штабъ-капитанамъ; третій—поручикамъ; четвертый—прапорщикамъ.

Всѣ эти классы степеней неразрывно соединены съ дѣйствительно занимаемыми должностями.

Что же касается до предположенія объ установленіи большаго единообразія въ именованіи однородныхъ должностей разныхъ вѣдомствъ, то, не оставляя этого предположенія, комитетъ находилъ всетаки, что для избѣжанія возможныхъ недоразумѣній, слѣдуетъ въ табели называть должности существующими теперъ названіями.

Въ засѣданіи 30 ноября ¹⁾ комитетъ обратилъ вниманіе на чиновниковъ, по новому порядку долженствующихъ оказываться выше своихъ настоящихъ чиновъ, какъ, напримѣръ, члены министерскихъ совѣтовъ. Рѣшено постановить оставлять ихъ въ настоящемъ чинѣ, пока они не будутъ утверждены по новой табели въ высшемъ классѣ степени.

Затѣмъ опять обратились къ чтенію проекта Сперанскаго, статьи о *сравненіи мѣстъ и объ опредѣленіи на оныя*. При семъ были постановлены слѣдующія правила: 1) желающіе поступить на мѣста канцелярскія и неокончившіе полного курса ученія въ гимназіяхъ могутъ вмѣсто того представлять свидѣтельства о выдержаніи ими полного экзамена изъ гимназическаго курса въ университетѣ; 2) въ низшихъ мѣстахъ, до секретарей включительно, переходъ служащихъ по губерніямъ изъ службы правительственной въ судебную и обратно можетъ быть допускаемъ. Но поступившій на мѣсто выше секретарскаго, долженъ уже слѣдовать по избранной ими линіи правительственной или судебной; но переходъ изъ уголовной въ гражданскую палату или изъ губернскаго правленія въ казенную палату и обратно не возбраняется; 3) для воспрепятствованія слишкомъ быстрому переходу изъ низшихъ должностей въ ассесоры и для необходимости постепенности въ достиженіи званія, дающаго потомственное чиновное гражданство, нужно учредить *помощниковъ ассесорскихъ*. Обязанности ихъ будутъ опредѣлены при образованіи губернскаго управленія; положеніе ихъ назначается въ 1 классѣ 3 степени; 4) надлежитъ учредить нѣсколько сверхштатныхъ мѣстъ помощниковъ ассесорскихъ, для магистровъ и кандидатовъ. Магистры будутъ назначаемы ассесорскими помощниками черезъ два года, кандидаты чрезъ четыре; доктора же опредѣляются прямо ассесорами чрезъ два года службы; 5) до ассесорскаго и равныхъ съ нимъ званій порядокъ опредѣленія въ мѣстамъ и старшинство заключаются въ предѣлахъ одной губерніи. Но ассесоры и совѣтники должны уже быть опредѣляемы Сенатомъ по ок-

¹⁾ Тамъ же, стр. 210—212.

ругу, изъ нѣсколькихъ губерній, состоящему. Впрочемъ, каждому ассесору и совѣтнику надлежитъ предоставить право, если бы обстоятельства не позволяли ему принять слѣдующаго мѣста въ иной губерніи, отказаться отъ него, не теряя своей очереди при будущихъ вакансіяхъ.

Сверхъ того, было разсуждаемо о необходимости связать гражданскую службу по губерніямъ со службою по министерствамъ и постановить нѣкоторыя правила для перехода изъ одной въ другую, съ тѣмъ, однако же, чтобы онъ былъ допускаемъ только въ мѣста равныя тому, какое занималъ переходящій. Такимъ образомъ, по мнѣнію комитета, министерства имѣли бы всегда чиновниковъ, знающихъ мѣстныя обстоятельства и нужды разныхъ губерній; а губернскія присутственныя мѣста могли бы имѣть хотя нѣсколько членовъ, пріобрѣвшихъ уже опытность въ дѣлахъ высшаго управленія, и притомъ не было бы повода къ оставленію одной части для другой безъ нужды и съ единою цѣлью скорого повышенія. Для опредѣленія сихъ правилъ положено составить особую краткую таблицу мѣстъ по общей службѣ въ столицахъ и губерніяхъ и уравнивать, сколько будетъ возможно, постепенное повышеніе служащихъ въ разныхъ частяхъ управленія.

Въ засѣданіяхъ 7 и 12 февраля 1830 г. ¹⁾ комитетъ, признавая по прежнему необходимымъ уничтожить существованіе *титულрныхъ* чиновъ, находилъ, однако, что отмѣняя впредь всякое производство въ чины безъ назначенія на соотвѣтственныя должности, самыя названія чиновъ сохранить, какъ слишкомъ привычныя, укоренившіяся, общепринятія. Слова *чинъ* и *чиновникъ* такъ слились со всѣмъ нашимъ законодательствомъ, съ языкомъ нашего служебнаго производства, что обойтись безъ нихъ на дѣлѣ будетъ очень трудно. Другого слова замѣняющаго вполнѣ слово *чиновникъ* не найти.

Въ засѣданіи 19 февраля ²⁾ комитетъ опять обсуждалъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 441—444.

²⁾ Тамъ же, стр. 449—450.

тотъ же вопросъ и постановилъ ст. X проекта положенія о гражданскихъ чинахъ изложить такъ: „Чиновники, имѣющіе чины ниже мѣстъ, нынѣ ими занимаемыхъ, сохраняютъ сіи мѣста и получаютъ право именоваться чинами, симъ мѣстамъ соотвѣтствующими, но сіе право не распространяется ни на тѣхъ, кои состоятъ только въ должности, а не въ настоящемъ по мѣсту своему званіи, ни на занимающихъ мѣста, принадлежащія къ тремъ первымъ степенямъ, на которыя назначаются лишь Именными Высочайшими указами. Оно не распространяется и на служащихъ по выборамъ отъ дворянства и отъ городовъ. Сіи послѣдніе пользуются преимуществами, присвоенными равнымъ съ ихъ должностями мѣстамъ, лишь заурядъ“. Комитетъ, однако, полагалъ возможнымъ прослужившимъ не менѣе двѣнадцати лѣтъ въ званіяхъ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей и депутатовъ дворянства, совѣстныхъ и уѣздныхъ судей, засѣдателей уголовныхъ и гражданскихъ палатъ, совѣстныхъ и уѣздныхъ судовъ и земскихъ исправниковъ, дозволить именоваться чинами той степени, къ коимъ причислены сіи званія.

Наконецъ, въ засѣданіе 23 февраля ¹⁾ предсѣдатель сообщилъ, что, разсмотрѣвъ журналы комитета 7 и 12 февраля, Государь нашелъ не малыя неудобства въ предположеніи уничтоженія чиновъ, какъ чего то особаго отъ должностей, и сохраненія старыхъ чиновныхъ наименованій. Это можетъ повести къ разнымъ поискамъ. Но Государь всетаки думалъ, что всетаки можно осторожнѣе отнестись къ вкоренившейся привычной всѣмъ чиновничьей терминологіи: 1) сохранивъ чиновникамъ первыхъ пяти классовъ наименованія: дѣйствительныхъ тайныхъ, тайныхъ, дѣйствительныхъ статскихъ и статскихъ совѣтниковъ и 2) чиновникамъ отъ 6 до 12 степени вмѣсто чиновъ коллежскаго и надворнаго совѣтниковъ, титулярныхъ совѣтниковъ, коллежскихъ ассесоровъ, секретарей, губернскихъ секретарей и проч. предоставить именоваться совѣтниками, ассесорами, секретарями, дѣлопроизводителями и т. д. различныхъ классовъ отъ 6 до 12.

¹⁾ Тамъ же, стр. 451.

Этимъ и кончились работы комитета. Въ Государственный Совѣтъ, помимо департаментовъ, прямо въ общее собраніе и притомъ даже въ чрезвычайныя общія собранія, былъ изъ комитета 6 декабря 1826 года внесенъ проектъ дополнительнаго закона о состояніяхъ, куда вошли и проектированныя постановленія о *порядкѣ гражданской службы* въ 11 §§ слѣдующаго содержанія:

§ 1. Производство въ чины по всѣмъ мѣстамъ гражданскаго вѣдомства отнынѣ прекращается.

§ 2. На будущее время чины въ гражданскомъ порядкѣ имѣютъ означать единственно степень службы въ тѣхъ мѣстахъ и должностяхъ, кои присвоены по общему сравнительному росписанію, при семъ издаваемому.

§ 3. Чинъ нераздѣльно соединяется съ мѣстомъ. Опредѣленіе къ мѣсту присвоаетъ чинъ, по росписанію ему соотвѣтствующій. Каждый по службѣ считается въ чинѣ той степени, въ коей состоитъ мѣсто занимаемое.

§ 4. Патенты по особой для сего установленной формѣ выдаются чиновникамъ при поступленіи ихъ на высшее по степени мѣсто такъ же, какъ доселѣ оныя выдавались при производствѣ въ чинъ.

§ 5. Опредѣленіе на мѣста производится по назначенному особенно для cadaго вѣдомства порядку: никто не можетъ быть опредѣленъ на высшее въ семъ порядкѣ мѣсто, миновавъ среднія между онымъ и тѣмъ, которое онъ занималъ прежде. Изъ сего общаго правила допускаются изыятія въ чрезвычайныхъ только случаяхъ и тогда къ званію мѣста присоединяется слово: „*ex должности*“. Опредѣляемые такимъ образомъ безъ соблюденія установленной постепенности *ex должность* утверждаются въ настоящихъ по симъ мѣстамъ званіяхъ лишь по особеннымъ Императорскаго Величества повелѣніямъ и не прежде, какъ чрезъ два года дѣйствительной въ сихъ должностяхъ службы. При переходѣ чиновниковъ изъ одного вѣдомства въ другое также наблюдается, чтобы они были опредѣляемы, если не на равныя съ прежними, то, по крайней мѣрѣ, не болѣе какъ одною степенью выше оныхъ по общему сравнительному росписанію мѣстъ. Впро-

чемъ, никому не воспрещается принять мѣсто и низшей противъ прежняго степени, въ томъ или другомъ вѣдомствѣ.

§ 6. Старшинство въ службѣ считается со времени поступления на мѣсто, соответствующее XII степени по сравнительному росписанію мѣстъ и должностей. Дворяне достигаютъ сей степени по истеченіи двухъ лѣтъ отъ начала вступленія ихъ въ дѣйствительную службу; лица же прочихъ состояній—въ срока, для каждаго состоянія особенно опредѣленные.

§ 7. Старшинство въ степени мѣста и чина считается со времени опредѣленія въ званіе, чину той степени соответствующее.

§ 8. Чинамъ, доселѣ полученнымъ, сохраняются всѣ прежнія права ихъ и преимущества, исключая лишь дальнѣйшаго производства безъ поступления на мѣсто высшее, какъ о томъ постановлено въ § 1.

§ 9. Чиновники, имѣющіе чины выше мѣстъ ими занимаемыхъ, сохраняютъ преимущества чина и потому: 1) считаются старшими въ томъ званіи, въ коемъ они служатъ; 2) имѣютъ быть, по разсмотрѣнію ихъ способностей и заслугъ, предпочтительно опредѣляемы на вакансіи мѣстъ, чину ихъ соответствующихъ, но не иначе, какъ съ соблюденіемъ установленной въ каждомъ вѣдомствѣ постепенности на основаніи положеній § 5.

§ 10. Чиновники, имѣющіе чины ниже мѣстъ, нынѣ ими занимаемыхъ, сохраняютъ сіи мѣста и получаютъ право именоваться чинами степеней, симъ мѣстамъ соответствующихъ, но сіе право не распространяется ни на тѣхъ, кои состоятъ только въ должности, а не въ настоящемъ по мѣсту своему званіи, ни на занимающихъ мѣста, принадлежащія къ тремъ первымъ степенямъ, на которыя, а равно и въ чины соответствующихъ онымъ степеней, назначаются лишь именными за подписаніемъ Императорскаго Величества указами. Служащіе по выборамъ отъ дворянства и отъ городовъ пользуются преимуществами, присвоенными равнымъ съ ихъ должностями мѣстамъ, лишь заурядъ. Но тѣ изъ нихъ, кои непрерывно въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ исправляли должность губернскихъ и уѣздныхъ предводителей и депу-

татовъ дворянства, совѣстныхъ и уѣздныхъ судей, застѣдателей палатъ уголовныхъ и гражданскихъ, а равно совѣстныхъ и уѣздныхъ судовъ и земскихъ исправниковъ, получаютъ право именоваться чинами той степени, къ коей причислены сіи званія.

§ 11. Получивъ увольненіе отъ службы, чиновники сохраняютъ названія своихъ чиновъ, присовокупляя къ нимъ *отставный*.

Этотъ проектъ вызвалъ очень много критическихъ замѣчаній со стороны отдѣльныхъ лицъ. Графъ Строгановъ ¹⁾ останавливается прежде всего на § 5 и находитъ, что съ перваго взгляда предоставляемое въ этомъ параграфѣ право назначать поступающихъ вновь на службу, минувъ одну степень, кажется несообразнымъ цѣли, указанной въ проектѣ манифеста: установленію строгой постепенности служебнаго движенія. Однако, нельзя не признать, что способный чиновникъ по собственнымъ заслугамъ и потребностямъ самой службы можетъ миновать иногда и болѣе одной степени, чтобы достигнуть мѣста, свойственнаго познаніямъ и дарованіямъ его. Въ отвращеніе же возможности пристрастія, полезно было бы такіа изъятія обусловить строгимъ испытаніемъ, теоретическимъ и практическимъ. Не касаясь ни мало правила общаго, спасительнаго для государства, внушеннаго справедливостью и опытомъ, что высшія должности должны быть доступны заслугамъ, не взирая на происхожденіе лицъ, графу Григорію Строганову казалось бы умѣстнымъ и соотвѣственнымъ цѣли закона предоставить однимъ дворянамъ придворные чины и служеніе въ старой гвардіи, такъ какъ имъ предоставлены Пажескій корпусъ и Царскосельскій лицей.

Министръ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантъ Закревскій ²⁾ въ сравнительной табели мѣстъ и должностей нашелъ пропуски изъ должностей его министерства. Въ § 5 сказано, что никто не можетъ быть опредѣленъ на высшее мѣсто, миновавъ среднія, и что изъ сего правила допускаются изъятія въ чрез-

¹⁾ Тамъ же, стр. 552.

²⁾ Тамъ же, стр. 554.

вычайныхъ токмо случаяхъ, и тогда къ званію мѣста присоединяется слово *въ должности* и что такіе *въ должности* чиновники утверждаются въ настоящихъ по симъ мѣстамъ званіямъ лишь Императорскимъ Величествомъ не прежде, какъ чрезъ два года дѣйствительной въ сихъ должностяхъ службы. Два года, по мнѣнію министра, достаточны, когда на чиновника VIII степени возлагается должность VI степени, но если кто изъ IX поступаетъ на VI, въ такомъ случаѣ двухгодичная заслуга слишкомъ кратковременна. И теперь найдется много титулярныхъ совѣтниковъ, служащихъ совѣтниками въ губернскихъ правленіяхъ и палатахъ. Въ § 6 постановлено, что старшинство службы считается со времени поступленія на мѣсто XII степени. Отмѣняется ли чрезъ сіе недавно изданный уставъ о пенсіяхъ, по коему служба, въ нижнихъ званіяхъ проведенная, приѣмлется съ 16-тилѣтняго возраста, неизвѣстно.

Тайный совѣтникъ Вилламовъ¹⁾ также критиковалъ проектъ и, между прочимъ, находилъ, что при вторичномъ обсуживаніи проекта постановленія о состояніяхъ и о производствѣ въ чины, изъявлены вновь желанія однихъ членовъ Государственного Совѣта, чтобы сохранить прежнія названія чиновъ и прежнее производство,—другихъ, чтобы для поощренія служащихъ сохранить нѣкоторое въ чины независимое отъ перехода въ высшее мѣсто. Кажется, можно удовлетворить симъ желаніямъ, не нарушая предполагаемаго новаго кореннаго закона, не допускающаго производства чинами безъ соотвѣтственныхъ имъ мѣстъ или въ чины, несоотвѣтственные мѣстамъ, посредствомъ слѣдующаго дополненія: Государственнымъ Совѣтомъ уже положено предоставить гг. министрамъ и управляющимъ особыми частями по данному при проектѣ новаго закона образцу, составить по каждому вѣдомству таблицы о рангахъ или классахъ и по онымъ росписать всѣ должности своего вѣдомства. При исполненіи сего: во 1-хъ, не возбраняется любящимъ старья названія сохранять оныя для означенія росписываемыхъ должностей своего вѣдомства и

¹⁾ Тамъ же, стр. 555 и 577.

называть, напримѣръ, своихъ столоначальниковъ коллежскими совѣтниками или надворными совѣтниками; своихъ начальниковъ отдѣленій коллежскими или статскими совѣтниками; во 2-хъ, можно нѣкоторымъ должностямъ присвоить два класса, такъ что вступающій въ должность считается въ низшемъ, а прослужившій въ ней опредѣленное число лѣтъ, если не поступить на высшее мѣсто за неимѣніемъ ваканси, можетъ въ видѣ *старшаго* или *заслуженнаго* быть произведенъ въ слѣдующій классъ, напримѣръ, имѣть столоначальниковъ VIII и VII класса; въ 3-хъ, подобно сему положить и для старшихъ учителей два класса: IX и VIII.

Генераль-адъютантъ Васильчиковъ ¹⁾ представилъ слѣдующія соображенія: „Доселѣ производство въ чины было независимо отъ мѣстъ, всякій могъ быть повышаемъ или за выслугу лѣтъ или за отличія по удостоенію начальства; но чины приносили всѣ высшія преимущества, они же давали и право на мѣста, а недворянинъ, достигшій известной въ нихъ степени, не только лично приобрѣталъ дворянство, но и утверждалъ оное въ своемъ потомствѣ. Сей порядокъ производства въ чины и права, онымъ принадлежащія, составляли одно изъ главнѣйшихъ привлеченій къ исканію и продолженію службы, ибо жалованье чиновникамъ вообще у насъ такъ скудно, что не только не устраиваетъ благосостоянія служащаго, но и недостаточно для самыхъ необходимыхъ его потребностей. Посему сколь не преимущественнѣе мѣры, нынѣ предлагаемыя и сколь ни справедливы онѣ въ своихъ основаніяхъ, но какъ сими мѣрами производство въ чины дѣлается затруднительнѣе и медлительнѣе, а чины теряютъ одно изъ важнѣйшихъ своихъ преимуществъ,—доставленіе правъ дворянства, то, по мнѣнію моему, необходимо при сей перемѣнѣ обратить вниманіе на то, что, если содержаніе чиновниковъ будетъ оставлено въ настоящемъ положеніи, то правительство можетъ подвергнуться въ нихъ недостатку. Состояніе дворянства, очевидно, приходитъ болѣе и болѣе въ упадокъ и самая необходимость заставить его, наконецъ, обра-

¹⁾ Тамъ же, стр. 557.

тятся предпочтительно въ хозяйственнымъ своимъ занятіямъ; недворянинъ не найдетъ также причинъ жертвовать службѣ временемъ своимъ и достояніемъ. Посему я полагаю, что какъ для предупрежденія оскуднѣнія въ достойныхъ чиновникахъ, такъ и для прочнаго удержанія ихъ въ службѣ, введеніе настоящей перемѣны должно быть непремѣнно въ совокупности съ другою мѣрою, и именно: съ увеличеніемъ жалованья по всѣмъ частямъ гражданской службы, и что безъ сего вспомогательнаго средства настоящее положеніе не принесетъ желаемой пользы. Впрочемъ, предлагаемая мною мѣра предположена уже учрежденіемъ по Высочайшему повелѣнію комитета для составленія новыхъ штатовъ, но какъ означенные штаты и при самомъ умѣренномъ возвышеніи окладовъ по обширности государства нашего должны составить весьма значительное увеличеніе суммы, которое по настоящему положенію государственнаго казначейства можетъ быть для него обременительно, то по моему мнѣнію, надлежало бы неукоснительно составить комитетъ для изысканія способовъ къ прикрытію сего новаго расхода, столь вообще справедливаго и столь необходимаго, особенно въ настоящемъ случаѣ¹⁾.

Князь Долгоруковъ ¹⁾ 20 марта того же года тоже высказывается противъ новаго порядка. „Производство въ чины, говоритъ онъ, по всѣмъ мѣстамъ гражданского вѣдомства отнынѣ прекращается. Неоспоримо, что производство въ чины по гражданскому вѣдомству сопряжено съ злоупотребленіями, но нужно видѣть, будутъ ли они прекращены со введеніемъ новаго порядка и не замѣнятся ли другими важнѣйшими. Для сего рассмотримъ приписываемый чинамъ вредъ и ожидаемую пользу отъ прекращенія производства въ оныя. Вредъ отъ чиновъ въ нынѣшнемъ ихъ положеніи, по словамъ проекта манифеста, заключается въ томъ, что чины, умножаясь почти ежедневно, потеряли прежнюю ихъ связь и соразмѣрность съ мѣстами. Сіе неудобство не столь еще вредно для службы, тѣмъ болѣе, что оно было уже исправлено порядкомъ, въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 558—559.

учрежденіи о губерніяхъ предписаннымъ, по которому всѣмъ мѣстамъ присвоены соотвѣтствующіе классы и не велѣно опредѣлять къ онимъ иначе, какъ чиномъ выше или ниже. При строгомъ соблюденіи сего порядка, чины, не давая права на мѣста, были однако же необходимыми для полученія оныхъ условіемъ, и сіе мнѣ кажется весьма справедливымъ, ибо во всякомъ случаѣ пріобрѣтаются или долговременной службой или отличными заслугами, награждаемыми постепенно; чинъ, полученный за безпорочную выслугу лѣтъ, и прежде не давалъ права на высшее мѣсто, когда чиновникъ, хотя впрочемъ и полезный, ибо не всѣ мѣста требуютъ отличнѣйшихъ способностей, которыя замѣняются опытностью, трудолюбіемъ и честностью, былъ къ оному неспособенъ. Не опредѣлять его, а избирать достойнѣйшаго было всегда дѣломъ начальства, но, по крайней мѣрѣ, онъ не оставался забытымъ отъ правительства и могъ быть увѣренъ, что безпорочная выслуга узаконенныхъ лѣтъ въ чинъ доставитъ ему слѣдующіе. Сія увѣренность въ наградѣ подкрѣпляла его и удерживала въ службѣ. Не должно опасаться, чтобы кто либо, не имѣя отличныхъ способностей, достигъ скоро высшихъ чиновъ въ государствѣ, ибо положенные для выслуги годы составляютъ около полулѣта“.

Съ чинами сопряжено право на дворянство. Нельзя не чувствовать истины сего замѣчанія и не сознаться въ необходимости ограничить число дворянства, преградивъ пути къ достиженію онаго. Сей же причинѣ, а не производству въ чины, должно приписать и всѣ исчисленные вредныя послѣдствія. „Даже скорѣе предполагать можно, что непрестанная зыблемость въ путяхъ службы, частые переходы изъ одного вѣдомства въ другое, нравственная порча и ложныя понятія объ обязанностяхъ службы произойдутъ отъ новаго порядка гражданской службы“. „Производство въ слѣдующій чинъ по выслугѣ узаконенныхъ лѣтъ или по отличію всегда было сильнымъ побужденіемъ, въ первомъ случаѣ, къ продолженію безпорочной службы, а во второмъ къ оказанію государству отличныхъ заслугъ. Сія магическая сила чиновъ, правительству ничего не стоящихъ, нынѣ сама собою уничтожится и

Вѣстникъ Права. Іюнь 1899.

перейдетъ къ мѣстамъ. Если, по словамъ проекта манифеста, „нравственная порча и ложныя понятія объ обязанностяхъ службы происходятъ отъ того, что онѣ измѣряются не внутреннею ихъ силою, но вѣшными въ чинахъ успѣхами и быстрымъ въ нихъ прохожденіемъ“, то изъ сего слѣдуетъ, что въ чины не всегда производили по заслугамъ, но получали ихъ иногда по искательству или по особенному покровительству, что, какъ мѣста гораздо важнѣе чиновъ и ихъ въ государствѣ менѣе, то нынѣ злоупотребленія въ опредѣленіи къ онимъ будутъ несравненно вреднѣе прежнихъ, тѣмъ болѣе, что присвоенныя мѣстамъ чины дѣлаютъ прохожденіе службы быстрымъ.

„Чинамъ приписывается „непрестанная зыблемость въ путяхъ службы и частые переходы изъ одного вѣдомства въ другое“, но переходы сіи теперь будутъ гораздо чаще, ибо ими одними на основаніи § 5 можно достигать высшихъ степеней въ государствѣ. Чиновники, занимающіе мѣста нынѣ, когда они не имѣютъ еще той важности, можетъ быть, принуждены будутъ въ то время оставить ихъ или съ охотою согласиться, на основаніи § 5, принять мѣста низшія, чтобъ тѣмъ открытъ другимъ, по протекціи служащимъ, единственный путь къ достиженію мѣстъ высшихъ. Впрочемъ, нѣкоторые, особенно покровительствуемые судьбою по тому жъ §, минуя среднія мѣста, могутъ быть опредѣлены къ высшимъ *въ должность* и чрезъ два года сдѣлаться настоящими. Такимъ образомъ, всякій по сему расчету при особенно благоприятствующихъ обстоятельствахъ можетъ занять самую высшую степень въ государствѣ со временъ полученія имъ XII класса въ самое короткое время. Едва ли нельзя также назвать непрестанною зыблемостью въ путяхъ службы, что каждый при полученіи мѣста не о томъ будетъ думать, чтобъ приобрести въ немъ опытность и за труды свои получить постепенно чины, но о томъ только, чтобъ при малѣйшей удобности и случаѣ оставить его и промѣнять на мѣсто высшее. Теперь, по словамъ проекта манифеста, „чины потеряли связь и соразмѣрность съ мѣстами“, но тогда самыя мѣста потеряютъ свою постепенность, ибо чиновникъ, зани-

мавшій мѣсто высшее, будетъ имѣть возможность занимать низшее по предполагаемому въ немъ собственному желанію.

Адмиралъ Мордвиновъ ¹⁾, указываетъ, что устанавливаемое проектомъ различіе между военною и гражданскою службою, а именно что въ первой дворянство пріобрѣтается уже первымъ офицерскимъ чиномъ, а во второй только чиномъ VIII класса, кажется ему для состоящихъ въ гражданской службѣ обиднымъ. „Военные ограждаютъ безопасность государства. Гражданскіе удерживаютъ въ цѣлости благосостояніе онаго; отличные же въ дарованіяхъ между ними послѣдними возводятъ на высшія степени просвѣщенія и разливаютъ по всѣмъ состояніямъ народа богатство. Было время, что для защиты отечества и гражданскіе чиновники воспринимали на себя служеніе военное и столько же ревностными оказывали себя, какъ и носящіе чины военные. Отъ сего великаго въ преимуществахъ различія можетъ при томъ послѣдовать, что всѣ стремятся къ одной военной службѣ; гражданскія же мѣста оскудѣютъ чиновниками или потребны будутъ великіе оклады въ жаловань, для удержанія ихъ въ службѣ. По мнѣнію моему, оба рода служенія надлежало бы поставить въ равной степени уваженія“.

Князь Карлъ Ливенъ ²⁾ высказался о несправедливости, съ какою въ проектѣ опредѣляется положеніе ученыхъ, которое отмѣною чиновъ существенно измѣняется къ худшему. „Во всѣхъ отрасляхъ государственной службы лѣстница степеней велика и достиженіе высшей ни чѣмъ не преграждено, въ одной только ученой части седьмою, шестою, а много, что пятою степенью ходъ вовсе прекращается. Уваженіе общее—есть цѣль, которую каждый человѣкъ достигать старается и достиженіе коей благороднымъ душамъ и отличнымъ дарованіямъ тѣмъ нужнѣе, чѣмъ живѣе онѣ чувствуютъ, что сего уваженія достойны. Предположеніе, что ученые люди, чувствуя свое достоинство, онымъ довольствуются, ни что иное, какъ теоретическое разсужденіе, ко-

¹⁾ Тамъ же, стр. 562.

²⁾ Тамъ же, стр. 568.

торое въ существѣ не оправдывается и которое, напротивъ того, всеневные примѣры ясно опровергають. Если указываютъ, что въ другихъ государствахъ ученые чиновъ не имѣють и объ нихъ не думаютъ, то не должно забывать, что въ тѣхъ государствахъ вообще чины никогда той важности не имѣли, какъ у насъ въ Россіи. Тамъ знатная порода, богатства, отличныя познанія по всякой части болѣе уважаются, тѣмъ чины. У насъ же въ Россіи, гдѣ болѣе ста лѣтъ главная пружина правительства заставлятъ людей исполнять ея цѣли къ общему благу были почести, сопряженныя съ чинами, въ государственной службѣ приобрѣтенными, безъ коихъ ни знатная порода, ни большое имущество, ни другія выгодныя положенія уваженія не доставляютъ,—у насъ въ Россіи ученое званіе даже въ столицахъ безъ соединенія съ чинами далеко тѣмъ уваженіемъ не пользуется, какъ въ чужихъ краяхъ, не говоря о провинціяхъ, гдѣ ученаго безъ чина зовутъ просто учителемъ, съ каковымъ наименованіемъ соединяють понятіе о нихъ съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое могли произвести въ нихъ домашніе учителя, состоящіе до сего времени большею частью изъ иностранцевъ, малаго, а часто и никакого, уваженія недостойныхъ. У насъ, гдѣ правительство вынужденнымъ находилось, съ одной стороны, привлекать отличными почестями въ Россію иностранныхъ ученыхъ, съ другой, соединять классныя чины съ учеными степенями, дабы пріохотить молодыхъ людей къ продолжительному ученію и достиженію чрезъ то основательныхъ познаній, у насъ еще такъ мало охоты къ ученію, такъ мало уваженія къ учености, что даже отличнѣйшее въ государствѣ сословіе—дворянство, желая избѣгать продолжительнаго обученія своихъ дѣтей, всячески старалось испросить права университетскимъ пансіонамъ, гдѣ въ половинное время поверхностнаго ученія, дѣти ихъ приобрѣтають тѣ же чины, какъ и въ университетахъ. У насъ таковая преграда и пресѣченіе всякой надежды къ достиженію уважительнѣйшихъ степеней по ученой части должно отвратить и, такъ сказать, убить всю охоту къ сей для государства столь нужной и всякаго поощренія достойной части. А потому я прошу Государственный Совѣтъ

отвратить столь важное неудобство пріисканіемъ способа не уронить сію для государственной пользы толико важную часть при установленіи благодѣтельныхъ для прочихъ постановленій“.

Министръ финансовъ Канкринъ ¹⁾ предлагалъ способъ согласить всѣ мнѣнія и избѣжать неудовольствія публики по предметамъ несущественнымъ. Для этого, по его мнѣнію, слѣдовало бы: 1) до статскаго совѣтника писать классами; отъ статскаго совѣтника (включительно) выше—нынѣшними званіями; 2) сообразно сему передѣлать табель классификаціи мѣстъ; 3) возстановить прежнее правило, чтобы въ мѣстамъ по табели опредѣлить только классомъ ниже и классомъ выше; 4) никто, оставаясь на одномъ мѣстѣ, не можетъ получить болѣе одного чина противъ класса мѣста, которое занимаетъ; 5) никто не можетъ получить чинъ статскаго совѣтника, не бывъ опредѣленъ въ мѣсту 5-го класса; 6) правила объ экзаменахъ согласить съ сими правилами, принимая, во всякомъ случаѣ, руководствомъ, что право къ чину даетъ занимаемое мѣсто, а не экзаменъ; 7) правила о переименованіи военныхъ чиновъ въ гражданскіе остаются какъ нынѣ; 8) положенныя для выслуги лѣта ограничиваются 4-мъ правиломъ; 9) чинъ даетъ право дворянства, только начиная съ генераль-маіора или съ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; въ низшихъ степеняхъ оно зависитъ отъ Высочайшей милости.

Московскій, генераль-губернаторъ князь Голицынъ ²⁾ относительно гражданской службы высказалъ слѣдующія соображенія: „Я полагаю, что никакъ не должно требовать, чтобы для достиженія правительственныхъ или судебныхъ мѣстъ нужно было проходить всю лѣстницу низшихъ степеней, заключающихъ въ себѣ всѣ канцелярскіе чины до секретаря, ибо люди готовящіеся занимать судебныя мѣста, кои нѣкогда составлять будутъ особое званіе, извѣстное въ другихъ земляхъ подъ именемъ магистратуры, сіи люди удобно замѣнить могутъ опытныя по сему предмету познанія ученіемъ систематическимъ, а принадлежа съ

¹⁾ Тамъ же, стр. 571.

²⁾ Тамъ же стр. 576.

юныхъ лѣтъ къ высшему кругу общества и по праву личнаго воспитанія и по отличному образованію, необходимо нужному для подлежащаго имъ поприща, вѣрнѣе могутъ приобрѣсти и сохранить ту возвышенность чувствованій, ту пламенную любовь къ справедливому, ту благородную твердость, которыя рѣшительно возстаютъ противъ всего, что только оскорбляетъ истину или нарушаетъ правосудіе, и которыя существенно должны знаменовать, отличительный характеръ челоуѣка, призваннаго къ столь важнымъ обязанностямъ.

„Я думаю, что за исключеніемъ занятій адвокатскихъ, которыя служатъ школою для поступающихъ въ судьи, нигдѣ и никогда секретари и всѣ составляющіе канцеляріи присутственныхъ мѣстъ, или служащіе въ канцеляріяхъ адвокатовъ, прокуроровъ или нотаріусовъ, не поступаютъ въ число готовящихся присутствовать въ мѣстахъ правительственныхъ или судебныхъ. Посему желалъ бы я, пока не образовалось сословіе адвокатовъ, чтобъ люди, составляющіе канцеляріи и самые секретари оставались сколько можно долѣе на своихъ мѣстахъ, чтобъ они побуждены были вмѣнять себѣ за честь занимать сіи мѣста, неотмѣнно требующія труда постоянного и долговременнаго, чтобъ они, наконецъ, находили въ томъ свои выгоды не только въ отношеніи къ почести, но и въ отношеніи къ обезпеченному благосостоянію. Секретари и прочіе чиновники канцелярскіе могли бы, какъ хорошіе адвокаты, сохраняя честное имя, взимать съ просителей положенный закономъ доходъ (акциденціи) и по истеченіи извѣстнаго времени получать отъ правительства почетныя отличія, заслуженныя похвальнымъ объ нихъ мнѣніемъ и общественною довѣренностью.

„Посредствомъ сего только раздѣленія судейскаго отъ канцелярскаго званія, государство можетъ приобрѣсти для судебныхъ и распорядительныхъ мѣстъ членовъ просвѣщенныхъ, подвижныхъ высокими чувствами и правдолюбіемъ, а для канцелярскихъ должностей людей несомнительной честности, съ достаточными познаніями, которые будутъ имѣть свою пользу и награду въ сохраненіи сихъ должностей.

„Разумѣется, что всякая должность, сверхъ познаній общихъ,

что обыкновенно называется курсомъ классической словесности, требуетъ отъ желающаго занимать оную свѣдѣній особенныхъ, напримѣръ, для присутствованія въ судахъ должно бы было имѣть степень доктора правъ, для засѣданія въ финансовыхъ учрежденіяхъ такую же ученую степень въ политической экономіи или другихъ камеральныхъ наукахъ, и подобнымъ образомъ для занятія таковыхъ же должностей въ другихъ мѣстахъ слѣдовало бы предварительно доказать свою способность основательнымъ и систематическимъ изученіемъ предметовъ, болѣе относящихся къ каждой части“.

Апрѣля 16 Государю была вручена гр. Кочубеемъ записка тайнаго совѣтника М. А. Балугьянскаго ¹⁾, гдѣ о чинахъ заключалось очень подробное разсужденіе. „О чинахъ, говорилъ онъ, четыре новыя правила устанавлиются: 1) всѣ чины соединяются съ мѣстами; 2) почетныя чины уничтожаютъ; 3) уничтожаютъ также приобрѣтеніе дворянства чинами и 4) изъ чиновниковъ, лишенныхъ дворянства, рѣшено составить чиновное гражданство. Ничего нѣтъ справедливей соединенія чиновъ съ мѣстами. Сіе правило было основаніемъ табели о рангахъ 1722 года, но со временемъ измѣнилось по двумъ причинамъ: 1) потому что организація управленія измѣнилась и 2) что съ 1790 и 1799 годовъ чины стали получаться за выслугу лѣтъ. Такимъ образомъ писаря, остающіеся всегда при одной лишь перепискѣ, доходятъ до коллежскаго совѣтника и выше.

„Три средства представляются для искорененія сего зла: 1) возвратить прежнее устройство учрежденій; 2) составить новую табель о рангахъ существующихъ мѣстъ и чиновъ и 3) опредѣлить вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя правила о опредѣленіи на мѣста и производство въ чины. Первое не возможно, такъ какъ немыслимо теперь возстановить старыя петровскія учрежденія. Итакъ, сохранивъ нынѣшнее устройство государственныхъ учрежденій и присвоенныя имъ названія, должно составить новую табель мѣстамъ и сопряженнымъ съ ними чинамъ. Но при этомъ, кажется, не было бы никакого неудобства,

¹⁾ Тамъ же, стр. 581—586.

если бы, сохранить за чинами, связанными съ новыми должностями, старыя привычныя названія коллежскихъ совѣтниковъ, ассесоровъ, секретарей.

„Затѣмъ, соединивъ по общему правилу чины съ должностями, *не можно ли допустить существованіе нѣкоторыхъ почетныхъ чиновъ*, какъ они существуютъ во всѣхъ абсолютныхъ монархіяхъ Европы. Такъ, напримѣръ, въ Пруссіи должности и званія, съ ними связанныя, суть оберъ и просто регирунгсъ, юстицъ, финанцъ, легаціонсъ, шуль, медициналь, консистеріаль, ландъ, форстъ, бау-раты, но за отличіе особое по службѣ могутъ получать почетныя званія тайныхъ (гехеймъ) оберъ или просто совѣтниковъ; секретари же получаютъ почетныя званія гофрата и дѣйствительнаго гофрата. Только оберъ гехеймъ ратъ получаетъ также титулъ превосходительства; въ Австріи нѣтъ столько различій; однакожь и тамъ даются почетныя чины дѣйствительнаго тайнаго и просто тайнаго совѣтника, придворнаго совѣтника и просто совѣтника за отличіе и за выслугу лѣтъ за 20, 30 и болѣе лѣтъ. Титулъ превосходительства присвоивается лишь двумъ первымъ чинамъ.

„Подражая снмъ примѣрамъ можно бы у насъ установить также почетныя чины дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, тайнаго совѣтника, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, статскаго совѣтника, дѣйствительнаго коллежскаго совѣтника, надворнаго совѣтника, совѣтника съ названіемъ лѣснаго, горнаго, коммерціи и т. п. титулярнаго“. Но Балугьянскій и самъ оговаривается, что число этихъ почетныхъ чиновъ можно бы и убавить.

Обстоятельныя замѣчанія сдѣланы, кромѣ приведенныхъ еще Герцогомъ А. Виртембергскимъ, вице-адмираломъ кн. Меншиковымъ, дѣйств. тайн. сов. А. Оленинымъ.

Въ такомъ видѣ и съ замѣчаніями отдѣльныхъ лицъ проектъ дополнительнаго закона о состояніяхъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, прямо въ общее собраніе и притомъ въ чрезвычайныя его засѣданія.

Засѣданія эти начались 6 марта 1830 года¹⁾; но въ первомъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 394—395.

засѣданіи не было обсужденія проекта, а было только заявлено объ его внесеніи въ совѣтъ и розданы членамъ печатные его экземпляры для возможности имъ ознакомиться обстоятельнѣе съ его содержаніемъ въ теченіи недѣли до перваго слѣдующаго засѣданія, назначеннаго на 13 марта.

13 марта начали обсужденіе съ проекта положенія о чинахъ и порядкѣ гражданской службы ¹⁾; прослушавъ письменныя замѣчанія на него князя Лобанова-Ростовскаго, графовъ Окермана, Толя, Канерина, Закревскаго, Строгонова, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ланскаго и тайнаго совѣтника Вилламова, приступили къ сужденію, соображая каждую статью проекта, какъ съ выслушанными письменными, такъ и съ словесными замѣчаніями. Первымъ и главнѣйшимъ вопросомъ въ этомъ проектѣ былъ признанъ совѣтомъ вопросъ: полезно ли будетъ постановить, чтобы чины, какъ гражданскіе, такъ и военные не приносили впредь собою дворянства? и разрѣшили его въ утвердительномъ смыслѣ. По второму вопросу, о томъ, дабы чинъ по гражданской должности зависѣлъ единственно отъ должности, князь Долгорукій представилъ тутъ же особое письменное о томъ мнѣніе.

Приступивъ послѣ того къ разбору положенія о порядкѣ гражданской службы, совѣтъ призналъ нужнымъ: 1) сказанное въ статьѣ о именитыхъ гражданахъ, о сохраненіи правъ на службу обученаго въ университетахъ и другихъ заведеніяхъ юношества, внести въ I отдѣленіе манифеста, предоставивъ сего рода воспитанникамъ старшинство на службѣ со дня вступленія въ оную; 2) дворянамъ, кои послѣ двухгодичной службы не могутъ по неимѣніи вакансій получить должности XII степени, считать старшинство въ службѣ съ истеченія сего срока, распространивъ правило такое и на прочія состоянія по мѣрѣ опредѣленныхъ каждому сроковъ, но съ наблюденіемъ притомъ 16-ти лѣтнаго возраста, дабы съ одной стороны не лишить ихъ права на по-

¹⁾ Тамъ же, стр. 395—399.

лученіе тѣхъ знаковъ, для коихъ срокъ опредѣляется временемъ служенія въ офицерскихъ чинахъ, а съ другой—прекратить способъ зачисленія на службу малолѣтнихъ; 3) гдѣ говорится о приобрѣтеніи XII степени прибавить „и выше“, такъ какъ воспитанники учебныхъ заведеній по полученнымъ при выпускѣ преимуществамъ могутъ быть опредѣляемы и на высшія XII степени мѣста; 4) дабы не обременить Его Императорское Величество представленіями о утвержденіи чиновниковъ въ должностяхъ, кои исправляли оныя временно, особенно въ должностяхъ низшихъ, то постановить, что чиновники VIII степени и выше утверждаются по Высочайшему повелѣнію, а ниже VIII степени Правительствующимъ Сенатомъ; 5) какъ съ уничтоженіемъ на будущее время нынѣшнихъ гражданскихъ чиновъ самъ собою измѣняется указъ 6 августа 1809 года о производствѣ въ статскіе совѣтники и коллежскіе ассесоры не иначе, какъ по свидѣтельствамъ университетовъ объ успѣшномъ ученіи или испытаніи, то упомянуть о томъ въ манифестѣ, дабы не оставить сомнѣнія, что и въ новомъ порядкѣ не можетъ чиновникъ занять должности VIII и V степени безъ университетскаго свидѣтельства.

Напослѣдокъ, 20 марта, принято было въ уваженіе сказанное въ § 5 „что бывшіе въ должности чиновники утверждаются въ настоящихъ по симъ смѣтамъ званіяхъ по Высочайшимъ повелѣніямъ и не прежде, какъ чрезъ два года дѣйствительной въ сихъ должностяхъ службы“.

Деятнадцать членовъ: герцогъ Александръ Виртембергскій, князя Волконскій и Ливенъ, графы Строгоновъ, Нессельроде, Толь, Чернышевъ, Канкринъ, Мордвиновъ, Тутолминъ, Балашовъ, Кушниковъ, Сперанскій, Закревскій, Оленинъ, Хитрово, Вилламовъ, Блудовъ, Дашковъ, полагали не назначать сего срока, дабы оказывающіеся не совершенно способными не имѣли права требовать утвержденія потому только, что они исправляли оную опредѣленный закономъ срокъ,—и дабы тѣмъ самымъ дать начальствамъ наполнять мѣста людьми наиболѣе способными,—не менѣе же и для того, чтобы въ должностяхъ не столь значащихъ не охладить въ отличныхъ чиновникахъ усердія къ службѣ. А одиннадцать членовъ:

Великій князь Михаилъ Павловичъ, князя Голенищевъ-Кутузовъ, Лобановъ-Ростовскій, Голицынъ I, Голицынъ II, графы Кочубей, Толстой, и Ланской, Васильчиковъ, Энгель, Сувинъ полагали оставить двухгодичный срокъ, дабы не дать повода, особенно въ губерніяхъ, опредѣлять чиновниковъ и неспособныхъ для того только, чтобы они, прослужа краткое время, воспользовались степенью послѣдней должности. Противъ этого мѣста сдѣлана отмѣтка рукою исправлявшаго должность Государственного секретаря, статсъ-секретаря Марченко: „Высочайше утверждено мнѣніе 11 членовъ“.

Вслѣдствіе вышеозначенныхъ же разсужденій Государственный Совѣтъ положилъ §§ 3, 5 и 6 Манифеста изложить слѣдующимъ образомъ:

§ 3. Чинъ нераздѣльно соединяется съ мѣстомъ. Опредѣленіе къ мѣсту присволяетъ чинъ, по росписанію ему соотвѣтствующій. Каждый по службѣ считается въ чинѣ той степени, въ коей состоитъ мѣсто, имъ занимаемое. Разумѣется, впрочемъ, что положенные указомъ 6 августа 1809 года для производства въ статскіе совѣтники и коллежскіе ассесоры не могутъ быть прилагаемы къ опредѣленію на мѣста и съ прекращеніемъ производства въ чины сами собою отмѣняются.

§ 5. Опредѣленія на мѣста производятся по назначенному особенно для cadaго вѣдомства порядку. Никто не можетъ быть опредѣленъ на высшее въ семъ порядкѣ мѣсто, миновавъ среднія между онымъ и тѣмъ, которое онъ занималъ прежде. Изъ сего общаго правила допускаются изыятія въ чрезвычайныхъ токмо случаяхъ и тогда къ званію мѣста присоединяется слово „въ должности“. Опредѣляемые такимъ образомъ безъ соблюденія установленной постепенности въ должность чиновники VIII степени и выше утверждаются въ настоящихъ по симъ мѣстамъ званіяхъ по Высочайшимъ Императорскаго Величества повелѣніямъ, а чиновники ниже VIII степени Правительствующимъ Сенатомъ (здѣсь прибавить о срокѣ, такъ какъ мнѣніе 11 членовъ Высочайше утверждено). При переходѣ чиновниковъ изъ одного вѣдомства въ другое также наблюдается, чтобы они были опредѣляемы, если не на равныя съ прежними, то по крайней

мѣръ не болѣе какъ одною степенью выше оныхъ по общему сравнительному росписанію мѣстъ. Впрочемъ никому не воспрещается принять мѣсто и низшей противъ прежняго степени въ томъ или другомъ вѣдомствѣ, сохраняя преимущества, ниже сего въ § 9 изложенныя.

§ 6. Старшинство въ службѣ для полученія знака отличія и ордена считается со времени поступленія на мѣсто, соотвѣтствующее XII степени и выше по сравнительному росписанію мѣстъ и должностей. Дворяне достигаютъ сей степени по истеченіи двухъ лѣтъ отъ начала вступленія ихъ въ дѣйствительную службу; но ежели бы по минованіи сего срока не было вакансій для занятія должности XII степени, то симъ не теряютъ они старшинства, буде продолжаютъ службу. Лица прочихъ состояній достигаютъ XII степени и выше, въ сроки для cadaго состоянія опредѣленные, съ соблюденіемъ того же правила въ старшинствѣ ихъ въ случаѣ недостатка вакансій. Обучавшіеся въ университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ и получившіе по особымъ ихъ привилегіямъ извѣстныя степени, вступаютъ въ службу на мѣста, симъ степенямъ соотвѣтствующія; въ случаѣ же неимѣнія вакансій—на мѣста и низшія, не теряя тѣмъ правъ, имъ присвоенныхъ, и пользуясь преимуществами, въ § 9 на сей случай постановленными. Старшинство ихъ считается со дня вступленія въ дѣйствительную службу на мѣста, симъ степенямъ соотвѣтствующія; въ случаѣ же неимѣнія вакансій—на мѣста и низшія, не теряя тѣмъ правъ имъ присвоенныхъ, и пользуясь преимуществами, въ § 9 на сей случай постановленными. Старшинство ихъ считается со дня вступленія въ дѣйствительную службу. Но во всѣхъ случаяхъ дѣйствительная служба почитается съ шестнадцатилѣтняго возраста, не смотря на то, ежели бы служащій и прежде получилъ чинъ которой либо степени.

Въ § 11 вмѣсто чиновъ сказать „степеней“, почему § сей заключать въ себѣ будетъ слѣдующее: „получивъ увольненіе отъ службы, чиновники сохраняютъ названія своихъ степеней, присовокупляя къ онимъ: „отставный“.

Въ засѣданіи 26 апрѣля ¹⁾ рассматривали сравнительную табель мѣстъ и должностей, примѣняясь къ коей имѣютъ быть изданы впослѣдствіи особыя по каждому вѣдомству рописанія съ подробнымъ означеніемъ всѣхъ по принадлежности должностей и званій и соотвѣтствующихъ имъ степеней.

Въ это самое время Его Императорскому Величеству угодно было удостоить Государственный Совѣтъ своимъ посѣщеніемъ и изъяснить Высочайшую волю, чтобы въ присутствіи его былъ прочитанъ весь проектъ, и чтобы г.г. члены со всею откровенностью и по долгу присяги изъясляли свои мнѣнія на тѣ части онаго, кои считаютъ неудобными, имѣя въ виду, что Его Величество желаетъ одной только пользы государству отъ сего закона.

При чтеніи проекта только два члена дѣлали возраженія. Адмиралъ Мордвиновъ повторялъ словесно, уже раньше имъ письменно заявленныя мнѣнія; всѣ они и теперь были отвергнуты большинствомъ двадцати девяти голосовъ. Тайный совѣтникъ князь Долгорукій, въ подтвержденіе прежняго своего мнѣнія о чинахъ, приводилъ, что большую часть мѣстъ совѣтниковъ въ губерніяхъ занимаютъ нынѣ титулярные совѣтники, которые съ утвержденіемъ въ должностяхъ получаютъ VI степень. Но и противъ этого было такое же большинство, основывавшееся на томъ, главнымъ образомъ, что въ совѣтники опредѣляются люди опытные, извѣданной способности и не иначе, какъ по избранію мѣстнаго начальства, слѣдовательно, и повышение такихъ служащихъ въ степени ничего вреднаго въ себѣ заключать не можетъ.

По утвержденіи такимъ образомъ проекта рѣшительнымъ большинствомъ Его Императорское Величество предложилъ на обсужденіе и голосованіе вопросъ: можетъ ли законъ сей быть изданъ теперь, то есть, до отбытія Его Величества изъ столицы, или кто изъ господъ членовъ находитъ въ томъ препятствіе?

Нѣкоторые высказались за отложеніе изданія проектируемаго закона, другіе за его раздѣленіе на нѣсколько за-

¹⁾ Тамъ же, стр. 433—436.

коновъ, но большинство *двадцати трехъ противъ семерыхъ* высказалось за единство и за немедленное изданіе закона.

Не смотря на такое подавляющее большинство, высказавшееся за немедленное изданіе закона и первоначальное сочувствіе къ такому рѣшенію самого Императора Николая I, фактически вопросъ разрѣшился неожиданно согласно мнѣнію семерыхъ; проектированный законъ не только не былъ сейчасъ изданъ, но и вовсе никогда не былъ изданъ и предполагавшіеся къ уничтоженію чины здравствуютъ до сихъ поръ и даютъ попрежнему дворянство.

Въ чемъ причина такого крутого поворота въ воззрѣніяхъ Императора Николая I? Прямого указанія никогда сдѣлано не было. Но надо думать, что къ тому содѣйствовали два обстоятельства: извѣстіе о французской іюльской революціи и польское возстаніе въ томъ же году у насъ самихъ. Впечатлѣнія, произведенныя обоими этими событіями на Императора Николая I, придали гораздо болѣе консервативный характеръ его дальнѣйшей внутренней политикѣ сравнительно съ тѣмъ, какова она была въ началѣ царствованія. Судьбы исторіи неисповѣдимы.

Н. Коркуновъ.

III.

СТРАХОВАНИЕ РАБОЧИХ¹⁾.

(R. van der Borcht, Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 1898 г.)

Страхуваніємъ рабочихъ въ широкомъ смыслѣ слова называется организація, при которой рабочій и его семья и наслѣдники пріобрѣтаютъ право требованія опредѣленныхъ денежныхъ выплатъ при наступленіи событій, особенно ухудшающихъ экономическое положеніе рабочаго. Эти событія заключаются въ наступленіи какъ тѣхъ опасностей, которыя угрожаютъ рабочей силѣ (болѣзнь, несчастный

¹⁾ Отличительною чертою новѣйшаго времени необходимо признать тѣсное взаимодействіе явленій экономическаго порядка на юридическую конструкцію ин-ститутовъ, относящихся, по принятымъ категоріямъ, къ области частнаго права. Въ той сферѣ, гдѣ эта черта сказывается, замѣчается переходъ отъ диспозитивнаго начала—свободнаго соглашенія сторонъ въ договоръ, къ обязательному, принудительному нормированію договора, который такимъ образомъ перестаетъ быть *свободнымъ* „соглашеніемъ воли“, а подпадаетъ подъ обязательную нормировку самимъ закономъ. Это вмѣшательство закона явленіе весьма любопытное; оно напоминаетъ собою принципъ полицейскаго государства 18 столѣтія, но вызвано условіями экономическими,—неравенствомъ двухъ участвующихъ въ данномъ договорѣ сторонъ, экономическимъ преобладаніемъ одной предъ другой изъ нихъ. Прослѣдить проявленіе этого „вмѣшательства“ въ новѣйшемъ законодательномъ движеніи составляло бы весьма почтенную задачу.

Несомнѣнно, что указанное вмѣшательство больше всего проявляется въ отношеніи договора личнаго найма, и въ частности—въ отношеніи договора работодателя и рабочихъ промышленныхъ предпріятій. Личная работа, трудъ—былъ всегда самою крѣпкою связью, привязывавшею экономически слабѣйшихъ къ экономически сильнѣйшимъ. Въ этой связи лежитъ корень ленной системы, отжив-

случай, неспособность къ труду, преклонный возрастъ, смерть), такъ и тѣхъ изъ нихъ, которыя устраняютъ или, по крайней мѣрѣ, уменьшаютъ возможность примѣненія ея (отсутствіе работы по какимъ либо причинамъ). Эти опасности составляютъ наиболѣе тѣсную область всякаго страхованія рабочихъ; онѣ угрожаютъ всѣмъ рабочимъ, дѣйствительно же наступаютъ лишь у нѣкоторыхъ изъ нихъ. Поэтому мысль объ единеніи лицъ, подверженныхъ одинакимъ опасностямъ, должна была возникнуть прежде всего. Но современное страхованіе вообще коснулось также другихъ случаевъ жизни, которые, не заключая въ себѣ какой либо опасности, тѣмъ не менѣе ухудшаютъ экономическое положеніе (напр. отбываніе воинской повинности, бракъ); поэтому и понятіе страхованія рабочихъ надобно нѣсколько расширить за предѣлы опасностей, угрожающихъ рабочей силѣ и примѣненію ея на практикѣ. Конфирмаціи, браки и другія событія подобнаго рода столь значительно увеличиваютъ издержки рабочаго, что и они должны были навести на мысль объ взаимномъ обезпеченіи рабочему необходимыхъ средствъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ страхованіе имѣетъ существеннымъ признакомъ то, что рабочій пріобрѣтаетъ право требованія. Учрежденія всякаго рода, доставляющія рабочему различныя даренія и

шаго свой вѣкъ формальнаго крѣпостного права, не говоря уже о древнемъ рабствѣ. Очевидно, что „свободное соглашеніе воли“ въ договорѣ личнаго найма всегда было рѣдкимъ исключеніемъ, принудительность всегда была главнымъ элементомъ договора, только она всегда проявлялась экономически, а не юридически, и притомъ всегда была на сторонѣ работодателей.

Новѣйшее законодательство—не только западно-европейское, но и наше—усвоило принципъ принудительности, какъ начала юридическаго, и при томъ примѣняетъ его въ пользу слабѣйшей стороны въ договорѣ. Достаточно указать на законъ о нормированіи рабочаго дня, о расчетныхъ рабочихъ книжкахъ и т. д.

Однимъ изъ краеугольныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ договоромъ работодателя и рабочихъ—это ответственность за послѣдствія несчастныхъ случаевъ, вопросъ—о вознагражденіи за вредъ и убытки. Ни добровольныя соглашенія, ни общіе принципы гражданского права о *contractus ex delicto* и *quasi ex delicto* недостаточны для современныхъ условий промышленнаго производства, основаннаго на механическихъ двигателяхъ, къ которымъ безпрестанно соприкасается живой трудъ человѣка, не всегда одинаково внимательнаго, осторожнаго и умнаго. Достаточно отступленіемъ отъ чисто юридической констукціи было установленіе *praesumptio juris* о винѣ владѣльца предпріятія (ст. 683 т. X ч. I). Но этого отступленія оказывается недостаточнымъ, и становится необходимымъ вопросъ о вознагражденіи въ случаяхъ увѣчья или смерти перенести изъ области понятія *contractus ex delicto* или *quasi ex delicto*—въ область существа самого договора

вспомоществованія безъ права требованія, не относятся къ области страхованія. Другимъ признакомъ понятія страхованія рабочихъ представляется наличность организаціи, влекущей за собой единеніе рабочихъ, безразлично, будетъ ли оно прямое или лишь косвенное, ограничивается ли оно одними рабочими или касается также другихъ классовъ, напр. предпринимателей, но во всякомъ случаѣ оно должно быть на-лицо, такъ какъ законъ объ отвѣтственности за несчастные случаи, дающій рабочему право требованія, но не создающій подобныхъ организацій, не относится къ области страхованія. Съ другой стороны, не играетъ никакой роли способъ осуществленія страхованія, является ли онъ добровольнымъ или принудительнымъ.

Благодаря примѣру на этомъ поприщѣ какъ Германіи, такъ и другихъ странъ, возникло новое, болѣе узкое понятіе страхованія рабочихъ, ограничивающее страхованіе тѣми учрежденіями, которыя основаны на законно установленномъ принужденіи (обязательное страхованіе). Въ этомъ болѣе узкомъ смыслѣ мы и будемъ понимать страхованіе при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи его.

Что касается сферы примѣненія принудительнаго страхованія, то теоретически здѣсь границъ провести невозможно, такъ какъ оно приложимо къ самымъ разнообразнымъ событіямъ. Но практи-

между работодателемъ и рабочимъ, приходится этотъ видъ личнаго найма выдѣлить особо, снабдить его особыми условіями, ввести въ самое понятіе о немъ спеціальныя признаки, и при томъ не зависящіе отъ добровольнаго соглашенія, а обязательныя, принудительныя.

Удовлетвореніе этой потребности, вызываемой современными экономическими условіями, потребность въ обезпеченіи рабочихъ на случай потери трудоспособности,—идетъ въ новѣйшемъ законодательствѣ двойнымъ путемъ. Одинъ путь—это путь созиданія новыхъ обезпечительныхъ для рабочихъ нормъ о вознагражденіи за вредъ отъ несчастныхъ случаевъ при работѣ; другой путь—это путь обязательнаго, принудительнаго страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Разныя государства пока идутъ разными путями, но нельзя не замѣтить постепеннаго преобладанія второго пути, какъ болѣе простаго и наиболѣе вѣрно достигающаго цѣли. Принудительное страхованіе становится неотъемлемымъ признакомъ самаго договора личнаго найма—разъ рѣчь идетъ о рабочихъ. Въ этомъ—юридическій интересъ принудительнаго страхованія рабочихъ.

Съ этой точки зрѣнія намъ и представилось небезъинтереснымъ дать читателямъ „Вѣстника Права“ сжатый и вмѣстѣ съ тѣмъ полный очеркъ современнаго состоянія вопроса. Вполнѣ соответствующей этой цѣли намъ показалась помѣщенная въ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, издаваемой Конрадомъ и др. статья проф. R. van der Borgh't'a о страхованіи рабочихъ (2 изданіе 1898 г., стр. 607—618). Переводъ этой статьи и предлагается нами читателямъ.

Г. Слюзбергъ.

Вѣстникъ Права. Іюнь 1899.

5

ческія соображенія необходимо приводятъ къ ограниченію его области. Прежде всего явилась мысль объ учрежденіи страхованія отъ тѣхъ событій, которыя угрожаютъ опасностью рабочей силѣ или возможности примѣненія ея, причемъ несчастные случаи, болѣзни, неспособность къ труду и преклонный возрастъ являются наиболѣе важными поводами къ примѣненію и организаціи страхованія. И дѣйствительно, лишь по отношенію къ этимъ событіямъ было осуществлено начало принудительнаго страхованія рабочихъ. Много говорилось, правда, и о необходимости введенія принудительнаго страхованія для вдовъ и сиротъ на случай смерти рабочаго, не вызванной несчастнымъ случаемъ, хотѣли примѣнить принудительное страхованіе и на случай безработицы; но все это до сихъ поръ не исполнено, такъ какъ не выяснена еще ни финансовая, ни техническая сторона дѣла.

Принудительное страхованіе рабочихъ тѣсно связано съ тѣмъ переворотомъ въ экономической и правовой жизни народовъ, который совершился въ XIX вѣкѣ. Обширный классъ рабочихъ, необходимый благодаря современному развитію промышленности, не связанъ болѣе съ работодателями тѣми тѣсными, патріархальными узами, которыя мы находимъ при господствѣ мелкаго ремесленного производства. Эти отношенія, измѣняясь все болѣе и болѣе, стали въ настоящее время чисто дѣловыми. Правда, рабочій, благодаря этому, въ состояніи болѣе свободно располагать собою и своей рабочей силой. Дарованіе политическихъ правъ, допущеніе закономъ свободнаго передвиженія, ставшаго неизбѣжнымъ при современномъ развитіи сообщеній, уничтоженіе, по крайней мѣрѣ, отчасти тѣхъ препятствій, которыя мѣшали рабочему осуществлять наиболѣе выгоднымъ образомъ свои интересы при помощи союзовъ, сведеніе отношеній между рабочимъ и работодателемъ къ свободному договору и введеніе равноправности обѣихъ сторонъ—все это хотя и еще болѣе увеличило свободу рабочаго, но за то содѣйствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекращенію личныхъ связей между нимъ и предпринимателемъ. Изнанкой этого развитія является то, что рабочій поставленъ въ необходимость рассчитывать исключительно на собственныя силы во всѣхъ разнообразныхъ случайностяхъ его жизни. И дѣйствительно, въ теченіе продолжительнаго времени на этомъ и успокоивались. Лишь мало-помалу пришли къ тому заключенію, что рабочій въ большинствѣ случаевъ не въ состояніи побороть всѣ случайности, опираясь лишь на свои силы, что, стоя на одной доскѣ съ предпринима-

телемъ въ правовомъ отношеніи, онъ все же является болѣе слабымъ по своему экономическому и соціальному положенію.

Такой же переворотъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ и по нѣскольکو инымъ причинамъ, произошелъ и въ положеніи рабочихъ не промышленныхъ отраслей труда, и привелъ къ тѣмъ же печальнымъ послѣдствіямъ.

Чѣмъ болѣе во всѣ классы общества проникало убѣжденіе въ недостаточности силъ рабочаго для борьбы съ многочисленными препятствіями въ жизни, тѣмъ рѣзче проявлялась потребность увеличить экономическія силы рабочаго. На удовлетвореніе ея стали смотрѣть какъ на почетную обязанность. Мы быстро усвоили себѣ плоды экономическаго прогресса новѣйшаго времени; но въ тотъ короткій промежутокъ, въ теченіе котораго совершился этотъ переворотъ, рабочій въ многихъ отношеніяхъ очутился въ такихъ условіяхъ, которыя не соотвѣтствуютъ его справедливымъ притязаніямъ. Особенно ясно это сказалось въ отношеніи тѣхъ опасностей, которыя угрожаютъ жизни и здоровью рабочаго, и которыя являются необходимымъ послѣдствіемъ современнаго способа производства. На это и направлены были усилія, приведшія къ учрежденію принудительнаго страхованія.

Типическимъ для развитія этого явленія является ходъ его въ Германіи. Благодаря быстрому росту крупной промышленности въ 60-хъ годахъ, еще до 1870 г. въ Германіи сознавали необходимость помочь рабочему въ несчастныхъ случаяхъ и болѣзняхъ. Но съ большими колебаніями рѣшились приступить къ осуществленію этой задачи и только постепенно сложился тотъ современный принципъ, который требуетъ, чтобы обезпеченіе доставлялось не каждымъ въ отдѣльности по мѣрѣ его вины, а всѣми соучастниками—рабочими и предпринимателями—по мѣрѣ ихъ платоспособности и на основаніи обязательнаго для всѣхъ закона. По отношенію къ несчастнымъ случаямъ усилена и расширена была отвѣтственность предпринимателей въ области промышленности и перевозочныхъ предпріятій (Имперскій законъ объ отвѣтственности предпринимателей 7 іюня 1871 г.). Затѣмъ было оказано содѣйствіе страхованію отъ болѣзней путемъ увеличенія кассъ, возникшихъ въ предыдущія десятилѣтія (законъ 7 апрѣля 1876 г.). Лишь вопросъ о страхованіи отъ неспособности къ труду и старости былъ пока оставленъ закономъ безъ вниманія.

Однако результаты оказались на опытѣ довольно неблагоприятными. Хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и замѣчались благоприятныя

послѣдствія установленныхъ указанными законами мѣръ, тѣмъ не менѣе въ общемъ оказалось, что онѣ идутъ на пользу лишь части рабочихъ, что онѣ не привели къ вѣрной и скорой помощи, не сопряженной съ судебными процессами, что перемѣна мѣста жительства или рода занятій являлась большою помѣхой, наконецъ, что отношенія между работодателями и рабочими скорѣе ухудшились, чѣмъ улучшились. Благодаря этому, мало-помалу возникла мысль о необходимости принудительнаго страхованія. Первоначально, конечно, смотрѣли на эту мысль, какъ на нѣчто совершенно неосуществимое. Примеровъ принудительнаго страхованія миллионовъ рабочихъ въ исторіи не находили; нельзя было также предвидѣть всѣхъ экономическихъ и социальныхъ послѣдствій такого рода мѣропріятій, при отсутствіи достаточнаго статистическаго матерьяла; вкоренившіяся же правовыя воззрѣнія не давали возможности отказаться отъ господствовавшаго дотошъ принципа отвѣтственности предпринимателей. Не удивительно поэтому, что лишь въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ былъ сдѣланъ первый значительный шагъ на пути къ введенію принудительнаго страхованія рабочихъ: 8-го марта 1881 г. появился проектъ закона о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, и этимъ имперское правительство, дотошъ отказывавшееся отъ принудительнаго страхованія, стало на почву этого принципа. Когда послѣ этого, лѣтомъ и осенью 1881 г., собранъ былъ статистическій матерьялъ о несчастныхъ случаяхъ, императорское посланіе 17 ноября 1881 г. выставило ту широкую программу трехчленнаго обязательнаго страхованія рабочихъ, которая навсегда останется памятной въ исторіи. Правительство ставило себѣ здѣсь цѣлю учредить на почвѣ публичнаго права страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, отъ болѣзней, неспособности къ труду и старости въ формѣ корпоративныхъ ассоціацій.

Но цѣль эта была достигнута лишь послѣ долгихъ и тяжелыхъ усилій. Прежде всего было регулировано страхованіе отъ болѣзней закономъ 15 іюня 1883 г. Затѣмъ вышелъ 6 іюля 1884 г. законъ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ рабочихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ всякаго рода. Дополненіемъ къ обоимъ законамъ явились законъ 28 мая 1885 г. (*Ausdehnungsgesetz*) и законъ 5 мая 1886 г., расширившіе страхованіе на извѣстныя перевозочныя предпріятія (первый) и на сельское хозяйство. За ними слѣдовали законы 11 іюля 1887 г. о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ при постройкахъ и 13 іюля того же года о страхованіи

отъ несчастныхъ случаевъ на морѣ. Наконецъ, 22 іюня 1889 г. изданъ былъ—послѣ долгой борьбы—законъ о страхованіи отъ нетрудоспособности и старости.

Всѣ эти законы оказались не вполне совершенными, поэтому вскорѣ приступлено было къ пересмотру ихъ. Реформа законодательства о страхованіи отъ болѣзней закончена пока закономъ 10 апрѣля 1892 г. Законы о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ и старости, не смотря на многія попытки, до сихъ поръ не пересмотрѣны.

Хотя со времени вступленія въ силу законовъ о страхованіи рабочихъ въ Германіи прошло лишь короткое время, тѣмъ не менѣе эта великая идея настолько вошла въ плоть и кровь народа, что объ устраненіи этого страхованія никто ужъ и не думаетъ.

Благодаря примѣру германскаго правительства, возникло и вкоренилось и въ другихъ государствахъ убѣжденіе о необходимости огражденія рабочихъ какимъ либо путемъ, преимущественно отъ несчастныхъ случаевъ и болѣзней. Но и въ другихъ странахъ мы наблюдаемъ ту же нерѣшительность при введеніи принудительнаго страхованія, какая господствовала въ Германіи. Первая послѣдовала примѣру Германіи Австрія, гдѣ закономъ 28 декабря 1887 г. введено было обязательное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, а 30 марта 1888 г. обязательное страхованіе отъ болѣзней, хотя кругъ лицъ, къ которымъ примѣнялось это страхованіе, здѣсь является нѣсколько суженнымъ. Новеллой 4 апрѣля 1889 г. былъ дополненъ законъ о страхованіи отъ болѣзней, а новеллой 20 іюля 1894—законъ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ. При этомъ, относительно страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, замѣчается стремленіе приблизиться къ тому, что сдѣлано въ Германіи. Ввести страхованіе отъ нетрудоспособности и старости здѣсь пока не рѣшаются, хотя мысль объ этомъ давно получаетъ все болѣе твердую почву.

Въ Венгріи регулировано въ настоящее время пока лишь обязательное страхованіе отъ болѣзней закономъ 9 апрѣля 1891 г.

Въ Швейцаріи старались обезпечить положеніе рабочихъ путемъ цѣлаго ряда мѣропріятій союза и отдѣльныхъ кантоновъ о призрѣніи на случай болѣзней со стороны предпринимателей (особенно законъ 22 іюня 1875 г.) и путемъ усиленія отвѣтственности предпринимателей (законы 23 марта 1877 г., 25 іюня 1881 г., 26 апрѣля 1887 г.), но отъ принудительнаго страхованія рабочихъ Швейцарія первоначаль-

чально отказалась. Но 13 іюня 1890 г. совершенъ крутой поворотъ въ пользу принудительнаго страхованія, такъ какъ одинъ изъ пунктовъ конституціи даровалъ союзу право учреждать законодательнымъ путемъ страхованіе отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ и право дѣлать участіе въ этомъ страхованіи обязательнымъ для всѣхъ или нѣкоторыхъ классовъ населенія. Вскорѣ были разработаны и обнародованы соотвѣтствующіе проекты объ обязательномъ страхованіи отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ. Въ началѣ 1898 г. національный совѣтъ принялъ эти проекты.

Французскіе законодательные органы съ начала 80-хъ годовъ постоянно занимались вопросами о страхованіи рабочихъ. Первымъ довольно робкимъ шагомъ на пути принудительнаго страхованія явился законъ 29 іюня 1894 г., регулирующий обязательное страхованіе горнозаводскихъ рабочихъ отъ болѣзней. Затѣмъ 9 апрѣля 1898 г. утвержденъ законъ о вознагражденіи рабочихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ при несчастныхъ случаяхъ. Благодаря этому закону, пострадавшій рабочий и его семья приобрѣли право требовать вознагражденія отъ предпринимателя, причемъ учрежденъ фондъ для обезпеченія этихъ требованій; остальное однако предоставлено предпринимателямъ: они могутъ ограждать себя отъ послѣдствій этого закона, какъ имъ угодно. Но о принудительномъ страхованіи здѣсь нѣтъ и рѣчи ¹⁾).

Въ Италіи изданъ былъ 17 марта 1898 г., послѣ почти двадцатилѣтнихъ усилій, законъ, регулирующий притязанія промышленныхъ рабочихъ о вознагражденіи ихъ и членовъ ихъ семьи при несчастныхъ случаяхъ и вводящій принудительное страхованіе. При этомъ застраховывать рабочихъ предприниматели могутъ по своему усмотрѣнію либо въ учрежденной въ 1883 г. правительственной кассѣ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, либо въ частныхъ обществахъ, кассахъ или синдикатахъ. Такимъ образомъ, твердой организаціи принудительнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ въ Италіи не существуетъ.

Великобританія до сихъ поръ не рѣшается ввести принудительное страхованіе рабочихъ. Страхованіе отъ болѣзней находится тамъ всецѣло въ рукахъ добровольно учрежденныхъ кассъ, дѣятельность которыхъ регулирована закономъ 1875 г.; затѣмъ 7 сентября

¹⁾ Прим. ред. Нинѣ парламентомъ рѣшено отсрочить вступленіе закона 9 апрѣля 1898 г. въ силу и разсматриваются предположенія объ измѣненіяхъ этого закона.

1880 г. изданъ законъ объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими. Лѣтомъ 1897 г. былъ сдѣланъ шагъ впередъ въ томъ же направленіи: законъ Workmen's compensation act является дальнѣйшимъ усиленіемъ отвѣтственности предпринимателей.

Въ Даніи вышелъ 9 апрѣля 1891 г. законъ о выдачѣ вспоможенія достойнымъ рабочимъ при наступленіи старости, внѣ порядка установленнаго относительно призрѣнія бѣдныхъ; этотъ законъ однако не учреждаетъ страхованія отъ дряхлости, а обезпечиваетъ лишь доставленіе рабочимъ необходимыхъ средствъ изъ государственныхъ и общинныхъ суммъ. И здѣсь помощь рабочимъ въ случаѣ болѣзней сосредоточена въ добровольно организованныхъ кассахъ, дѣйствующихъ на основаніи закона 12 апрѣля 1892 г. „объ утвержденныхъ государствомъ кассахъ“. Эти утвержденныя кассы получаютъ субсидію отъ правительства. Съ половины 80-хъ годовъ обсуждался также вопросъ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ; но въ результатѣ оказалось лишь изданіе 7 января 1898 г. закона, увеличивающаго отвѣтственность предпринимателей; принудительнаго же страхованія до сихъ поръ не существуетъ.

Въ Швеціи кассы вспоможенія при болѣзни поставлены такъ же, какъ въ Даніи и регулированы закономъ 30 октября 1891 г. о „зарегистрованныхъ“ кассахъ, которыя также пользуются субсидіей отъ правительства. Правительство и парламентъ неоднократно разсматривали вопросъ объ обязательномъ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ и нетрудоспособности. Интересны относящіеся къ этому вопросу проекты, изъ которыхъ послѣднимъ является проектъ отъ 8 февраля 1898 г. Принятый второй палатой, въ маѣ 1898 г. онъ былъ однако отвергнутъ первой.

Въ Норвегіи парламентъ съ 1885 года нѣсколько разъ обсуждалъ вопросъ о регулированіи дѣятельности кассъ страхованія отъ болѣзней, но до изданія какихъ либо мѣропріятій дѣло не дошло. Относительно же страхованія отъ несчастныхъ случаевъ былъ изданъ законъ 23 іюля 1894 г., касающійся рабочихъ всѣхъ промышленныхъ предпріятій въ широкомъ смыслѣ этого слова. Страхованіе производится гарантированнымъ правительствомъ учрежденіемъ, причемъ издержки покрываются преміями предпринимателей.

Изъ сказаннаго видно, что вопросъ о вознагражденіи рабочихъ, пострадавшихъ при несчастныхъ случаяхъ, занимаетъ въ настоящее время умы особенно сильно, такъ какъ въ этомъ отношеніи

рабочій является жертвой современныхъ способовъ производства и такъ какъ здѣсь старыя правовыя воззрѣнія далеко не достаточны. Дѣйствительно, принудительное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ съ обязательной организаціей въ настоящее время существуетъ лишь въ Германіи, Австріи и Норвегіи. Въ Италіи хотя и имѣется принудительное страхованіе, но безъ соотвѣтствующей принудительной организаціи. Въ Швеціи и Швейцаріи работа такъ сильно подвинулась впередъ, что переходъ этихъ государствъ къ обязательному страхованію отъ несчастныхъ случаевъ является лишь вопросомъ времени. Въ недалекомъ будущемъ этотъ вопросъ долженъ рѣшиться въ положительномъ смыслѣ также въ Голандіи и Бельгіи. Франція, Англія и Данія находятся еще пока слишкомъ подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, идеи объ отвѣтственности предпринимателей, чтобы уже перейти къ обязательному страхованію въ какой либо формѣ. Однако и здѣсь законы послѣдняго времени подтвердили необходимость въ лучшемъ обезпеченіи пострадавшаго рабочаго и его семейства; исходя изъ этой точки зрѣнія, и эти страны, вѣроятно, принуждены будутъ ввести обязательное страхованіе, какъ это случилось и должно было случиться въ Германіи послѣ изданія законовъ объ отвѣтственности предпринимателей.

Мотивы, приводимые въ пользу принудительнаго страхованія и противъ него обсуждались столь часто и въ Германіи, и въ другихъ культурныхъ странахъ, что разсматривать ихъ здѣсь подробно представляется совершенно излишнимъ. Скажемъ только то, что, съ точки зрѣнія практики, обязательность страхованія является необходимымъ, такъ какъ нѣтъ возможности достигнуть той же цѣли инымъ путемъ. Цѣль же эта заключается въ томъ, чтобы освободить рабочаго отъ необходимости обращаться къ общественному призрѣнію, если его постигла болѣзнь, несчастный случай, нетрудоспособность или старость, такъ какъ общественное призрѣніе приходитъ ему на помощь только тогда, когда рабочій экономически совершенно погибъ, и такъ какъ оно соединено съ умаленіемъ достоинства и политическихъ правъ. Для достиженія этой цѣли рабочему должно быть предоставлено право требованія, которое могло бы быть осуществлено скоро, безъ долгой судебной проволочки и безъ увеличенія пропасти, отдѣляющей работодателей и рабочихъ,—право такого требованія, которое къ тому же не измѣнялось бы подъ вліяніемъ перемѣны мѣста и рода занятій, и обезпеченіе котораго сопряжено было бы съ наимень-

шими издержками. Это то освобожденіе рабочаго отъ экономическихъ послѣдствій, влекомыхъ за собой указанными выше событіями, не можетъ быть достигнуто путемъ увеличенія заработной платы настолько, чтобы рабочему оказалось возможнымъ дѣлать соответствующія сбереженія. Послѣднее прежде всего не исполнимо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда работоспособность уменьшается еще до накопленія необходимыхъ суммъ. Къ тому же, благодаря присущей людямъ слабости, многіе не въ состояніи сберегать излишки даже при достиженіи большей заработной платы. Чтобы сберегать что нибудь, необходимо во всякомъ случаѣ отказаться отъ удовлетворенія извѣстныхъ потребностей. Лишь незначительная часть рабочихъ согласилась бы на такое воздержаніе. Та же человѣческая слабость мѣшала бы многимъ рабочимъ платить часть болѣе высокаго дохода частнымъ учрежденіямъ въ качествѣ страховыхъ премій. При томъ вѣдь работа можетъ временно прекратиться, можетъ измѣниться мѣсто жительства или родъ занятій; а вслѣдствіе этого прерывается платежъ премій и возникаетъ опасность, что притязанія рабочихъ погибнуть.

Повсюду рабочіе пытались помочь себѣ путемъ страхованія въ устроенныхъ для этого собственныхъ кассахъ. Но повсюду лишь незначительная часть рабочихъ принимала участіе въ этихъ платежахъ. Такимъ образомъ, частное страхованіе путемъ самопомощи оказалось неудовлетворительнымъ. Желая усилить значеніе этихъ кассъ, государство пробовало содѣйствовать имъ въ видѣ субсидій тѣмъ изъ нихъ, которыя удовлетворяли извѣстнымъ требованіямъ; такая помощь кассамъ имѣютъ цѣлью увеличить число плательщиковъ; но для рабочихъ нѣтъ никакого основанія принимать въ нихъ большее участіе, чѣмъ прежде. Это показали опыты во Франціи, а въ послѣднее время и въ Швеціи.

Другимъ средствомъ къ достиженію той же цѣли является—обязать работодателя къ вознагражденію въ подлежащихъ случаяхъ, предоставляя ему во всемъ остальномъ полную свободу. Такія мѣры принимались, главнымъ образомъ, по отношенію къ несчастнымъ случаямъ (законы объ отвѣтственности предпринимателей). Но и они оказались безцѣльными даже тогда, когда значительная часть предпринимателей вслѣдствіе такой отвѣтственности старалась обезпечить себя путемъ страхованія въ частныхъ обществахъ. Право требованія, дарованное рабочему, существовало при такихъ обстоятельствахъ обыкновенно лишь на бумагѣ. Если страховое общество не въ состояніи было выдать вознагражденіе, если за-

страхованный предприниматель не могъ правильно уплачивать страховых премій или, не застраховавъ себя, не могъ вознаграждать рабочаго,—тогда притязаніе рабочаго не имѣло никакой силы. Если же предприниматель застраховалъ себя и своевременно уплачивалъ преміи, причемъ страховое общество также являлось платоспособнымъ, то во многихъ случаяхъ рабочій долженъ былъ вести судебный процессъ съ предпринимателемъ, чтобы получить вознагражденіе. Такимъ образомъ, вознагражденіе онъ получалъ лишь по истеченіи продолжительнаго времени, а въ случаѣ проигрыша совсѣмъ не получалъ. Къ тому же при отвѣтственности предпринимателей работодатели и рабочіе относятся другъ къ другу враждебно, и процессы не улучшаютъ ихъ отношеній. Препятствіемъ является также перемѣна мѣста жительства и рода занятій.

Такъ какъ всѣ указанные способы не приводятъ къ участію въ страхованіи всѣхъ заинтересованныхъ круговъ, то, очевидно, во всѣхъ этихъ случаяхъ обезпеченіе ихъ достигается лишь путемъ значительныхъ жертвъ. Ни одинъ изъ этихъ способовъ не въ состояніи рациональнымъ образомъ дѣйствительно устранить угрожающія рабочему опасности, а это вѣдь является цѣлью всякаго страхованія. Другихъ же способовъ достиженія той же цѣли безъ принужденія нѣтъ. Такимъ образомъ, мы приходимъ путемъ исключенія къ тому выводу, что принудительное страхованіе есть единственный путь, которымъ могутъ быть достигнуты желанные результаты. Этимъ путемъ возможно привлеченіе всѣхъ рабочихъ, сильное уменьшеніе премій, наибольшая увѣренность въ постоянной платоспособности страховых органовъ, уравнительность риска, скорѣйшая выплата вознагражденія, а при хорошей организаціи и предупрежденіе опасностей, поскольку это возможно.

То обстоятельство, что принудительное страхованіе нѣсколько ограничиваетъ личную свободу предпринимателей и рабочихъ, не можетъ служить доводомъ противъ него. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такими трудностями, что цѣль не можетъ быть достигнута наиболее выгоднымъ для общества образомъ безъ вмѣшательства въ свободу распоряженія отдѣльныхъ лицъ. О какомъ либо осуществленіи идеаловъ социализма здѣсь и рѣчи быть не можетъ: введеніе принудительнаго страхованія нисколько не въ состояніи поколебать основъ современной экономической жизни, и жертвовать личной свободой совсѣмъ не приходится. Для нея остается неограниченный просторъ по отношенію къ свободному

страхованію, а при правильной организаціи принудительнаго страхованія она и здѣсь можетъ проявляться въ достаточной мѣрѣ.

Во многихъ государствахъ, и въ Германіи, выставлялось противъ принудительнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ то соображеніе, что оно приводитъ къ увеличенію количества несчастныхъ случаевъ, причемъ ссылались на возрастаніе цифръ въ Германіи и Австріи. То же говорилось и по отношенію къ принудительному страхованію отъ болѣзней, а именно, что оно влечетъ за собой увеличеніе случаевъ заболѣванія. Такой взглядъ основанъ на неправильномъ выводѣ. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ, что статистика указываетъ на увеличеніе числа несчастныхъ случаевъ, но опасность наступленія ихъ вѣдь не могла же усилиться вслѣдствіе введенія страхованія. Какимъ образомъ уплата вознагражденій пострадавшимъ рабочимъ сама по себѣ можетъ привести къ увеличенію опасностей? Возраженіе цифръ объясняется лишь тѣмъ, что при существованіи принудительнаго страхованія всѣ эти случаи записываются гораздо болѣе добросовѣстно, независимо отъ ихъ значительности. При отсутствіи страхованія большая часть менѣе значительныхъ случаевъ не отмѣчается въ статистикѣ; когда же вводится страхованіе, всякій, хотя бы самый незначительный, несчастный случай пріобрѣтаетъ значеніе какъ для пострадавшаго, такъ и для страховыхъ органовъ. И дѣйствительно, возрастаніе цифръ въ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ какъ въ Германіи, такъ и въ Австріи, объясняется болѣе точной записью легкихъ поврежденій. Число несчастныхъ случаевъ, послѣдствіемъ которыхъ являлась смерть пострадавшаго, не увеличились въ Германіи, а число тяжкихъ поврежденій даже уменьшилось сравнительно съ количествомъ застрахованныхъ лицъ. Къ тому же оказывается, что цифры возрасли и въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ принудительнаго страхованія, но гдѣ улучшена статистика несчастныхъ случаевъ. На количество несчастныхъ случаевъ страхованіе могло бы вліять косвеннымъ образомъ, ослабляя заботы рабочихъ объ устраненіи опасностей. Но факты противорѣчатъ такому положенію. Наоборотъ, страхованіе привело къ увеличенію заботливости объ уменьшеніи опасностей, какъ со стороны страховыхъ органовъ, такъ и со стороны участниковъ въ страхованіи, особенно предпринимателей, такъ какъ всякое упущеніе въ этомъ отношеніи отзывается на ихъ расходахъ. Особенно замѣтно это явленіе въ Германіи относительно страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, такъ

какъ послѣдствія недостаточнаго предотвращенія опасностей отъзываются здѣсь особенно сильно на каждомъ участникѣ. Точно также и страхование отъ нетрудоспособности въ Германіи стремится всѣчески къ устраненію грозящихъ рабочему опасностей; такъ наприм., ревностно и съ большимъ успѣхомъ оно вело борьбу противъ чахотки.

Неосновательно и то опасеніе, будто принудительное страхование можетъ повлечь за собой менѣе заботливое отношеніе къ рабочему—ослабить уходъ за нимъ и, благодаря этому, увеличить расходы государства. Принудительное страхование, напротивъ, обеспечиваетъ своевременную подачу медицинской помощи и доставляетъ болѣе выгодныя условія для выздоровленія рабочаго, охраняя его отъ матеріальной нужды; увеличивается стремленіе со стороны предпринимателя достичь при этомъ наилучшихъ результатовъ и сохранить по возможности работоспособность. И въ этомъ отношеніи опытъ Германіи является крайне поучительнымъ.

Наконецъ, высказывается мнѣніе, что принудительное страхование приводитъ къ тому, что рабочіе часто прибѣгаютъ къ обману. Что такіе факты существуютъ, этого отрицать нельзя, но причина ихъ заключается не въ принудительномъ страхованіи, а въ человѣческомъ характерѣ. Всегда будутъ встрѣчаться люди, желающіе воспользоваться въ своихъ интересахъ добрыми намѣреніями другихъ; законы, по страхованію должны принять мѣры для устраненія такихъ злоупотребленій о нельзя же отказываться отъ учрежденія принудительнаго страхованія изъ-за того лишь, что часть застрахованныхъ можетъ притворяться и оказаться симулирующими болѣзни и уменьшеніе трудоспособности. Съ такой точки зрѣнія и всякое свободное страхование негодно.

Повсюду, гдѣ обсуждался вопросъ о принудительномъ страхованіи, наибольшія трудности представляла необходимость считаться съ вопросомъ о значеніи вины самаго застрахованнаго лица. Въ томъ, что умышленныя заболѣванія, несчастные случаи и нетрудоспособность не могутъ вознаграждаться, и что съ другой стороны незначительная неосторожность не должна лишать рабочаго этого права, въ этомъ всѣ сходятся. Но разногласіе господствуетъ относительно тѣхъ случаевъ, гдѣ рѣчь идетъ о грубой неосторожности со стороны потерпѣвшаго. Особенно важенъ этотъ вопросъ по отношенію къ несчастнымъ случаямъ. Неудивительно, что тѣ, которые не отказались отъ старыхъ воззрѣній на отвѣтственность рабочаго, находятъ несправедливымъ возна-

гражденіе рабочаго, пострадавшаго, благодаря собственной винѣ. Изъ этой точки зрѣнія они исходятъ и при вопросѣ о введеніи принудительнаго страхованія. Къ этому обстоятельству присоединяется еще опасеніе, что невнимательность рабочаго увеличится, если будетъ исключенъ вопросъ о его виновности. Но послѣднее сомнѣніе не можетъ имѣть значенія. Вслѣдствіе собственной неосторожности рабочій самъ страдаетъ, такъ какъ доходы его сводятся лишь къ той суммѣ, которая ему выдается страховымъ учрежденіемъ, а между тѣмъ усиливаются его заботы и страданіе, и часто къ этому присоединяется хроническая болѣзнь или увѣчья. Эти послѣдствія столь тяжки, что въ достаточной мѣрѣ способны удержать рабочаго отъ неосторожности. Случаи грубой непредусмотрительности будутъ встрѣчаться, конечно, всегда, но количество этихъ случаевъ, какъ доказано опытомъ, незначительно сравнительно съ количествомъ несчастныхъ случаевъ.

Кромѣ того, крайне трудно подыскать юридически правильное опредѣленіе тяжелой неосторожности рабочаго; врядъ ли возможно также при современномъ способѣ производства смотрѣть на эту вину, какъ на дѣйствительную причину несчастнаго случая. Количество случаевъ, гдѣ можно доказать ее и поэтому отказать въ вознагражденіи, окажется крайне незначительнымъ. Но во многихъ случаяхъ появится сомнѣніе, виновенъ ли рабочій. Разсмотрѣніе вопроса о винѣ обыкновенно вызываетъ массу хлопотъ, сильное ожесточеніе, злобу и ненависть. Страхуваніе не только не приведетъ въ этомъ случаѣ къ примѣренію предпринимателей и рабочихъ, а, наоборотъ, еще ухудшитъ отношенія вслѣдствіе постоянныхъ споровъ. Съ другой стороны, суммы, сохраняемыя благодаря такому образу дѣйствій столь незначительны, что ихъ можно оставить вовсе безъ вниманія и если, благодаря устраненію вопроса о виновности рабочихъ, нѣкоторые изъ нихъ незаслуженно получаютъ вознагражденіе, то это всетаки будетъ меньшимъ изъ двухъ золъ.

Исходя изъ такихъ соображеній, Германія совершенно устранила вопросъ о винѣ рабочаго при несчастныхъ случаяхъ; мотивами для отказа въ вознагражденіи или, по крайней мѣрѣ, уменьшенія суммы являются въ Германіи, помимо преднамѣреннаго дѣйствія, нетрудоспособность, являющаяся послѣдствіемъ доказаннаго судомъ преступленія, и болѣзнь, причина которой заключается въ (точно опредѣленномъ) безнравственномъ поведеніи ¹⁾. Изъ этой же

¹⁾ При страхованіи отъ болѣзней въ этихъ случаяхъ можетъ быть отказано въ выдачѣ слѣдуемой рабочему суммы, но не въ лекарствахъ и врачебной помощи.

точки зрѣнія исходитъ страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ въ Австріи, Норвегіи и Италіи. Во Франціи (по зак. 9 апр. 1898 г.) вина рабочаго, ничѣмъ не извинимая, приводитъ къ уменьшенію вознагражденія. Въ Даніи его притязанія въ этихъ случаяхъ совершенно теряютъ силу (законъ 7 января 1898). По англійскому закону 1897 г. вознагражденіе не выдается въ томъ случаѣ, если рабочій пострадалъ вслѣдствіе преднамѣреннаго собственнаго дѣйствія. Значеніе этихъ законовъ, помимо другихъ недостатковъ, уменьшается уже благодаря такому отношенію къ вопросу о виновности рабочаго.

Введеніемъ принудительнаго страхованія, конечно, не устраняется отвѣтственность предпринимателя въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вина его является умышленной. Но вопросъ заключается въ томъ, какъ слѣдуетъ отнестись къ тѣмъ случаямъ, которые вызваны неосторожностью предпринимателя, въ особенности при несчастныхъ случаяхъ. Все страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ основывается на томъ, что несчастные случаи имѣютъ причину не способъ устройства и веденія единичнаго предпріятія, а особенностями той или другой отрасли промышленности. Поэтому возможно принудительное соединеніе предпринимателей для несенія сообща риска, сопряженнаго съ производствомъ въ данной отрасли промышленности. Такъ какъ вознагражденіе рабочаго является при такихъ обстоятельствахъ вполнѣ обезпеченнымъ, то, очевидно, принудительное страхованіе должно принципиально отказаться отъ дарованія застрахованному рабочему и его семьѣ права на притязаніе по отношенію къ предпринимателю, если этотъ несчастный случай подлежитъ вознагражденію. Этимъ не исключается, правда, право требованія по отношенію къ третьимъ лицамъ; однако, при участіи всѣхъ отраслей производства въ страхованіи, практическія соображенія побуждаютъ къ устраненію этихъ притязаній, такъ какъ и здѣсь, въ концѣ концовъ, въ несчастныхъ случаяхъ виновны общія условія производства. Уничтожая такимъ образомъ отвѣтственность (небрежнаго) предпринимателя, можно было бы взамѣнъ ея установить обязанность возмѣщенія предпринимателемъ убытковъ, понесенныхъ органами страхованія при вознагражденіи рабочаго, пострадавшаго вслѣдствіе неосмотрительности предпринимателя. Это усилило бы заботливость предпринимателей и уменьшило бы количество несчастныхъ случаевъ. Однако, возмѣщеніе убытковъ противорѣчитъ основнымъ положеніямъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ.

Вѣдь объединеніе предпринимателей для совмѣстнаго несенія риска оправдывается тѣмъ, что несчастные случаи объясняются общими условіями современнаго способа производства; между тѣмъ при установленіи обязанности возмѣщенія убытковъ такое объединеніе невозможно. Поэтому при введеніи принудительнаго страхованія рабочихъ необходимо отказаться отъ допущенія отвѣтственности предпринимателей при несчастныхъ случаяхъ въ производствѣ по отношенію къ застрахованнымъ рабочимъ или органамъ страхованія. Этимъ, конечно, не устраняется ихъ отвѣтственность, поскольку это касается другихъ лицъ или другихъ несчастныхъ случаевъ.

Этотъ принципъ не вполне усвоенъ законодательствомъ. Такъ, въ германскомъ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ за непредусмотрительность отвѣчаютъ предприниматели; кромѣ того, всякій предприниматель обязанъ возмѣститъ убытки страховому органу, если уголовнымъ судомъ доказано, что предприниматель былъ недостаточно предусмотрителенъ и не проявлялъ той заботливости, которая отъ него требуется, благодаря особенностямъ его должности, занятія или промысла. Исходя вообще изъ той же точки зрѣнія, Австрія допускаетъ обязанность возмѣщенія убытковъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о тяжелой винѣ со стороны предпринимателя. Въ Норвегіи предприниматель отвѣтственъ, если уголовнымъ судомъ установлено, что онъ не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности, но при этомъ страховые органы могутъ требовать возмѣщенія ихъ убытковъ, такъ что рабочему остается только излишекъ изъ этой суммы. Отвѣтственность постороннихъ предпринимателей здѣсь не ограничена. Въ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ по итальянскимъ законамъ предприниматель отвѣтственъ въ томъ случаѣ, если судомъ доказано, что несчастіе произошло по винѣ предпринимателя: вслѣдствіе обмана, незнанія, неспособности къ своему дѣлу, невнимательности или неисполненія существующихъ предписаній. И здѣсь страховой органъ вправе требовать возмѣщенія убытковъ.

Съ идеей страхованія рабочихъ тѣсно связано принужденіе къ страхованію рабочихъ всѣхъ предпріятій безъ различія въ величинѣ заработка. Это положеніе, дѣйствительно, усвоено германскимъ и австрійскимъ законодательствомъ, а также страхованіемъ отъ несчастныхъ случаевъ въ Норвегіи и Италіи. При этомъ въ Германіи установлено, съ какого возраста рабочаго (16 лѣтъ) начинается обязанность страхованія его отъ нетрудоспособности и

старости. Въ Венгріи же существуетъ предѣльная величина заработка: рабочій, получающій болѣе четырехъ гульденовъ въ день, не обязанъ застраховать себя на случай болѣзни.

Кромѣ рабочихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ, имѣются также служащіе, экономическое и соціальное положеніе которыхъ во многомъ сходно съ положеніемъ рабочихъ; необходимо поэтому и ихъ обязать къ страхованію. Для ограниченія круга этихъ служащихъ въ Германіи, Венгріи и Италіи воспользовались чисто механическимъ средствомъ, установивъ предѣльную заработную плату (2000 марокъ въ годъ въ Германіи, 4 гульдена въ день въ Венгріи и 7 лиръ въ день въ Италіи). Въ Италіи, кромѣ того, необходимо, чтобы жалованіе уплачивалось не рѣже одного раза въ мѣсяцъ. Въ Норвегіи и Австріи признаютъ всѣхъ служащихъ при эксплоатаціи подлежащими страхованію. Расширеніе круга лицъ подлежащихъ добровольному или установленному обязательному страхованію—настолько различно организовано, что мы не можемъ останавливаться на нихъ. По итальянскимъ и австрійскимъ законамъ добровольное участіе въ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ не предусматрѣно.

При опредѣленіи профессиональнаго состава лицъ, подлежащихъ принудительному страхованію, необходимо имѣть въ виду, что это страхованіе должно касаться всѣхъ промышленныхъ, земледѣльческихъ и лѣсныхъ рабочихъ, а также моряковъ и другихъ равныхъ имъ по положенію лицъ, такъ какъ всѣ эти роды занятій требуютъ усиленнаго огражденія рабочихъ. Этотъ принципъ усвоенъ Германіею. Законы о страхованіи въ Австріи, Венгріи, Италіи и Норвегіи относятся лишь къ извѣстнымъ родамъ предпріятій, которыя перечисляются закономъ въ той или другой формѣ и включаютъ въ себѣ всю промышленность въ широкомъ смыслѣ слова, какъ это было раньше и въ Германіи, по закону 1884 г.

Задача страхованія не можетъ заключаться въ устраненіи всѣхъ послѣдствій тѣхъ опасностей, которыя грозятъ рабочему. Предоставленіе больному, увѣчному или вообще инвалидному рабочему тѣхъ же средствъ, какими онъ пользовался, будучи здоровымъ, означало бы дать поводъ къ симуляціи. Къ тому же страховыя преміи могутъ быть обязательными лишь въ томъ размѣрѣ, какой необходимъ, чтобы не дать рабочему совершенно экономически погибнуть. Если же рабочій желаетъ обезпечить себѣ лучшее положеніе, то онъ можетъ застраховать себя въ частныхъ страховыхъ учрежденіяхъ. И дѣйствительно, высота платежей опредѣ-

лена во всѣхъ законахъ о страхованіи рабочихъ такимъ образомъ, что она не достигаетъ обычной заработной платы.

Что касается внѣшней формы страховых вознагражденій, то въ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ и отъ неспособности къ труду существуютъ два способа выплаты: путемъ періодическихъ платежей или путемъ выдачи единовременной (капитализированной) суммы. Выгода перваго способа заключается въ возможности обезпечить имущественное положеніе рабочихъ и въ возможности соразмѣрить величину премій съ измѣненіемъ въ трудоспособности рабочаго. Но этотъ способъ не даетъ ему возможности снова зажить по прежнему, такъ какъ для этого необходимы большія средства. Единовременная выдача капитала, являясь болѣе удачной въ этомъ отношеніи, съ другой стороны, однако, болѣе опасна, такъ какъ выданная сумма можетъ быть скоро истрачена на удовольствія, она можетъ исчезнуть, благодаря неудачному хозяйству, при попыткѣ выбрать себѣ новое занятіе, наконецъ, вслѣдствіе кражи и т.д., въ этомъ случаѣ рабочій снова попадаетъ въ прежнее безвыходное положеніе и долженъ прибѣгнуть къ помощи благотворительности, а устраненіе необходимости въ послѣдней является вѣдь цѣлью страхованія. Поэтому періодическіе платежи оказываются болѣе соответствующими своему назначенію. И на практикѣ они примѣняются наиболѣе часто. Германія, Австрія и Норвегія ввели періодическую уплату суммъ, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ допускается замѣна ихъ путемъ выдачи всей суммы единовременно. Наоборотъ въ Италіи выдается вся сумма.

При страхованіи рабочихъ приходится имѣть дѣло съ такой массой людей, что трудно предоставить усмотрѣнію самихъ участниковъ въ страхованіи выборъ и организацію управленія страхованіемъ. При томъ разнообразіи интересовъ, которые здѣсь замѣшаны, возникаетъ опасность, что большая часть обязанныхъ къ страхованію лицъ не въ состояніи будетъ самостоятельно учредить необходимые органы. Изъ того обстоятельства, что значительная часть лицъ, застрахованныхъ въ Германіи отъ болѣзней, должна обращаться къ общинному страхованію, которое является вспомогательнымъ, видно, что при полной свободѣ въ организаціи она не достаточно удовлетворительна. Нежелательно также основывать такое массовое страхованіе на частной предпріимчивости. Сопряженное съ этимъ раздробленіе противорѣчитъ экономическому принципу; къ тому же страхованіе рабочихъ относится къ государственнѣмъ задачамъ, осуществленіе которыхъ не можетъ

быть предоставлено интересу частныхъ предпринимателей. Почти всѣ государства, которыя ввели принудительное страхование рабочихъ, позаботились поэтому также о соотвѣтственной организаціи ея. Только Италія сдѣлала, какъ указано выше, ошибку, допустивъ для страхованія отъ несчастныхъ случаевъ выборъ между четырьмя способами организаціи, въ составъ которыхъ входятъ и частныя страховыя общества.

Что касается другихъ странъ, гдѣ существуетъ принудительное страхование, то въ Норвегіи участвующіе въ страхованіи объединены въ правительственное учрежденіе, мѣстными органами котораго являются отдѣльные чиновники. Послѣдніе выбираютъ общинами. Объ участіи рабочихъ въ управленіи въ законѣ не упоминается. Такое разрѣшеніе вопроса тамъ оказалось неизбежнымъ, такъ какъ въ настоящее время количество участвующихъ, къ тому же сильно разбросанныхъ, не достигаетъ ста тысячъ, въ виду чего не было возможности прибѣгать къ сложной организаціи.

Въ Германіи, Австріи и Венгріи проведена та мысль, что участвующихъ въ страхованіи необходимо объединить въ корпораціи, установленныя государствомъ, предоставляя имъ широкое самоуправленіе съ болѣе или менѣе рѣзко выраженнымъ участіемъ рабочихъ въ текущихъ дѣлахъ. При этомъ, можно руководствоваться двумя принципами организаціи, а именно—распредѣленіемъ профессиональнымъ или территориальнымъ. Организациа по профессіямъ выгодна въ томъ отношеніи, что допускаетъ образовать органы управленія изъ специалистовъ въ каждой отдѣльной отрасли. Второй способъ дѣлаетъ возможнымъ большую централизацію и уменьшаетъ, благодаря этому, расходы по управленію. Такъ какъ каждое изъ этихъ преимуществъ имѣетъ большое значеніе, то наиболѣе цѣлесообразнымъ является соединить оба принципа вмѣстѣ, учреждая профессиональные органы въ округахъ средняго размѣра. При этомъ не надо забывать, что страхование отъ болѣзней, которое должно стоять по возможности ближе къ индивидуальнымъ условіямъ жизни, можетъ быть наилучшимъ образомъ устроено учрежденіемъ страховыхъ органовъ, дѣйствующихъ на незначительномъ пространствѣ, тогда какъ страхование отъ несчастныхъ случаевъ и неспособности къ труду нуждается въ большихъ, болѣе сильныхъ союзахъ.

Въ дѣйствительности страхование организовано въ Германіи, Австріи и Венгріи довольно разнообразно. Организациа по территориямъ существуетъ, въ качествѣ главнаго способа въ австрійскомъ законодательствѣ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ

и въ страхованіи отъ неспособности къ труду и старости въ Германіи. Профессіональная организація встрѣчается, главнымъ образомъ, въ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ въ Германіи; она соединена, въ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ въ сельскомъ хозяйствѣ, съ принципомъ территоріальнымъ, благодаря участію административныхъ органовъ, а также въ наиболѣе важныхъ отрасляхъ промышленности и—заинтересованныхъ лицъ. Оба принципа слиты во всѣхъ трехъ странахъ также при страхованіи рабочихъ отъ болѣзней, хотя формы организаціи довольно разнообразны.

Въ Австріи и Германіи различныя отрасли страхованія организованы отдѣльно другъ отъ друга. Мысль о введеніи единой организаціи для всѣхъ отраслей страхованія, обсуждалась особенно много въ Германіи, но способа осуществленія этой мысли еще не найдено.

Высказываются въ этомъ отношеніи различныя взгляды: одни требуютъ полнаго проведенія территоріальнаго начала, другіе же соединенія съ профессіональнымъ. Какъ видно изъ только что указаннаго, въ Германіи страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ и болѣзней развивается во второмъ направленіи, по крайней мѣрѣ, зародыши этого развитія уже ясны, хотя рѣшеніе этого вопроса еще не созрѣло.

Страхованіе рабочихъ должно необходимо опираться на взносы участвующихъ, какъ рабочихъ, такъ и работодателей. Рабочимъ должно принадлежать право требованія. Для приобрѣтенія этого права необходимы взносы съ ихъ стороны. Нѣтъ, конечно, надобности въ томъ, чтобы эти взносы существовали въ каждой отрасли страхованія въ отдѣльности. Вполнѣ достаточно, если какъ это имѣетъ мѣсто въ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ въ Германіи и Австріи, путемъ переноса вознагражденія за быстро излечиваемыя увѣчья на кассы страхованія отъ болѣзней рабочіе будутъ привлечены косвенно къ участію въ этомъ бремени. Неправильно было бы свалить все бремя страхованія на однихъ рабочихъ, это не только практически неудобно, но и противорѣчитъ принципамъ экономической политики. Дѣло въ томъ, что страхованіе является средствомъ къ увеличенію заработной платы косвеннымъ путемъ, такъ какъ существующая плата недостаточна для обезпеченія рабочихъ отъ послѣдствій болѣзней, несчастныхъ случаевъ и т. д. Въ сущности заработная плата должна была бы быть достаточной для этого. Поэтому представляется возможнымъ усилить заработную плату

путемъ взносов со стороны предпринимателей, доставляя такимъ образомъ рабочему необходимыя средства для его обезпеченія.

Такъ какъ опасности, послѣдствія которыхъ необходимо устранить, вызываются особенностями труда и способа производства, то участники, т. е. рабочіе и предприниматели, должны въ сущности сами нести это бремя и не могутъ претендовать на содѣйствіе другихъ классовъ. Это, однако, не исключаетъ возможности взиманія необходимыхъ средствъ со всего населенія для облегченія введенія страхованія или для устраненія временныхъ затрудненій. Германія, однако, отказалась отъ строгаго проведенія этого принципа по отношенію къ страхованію отъ неспособности къ труду и старости, допуская участіе въ доставленіи ренты, хотя и небольшую, со стороны государства. Изъ всѣхъ доводовъ, приводимыхъ въ пользу этой мѣры наиболѣе правильнымъ является указаніе на то, что на опасности, о которыхъ идетъ рѣчь въ этой области страхованія, общія условія имѣютъ большее вліяніе, чѣмъ на болѣзни и несчастные случаи. Такъ какъ къ существующему мало по малу привыкають и обыкновенно считаютъ его необходимымъ и понятнымъ, то теперь никто болѣе не относится отрицательно къ участію государства.

На вопросъ, какой системы слѣдуетъ придерживаться при доставленіи необходимыхъ средствъ, можно отвѣтить—относительно періодически выдаваемыхъ рентъ—различнымъ образомъ. Или слѣдуетъ имѣть постоянно въ своемъ распоряженіи извѣстныя суммы для покрытія издержекъ по выплатѣ рентъ и съ этой цѣлью взимать съ участвующихъ въ страхованіи опредѣленные, на основаніи техники страхованія вычисленные взносы, или же достаточно раскладки дѣйствительныхъ издержекъ между заинтересованными лицами, съ дополнительными взносами для образованія запаснаго капитала. Первая система болѣе надежна, поскольку возможно заранѣе вычислить ростъ процента и поскольку имѣются достаточныя данныя для пользованія теоріей вѣроятности. Но введеніе страхованія сильно затрудняется въ этомъ случаѣ, такъ какъ съ самаго начала необходимы полныя взносы. При раскладкѣ издержекъ эти взносы незначительны, что облегчаетъ введеніе страхованія. Но затѣмъ они возрастають, сначала быстро, затѣмъ въ меньшей степени, пока не устанавливается постоянная цифра. Капиталы, предназначенные для покрытія,—меньше предполагаемыхъ издержекъ, но все же путемъ увеличенія запасныхъ капиталовъ устраняется упрекъ въ несолидности, такъ часто дѣлаемый указанной системой обложенія.

Теоретически этотъ вопросъ нельзя разрѣшить. Опытъ показалъ, что обѣ системы одинаково примѣнимы и что при выборѣ необходимо руководствоваться особенностями страны, организаціи страхованія и распредѣленія взносовъ между участвующими лицами. Система раскладки издержекъ неудобна тамъ, гдѣ взносы дѣлаются рабочими, гдѣ союзы не велики, гдѣ страна небольшая или хотя и большая, но мало быстро прогрессирующая въ экономическомъ отношеніи. Эта система цѣлесообразна при взносахъ предпринимателей и государства въ большихъ и экономически развитыхъ странахъ, гдѣ существуетъ значительная потребность въ капиталахъ для производительныхъ цѣлей и гдѣ страховые органы обширны и платоспособны. Поэтому при страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ въ Германіи оказалась примѣнимой система раскладки, тогда какъ при введеніи страхованія отъ неспособности къ труду и старости она явилась неудобной уже потому, что взносы производились рабочими. Въ другихъ же странахъ (Австріи, Норвегіи, Италіи) и относительно страхованія отъ несчастныхъ случаевъ предпочли первый способъ; этотъ способъ наиболѣе пригоденъ также для Голландіи, Бельгіи и Швейцаріи.

И. К.

IV.

УЧАСТІЕ ПРОКУРОРА ВЪ НАПРАВЛЕНІИ ДѢЛЪ ЧАСТНАГО ОБВИНЕНІЯ.

(Ст. 511-я уст. угол. суд.) ¹⁾.

До сего времени остается невыясненнымъ вопросъ: какъ и отъ кого, отъ какого судебного установленія, отъ должностныхъ или отъ частныхъ лицъ, исходитъ преданіе суду по дѣламъ частнаго обвиненія, разсматриваемымъ *безъ участія присяжныхъ засѣдателей*. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что по дѣламъ частнаго обвиненія съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей преданіе суду исходитъ отъ судебной палаты, какъ обвинительной камеры, которая и при наличности жалобы частнаго обвинителя вправе прекратить дѣло по недостаточности уликъ; въ противномъ же случаѣ, она обязана составить опредѣленіе о преданіи суду, квалифицируя преступное дѣяніе по той или иной статьѣ Улож. о нак., съ изложеніемъ хотя вкратцѣ обстоятельствъ дѣла и съ указаніемъ лицъ, подлежащихъ вызову въ судебное засѣданіе.

¹⁾ Почтенный авторъ настоящей замѣтки возбуждаетъ не новый, но весьма любопытный вопросъ, который въ сущности сводится къ принятой отчасти въ Германскомъ процессѣ двойственности обвиненія, въ видѣ субсидіарнаго обвиненія. Мы не раздѣляемъ взгляда г. Волжина относительно преданія суду по дѣламъ частнаго обвиненія; мы полагаемъ, что по этимъ дѣламъ *вовсе нѣтъ* преданія суду и поэтому вопросъ долженъ быть поставленъ шире, а именно, не слѣдуетъ-ли прокуратурѣ предоставить болѣе широкое участіе въ дѣлахъ частнаго обвиненія. Въ этомъ своемъ видѣ вопросъ представляетъ интересъ, и для разрѣшенія его соображенія автора имѣютъ значеніе. *Ред.*

Но вопросъ о преданіи суду по ст. 511 уст. уг. суд. остается открытымъ, хотя въ судебной практикѣ *фактически* и существуетъ преданіе суду съ извѣстными процессуальными и юридическими послѣдствіями для участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Но одинъ фактъ преданія суду, безъ санкціонированія его процессуальнымъ закономъ, тѣмъ не менѣе остается только фактомъ. Пока-же, при существованіи въ уставѣ уголовного судопроизводства этого пробѣла, можно съ увѣренностью сказать, что во всякомъ случаѣ *предаютъ суду не частный обвинитель*—потерпѣвшій отъ преступленія, или замѣняющій его повѣренный,—и не *прокуроръ*. Прокуроръ, въ силу закона (ст. 511, 517 уст. угол. суд.), обязанъ разсматривать поступающія къ нему дѣла по 478, 479 и 277 ст. уст. угол. суд. только на тотъ предметъ, чтобы удостовѣриться, нѣтъ-ли по дѣлу такого преступнаго дѣянія, которое подлежало бы вѣдѣнію его, какъ органа публичнаго обвиненія. Наблюдая за производствомъ слѣдствія и въ общемъ, и въ частномъ порядкѣ обвиненія, прокуроръ въ существо дѣлъ частнаго обвиненія не входитъ: онъ не вправе предлагать судебному слѣдователю о привлеченіи того или иного лица къ слѣдствію; онъ не вправе и возвратить такое дѣло къ дослѣдованію путемъ, напримѣръ, допроса такихъ свидѣтелей, которыхъ не указываетъ въ своей жалобѣ или въ своемъ показаніи частный обвинитель; онъ можетъ только предлагать объ исполненіи установленныхъ въ законѣ процессуальныхъ формъ и обрядовъ, напримѣръ, о склоненіи сторонъ къ миру, если изъ полученнаго имъ дѣла онъ усмотритъ, что этотъ обрядъ еще не исполненъ судебнымъ слѣдователемъ. Но еще менѣе умѣстно предположеніе, что преданіе суду исходитъ въ данномъ случаѣ отъ частнаго обвинителя. Онъ только вправе принести кому слѣдуетъ жалобу; для преданія суду необходима *правильная квалификация* преступнаго дѣянія; такая работа можетъ быть подъ силу развѣ только профессиональному юристу, да притомъ еще—опытному юристу-практику. Частный обвинитель вправе и можетъ изложить въ своей жалобѣ или въ показаніи судебному слѣдователю, какъ лицо потерпѣвшее, только обстоятельства дѣла съ описаніемъ событія преступнаго дѣянія: когда и какъ оно произошло и кѣмъ совершено.

Правильная квалификация необходима не только для преданія суду, но и для возможности постановленія судомъ правильнаго приговора съ примѣненіемъ надлежащихъ статей карательнаго закона, а не тѣхъ статей, которыя иногда могутъ быть совершенно ошибочно

приведены въ жалобѣ частнаго обвинителя или даже въ постановленіи судебнаго слѣдователя о принятіи дѣла къ своему производству, о принятіи той или иной мѣры обезпеченія явки обвиняемаго къ слѣдствію и суду по 416 ст. уст. угол. суд. и т. д.

Большая часть уголовныхъ дѣлъ частнаго обвиненія обнимаетъ собою обширную область преступленій—нанесенія легкихъ ранъ, легкихъ увѣчій и причиненія неважнаго вреда здоровью (примѣчаніе 1 къ ст. 1496 и 157 улож. о нак., и ст. 5 уст. угол. суд.); *юридическую квалификацію* этихъ преступленій *почему-то принимаютъ на себя прежде всего судебные врачи*—эксперты, ибо они даютъ свое мнѣніе или заключеніе о важности этихъ тѣлесныхъ поврежденій и о послѣдствіяхъ для здоровья, а судебные слѣдователи, провѣряя правильность такого заключенія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ мнѣніемъ врачебнаго отдѣленія или даже медицинскаго департамента (когда мнѣніе врача представляется явно несообразнымъ съ данными дѣла, или когда потребуютъ сего прокуроръ, окружный судъ или судебная палата), обыкновенно принимаютъ такую квалификацію, какъ нѣчто непреложно-вѣрное и кладутъ ее въ основу дѣла, давая ему то или иное направленіе—въ частномъ или въ общемъ порядкѣ обвиненія, съ производствомъ слѣдствія или безъ слѣдствія (ст. 546 уст. угол. суд.) и съ соблюденіемъ лишь обряда склоненія сторонъ къ миру (ст. 303¹ уст. угол. суд.). Нѣкоторые врачи усвоили въ заключеніяхъ часто ошибочные и крайне неудачные термины нашего отжившаго свой вѣкъ улож. о нак. Я нерѣдко встрѣчалъ такое выраженіе въ судебно-врачебныхъ актахъ: „означенное поврежденіе слѣдуетъ отнести къ менѣе тяжкимъ увѣчьямъ“. Въ этомъ случаѣ судебный слѣдователь уже безъ всякихъ колебаній означаетъ въ своемъ производствѣ 1480 улож. о нак., не интересуясь даже установленіемъ полного состава этого преступленія и не касаясь, напримѣръ, вопроса: не съ обдуманнѣмъ ли намѣреніемъ оно было причинено? Вѣдь еслибъ оказалась наличность обдуманнаго намѣренія, то и нанесеніе „менѣе тяжкаго“, т. е. легкаго увѣчья, по разъясненіямъ кассационнаго сената, уже нельзя было-бы подвести подъ дѣйствіе 1480 ст. улож. Какъ скоро судебный врачъ выразитъ въ заключеніи: „означенную рану слѣдуетъ отнести къ разряду легкихъ ранъ“,—судебный слѣдователь опять-таки безъ всякихъ колебаній подведетъ преступное дѣяніе подъ дѣйствіе 2 ч. 1483 ст. улож. о нак. и направитъ дѣло въ порядкѣ частнаго обвиненія, не интересуясь даже вопросомъ: не была-ли нанесена

эта рана въ дракѣ? Между тѣмъ, отъ наличности этого фактического обстоятельства, то есть, отъ существованія драки или ссоры, зависѣла бы квалифікація преступнаго дѣянія уже по признакамъ 1485 ст. улож. Послѣдствія же примѣненія въ судебномъ приговорѣ 2 ч. 1483 ст. улож. совсѣмъ иныя, чѣмъ въ случаѣ примѣненія 1485 ст. улож. А при томъ или иномъ взглядѣ на фактическія обстоятельства дѣла, одинъ и тотъ же преступный фактъ оказывается возможно квалифіцировать одинаково правильно и по 1483 и по 1485 ст. улож., а можетъ быть и по другой карательной статьѣ закона, хотя-бы и по тому простому соображенію, что едва-ли даже возможно представить себѣ случай нанесенія легкой раны въ состояніи раздраженія или запальчивости безъ всякой ссоры.

Если-же и преданіе суду по дѣламъ частнаго обвиненія, безъ присяжныхъ, фактически исходитъ отъ судебного слѣдователя на основаніи какъ-бы *подсказанной* ему квалифікаціи судебнымъ врачомъ (ибо на таковую квалифікацію обыкновенно не вліяетъ ни прокуроръ, предлагающій дѣло окружному суду по 511 ст. уст. угол. суд., ни окружный судъ, дающій по 547 ст. того-же устава ходъ дѣлу и при постановленіи приговора имѣющій въ виду лишь ту статью карательнаго закона, какая означена въ постановленіяхъ судебного слѣдователя о принятіи дѣла къ производству, о вызовѣ сторонъ для склоненія къ миру и о направленіи дѣла по 546 или 479 ст. уст. угол. суд.), то отсюда возникаетъ необходимость возложенія такой квалифікаціи, имѣющей послѣдствіемъ преданіе суду по обвиненію въ томъ или иномъ преступленіи, на офиціальныи органъ, т. е. на прокурора окружнаго суда. Вѣдь очевидно, что въ основу преданія суду по дѣламъ этого рода нельзя-же ставить, одно только мнѣніе иногда ошибочное, судебного слѣдователя, который притомъ же иногда направляетъ такія дѣла и безъ производства слѣдствія, по 546 ст. уст. угол. суд., т. е. безъ обслѣдованія и надлежащей юридической оцѣнки всего фактического матеріала. Въ основу преданія суду нельзя ставить и состоявшееся въ распорядительномъ засѣданіи опредѣленіе окружнаго суда, когда судъ по 547 ст. уст. угол. суд. постановляетъ дать дѣлу дальнѣйшій ходъ съ участіемъ или безъ участія присяжныхъ засѣдателей, въ общемъ или частномъ порядкѣ обвиненія, по признакамъ такой или иной карательной статьи уложенія. Было-бы ни съ чѣмъ не сообразно, если-бы въ роли судей по предвзятому, ими-же самими составленному взгляду на существо дѣла и юридической квалифікаціи преступленія, составляющаго предметъ обвиненія, очутились-

бы: 1) самъ судебный слѣдователь, который принялъ дѣло къ своему производству по квалификаціи дѣянія, сдѣланной судебнымъ врачомъ, и сообразно съ этимъ направилъ дѣло, и 2) сами-же коронные судьи, которые будутъ судить обвиняемаго въ преступленіи по квалификаціи дѣянія, сдѣланной ими въ распорядительномъ засѣданіи, когда состоялось постановленіе суда о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Пусть-же эту квалификацію сдѣлаетъ прокуроръ, не принимающій на себя роль судьи и не обвинитель по дѣлу suo iure, однако же вмѣстѣ съ тѣмъ и блюститель, и экспертъ по части законовъ.

Поэтому я и предлагаю дополнить 511 ст. уст. угол. суд. слѣдующимъ образомъ:

„При этомъ прокуроръ выражаетъ въ своемъ письменномъ заключеніи мнѣніе: кто именно и въ какомъ преступленіи (статья карательнаго закона) обвиняется; подлежитъ-ли онъ суду или же дѣло должно быть прекращено по отсутствію состава преступления или по иной законной причинѣ (ст. 16 и 277), по недостаточности уликъ (ст. 523) и т. д. со всѣми послѣдствіями относительно мѣръ пресѣченія по 416 ст. уст. угол. суд., возвращенія кому слѣдуетъ вещественныхъ по дѣлу доказательствъ и возложенія судебныхъ издержекъ, и съ означеніемъ въ первомъ случаѣ въ особомъ спискѣ тѣхъ лицъ, какія, по мнѣнію прокурора, должны быть вызваны судомъ къ судебному слѣдствію“.

Если окружный судъ согласится съ такимъ письменнымъ заключеніемъ прокурора по 511 ст. уст. угол. суд., то *преданіе суду* въ этомъ случаѣ *исходило бы уже отъ прокурора, хотя онъ и не будетъ самостоятельнымъ обвинителемъ* по этому дѣлу. Тогда обвинителемъ будетъ, какъ и теперь, самъ-же потерпѣвшій отъ преступленія или его повѣренный, или иной законный представитель, напримѣръ: мужъ за жену, отецъ за несовершеннолѣтняго сына или дочь и т. д., или же обвинителемъ будетъ *и самъ прокуроръ*, но только не самостоятельно, а *по заявленному потерпѣвшимъ лицомъ предъ судомъ желанію и по уполномочію отъ потерпѣшаго или его законнаго представителя и, притомъ, въ предѣлахъ полномочій*. Тогда отъ потерпѣшаго будетъ зависѣть: взять-ли на себя обязанность обвинителя, или же заявленіемъ суду уполномочить на это прокурора.

Если-же окружный судъ не согласится съ такимъ письменнымъ заключеніемъ прокурора, то возникающее отсюда разномысліе суда съ прокуроромъ должно быть разсмотрѣно, уримѣнительно къ 528 ст.

уст. угол. суд., судебною палатою, которая въ семидневный срокъ по полученіи дѣла обязана составить опредѣленіе о преданіи суду съ означеніемъ, въ особомъ списокѣ, лицъ, подлежащихъ вызову къ судебному слѣдствію, или о прекращеніи дѣла по недостаточности уликъ или по какой-либо законной причинѣ, или объ измѣненіи подсудности.

Я уже не разъ указывалъ въ печати на полнѣйшую беспомощность и совершенную несостоятельность частныхъ обвинителей въ отношеніи знанія и пониманія своихъ правъ и обязанностей. Они не только не въ силахъ, говоря вообще, по своему невѣжеству хотя сколько нибудь правильно квалифицировать преступное дѣяніе, за которое они желали бы наказать своего обидчика,—они рѣшительно не въ состояніи выполнять свою роль въ уголовномъ процессѣ. Весьма обыкновенное явленіе на судѣ, что частные обвинители недоумѣваютъ, почему окружный судъ не вызвалъ ихъ свидѣтелей, на которыхъ они уже ссылались при полицейскомъ дознаніи и на предварительномъ слѣдствіи. Они никакъ не могутъ понять и усвоить преподаннаго имъ въ указѣ Правительствующаго Сената по общему собранію, отъ 1 мая 1881 г. № 10, порядка, по которому окружнымъ судомъ могутъ быть вызваны лишь тѣ свидѣтели и эксперты, на которыхъ они указали суду въ семидневный срокъ по объявленіи имъ о томъ, что дѣлу данъ ходъ (ст. 557—594 уст. угол. суд.). Вотъ почему обязанность обвинителя и по дѣламъ этого рода слѣдовало бы возложить на прокурора,—однако, только въ предѣлахъ полномочія со стороны лица потерпѣвшаго. Тогда прокуроръ будетъ обвинять отъ имени частнаго обвинителя, заступая его мѣсто, при наличности жалобы и желанія потерпѣвшаго преслѣдовать виновнаго, и не вправѣ обвинять, если жалобщикъ просилъ о прекращеніи дѣла,—по тому ли, что онъ уже помирился съ обидчикомъ послѣ того, какъ примиреніе у судебного слѣдователя не состоялось, или по другимъ причинамъ.

Означенный указъ Сената № 10 не только не устранилъ процессуальной путаницы по дѣламъ частнаго обвиненія,—напротивъ, онъ привелъ къ полной несостоятельности всю процедуру частнаго обвиненія, въ явный ущербъ правосудію, и даже вызвалъ расколъ въ судебной практикѣ въ пониманіи основныхъ статей закона, напримѣръ, 277 ст. уст. угол. суд. Теперь окружные суды окончательно сбиты съ толку. Есть судьи, которые, ссылаясь на этотъ циркулярный указъ, совершенно неправильно полагаютъ, что ок-

ружный судъ не вправе прекратить дѣло по частному обвиненію по совершенной недостаточности уликъ (ст 277), хотя судебная палата по дѣламъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей прекращаетъ и эти дѣла по тому-же основанію. По мнѣнію такихъ судей, окружный судъ, при наличии жалобы, хотя-бы и самой неосновательной, даже нецѣлѣй, въ виду указа Сената № 10, не можетъ не дать хода дѣлу въ порядкѣ частнаго обвиненія, и ему остается только въ судебномъ засѣданіи оправдать обвиняемаго, посадивъ его предварительно на скамью подсудимыхъ. Но юридическая нецѣлѣй и несправедливость такого процессуальнаго порядка для меня, по крайней мѣрѣ, очевидны.

Въ сентябрьской книгѣ „Журнала Юридическаго Общества“ за 1898 годъ г. Оедотовъ—Чеховскій указываетъ, какъ на вредный обычай судебной практики, квалифцированіе тѣлесныхъ поврежденій примѣнительно къ уложенію о нак. самими судебными врачами, тогда какъ это дѣло не врачей, а юристовъ, и вмѣстѣ съ симъ требуетъ отмѣны этого обычая. Дѣйствительно, врачи—это только эксперты, помогающіе юристамъ своими знаніями въ области судебной медицины для установленія юристами надлежащей квалифциакціи какого-либо преступленія противъ жизни и здоровья. Къ сожалѣнію, г. Оедотовъ—Чеховскій не касается вопроса: какъ и отъ кого должно бы исходить преданіе суду по дѣламъ частнаго обвиненія о нанесеніи ранъ, увѣчій и другихъ тѣлесныхъ поврежденій, хотя-бы преступное дѣяніе и было правильно квалифцировано юристами. А между тѣмъ, дѣла этого рода имѣютъ своимъ предметомъ дѣянія, предусмотрѣнныя главою 3 раздѣла X улож. о нак.: „о нанесеніи увѣчья, ранъ и другихъ поврежденій здоровью“, въ ея наиболѣе значительной части. Но недостаточно еще только намѣтить и указать зло; необходимо придумать и средство для борьбы съ этимъ зломъ. Пусть-же юридическая квалифциакція преступленій въ порядкѣ частнаго обвиненія въ дѣлахъ безъ присяжныхъ исходить отъ прокурора, на котораго должно быть возложено и обвиненіе по дѣламъ этого рода, но только по желанію и въ предѣлахъ уполномочія отъ частнаго обвинителя.

А. В. Волжинъ.

V.

ПРОЕКТЪ КНИГИ V ГРАЖДАНСКАГО УЛОЖЕНІЯ „ОБЪ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХЪ“.

Въ приложеніи къ настоящей книгѣ „Вѣстника Права“ читатели найдутъ воспроизведеннымъ на дняхъ только законченный проектъ той части новаго гражданскаго уложенія, которая посвящена обязательственному праву. Это—обширный проектъ, въ 1106 статей, обнимающихъ все право по обязательствамъ, включая и постановленія о торговыхъ сдѣлкахъ и торговыхъ (и промышленныхъ) товариществахъ—полныхъ, неполныхъ, акціонерныхъ и проч., которыя обыкновенно выдѣляются въ особый торговый кодексъ.

Эта новая работа Высочайше учрежденной комисіи по составленію новаго гражданскаго уложенія, плодъ зрѣлой и въ высшей степени компетентной мысли лучшихъ представителей нашей цивилистики.

Обязательственное право—самая подвижная часть гражданскаго права; реформа этой его части легче проводима; ею не затрагиваются интересы иногда политическіе—подобно, напримѣръ, брачному праву или даже вещному въ той его области, которая касается вотчиннаго права на недвижимость, регистраціи ея, и приводить къ необходимости введенія ипотечной системы, столь необходимой для крѣпости и опредѣленности вотчинныхъ правъ. Въ обязательственномъ правѣ законодатель свободнѣе движется по пути реформы, ему не приходится въ той мѣрѣ, какъ относительно наследственнаго, семейственнаго права, неуклонно держаться историческихъ основъ, правовыхъ понятій, вкоренившихся въ правовомъ

сознаніи народа. Подвижность нормъ обязательственнаго права сравнительно съ нормами другихъ областей частнаго права, соотвѣтствуетъ разнообразію и быстрому движенію впередъ гражданскаго быта, оборота,—нарожденію новыхъ формъ и отношеній. Если поэтому задача законодателя въ этой области свободнѣе, шире, то выполненіе ея, пожалуй, труднѣе, сложнѣе и соотвѣтствуетъ сложности самыхъ нормируемыхъ явленій. Здѣсь, именно, легко соблазниться позаимствованиями изъ чужихъ законодательствъ, легко поддаться искушенію дедуктивныхъ, абстрактныхъ выводовъ изъ общихъ теоретическихъ началъ; здѣсь, именно, важно соблюденіе мѣры въ стремленіи къ юридической конструкціи, къ формальной консеквенціи, къ обезличенію, если можно такъ выразиться, индивидуальныхъ особенностей обще-гражданскаго быта, къ смѣшенію того, что справедливо назвать положеніями гражданской политики, съ готовыми и элегантно развитыми нормами классическаго римскаго права. Архитектура зданія здѣсь сложная, возведеніе его требуетъ, поэтому, большаго искусства.

Въ настоящихъ строкахъ мы и не думаемъ дѣлать попытку дать хотя бы общую характеристику проекта комисіи. Здѣсь мы только не можемъ не выразить радости по поводу предоставленной намъ возможности нынѣ же опубликовать хотя бы первую часть проекта. Онъ такъ сильно возбуждаетъ юридическую мысль, что мы увѣрены, что обсужденіе проекта окажется весьма бойкимъ, въ немъ примутъ участіе всѣ слои и круги не только юридическіе, но общественные, и было бы весьма досадно, если бы знакомство съ проектомъ началось только съ осени (въ іюлѣ и августѣ Вѣстникъ Права не выходитъ), и читатели наши были бы лишены возможности въ свободное отъ обычныхъ занятій каникулярное время ознакомиться хотя бы съ частью проекта.

Если было бы наивно думать, что у насъ публикованіе проекта вызоветъ хотя бы приблизительно такое же обсужденіе его, какое было результатомъ опубликованія проекта нынѣ уже окончательно утверждённаго гражданскаго уложенія въ Германіи, то нѣтъ основанія и предполагать, что представители теоріи и практики у насъ не посвятятъ проекту своего полнаго вниманія и не подвергнуть его обсужденію, самому глубокому и всестороннему.

Мы не имѣемъ возможности печатать ни цѣликомъ, ни даже въ извлеченіи объяснительной записки къ проекту. Но не можемъ не воспользоваться съ благодарностью предоставленною намъ возможностью помѣстить на страницахъ Вѣстника Права *введеніе* къ

этой объяснительной запискѣ, посвященной общимъ вопросамъ и, главнымъ образомъ, вопросу о включеніи постановленій о торговыхъ сдѣлкахъ въ общее уложеніе.

Г. Сміозбергъ.

Введеніе къ объяснительной запискѣ къ проекту книги Гражданскаго уложенія: „объ обязательствахъ“.

Сводъ Законовъ 1832 г., закончившій собою цѣлый рядъ законодательныхъ работъ XVIII и начала XIX столѣтій, имѣлъ своею цѣлью лишь привести въ извѣстность и расположить въ системѣ дѣйствующие законы, *безъ всякаго изъ измѣненія*. Составитель Свода, графъ Сперанскій смотрѣлъ на него какъ на первую часть работы: за Сводомъ должны были слѣдовать *Уложенія*, задача которыхъ заключалась въ измѣненіи дѣйствующихъ постановленій согласно современнымъ потребностямъ, въ восполненіи пробѣловъ и вообще въ улучшеніи законовъ. Предположенія графа Сперанскаго, въ отношеніи Гражданскаго Уложенія, до сихъ поръ не осуществились.

По общепризнанному мнѣнію, наши гражданскіе законы *устарѣли* и вслѣдствіе того стали *несправедливыми*; будучи построены на разнородныхъ началахъ, они полны *противорѣчій*; въ нихъ отсутствуютъ правила по многимъ весьма важнымъ вопросамъ, а такая *недостаточность* закона тѣмъ болѣе ощутительна, что въ немъ почти нѣтъ *общихъ положеній*; притомъ наши законы страдаютъ *отсутствіемъ правильной системы*: постановленія, относящіяся до одного и того же юридическаго института, помѣщены въ разныхъ мѣстахъ т. X ч. 1, а иногда даже въ разныхъ томахъ Свода; наконецъ, *редакція* законовъ *неудовлетворительна* и *юридическая терминологія не выдержана*, такъ что нерѣдко мысль закона находится въ полномъ разладѣ съ внѣшнимъ его выраженіемъ (ср. сводъ замѣч. о недост. дѣйств. гражд. зак., изд. Редакц. Ком., №№ 1—13).

Указанные недостатки дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ существовали уже въ первомъ изданіи Свода 1832 г. и въ значительной степени объясняются самымъ порядкомъ составленія Свода—сведеніемъ въ одно цѣлое законовъ, изданныхъ въ продолженіе столѣтій, безъ необходимаго ихъ согласованія, исправленія и дополненія. Съ теченіемъ времени, съ развитіемъ гражданской жизни, *неудовлетворительность* гражданскихъ законовъ, ихъ несоотвѣтствіе современнымъ понятіямъ и потребностямъ все болѣе и болѣе увеличивались. Разладъ между закономъ и жизнью сталъ еще очевиднѣе послѣ

преобразованій Императора Александра II, обновившихъ весь строй Россіи.

Брайняя недостаточность и неудовлетворительность постановленій обнаруживается по всѣмъ отдѣламъ гражданскихъ законовъ: о правахъ семейственныхъ, о правахъ на имущества, о наслѣдованіи и въ особенности въ отдѣлѣ объ *обязательствахъ*.

Въ т. X ч. 1 почти нѣтъ общихъ положеній по обязательственному праву: составленію, совершенію, исполненію и прекращенію договоровъ посвящено всего 26 статей, тогда какъ въ законахъ губерній Царства Польскаго этотъ отдѣлъ заключаетъ въ себѣ болѣе 300 статей, а въ законахъ губерній Прибалтійскихъ около 700 статей. „При изданіи Свода Законовъ“, какъ говоритъ *К. П. Побѣдоносцевъ*, „и не могло быть иначе, ибо онъ составленъ по старымъ указамъ и уставамъ, въ коихъ почти не высказывались общія положенія и не было въ виду классическаго фундамента. Но то удивительно, какъ съ 1832 года до сихъ поръ недостатокъ этотъ не пополненъ. А онъ весьма чувствителенъ, и судебная наша практика поневолѣ пробавляется до сихъ поръ или отрывками общихъ выраженій, находящимися въ отдѣльныхъ статьяхъ дѣлаго Свода, или прибѣгаетъ, гдѣ можно, по аналогіи, къ обобщеніямъ, взятымъ изъ теоріи права и изъ существа законныхъ отношеній“ (Бурсъ гражд. пр. ч. 3 § 1).

Затѣмъ постановленія, относящіяся къ болѣе распространеннымъ договорамъ, напр. къ продажѣ, личному и имущественному найму, подряду, довѣренности, не содержатъ въ себѣ разрѣшенія самыхъ обыденныхъ вопросовъ. Наконецъ по нѣкоторымъ договорамъ, напр., перевозкѣ, простому товариществу, страхованію, пожизненной рентѣ, комисіи, мировой сдѣлкѣ, законы гражданскіе не содержатъ никакихъ правилъ. То же должно сказать о веденіи чужихъ дѣлъ безъ порученія, о незаконномъ обогащеніи, о бумагахъ на предъявителя и пр. Вообще, ни въ одномъ отдѣлѣ нашихъ гражданскихъ законовъ не встрѣчается такъ много пробѣловъ, какъ въ обязательственномъ правѣ (ср. св. замѣч. о недост. дѣйств. гражд. зак. № 773 и сл.).

Высочайше учрежденная въ 1882 г. (П. С. З. 1882 г. мая 12 и 26 № 872) для составленія проекта Гражданскаго Уложенія Редакціонная Комиссія поставила себѣ задачей не сочинить уложеніе, но, оставаясь на исторической почвѣ и, по возможности, не нарушая основныхъ началъ дѣйствующаго права, лишь пересмотрѣть гражданскіе законы, т. е. постановленія устарѣвшія и несправедливыя замѣнить такими правилами, которыя соотвѣтствуютъ новымъ усло-

віямъ гражданскаго быта и новымъ понятіямъ о справедливости, восполнить пробѣлы и устранить противорѣчія, расположить весь матеріалъ въ болѣе удовлетворительной системѣ и изложить въ ясной редакціи—словомъ, воспроизвести въ будущемъ Гражданскомъ Уложеніи т. X ч. 1 въ исправленномъ и дополненномъ видѣ.

Въ настоящее время Редакціонная Комиссія изготвила *проектъ книги V Гражданскаго Уложенія „объ обязательствахъ“* съ объяснительною къ нему запискою. Проектъ этотъ отпечатанъ для общаго свѣдѣнія и разосланъ на заключеніе подлежащихъ лицъ и учреждений, согласно п.п. 9 и 10 Высочайшаго повелѣнія объ общемъ пересмотрѣ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ и о составленіи проекта Гражданскаго Уложенія (Собр. узак. и расп. Прав. 8 іюня 1882 г. № 55 ст. 361), которые гласятъ:

п. 9. Работы Редакціонной Комиссіи отпечатать для общаго свѣдѣнія и разослать на заключеніе тѣхъ лицъ и учреждений, мнѣнія конихъ признано будетъ нужнымъ имѣть въ виду, съ указаніемъ срока для сообщенія Комиссіи сихъ мнѣній и заключеній,—и

п. 10. Составленный Редакціонною Комиссіею проектъ, съ объяснительною запискою, внести, по совершенномъ его изготовленіи или же по частямъ, составляющимъ законченное цѣлое, на обсужденіе.....

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію соображеній по отдѣльнымъ статьямъ проекта книги V, Редакціонная Комиссія находитъ нужнымъ дать предварительныя объясненія по слѣдующимъ общимъ вопросамъ: 1) о необходимости включенія въ проектъ постановлений, касающихся торговыхъ сдѣлокъ, 2) о пространствѣ примѣненія проекта, 3) объ источникахъ проекта, 4) о системѣ и терминологіи проекта и 5) о началахъ, положенныхъ въ основаніе проекта.

1. Необходимость включенія въ проектъ постановленій о торговыхъ сдѣлкахъ.

При составленіи проекта книги V возникъ вопросъ о томъ, необходимо ли для торгово-частнаго права создать особое торговое уложеніе, или же слѣдуетъ постановленія о торговыхъ сдѣлкахъ включить въ книгу V проектируемую Гражданскаго Уложенія.

Чтобы рѣшить этотъ существенный для содержанія будущаго Гражданскаго Уложенія вопросъ, необходимо выяснить причины появленія въ современныхъ законодательствахъ особыхъ торговыхъ уложеній и ближайшее ихъ содержаніе.

Вѣстникъ Права. Іюнь 1899.

Римскому классическому гражданскому праву было чуждо особое торговое право (Goldschmidt, Handbuch des Handelsrechts, т. I стр. 366 и сл.; Gierke, der Entwurf des neuen Handelsgesetzbuches стр. 4). Причину этого явления не слѣдуетъ искать въ отсутствіи въ то время торговаго оборота, а скорѣе въ совершенствѣ гражданского права, развивавшагося наравнѣ съ потребностями жизни. Преторская юрисдикція вводила въ гражданское право, по мѣрѣ ихъ образованія, новые институты *juris gentium*, въ которыхъ хотя и нуждался въ особенности торговый оборотъ, но которые съ пользою могли быть примѣнены и къ общегражданскому обороту. Такъ, напр., *actio exercitoria*, *institutoria*, *Pauliana*, *de rescritto nautarum*, *cauponum*, *actio tributaria* и др. не выдѣлялись въ особое торговое право, а вводились въ содержаніе обязательственнаго права, способствуя его прогрессивному развитію. Римскіе юристы примѣняли, напр., какъ извѣстно, нормы *эдикта эдиловъ* ко всякаго рода куплѣ-продажѣ, даже недвижимости, и это имѣло точно такое же значеніе, какъ если бы въ настоящее время ко всякаго рода куплѣ-продажѣ примѣнялись правила торговаго уложенія (Wlassak, zur Geschichte der negotiorum gestio). Вообще, при свободѣ, эластичности и замѣчательномъ развитіи классическаго римскаго гражданского права, при отличномъ судопроизводствѣ, съ участіемъ присяжныхъ, при свободной системѣ доказательствъ и при строгости взысканій—не могла и ощущаться потребность ни въ особомъ торговомъ правѣ, ни въ особыхъ торговыхъ судахъ (Goldschmidt, т. I стр. 366 прим. 3).

Рознь между торговымъ и гражданскимъ правомъ появляется впервые въ средніе вѣка. Унаслѣдованное, какъ нѣчто цѣлое и законченное, лишенное связи съ явленіями и развитіемъ экономической жизни средневѣковыхъ народовъ, римское право, понятно, не могло вполне соответствовать новымъ потребностямъ развившагося съ небывалымъ блескомъ торговаго оборота. Въ особенности въ Италіи, на берегахъ Средиземнаго моря, возникли, съ возрожденіемъ торговли, путемъ обычая, новые институты права. Самый характеръ средневѣковой торговли во многомъ существенно отличался отъ римской торговли. Торговлю посредствомъ рабовъ, эксплуатируемыхъ отѣльными крупными капиталистами, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались большія торговыя предпріятія, замѣнила торговля, основанная на свободномъ раздѣленіи труда между цѣлымъ сословіемъ лицъ. Кромѣ указанной причины, образованію особаго, самостоятельнаго торговаго права, главнымъ образомъ, способствовали: *сословное дѣленіе*, сильно развившееся въ средніе вѣка, преобладающее значеніе недвижимости, вы-

развившееся въ мѣстныхъ *земскомъ* и *ленномъ* правахъ, враждебное отношеніе доктрины каноническаго права къ основнымъ экономическимъ потребностямъ торговаго оборота, крайне схоластическое отношеніе ученыхъ юристовъ къ римскому праву и неудовлетворительность гражданскаго судопроизводства. Вотъ, въ общихъ чертахъ, причины, вызвавшія въ средніе вѣка появленіе мѣстныхъ (городскихъ) сборниковъ торговыхъ законовъ и обычаевъ по разнымъ отраслямъ торговаго права, какъ-то: торговые сборники итальянскихъ и испанскихъ городовъ, вексельные уставы, сборники морскаго права и т. п., завершившіеся въ 17-мъ столѣтіи знаменитыми ордонансами Больбера. Французскіе ордонансы представляютъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ первую попытку кодификаціи торговаго права, какъ одного цѣлаго, являясь предшественниками особыхъ торговыхъ уложеній конца 18-го и начала 19-го столѣтій, одновременно съ первыми попытками кодификаціи гражданскаго права.

Такимъ первымъ уложеніемъ, послужившимъ въ послѣдствіи источникомъ подражаній и заимствованій для другихъ народовъ, является Французское торговое уложеніе 1808 г. Въ основѣ его лежатъ ордонансы 17-го столѣтія о *сухопутной* (*Edit du Roi, servant de règlement pour le commerce des négociants et des marchands, du mois de Mars 1673*) и *морской* (*Ordonnance de la marine, du mois d'Août 1681*) торговли—первые сборники торговыхъ юридическихъ нормъ, образовавшихся въ предшествующихъ столѣтіяхъ. Установленные въ этихъ сборникахъ правила, съ теченіемъ времени, подверглись немалымъ измѣненіямъ и примѣненіе ихъ отчасти исключено было обычаемъ, отчасти же измѣнено научными комментаріями (Savary, Jousse, Pothier, Dupuys de la Serra, Valin, Emérigon). Для пересмотра устарѣвшихъ такимъ образомъ ордонансовъ, еще въ 1787 году, при Людовикѣ XVI, была учреждена коммисія, напечатавшая проектъ новой редакціи закона 1673 года, труды же по пересмотру закона 1681 года остались незаконченными.

Въ такомъ положеніи находилась кодификація торговаго права во Франціи, когда предприняты были кодификаціонныя работы царствованія Наполеона I. Наряду съ подготовительными работами для составленія новаго гражданскаго уложенія, 3 апрѣля 1801 года первымъ консуломъ учреждена была коммисія: „pour concourir à la rédaction d'un projet de code de commerce“. Изготовленный этою коммисіею проектъ былъ въ декабрѣ того же года разосланъ для сообщенія замѣчаній разнымъ установленіямъ, а по просмотрѣ этихъ замѣчаній напечатанъ въ 1803 г. подъ названіемъ „Révision du projet

de code de commerce". Этотъ проектъ ограничился воспроизведеніемъ постановленій ордонансовъ съ нѣкоторыми лишь измѣненіями и оставался безъ движенія въ архивѣ государственнаго совѣта въ теченіе трехъ лѣтъ. Тѣмъ временемъ съ удивительною быстротою былъ составленъ и получилъ силу закона въ 1804 году проектъ гражданскаго уложенія. Составители послѣдняго, имѣя въ виду послѣдующее изданіе особаго торговаго уложенія, къ которому неоднократно и отсылаетъ *code civil* (напр., ст. 1107, 1341, 1873, 1964, 2070, 2084 и 2102), не предполагали вовсе, что статьи гражданскаго уложенія будутъ примѣняться къ дѣламъ торговымъ (*Loché*, т. VIII стр. 17 и 38), для которыхъ въ будущемъ торговомъ уложеніи предполагалось соединить всѣ принципы и всѣ правила, касающіяся торговаго оборота (см. *Delamharte et Lepoitvin, Traité de droit commercial* т. I § II—IV).

Общее разстройство торговыхъ дѣлъ и цѣлый рядъ скандальныхъ банкротствъ въ Парижѣ зимой 1805—1806 г.г. напомнили вновь о забытомъ проектѣ торговаго уложенія. Наполеонъ I, видя въ строгости торговыхъ законовъ наилучшее средство для поднятія экономическихъ силъ страны, съ обычной энергіей подвинулъ изданіе торговаго уложенія. Проектъ 1803 года былъ вновь подвергнутъ разсмотрѣнію въ государственномъ совѣтѣ и, пройдя всѣ инстанціи, 1 января 1808 года получилъ силу закона. Вызванныя обстоятельствами, сопровождавшими изданіе торговаго уложенія, подозрительность и правительственная опека, которыя присущи многимъ постановленіямъ (въ особенности въ отдѣлахъ о купеческихъ книгахъ, торговыхъ товариществахъ и торговой несостоятельности), не принадлежать, по единогласному отзыву позднѣйшей критики, къ числу хорошихъ сторонъ этого уложенія; въ остальномъ оно, какъ и проектъ 1803 года, воспроизводитъ лишь ордонансы Кольбера съ нѣкоторыми измѣненіями.

Содержаніе Французскаго торговаго уложенія распределено по слѣдующимъ четыремъ книгамъ: о торговлѣ вообще, о морской торговлѣ, о торговой несостоятельности и о торговой юрисдикціи. Только первыя двѣ книги имѣютъ непосредственное отношеніе къ гражданскому праву, двѣ же послѣднія посвящены торгово-публичному праву.

Книга первая подраздѣляется на восемь раздѣловъ: 1) о коммерсантахъ, 2) о торговыхъ книгахъ, 3) о товариществахъ, 4) о раздѣльности имущества, 5) о торговыхъ биржахъ, вексельныхъ агентахъ и маклерахъ, 6) о закладѣ и комиссіонерахъ, 7) о куплѣ-продажѣ и 8) о векселѣ, приказѣ на предъявителя и о давности. Оглавленіе раздѣловъ второй книги слѣдующее: 1) о корабляхъ

и другихъ морскихъ судахъ, 2) объ арестѣ и продажѣ кораблей, 3) о собственникахъ корабля, 4) о корабельщикѣ, 5) о наймѣ и платѣ матросамъ и корабельнымъ служителямъ, 6) о чартерпартіяхъ, фрахтованіи или наймѣ кораблей подъ грузъ, 7) о коносаментѣ, 8) о платѣ за наемъ корабля подъ грузъ, 9) о бодмерѣ, 10) о страхованіи, 11) объ аваріяхъ, 12) о бросаніи груза и участіи въ убыткахъ, 13) о давности и 14) объ утратѣ иска. Содержаніе третьей и четвертой книгъ, заключаая въ себѣ почти исключительно нормы торгово-публичнаго права, не представляетъ непосредственнаго интереса.

Внутреннее содержаніе четырехъ книгъ этого уложенія характеризуется полнымъ смѣшеніемъ торгово-публичнаго съ торгово-частнымъ правомъ и введеніемъ въ составъ торговаго уложенія институтовъ чисто гражданскаго права, безъ твердаго и осязательнаго разграниченія того и другого. Что касается первой книги, то раздѣлы о торговыхъ книгахъ, равно раздѣлы о биржахъ и маклерахъ, содержатъ нормы торгово-публичнаго права, остальные раздѣлы примыкаютъ къ гражданскому уложенію. Въ первомъ раздѣлѣ (ст. 2—7) устанавливаются ограниченія правоспособности для несовершеннолѣтнихъ и замужнихъ женщинъ въ дѣлахъ торговыхъ, въ четвертомъ вводится обязательная для лицъ торговыхъ гласность по имущественнымъ отношеніямъ, изъ брака возникающимъ; правила эти непосредственно примыкаютъ къ постановленіямъ гражданскаго уложенія, дополняя и измѣняя для лицъ торговыхъ статьи 476 и слѣд., 212 и слѣд. и 1387 и слѣд. Далѣе, въ раздѣлѣ третьемъ, о торговыхъ товариществахъ, первая же статья отсылаетъ къ гражданскому уложенію: ст. 18 „*Le contrat de société se règle par le droit civil, par les lois particulières au commerce, et par les conventions des parties*“. Крайне бѣдныя постановленія (всего 45 статей) этихъ законовъ, свойственныхъ торговлѣ (*lois particulières au commerce*), вызвали въ 1867 году отдѣльный, самостоятельный законъ о торговыхъ товариществахъ, со включеніемъ сюда же товариществъ съ измѣняющимся капиталомъ или товариществъ для разныхъ хозяйственныхъ цѣлей, предметъ дѣятельности которыхъ не составляетъ, слѣдовательно, необходимо торговое предпріятіе. Упомянутый законъ не включенъ въ составъ торговаго уложенія. Правила шестаго раздѣла о торгово-залоговомъ правѣ (согласно закону 1863 года), примыкающія къ ст. 2073 и слѣд. гражд. улож., изложены въ трехъ статьяхъ и отмѣняютъ для дѣлъ торговыхъ стѣснительныя формальности, предписанныя ст. 2074 для дѣйствительности заклада и для удовлетворенія изъ заклада. По свидѣтельству бельгійскаго юриста Н. de Baets (*Note critique sur l'avant-projet de révi-*

sion du code civil, стр. 33), въ общегражданскомъ оборотѣ давно обходятъ разными способами стѣснительное правило ст. 2074 (письменная форма), такъ что самъ собою ставится вопросъ, не лучше ли возвести исключеніе, установленное для торговаго оборота, въ общее правило для общегражданскаго оборота и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить весь отдѣлъ о торгово-закладномъ правѣ. Глава вторая и третья того же шестаго раздѣла излагаютъ правила о коммисіонномъ договорѣ, причеиъ въ ст. 94 указывается, что этотъ договоръ отличается отъ договора довѣренности, опредѣляемаго въ гражданскомъ уложеніи (ст. 1984 и слѣд.), тѣмъ лишь признакомъ, что коммисіонеръ дѣйствуетъ отъ своего собственнаго имени за счетъ другого, а не отъ имени этого другого, какъ при простой довѣренности. Въ коммисіонному договору отнесенъ и договоръ отправки товаровъ, о которомъ говорится въ третьей главѣ настоящаго раздѣла. Глава четвертая, о перевозкѣ, содержитъ правила фрахтоваго договора. Седьмой раздѣлъ, о куплѣ-продажѣ, ограничивается единственною статьею 109, о способахъ, которыми можетъ быть доказано существованіе этого договора. Наконецъ, послѣдній раздѣлъ, о векселѣ, приказѣ на предъявителя и давности, содержитъ матеріальное вексельное право. По количеству статей (247) вторая книга, о морской торговлѣ, значительно больше первой. И здѣсь смѣшано торгово-частное съ торгово-публичнымъ правомъ, не смотря на то, что послѣднему посвящены цѣлкомъ раздѣлы 13-й и 14-й. Изъ постановленій остальныхъ двѣнадцати раздѣловъ второй книги уложенія къ торгово-частному праву слѣдуетъ отнести слѣдующія правила, постановленныя въ отиѣну или дополненіе соответствующихъ статей гражданскаго уложенія: 1) о свойствѣ кораблей, какъ вещей движимыхъ (ст. 190, ср. ст. 527 гр. ул.), 2) о привилегіяхъ кредиторовъ корабля (ст. 191—193, ср. ст. 2100 гр. ул.), 3) о куплѣ-продажѣ корабля (ст. 195—196, ср. ст. 1582 гр. ул.), 4) объ отвѣтственности собственника корабля за дѣйствіа корабельщика (ст. 216 и 217, ср. ст. 1384 гр. ул.), 5) объ увольненіи корабельщика (ст. 218, ср. ст. 1134 гр. ул.), 6) о правахъ общей собственности на корабль (ст. 219—220, ср. ст. 1686 гр. ул.), 7) о правахъ и отвѣтственности корабельщика (ст. 221, 222, 232, 241, ср. ст. 1582, 1992, 1148, 1302 гр. ул.), 8) о наймѣ корабельщика и корабельныхъ служителей (ст. 250—272, ср. ст. 1779 гр. ул.), 9) о наймѣ кораблей подъ грузъ (ст. 273—280, ср. ст. 1713 гр. ул.), 10) о формѣ накладной (ст. 281—284 ср. ст. 1325 гр. ул.), 11) объ отвѣтственности коммисіонера (ст. 285, ср. ст. 1383 гр. ул.), 12) о платѣ за наемъ корабля подъ грузъ (ст. 286—310, ср. ст.

1713 гр. ул.), 13) о бодмерѣ (ст. 311—331, ср. ст. 1964 гр. ул.), 14) о морскомъ страхованіи (ст. 332—396, ср. ст. 1964 гр. ул.), 15) объ аваріяхъ (ст. 397—409, ср. ст. 1370 гр. ул.) и 16) о бросаніи товара и распредѣленіи убытковъ (ст. 410—429, ср. ст. 1370 гр. улож.).

Изъ всего вышеизложеннаго нетрудно убѣдиться, что выдѣленіе торгово-частнаго права къ особымъ кодексъ, дѣйствующій наряду съ гражданскимъ уложеніемъ, не оправдывается особымъ содержаніемъ торгово-частныхъ законовъ, вошедшихъ въ торговое уложеніе. Мысль составителей гражданскаго уложенія о томъ, что торговля въ собственномъ смыслѣ, операціи которой почти всегда связаны съ общими цѣлями администраціи и политики, должна подчиняться особымъ законамъ, которые не могутъ входить въ составъ гражданскаго уложенія* (Delamagre et Lepoitvin т. I стр. 40, Loccé, т. I стр. 16), не получила, судя по содержанію Французскаго торговаго уложенія, практическаго осуществленія. Въмѣсто цѣлостной системы торгово-частнаго права, уложеніе представляетъ собою произвольное сочетаніе правилъ, относящихся къ разнымъ институтамъ гражданскаго права. Болѣе или менѣе полно изложены три договора: вексельный, коммисіонный и фрахтовой. Вексельный договоръ, являясь всѣмъ доступною формою гражданскаго оборота, не составляетъ особеннаго содержанія торговаго права. Правила торговаго уложенія о коммисіонномъ и фрахтовомъ договорахъ далеко не исчерпываютъ всего института, отсылая къ общимъ правиламъ гражданскаго уложенія. Отсутствіе сколько нибудь существеннаго различія торговаго права отъ права, содержащагося въ гражданскомъ уложеніи, доказывается лучше всего отсутствіемъ какихъ либо особыхъ правилъ для торговаго оборота въ отдѣлѣ о договорѣ, на которомъ зиждется весь этотъ оборотъ, а именно: въ отдѣлѣ о договорѣ купли-продажи. Замѣчательно, что въ преніяхъ по поводу статей о куплѣ-продажѣ, содержащихся въ гражданскомъ уложеніи, преобладало воззрѣніе, что статьи эти не должны примѣняться къ дѣламъ торговымъ (см. Boistel, précis de cours de droit commercial, стр. 15), въ дѣйствительности же вышло наоборотъ. Согласно усвоенному большинствомъ французскихъ комментаторовъ взгляду, торговое уложеніе, какъ законъ спеціальный, не замѣняетъ собою для торговаго оборота гражданскаго уложенія, а допускаетъ примѣненіе послѣдняго, на сколько оно не противорѣчитъ торговому уложенію. Въ этомъ смыслѣ, при обсужденіи ст. 631 торг. улож., между прочимъ, было высказано, что „законодательство это, имѣя свой особый предметъ и ограничиваясь лишь торговыми операціями, въ томъ только

случаѣ можетъ быть примѣняемо, когда молчаніе общаго закона дозволяетъ примѣненіе закона исключительнаго" (Loché, т. VII § 2 и сл.). Въ этомъ характерѣ торговаго уложенія, въ его соотношеніи или, вѣрнѣе говоря, несоотвѣтствіи съ гражданскимъ уложеніемъ, кроется самая слабая сторона первой и главной книги—о торговлѣ вообще. Редакторы проекта 1803 года, какъ бы въ оправданіе бросающейся въ глаза неполноты торговаго закона, замѣчаютъ: „въ виду того, что законы торговые представляютъ собою исключеніе изъ общаго права, не подлежатъ сомнѣнію, что коммерсанты подчиняются во всемъ томъ, что не исключено. паравиѣ съ другими гражданами, праву гражданскому; ордонансъ 1673 г. шелъ по тому же пути и никто не жаловался на его молчаніе въ этомъ отношеніи" (Loché т. I стр. 94). Ни гражданское уложеніе, ни торговое не содержатъ общей статьи о взаимномъ ихъ отношеніи. Бѣдность постановленій торговаго уложенія дѣлаетъ необходимымъ примѣненіе къ дѣламъ торговымъ гражданского уложенія. Но въ какомъ объемѣ, въ какихъ вопросахъ именно слѣдуетъ примѣнять гражданское уложеніе, объ этомъ французскіе комментаторы торговаго уложенія и по настоящее время спорятъ. Само торговое уложеніе иногда прямо отсылаетъ къ гражданскому уложенію (напр. ст. 2, 6, 18, 65, 91, 94), а въ другихъ, однородныхъ случаяхъ, вмѣсто того, повторяетъ правила гражданского уложенія (напр. ст. 5 торг. ул. и ст. 220 гражд. улож.). Шаткость и неопредѣленность, введенныя въ такой существенный вопросъ торговымъ уложеніемъ, не говорятъ въ пользу послѣдняго.

Такимъ образомъ первая, выдающаяся попытка отдѣльной кодификаціи торговаго права, наряду и независимо отъ гражданского уложенія, должна быть признана неудавшеюся съ кодификаціонной точки зрѣнія. Торгово-частное право, неполно и отрывочно включенное въ особое торговое уложеніе, оказалось не въ состояніи занять самостоятельное положеніе относительно гражданского уложенія, къ которому оно тяготеетъ по своему существу. Фактическая разрозненность торгово-частнаго права отъ гражданского породила только шаткость и неопредѣленность въ примѣненіи общегражданскихъ законовъ къ дѣламъ торговой подсудности. Иного результата и нельзя было ожидать отъ изданія самостоятельнаго торговаго уложенія, хронологически хотя и слѣдующаго за изданіемъ гражданского уложенія, но по внутреннему содержанію всецѣло стоящаго на почвѣ предшествующаго періода законодательства.

Уничтожить историческую рознь торговаго и гражданского права и слить ихъ въ одно уложеніе—это задача будущаго законодатель-

ства, потребность въ осуществленіи которой чувствуется уже и въ настоящее время. Въ этомъ отношеніи не лишены интереса высказанныя въ довольно рѣзкой формѣ мысли бельгійскаго юриста Н. de Baets по поводу проекта гражданскаго уложенія, которое составилъ Laurent по порученію бельгійскаго правительства: „двойственность нашего частнаго права не имѣетъ иного источника, какъ недѣльное сохраненіе гражданскаго права, отставшаго отъ общественнаго прогресса. Въ 1806 году (рѣчь идетъ о бельгійскомъ законодательствѣ) слѣдовало уничтожить это различіе изданіемъ гражданскаго уложенія, приноровленнаго къ современной экономической жизни,—но установили напротивъ, въ видѣ исключительнаго закона, то, что должно было быть закономъ общимъ“ (Note critique sur l'avant-projet de révision du code civil, стр. 28—40).

Нѣсколько иначе, чѣмъ во Франціи, вопросъ объ отношеніи торговаго права къ гражданскому уложенію рѣшается обще-германскимъ законодательствомъ.

Обще-германское торговое уложеніе 1861 г. тѣсно связано съ обще-германскимъ вексельнымъ уставомъ 1847 года, хотя формально, а равно и по времени ихъ обнародованія, оба закона независимы другъ отъ друга. Allgemeine deutsche Wechselordnung и Allgemeines deutsches Handelsgesetzbuch представляютъ собою двѣ послѣдующія ступени развитія имперскаго германскаго законодательства, которое въ нихъ впервые возродилось послѣ формальнаго прекращенія въ 1806 году имперской законодательной власти. Область торговаго права всего болѣе нуждалась въ общемъ, объединяющемъ законодательствѣ, такъ какъ именно въ этой области дальнѣйшее естественное развитіе обще-германскаго законодательства тормозилось разрозненностью нескончаемаго числа мѣстныхъ законовъ и обычаевъ (въ 1843 г., кромѣ французскаго вексельнаго права, дѣйствовали на территоріи Германскаго союза 56 различныхъ вексельныхъ уставовъ—см. Goldschmidt, Handbuch стр. 59). Стремленіе создать въ области торговаго права общій для всей Германіи законъ, въ виду почти непреодолимыхъ трудностей, которыя представляло отсутствіе политическаго единства, привело на первыхъ порахъ лишь къ объединенію вексельнаго права, и то за исключеніемъ вексельнаго процесса. Вексельный уставъ 1847 года, помимо внутреннихъ достоинствъ и замѣчательнаго вліянія на другія законодательства, имѣетъ еще особенно важное значеніе для разсматриваемаго вопроса. Задуманный, какъ часть торговаго уложенія, вексельный уставъ 1847 г. не только по внутреннему содержанію, признаніемъ вексельной правоспособности за всѣми правоспособными лицами, но и формально, какъ самостоятельный законъ, отрѣшился вовсе и

навсегда отъ спеціальной области торговаго права. Тридцать лѣтъ спустя повторилось почти то же самое въ другой отрасли торговаго права. Обнародованные 30 января и 10 февраля 1877 года общегерманскій уставъ гражданскаго судопроизводства и конкурсный уставъ отрѣшились отъ выдѣленія особаго торговаго судопроизводства и торговаго конкурснаго права. На этомъ пути, окрѣпшая съ возстановленіемъ Германской имперіи, законодательная власть пошла далѣе, послѣ обнародованія торговаго уложенія, издавая отдѣльные законы по разнымъ предметамъ права, не обращая притомъ вниманія на строгое разграниченіе области торговаго отъ области общегражданскаго права. Но если такимъ образомъ изъ сказаннаго уже слѣдуетъ, что торговое уложеніе 1861 г. не обнимаетъ собою всѣхъ частей торговаго права, то съ другой стороны, въ него вошло много статей вполнѣ общегражданскаго содержанія.

Германское торговое уложеніе 1861 г. раздѣлено на пять книгъ, которымъ предпосылаются три статьи „общихъ положеній“ (объ отношеніи торговаго уложенія къ торговымъ обычаямъ, къ гражданскимъ законамъ, къ вексельному уставу и къ гражданскому судоустройству): книга первая—о торговомъ сословіи, книга вторая—о торговыхъ товариществахъ, книга третья—о негласномъ товариществѣ и о соединеніи для отдѣльныхъ торговыхъ операцій на общій счетъ, книга четвертая—о торговыхъ сдѣлкахъ и книга пятая—о морской торговлѣ. Достаточно сопоставить оглавленія пяти книгъ, чтобы убѣдиться въ отсутствіи системы въ Германскомъ торговомъ уложеніи, распадающемся, по мнѣнію Goldschmidt'a (Handbuch стр. 118—121), на три части: о субъектахъ торговаго права, о торговыхъ операціяхъ и о морскомъ правѣ. Далѣе, замѣчается полное смѣшеніе торгово-частнаго и торгово-публичнаго права, въ особенности въ первой и пятой книгахъ уложенія.

Если исключить изъ содержанія *первой* книги статьи, опредѣляющія правоспособность женщинъ (ст. 6—9), устанавлиющія понятіе торговой фирмы (ст. 15) и послѣдствія ея отчужденія (ст. 22 и 23) и незаконнаго употребленія (ст. 27) и говорящія объ отношеніяхъ, возникающихъ изъ торговой довѣренности и найма приказчиковъ (ст. 41—65), то всѣ остальные статьи первой книги, больше половины, относятся къ торгово-публичному праву.

Не мало статей торгово-публичнаго права содержатъ также *вторая и третья* книги, о торговыхъ товариществахъ. Правила о товариществахъ торговыхъ изложены въ порядкѣ слѣдующихъ подраздѣленій: 1) открытое (полное) торговое товарищество: учрежденіе

товарищества (ст. 85—89), юридическія отношенія членовъ товарищества (ст. 90—109), юридическія отношенія товарищества къ третьимъ лицамъ (ст. 110—122), прекращеніе товарищества и выходъ отдѣльныхъ членовъ (ст. 123—132), ликвидація дѣлъ товарищества (ст. 133—145); 2) командитное (на вѣрѣ) товарищество: общія положенія (ст. 150—172), командитное товарищество на акціяхъ въ особенности (ст. 173—206); 3) акціонерное товарищество: общія постановленія (ст. 207—215), юридическія отношенія акціонеровъ (ст. 216—226), права и обязанности правленія (ст. 227—241), прекращеніе товарищества (ст. 242—248); 4) негласное товарищество (ст. 250—265); 5) соединеніе для отдѣльныхъ торговыхъ операцій на общій счетъ (ст. 266—270).

Книга *четвертая* содержитъ правила о торговыхъ сдѣлкахъ въ пяти раздѣлахъ: торговыя сдѣлки вообще, купля-продажа, коммисія, экспедиція и перевозка. Первые семь статей (271—277) устанавливаютъ понятіе торговой сдѣлки въ смыслѣ подчиненія извѣстнаго рода дѣлъ дѣйствию настоящаго торговаго уложенія. Все остальное содержаніе четвертой книги распадается на двѣ части: 1) общая часть торгово-обязательственнаго права (ст. 278—336) и 2) особенная часть торгово-обязательственнаго права, куда входятъ договоры: купли-продажи, коммисія, экспедиція и перевозка.

Пятая и послѣдняя книга излагаетъ правила о морской торговлѣ, не различая между нормами торгово-частнаго и торгово-публичнаго права. Послѣднему отведена значительная часть пятой книги (ст. 432—438, 444—480, 489—494, 757—781, 906—911), имѣющей двѣнадцать раздѣловъ: 1) общія постановленія, 2) о хозяинѣ корабля, 3) о корабельщикѣ, 4) о корабельныхъ служителяхъ, 5) о перевозкѣ владѣй, 6) о перевозкѣ путешественниковъ, 7) о бодмерѣ, 8) объ аваріи, 9) о спасеніи и сбереженіи во время морскаго несчастія, 10) о корабельныхъ вѣрителяхъ, 11) о страхованіи морскомъ и 12) о погасительной давности. Правила о морской торговлѣ, составляя по количеству статей (480) большую половину всего торговаго уложенія, касаются слѣдующихъ предметовъ частнаго права: объ отчужденіи и принадлежностяхъ корабля, объ отвѣтственности хозяина корабля за причиненный вредъ и убытки и по договору съ корабельными служителями, о соучастіи въ кораблѣ, о правахъ и обязанностяхъ корабельщика по отношенію къ хозяину корабля и третьимъ лицамъ, о правахъ и обязанностяхъ корабельныхъ служителей по договору личнаго найма, о наймѣ кораблей подъ грузъ, о договорѣ перевозки пас-

сажировъ, объ аваріи, о вознагражденіи за спасеніе и сбереженіе при гибели корабля и о морскомъ страхованіи.

Изложенное содержаніе Германскаго торговаго уложенія 1861 г. не оправдываетъ выдѣленія торгово-частнаго права въ особый кодексъ, имѣющій самостоятельное значеніе.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что Германское торговое уложеніе обнимаетъ не все торгово-частное право. Законы о векселяхъ, выдѣленные въ особый уставъ, не вошли въ его содержаніе. Изъ остальныхъ договоровъ, употребительныхъ въ торговомъ оборотѣ, опредѣлены только нѣкоторые: купля-продажа, довѣренность, товарищество, коммисія, экспедиція и перевозка. Нѣтъ правилъ о другихъ договорахъ, по той или другой причинѣ причисляемыхъ къ договорамъ, торговлѣ свойственнымъ, о биржевыхъ сдѣлкахъ, о варрантахъ и т. п.

Но если Германское торговое уложеніе, съ одной стороны, не обнимаетъ всего торгово-частнаго права, а съ другой стороны вторгается въ чуждыя торгово частному, а иногда и вообще торговому праву, области, то тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что оно проводитъ принципиальное различіе между торгово-частнымъ правомъ и системою положительнаго общегражданскаго права, установленіемъ для дѣлъ торговыхъ особыхъ, отличныхъ отъ общегражданскихъ, правилъ, какъ для обязательствъ вообще (общая часть обязательственнаго права ст. 278—336), такъ и для отдѣльныхъ обязательствъ и договоровъ (особенная часть обязательственнаго права ст. 337—431). Правила торговаго уложенія въ указанныхъ отдѣлахъ имѣютъ во многомъ отличное содержаніе отъ правилъ общегражданскаго права, почему въ самостоятельномъ значеніи, по крайней мѣрѣ, четвертой книги уложенія, о торговыхъ сдѣлкахъ, ему нельзя отказать.

Эта самостоятельность торговаго права вызвана, однако, не свойствомъ и характеромъ самыхъ нормъ торгово-частнаго права, но случайными, историческими причинами, неудовлетворительнымъ состояніемъ гражданскаго законодательства Германіи въ то время. Ходъ историческаго развитія этого законодательства ясно указываетъ, что торговое уложеніе потому только и получило самостоятельное, независимое отъ гражданскаго права, значеніе, что въ немъ (какъ впервые въ уставѣ вексельномъ) зарождающаяся имперская законодательная власть осуществила объединеніе части гражданскаго права, построеннаго на современныхъ началахъ, чуждыхъ рабскаго подчиненія римскимъ и другимъ средневѣковымъ традиціямъ.

По справедливому замѣчанію Goldschmidt'a (*Zeitschrift für Handelsrecht* т. V стр. 212—214), объединеніе торговаго права для от-

дѣльныхъ германскихъ территорій, съ разными системами гражданскаго права, не могло быть достигнуто изданіемъ торговаго уложенія, содержащаго одни только торговыя начала. Для достиженія желаемаго объединенія представлялись, вообще говоря, только два пути: или созданіе обще-германскаго закона по обязательственному праву, со включеніемъ части вотчиннаго права и съ установленіемъ исключеній и дополненій для торговаго оборота, или же изданіе торговаго уложенія, со введеніемъ въ него части общегражданскаго права, на сколько это было необходимо для достиженія фактическаго единства торговаго права. Первый путь, по мнѣнію Coldschmidt'a, въ существѣ единственно вѣрный, но избраніе его въ 1856 году, въ виду политической розни, равнялось бы отказу отъ изданія обще-германскаго торговаго закона.

Дальнѣйшее развитіе на пути объединенія содержащагося въ торговомъ уложеніи частнаго права съ общегражданскимъ намѣтилось уже при самомъ обнародованіи Германскаго торговаго уложенія. На основаніи законовъ о введеніи торговаго уложенія въ Гамбургъ и Бременъ, правила уложенія, постановленныя исключительно для купцовъ и торговыхъ товариществъ, распространены на извѣстную категорію лицъ—не купцовъ, и на извѣстныя, неторговыя или на всякаго рода товарищества, а правила общей части торгово-обязательственнаго права и торговой купли-продажи признаны правилами общегражданскаго права (Hamburger Einführungsgesetz 22 декабря 1865 г. ст. 24, 30, 38, 39, 41; Bremer Einführungsgesetz 6 іюня 1864 г. ст. 21, 29, 30 и 33). Далѣе, имперскій законъ 4 іюля 1868 г. о гражданскомъ характерѣ разныхъ товариществъ съ хозяйственными цѣлями и законъ 11 іюня 1870 г. объ акціонерныхъ товариществахъ на вѣрѣ и объ акціонерныхъ компаніяхъ распространили примѣненіе правилъ торговаго уложенія на цѣлый рядъ общегражданскихъ товариществъ, дѣятельность которыхъ не заключается въ торговомъ предпріятіи. Но помимо другихъ отдѣльныхъ имперскихъ законовъ необходимо отмѣтить тотъ, нелишенный интереса фактъ, что единство торгово-частнаго и общегражданскаго законодательства признано официально закономъ 20 декабря 1873 г., измѣнившимъ первоначальную редакцію п. 13 ст. 4 германской конституціи. По первоначальной редакціи (16 апрѣля 1871 г.) имперскому законодательству предоставлялось обще-германское законодательство по обязательственному, уголовному, торговому и вексельному праву и по судопроизводству, на основаніи же закона 20 декабря 1873 г. имперскому законодательству подлежить обще-германское законодательство по всему гражданскому и уго-

ловному праву и по судопроизводству, а слѣдовательно, по смыслу новаго закона, торговое и весельное право суть только составныя части „всего гражданского права“.

Вскорѣ послѣ изданія закона 20 декабря 1873 г., расширившаго компетенцію имперскаго законодательства, возникъ вопросъ о системѣ и планѣ объединенія гражданского права всей Германіи. Образованная съ этою цѣлью коммисія высказалась, однако, противъ соединенія торговаго и гражданского права въ одномъ уложеніи, руководствуясь главнымъ образомъ тѣмъ соображеніемъ, что торговое право имѣетъ свою продолжительную и самостоятельную исторію, и что включеніе его въ гражданское уложеніе нарушитъ преэминентность судебной практики и научной разработки, основанныхъ на постановленіяхъ торговаго законодательства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было признано необходимымъ согласовать правила о торговыхъ договорахъ съ общегражданскимъ обязательственнымъ правомъ. Въ офиціальномъ докладѣ отдѣленія юстиціи Германскаго союзнаго совѣта о планѣ составленія гражданского уложенія сказано: „необходимо изъять изъ торговаго права дѣйствующія въ немъ нормы, заимствованныя изъ гражданского права, и обсудить, какія *исключенія* слѣдуетъ установить для торговаго оборота по отдѣльнымъ вопросамъ, напр., по вопросу о процентахъ, о неустойкѣ, о формѣ юридическихъ сдѣлокъ и др.“ (см. Goldschmidt, Zeitschrift т. XX стр. 134—171).

Въ настоящее время въ Германіи изданы гражданское (въ 1896 г.) и торговое (въ 1897 г.) уложенія, вполне согласованныя между собою. Объединеніе и согласованіе правилъ о торговыхъ договорахъ съ правилами о гражданскихъ договорахъ вообще произошло двойнымъ путемъ. Съ одной стороны, нормы гражданского права, содержащіяся въ торговомъ уложеніи 1861 г., были изъяты изъ него, а съ другой, гражданское уложеніе само прониклось началами торговаго права и усвоило многія постановленія торговаго уложенія, безъ всякаго измѣненія или съ небольшими только измѣненіями (напр., правила о заключеніи договоровъ между отсутствующими, о совокупной ответственности нѣсколькихъ лицъ, совмѣстно принявшихъ на себя обязательство по договору, и др.; ср. Riesser, über den Einfluss handelsrechtlicher Ideen auf den Entwurf eines bürgerlichen Gesetzbuches; Gierke, der Entwurf des neuen Handelsgesetzbuches).

Новое торговое уложеніе раздѣлено на четыре книги: 1) о торговомъ сословіи, 2) о торговыхъ товариществахъ и негласномъ товариществѣ, 3) о торговыхъ сдѣлкахъ и 4) о морскомъ правѣ. Не смотря на то, что въ уложеніе вошли новые отдѣлы: 1) о торговыхъ аген-

тахъ, 2) о складочной сдѣлкѣ (Lagergeschäft), оно по своему объему значительно меньше прежняго. Особенно замѣтному сокращенію подверглась книга уложенія, касающаяся торговыхъ сдѣлокъ. Сохранившіяся немногія постановленія о *торговыхъ сдѣлкахъ вообще* утратили свое первоначальное значеніе болѣе или менѣе полного изложенія общей части торгово-обязательственного права и представляютъ собою лишь рядъ отрывочныхъ правилъ, содержащихъ исключенія изъ таковыхъ же правилъ гражданскаго уложенія, вызываемыя особенностями торговаго оборота, какъ, напр., правила о торговомъ поручительствѣ (ст. 349 и 350), о процентахъ по торговымъ сдѣлкамъ (ст. 352—355), объ исполненіи торговыхъ сдѣлокъ (ст. 358 и слѣд.), о правѣ удержанія (ст. 39 и слѣд.) и др. Договоръ торговой купли-продажи также изложенъ съ точки зрѣнія особенностей торговаго оборота, и многія статьи уложенія 1861 г. (ст. 337—341, 342 ч. 1 и 2, 343 ч. 1, 344—346, 347 ч. 4, 348 ч. 2—4, 349, 351, 353—356, 358, 359) исключены, какъ имѣющія общее значеніе. Въ полномъ видѣ изложены *коммисіонная* (Commissionsgeschäft), *экспедиціонная* (Speditionsgeschäft), *складочная* (Lagergeschäft) сдѣлки и *перевозка* (Frachtgeschäft), такъ какъ въ гражданскомъ уложеніи правилъ объ этихъ договорахъ не содержится. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что упомянутые договоры помѣщены въ торговомъ уложеніи лишь въ виду ихъ *торговаго происхожденія* и что они, безъ всякаго затрудненія, могли бы быть перенесены изъ торговаго въ гражданское уложеніе, которое къ тому же не знаетъ другихъ правилъ по сему предмету.

Вообще говоря, Германское торговое уложеніе 1897 г. не имѣетъ самостоятельнаго значенія и въ большинствѣ своихъ постановленій относится къ гражданскому уложенію, какъ исключеніе къ общему правилу. Во главѣ торговаго уложенія 1861 г. находилась статья слѣдующаго содержанія: „Въ торговыхъ дѣлахъ, въ случаѣ недостатка правилъ сего уложенія, примѣняются торгowe обычаи, а за отсутствіемъ ихъ—общее гражданское право“ (ст. 1). Въ новомъ торговомъ уложеніи 1897 г. статья эта исключена, а взамѣнъ ея въ ст. 2 зак. о введ. въ дѣйствіе постановлено, что „правила гражданскаго уложенія имѣютъ силу, на сколько по данному предмету въ торговомъ уложеніи не постановлено особаго правила“ (ср. ст. 105 торг. улож., по которой „къ полному товариществу примѣняются правила, постановленныя въ гражданскомъ уложеніи для товариществъ вообще, на сколько въ торговомъ уложеніи не установлено на сей предметъ иныхъ правилъ; см. также ст. 348, 374, 375, 382, 385, 396 и др.).

Такимъ образомъ въ настоящее время въ Германіи объединеніе торговаго и гражданскаго права совершилось, и только законодательный матеріалъ размѣщенъ въ двухъ особыхъ уложеніяхъ, въ чемъ нельзя не видѣть лишь вынужденной уступки исторически сложившейся обособленности торговой кодификаціи.

Въ Англіи до настоящаго времени нѣтъ ни кодификаціи гражданскаго права, ни кодификаціи торговаго права въ томъ смыслѣ, какъ онѣ существуютъ на материкѣ. Поэтому и вопросъ о самостоятельномъ значеніи кодификаціи торговаго права для англійскаго законодательства не имѣетъ практическаго интереса. Въ общемъ источникъ права—common law, торговые обычаи не составляютъ обособленной части, а въ другомъ общемъ источникѣ права—Statute law, отдѣльные законодательные акты нормируютъ институты торговаго права наравнѣ съ институтами другихъ отраслей права (Stephen, new commentaries on the law of England, partly founded on Blackstone т. I стр. 57).

Историческій ходъ образованія особыхъ торговыхъ уложеній называется, какъ на главную причину такого выдѣленія въ отдѣльную кодификацію новаго наслоенія права гражданскаго, на особенности торгово-частнаго права, образовавшагося путемъ обычая и въ существенныхъ пунктахъ несогласнаго съ общемою системою римскаго гражданскаго, въ частности—обязательственнаго права. Эта рознь, эта двойственность гражданскаго права, утратившая съ теченіемъ времени первоначальное значеніе, почти совсѣмъ исчезла въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ законодательствахъ. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ: 1) Калифорнское гражданское уложеніе 1873 г., 2) гражданское уложеніе Нижней Канады 1866 г., 3) гражданское уложеніе кантона Цюриха 1855 г. и 4) законъ о правѣ по обязательствамъ Швейцарскаго союза 1881 года.

1) Въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, гдѣ, по примѣру Англіи, ни въ литературѣ, ни въ законодательствѣ торговое право не было разъединяемо отъ общегражданскаго (Пахманъ, Исторія кодификаціи т. I стр. 144—146), первая попытка кодификаціи гражданскаго права необходимо должна была обнять собою и то, что на континентѣ Европы выдѣлялось въ особое торговое право. Комисіи по составленію Нью-Йоркскаго проекта—подъ предсѣдательствомъ Dudley Field—не пришлось вовсе возбуждать вопроса о томъ, слѣдуетъ ли для извѣстныхъ лицъ, купцовъ, и для извѣстныхъ отношеній, торговыхъ, создавать особое право. Гражданское уложеніе Калифорніи, принятое законодательнымъ собраніемъ штата 21 марта 1872 г. и вступившее въ

силу 1 января 1873 г., въ сущности, составляетъ утвержденный законодательною властью этого штата Нью-Йорскій проектъ. Весь матеріалъ гражданскаго уложенія распределяется по четыремъ книгамъ: 1) о лицахъ, 2) объ имуществѣхъ, 3) объ обязательствахъ и 4) о защитѣ правъ. Въ книгѣ третьей налагаются, въ общей системѣ обязательственнаго права, и тѣ правила, которыя входятъ обыкновенно въ содержаніе торговыхъ уложеній. Въ видѣ примѣра можно указать на то, что въ отдѣлѣ о личномъ наймѣ опредѣляются отношенія агентовъ, факторовъ, корабельщиковъ и корабельныхъ служителей, что правила о договорѣ перевозки (carriage) обнимаетъ собою всякаго рода перевозку лицъ и вещей, какъ сухопутную, такъ и морскую; что вслѣдъ за общими правилами о страхованіи излагаются особенныя правила страхованія морскаго, отъ огня, жизни; что правила о векселяхъ помѣщены, наряду съ правилами о чекахъ и другихъ бумагахъ на предъявителя, въ общемъ отдѣлѣ отъ оборотныхъ бумагахъ (negotiable instruments) и т. п. Однимъ словомъ, Калифорнское гражданское уложеніе представляетъ собою полное объединеніе торговаго и гражданскаго права, какъ составныхъ частей одной общегражданской системы права. Въ настоящее время во многихъ штатахъ Сѣверной Америки дѣйствуютъ гражданскія уложенія, образцомъ для которыхъ послужилъ тотъ же Нью-Йорскій проектъ.

2. *Гражданское уложеніе Нижней Канады 1866 года* основано на началахъ французскаго права. Попытка объединенія торговаго и гражданскаго права въ Нижне-Канадскомъ уложеніи проведена лишь наполовину, и хотя, съ одной стороны, цѣлый рядъ институтовъ торговаго права включенъ въ общую систему уложенія, но, съ другой стороны, безъ видимой причины, нѣкоторые изъ этихъ институтовъ выдѣлены въ особую четвертую книгу подъ заглавіемъ: „lois commerciales“. Въ общее ученіе объ обязательствахъ и въ ученіе объ отдѣльныхъ договорахъ включены нормы торговаго права и, въ видѣ исключеній изъ общихъ правилъ, тутъ же помѣщаются изъятія для торговаго оборота. Взглядъ законодателя на этотъ вопросъ выраженъ въ самомъ законѣ такимъ образомъ: „общія правила, примѣнимыя къ дѣламъ торговымъ и не помѣщенные въ настоящей (т. е. четвертой) книгѣ, изложены въ предыдущихъ книгахъ, въ особенности въ раздѣлахъ третьей книги: объ обязательствахъ, о продажѣ, о наймѣ, о довѣренности, о закладѣ, о товариществѣ и о давности“ (ст. 2278).

Въ общихъ правилахъ объ обязательствахъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія исключенія, постановленныя для дѣлъ торговыхъ, а именно: 1) ст. 1105 о предположеніи солидарной отвѣтственности

содолжниковъ, 2) ст. 1226 о предположеніи безспорности означеннаго на письменномъ актѣ времени его совершенія и 3) ст. 1233 о доказательствѣ всякаго факта свидѣтелями.

Въ видѣ примѣровъ, изъ особенной части обязательственнаго права можно указать на слѣдующія статьи, постановленныя специально для дѣлъ торговыхъ, а именно: 1) о дѣйствительности продажи чужихъ и краденыхъ вещей (ст. 1488 и 1489); 2) объ отношеніяхъ маклеровъ, факторовъ и другихъ торговыхъ агентовъ къ ихъ довѣрителямъ (ст. 1735—1754); 3) о торговыхъ товариществахъ, рассматриваемыхъ въ связи съ товариществами вообще (ст. 1863—1891), и 4) о пятилѣтней давности (пп. 4 и 5 ст. 2260).

Четвертая книга содержитъ ту часть торговаго права, которая не вошла въ общую систему уложенія. Въ шести раздѣлахъ здѣсь размѣщены правила: 1) о векселяхъ, о кредитныхъ письмахъ и о приказахъ на предъявителя; 2) о торговыхъ судахъ; 3) о наймѣ судовъ подъ грузъ; 4) о перевозкѣ пассажировъ; 5) о страхованіи, и 6) о бодмерей. Непослѣдовательность выдѣленія указанныхъ правилъ въ особую четвертую книгу „*lois commerciales*“ всего яснѣе обнаруживается, если обратить вниманіе на содержаніе пятого раздѣла: о страхованіи. Въ книгѣ „о законахъ торговыхъ“ излагается все ученіе о страхованіи отъ огня и о страхованіи жизни. Притомъ, по опредѣленію самого закона (ст. 2470), только морское страхованіе всегда торговый договоръ—„всякое другое страхованіе не есть, по своей природѣ, договоръ торговый, а является таковымъ только въ томъ случаѣ, когда оно заключено съ премією и лицами, промышленными этимъ, за однимъ нижеозначеннымъ исключеніемъ“, т. е. за исключеніемъ договора взаимнаго страхованія.

Такимъ образомъ попытку Нижне-Канадскаго уложенія включить въ систему общегражданскаго уложенія торговое право нельзя признать вполне удавшеюся. Тѣмъ не менѣе знаменателенъ самый фактъ, что такая попытка сдѣлана на почвѣ французской системы гражданскаго права.

3. *Гражданское уложеніе кантона Цюрихъ 1855 года*, составленное проф. Блюнчли, представляетъ полное объединеніе торговаго и гражданскаго права.

„Право требованій и долговъ“, составляя четвертую и послѣднюю книгу Цюрихскаго гражданскаго уложенія, вмѣщаетъ въ себѣ почти всѣ институты торговаго права, за исключеніемъ вексельнаго и морскаго права. Въ общей части (о договорахъ вообще), принимаемой одинаково какъ въ гражданскому, такъ и въ торговому обороту, по

отношенію къ послѣднему постановлены нѣкоторыя исключенія, напр., въ ст. 906 ч. 2, 962, 990, 1053, о времени заключенія договора между отсутствующими, о размѣрѣ законныхъ процентовъ, объ учетѣ при досрочныхъ платежахъ и о предположеніи зачета при текущемъ счетѣ. Изъ особенной части обязательственнаго права главный интересъ представляютъ раздѣлы: четвертый—о довѣренности, шестой—о товариществѣ, седьмой—о куплѣ-продажѣ, девятый—о личномъ наймѣ и одиннадцатый—о страхованіи. Подъ понятіе довѣренности, или вѣрнѣе порученія (Auftrag—Mandat), подведены кредитныя письма и приказы. Въ отдѣлѣ о товариществахъ (Forderungen aus Gemeinschaft) въ 148 статьяхъ изложены правила также о торговыхъ товариществахъ; здѣсь, по поводу веденія дѣлъ товарищества, опредѣляются отношенія торговыхъ агентовъ (Handelsreisende), представителей (Faktoren) и служителей (Handlungsdienner). Седьмой раздѣлъ весьма подробно излагаетъ куплю-продажу, публичную продажу и мѣну, съ постоянными ссылками на особенности торговаго оборота, для котораго устанавливаются нѣкоторыя исключительныя правила, напр., въ ст. 1389—1391, 1401, 1403, 1415, 1416, 1422, 1429, 1430, 1435, 1440, 1444 и др. Въ девятомъ раздѣлѣ, къ группѣ договоровъ объ услугахъ за плату и о веденіи чужихъ дѣлъ (von den Verträgen über Arbeit und Geschäftsbesorgung) отнесены: 1) наемъ слугъ (Lohndienstvertrag), 2) пользованіе личными услугами за вознагражденіе (Honorardienstvertrag), 3) подрядъ (Verdingung eines Werkes), 4) издательскій договоръ (Verlagskontrakt), 5) коммисіонный договоръ (Kommission), 6) экспедиціонный договоръ (Spedition) и 7) фрахтовой договоръ (Frachtvertrag). Одиннадцатый раздѣлъ, о страхованіи, обнимаетъ, кромѣ общихъ правилъ о страхованіи, также особенности взаимнаго страхованія и цѣлый рядъ отдѣльных видовъ страхованія.

Содержаніе четвертой книги Цюрихскаго уложенія утратило практическое значеніе съ изданіемъ новаго закона 1881 года объ обязательственномъ правѣ для всего Швейцарскаго союза.

Исторія возникновенія *Швейцарскаго союзнаго закона объ обязательствахъ 1881 г.* интересна и поучительна. За двадцать лѣтъ до его изданія, въ средѣ національнаго Швейцарскаго союзнаго совѣта возникло предположеніе издать для всей Швейцаріи или для большинства Швейцарскихъ кантоновъ, путемъ конкордата, торговое уложеніе. Выработанный по этому поводу проектъ не получалъ силы закона, въ виду послѣдовавшаго на конференціи кантоновъ предложенія о кодификаціи всего обязательственнаго права, такъ какъ въ проектѣ была

кодифицирована уже значительная часть его (Schneider und Fick, das Schw. Obligationenrecht, Vorwort).

Въ Швейцаріи такимъ образомъ мысль объединить разрозненные системы гражданского права, дѣйствующія одновременно на общей территоріи союза, осуществлялась первоначально по отношенію къ торговому праву, попытки объединенія котораго привели къ кодификаціи обязательственного права, въ которое торгово-частное право входитъ, какъ составная часть.

Швейцарскій союзный законъ 1881 г. обнимаетъ всю область обязательственного права, со включеніемъ вексельнаго, и, кромѣ того, нѣкоторую часть вотчиннаго права, а именно (въ главѣ VI): тѣ нормы его, которыя вызваны потребностями торгового оборота, какъ-то: правила о переходѣ права собственности на движимость, о закладномъ правѣ и о правѣ удержанія. Не вошли въ обязательственное право правила: 1) о договорѣ даренія, 2) о договорѣ страхования и 3) о договорахъ, морской торговлѣ свойственныхъ.

Весь законодательный матеріалъ распределенъ по 34-мъ главамъ. Первые пять главъ содержатъ общую часть обязательственного права, съ указаніемъ нѣкоторыхъ исключеній спеціально для торгового оборота (напр., ст. 107 ч. 2, 119 ч. 3, 138 ч. 2); шестая—*„вотчинныя права на движимость“* (ср. ст. 206 ч. 2, 208, 209, 212, 213, 224 ч. 2, предусматривающія особенности торгового оборота); седьмая по тридцать вторую—правила объ отдѣльныхъ договорахъ и обязательствахъ, гдѣ также приняты во вниманіе особенности торгового оборота, для котораго и установлены исключительныя правила (напр., ст. 234, 261, 262, 330, 333, 335 и мн. др.). Безъ внутренней связи съ остальными главами, тридцать третья глава содержитъ правила о торговыхъ реестрахъ, фирмахъ, книгахъ, а послѣдняя (34-я)—переходныя правила относительно примѣненія новаго закона.

Не входя въ подробную оцѣнку содержанія новаго Швейцарскаго закона, нельзя не замѣтить, что, въ общемъ, попытка уничтожить двойственность законодательства по гражданскому праву удалась этому закону (см. Riesser, Zeitschrift für das gesammte Handelsrecht, т. XXIX стр. 110—131). На изданіи обязательственного права законодательство Швейцаріи не остановилось. Въ настоящее время составлены проекты и другихъ частей уложенія: права *сѣмйнаго, наслѣдственнаго и вотчиннаго*. Такимъ образомъ можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ въ Швейцаріи появится полное гражданское уложеніе, *вмѣщающее въ себя и торговое, и гражданское право*.

Изъ вышеизложеннаго явствуется, что разнъ торгово-частнаго и

общегражданскаго права, возникшая первоначально въ силу извѣстныхъ историческихъ условій, съ теченіемъ времени, уступила мѣсто сознанію *единства* этихъ двухъ областей права. Это сознаніе осуществилось въ новѣйшихъ законодательныхъ работахъ.

Исторія кодификаціи торговаго права въ *Россіи* есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія кодификаціи русскаго гражданскаго права. Подчиняясь одинаковому съ гражданскимъ правомъ условіямъ образованія и регламентации, русское торговое право не имѣло и не могло имѣть того характера оппозиціи, борьбы противъ неподвижности положеній и системы гражданскаго права, какъ на Западѣ, уже потому, что до изданія Свода Законовъ не было окончательно установившейся системы гражданскаго права, а оно регламентировалось отдѣльными законами, наряду съ торговымъ и съ другими отраслями права. Поэтому вопросъ объ отдѣльной кодификаціи торговаго права могъ у насъ явиться, и дѣйствительно явился лишь при составленіи Свода Законовъ и предшествовавшихъ ему неудавшихся попыткахъ кодификаціи. „Имѣя передъ собою чрезвычайную громаду случаевъ, совокупность которыхъ составляетъ нынѣ дѣйствующее право“, говорится въ разсужденіяхъ комиссіи по составленію законовъ 1804 г.—„нельзя было не привести ихъ въ порядокъ. Въ прочихъ странахъ ученые и практическіе юрисконсульты дѣлали первые опыты въ семь родѣ. Въ Россіи, кажется, должно симъ заниматься правительство, а не частные люди, развѣ только имъ дано будетъ на сіе право отъ самаго правительства, и они будутъ имѣть къ тому способы, какъ то было въ Англіи, когда Бокъ и Блэкстонъ издали систематическія сочиненія объ англійскихъ законахъ, которые (такъ какъ и у насъ) разбѣяны въ тысячѣ статутовъ, донесеній, приговоръ и пр“. Эти разсужденія раздѣлялись и совѣтомъ комиссіи по составленію уложенія 1814 г., въ представленіи котораго торговое уложеніе признавалось ничѣмъ инымъ, какъ только изъятіемъ изъ правилъ, постановленныхъ гражданскимъ уложеніемъ касательно торговыхъ сношеній.

Въ Высочайше утвержденномъ 28 февраля 1804 года докладѣ Министра Юстиціи Лопухина, о положеніи комиссіи составленія законовъ, приведенъ предначертанный Министерствомъ Юстиціи планъ книги законовъ, по которому въ третьей книгѣ должны были помѣщаться общіе гражданскіе законы, а въ шестой частные законы, къ которымъ отнесены уставы относительно финансовъ, коммерціи, портовъ, мануфактуръ и пр. Проектъ торговаго уложенія 1814 г. состоялъ изъ трехъ частей: первая содержала правила о лицахъ, производящихъ и способствующихъ торговлѣ, вторая—уставъ о векселяхъ, а третья—

банкротскій уставъ. Этотъ первый проектъ торговаго уложенія, независимо отъ его неполноты и отъ исключительнаго вліянія на него Французскаго торговаго уложенія, представляетъ особый интересъ еще потому, что въ этой первой попыткѣ выдѣленія самостоятельнаго торговаго уложенія сказался взглядъ на торговое право, какъ на право извѣстнаго сословія, класса лицъ, а потому необходимо произошло смѣшеніе торгово-частнаго съ торгово-публичнымъ правомъ.

Въ системѣ Свода Законовъ преобладаетъ, повидимому, другой взглядъ. „Уставъ Торговый“ или по первоначальному названію „Учрежденія и Уставы Торговые“ помѣщены во второй части XI тома потому, что Уставъ Торговый, какъ одинъ изъ уставовъ государственнаго благоустройства, вмѣстѣ съ тѣмъ отнесенъ къ особеннымъ законамъ объ имуществѣхъ. И такъ, не столько сословіе лицъ торгующихъ, сколько цѣль законовъ о торговлѣ, какъ законовъ государственной экономіи, опредѣлила мѣсто Торговаго Устава въ системѣ Свода, въ которой послѣ общихъ законовъ объ имуществѣхъ излагаются особенные законы объ имуществѣхъ. Тѣмъ не менѣе послѣдствіемъ такой систематики, какъ и при сословномъ характерѣ торговаго права, было полное смѣшеніе торгово-частнаго съ торгово-публичнымъ правомъ. Этимъ опредѣляется вѣрный взглядъ на Уставъ Торговый, какъ на сводъ законовъ преимущественно торгово-публичнаго права („государственной экономіи“), въ который вошли постановленія торгово-частнаго права только между прочимъ, въ видахъ ли удобства лишь группировки законовъ, относящихся къ торговлѣ, къ одному мѣсту (ср. С. В. Пахманъ, Къ вопр. о предм. и сист. русск. гражд. пр., стр. 12),—въ видахъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ сословнаго характера обязательствъ и договоровъ, „торговлѣ свойственныхъ“, который такъ замѣтно преобладаетъ въ первоначальной редакціи Устава Торговаго и могъ, въ свою очередь, препятствовать включенію торгово-частныхъ законовъ въ „общіе законы объ имуществѣхъ“. Заслуживаетъ полнаго вниманія, что составители Свода Законовъ не придавали содержащимся въ Уставѣ Торговомъ постановленіямъ торгово-частнаго права самостоятельнаго значенія по отношенію къ законамъ гражданскимъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ самъ графъ Сперанскій въ объяснительной запискѣ къ своду гражданскихъ законовъ (Архивъ Балачева, кн. 2 стр. 4), замѣчая, что въ сводъ гражданскихъ законовъ должно войти *„все то, что въ иностранныхъ законодательствахъ составляетъ собственный предметъ гражданскаго уложенія, и все то, что въ нихъ разумѣется подъ именемъ коммерческаго уложенія“*.

Уставъ Торговый, изд. 1893 г., раздѣленъ на три книги: 1) о

договорахъ и обязательствахъ, торговлѣ свойственныхъ, 2) о морской торговлѣ и 3) о торговыхъ установленіяхъ. Содержащіеся въ уставѣ торгово-частныя юридическія нормы касаются слѣдующихъ предметовъ: 1) найма приказчиковъ (ст. 3—38), корабельщика или судовщика, корабельныхъ служителей и водоходцевъ (ст. 216 и сл.); 2) найма кораблей и судовъ подъ грузъ (ст. 323 и сл.), лавокъ и другихъ торговыхъ помѣщеній во время ярмарокъ (ст. 602 прим.); 3) торговой довѣренности (ст. 39—62); 4) торговаго товарищества (ст. 63—104); 5) покупки и продажи торговыхъ судовъ (ст. 165 и сл.); 6) товарищества въ построеніи, покупкѣ и содержаніи кораблей (ст. 171—182); 7) бодмереи (ст. 381—386); 8) займа припасовъ на морѣ (ст. 387—390); 9) аваріи или морскихъ убытковъ (ст. 391 и сл.); 10) сбереженія предметовъ съ кораблей, потерпѣвшихъ крушеніе (ст. 486, 493 и др.); 11) принадлежности потопленныхъ вещей, поднимаемыхъ при очищеніи рейдовъ (ст. 525 и сл.), и 12) морскаго страхованія (ст. 538 и сл.).

Ст. 540—684 Уст. Торг., изд. 1857 г., составляютъ нынѣ особый *Уставъ Вексельный*, согласно которому вексель, какъ простой, такъ и переводный является формою обязательства, одинаково примѣнимою въ гражданскому и въ торговому обороту (см. ст. 6 Уст. Вексел., изд. 1893 г.).

Въ содержаніе т. X ч. 1 вошли, какъ бы въ осуществленіе мысли графа Сперанскаго о единствѣ торговаго и гражданскаго права, между прочимъ и институты спеціально торговаго происхожденія. Сюда относятся: правила объ *акціонерныхъ компаніяхъ*, о *подрядахъ* и *поставкахъ* и о *страхованіи*. Кромѣ того, въ разныхъ отдѣлахъ т. X ч. 1 установлены исключенія въ интересахъ торговли, какъ, напр., въ главѣ о *наймѣ имущества* (ст. 1693), о *поклажѣ* (ст. 2112), о *личномъ наймѣ* (ст. 2219). Словомъ, Уставъ Торговый, по своему содержанію, въ которомъ вполнѣ отсутствуютъ постановленія даже по такому важному для торговли договору, какъ *купля-продажа*, не имѣетъ самостоятельнаго, обособленнаго значенія, наряду съ гражданскими законами т. X ч. 1.

Если исключить содержаніе законовъ торговыхъ, на сколько ими осуществляются полицейскій надзоръ, фискальный интересъ и вообще цѣли торговой политики государства (торгово-публичное право), то все остальное содержаніе этихъ законовъ представляетъ собою лишь *рядъ отрывочныхъ исключеній* изъ правилъ о договорахъ, помѣщенныхъ въ гражданскихъ законахъ. Такъ, напр.:

1) *Договоръ найма приказчиковъ*, на точномъ основаніи п. 2

ст. 2201 т. X ч. 1 есть только видъ общегражданскаго договора личнаго найма. Кромѣ общихъ правилъ, изложенныхъ въ законахъ гражданскихъ, съ этимъ видомъ личнаго найма соединяются нѣкоторыя особенности. А именно: 1) вмѣсто рядной платы можетъ быть установленъ процентъ отъ порученной приказчику суммы или нѣкоторая часть отъ доставленной хозяину прибыли (ст. 2219 т. X ч. 1); 2) несовершеннолѣтній приказчикъ не долженъ имѣть довѣрія и въ распоряженіи своемъ товара болѣе какъ на 30 руб., въ противномъ случаѣ хозяинъ не имѣетъ права взыскивать, а поручительство за мальчика, отданнаго въ науку, если онъ моложе 15 лѣтъ, недействительно (ст. 38 Уст. Торг.); 3) приказчикъ не долженъ производить торгъ чужими или собственными своими товарами, кромѣ хозяйскихъ (ст. 16 и 17 Уст. Торг.), и подчиненъ особому порядку отчетности, съ назначеніемъ опредѣленныхъ сроковъ (ст. 27—36 Уст. Торг.), и 4) на основаніи ст. 19 прилож. къ ст. 1238 (прим. 1) т. X ч. 1, „послѣ смерти хозяина торговаго предпріятія, всѣ служащіе при немъ конторщики, приказчики и артельщики обязаны непремѣнно оставаться при должностяхъ своихъ впредь до представленія, каждымъ по своей части, надлежащихъ, кому слѣдуетъ, отчетовъ“.

2) *Торговая довѣренность*. Ст. 2296 т. X ч. 1 опредѣляетъ, что „особыя правила о торговыхъ довѣренностяхъ изложены въ Уставѣ Торговомъ“, изъ чего слѣдуетъ, что общія правила о довѣренностяхъ примѣнимы и къ торговымъ довѣренностямъ. Особенности, указываемыя въ Уставѣ Торговомъ, сводятся главнымъ образомъ къ тому, что въ торговой довѣренности должно быть означено, кромѣ срока, на который она дается, и вознагражденіе, опредѣляемое довѣренному, съ обязанностію ежегодной отчетности передъ хозяиномъ (ст. 46, 53 Уст. Торг.), а затѣмъ пространство и предѣлы власти уполномоченнаго, завися отъ содержанія самой довѣренности, опредѣляются (ст. 52 Уст. Торг.) общими правилами, въ законахъ гражданскихъ постановленными. Особенности совершенія торговой довѣренности почти исчезли со введеніемъ въ дѣйствіе Положенія о Нотаріальной Части (ср. ст. 51 Уст. Торг.).

Наряду съ торговою довѣренностію слѣдуетъ упомянуть еще о договорахъ *маклерскомъ* и *коммисіонномъ*. Уставъ Торговый хотя и не причисляетъ ихъ прямо къ обязательствамъ и договорамъ, торговымъ свойственнымъ, но не причисляетъ, очевидно, лишь потому, что о нихъ вовсе не говорится какъ объ особенныхъ родахъ договоровъ, а только по поводу торговыхъ установленій (маклеровъ и нотаріусовъ, ст. 628 и слѣд. Уст. Торг.) и по поводу торговыхъ правъ по гиль-

дѣямъ на открытіе комисіонерскихъ конторъ (ст. 53 прим., прилож. Уст. Торг.), равно по поводу торговыхъ довѣренностей на имя комисіонеровъ (ст. 49 и 53 Уст. Торг.). Маклерскій договоръ совершается въ формѣ купеческаго приказа маклеру (ст. 592 прилож. I ст. 91, 634 Уст. Торг.), называемаго также порученіемъ или полномочіемъ на посредничество при заключеніи сдѣлки. Особенность заключается въ томъ, что довѣренность эта можетъ быть устная (какъ видно изъ сопоставленія ст. 91, 95 и 144 прил. I къ ст. 592 Уст. Торг.) и что маклеръ за труды свои получаетъ указанную плату (куртажъ) по окончаніи года, а по истеченіи 12 мѣсяцевъ по совершеніи торговой сдѣлки лишается права на куртажъ, если не требовалъ онаго въ показанное время (ст. 112 прилож. I къ ст. 592 и ст. 644 Уст. Торг.). Для комисіоннаго договора собственно никакихъ правилъ не устанавливается. Приложение къ ст. 53 (прим.) Уст. Торг. налагаетъ лишь извѣстныя обязанности на содержащихъ комисіонерскія конторы „для купли и продажи по порученіямъ частныхъ лицъ, равно для займа капиталовъ, найма домовъ и пріиспанія разнаго рода людей въ частныя должности и службу“, а на основаніи ст. 2295 т. X ч. 1 „учрежденіе конторъ о принятіи на себя хожденія по дѣламъ не дозволяется и частнымъ лицамъ предоставлено въ случаѣ надобности избирать самимъ для сего повѣренныхъ по своему усмотрѣнію, на существующихъ основаніяхъ“. Неупоминаніе маклерскаго и комисіоннаго договоровъ въ ряду обязательствъ и договоровъ, торговыхъ свойственныхъ, даетъ полную возможность причислить ихъ къ общегражданскимъ договорамъ, о которыхъ упомянуто въ Уставѣ Торговомъ лишь потому, что они большею частью совершаются торговыми маклерами и комисіонерскими конторами профессионально, въ видѣ торговаго промысла. Во всякомъ случаѣ, въ виду отсутствія какихъ либо правилъ (за исключеніемъ правилъ о куртажѣ), не можетъ быть рѣчи объ особенностяхъ, соединяемыхъ закономъ съ маклерскимъ и комисіоннымъ договорами, тогда, когда они совершаются въ видѣ договоровъ торговыхъ.

3) *Торговое товарищество*. Объ отсутствіи какого либо принципиальнаго различія между торговыми и неторговыми товариществами вообще свидѣтельствуетъ ст. 2127 т. X ч. 1, говорящая о томъ, что предметомъ товарищества вообще (а не специально торговаго) могутъ быть всякаго рода „предпріятія по торговлѣ, по застрахованію, по перевозкамъ и вообще по какой бы то ни было промышленности“. Въ видѣ исключенія слѣдуетъ указать, однако, на двѣ особенности, для торговыхъ товариществъ, именуемыхъ также торговыми домами,

постановленныя: 1) товарищъ одного торговаго дома не можетъ въ одно и то же время быть товарищемъ другого дома (ст. 78 Уст. Торг.), и 2) для открытія торговаго дома необходимо предварительное объявленіе о томъ купчества печатными листами и внесеніе въ подлежащія управленія выписки изъ договора товарищества (ст. 80); оба исключенія относятся одинаково, какъ къ полному, такъ и къ товариществу на вѣрѣ (ст. 81 и 86). Объ акціонерныхъ обществахъ и товариществахъ на паяхъ въ Уставѣ Торговомъ не содержится постановленій, а сдѣлана лишь ссылка (ст. 87) на правила по сему предмету законовъ гражданскихъ (ст. 2139 и сл. т. X ч. 1).

4) *Договоры по торговому судостроенію и мореплаванію*, весьма разнороднаго содержанія, связаны искусственно съ остальнымъ содержаніемъ Устава Торговаго. Нашъ законъ не устанавливаетъ особыхъ послѣдствій для упомянутыхъ договоровъ, въ зависимости отъ того, совершаются ли они въ видѣ торговаго или неторговаго дѣйствія. Последнее обстоятельство явствуетъ изъ содержанія второй книги Устава Торговаго. Первая же статья (105) содержитъ дозволеніе „всякому, безъ различія преимуществъ по состоянію, строить, оснащать и починять суда мореходныя и рѣчныя, большія и малыя“. Также покупать и продавать мореходныя суда „каждый имѣетъ право“ (ст. 165). Далѣе, ст. 183 предоставляетъ „всѣмъ состояніямъ российскихъ подданныхъ, а равно и иностранцамъ, право заниматься перевозкою на морскихъ судахъ товаровъ и другихъ грузовъ и пассажировъ, за исключеніемъ кобатажнаго судоходства, которое предоставляется исключительно въ пользу российскихъ подданныхъ (ст. 184). Въ главѣ III разд. II „о экипажѣ на российскихъ торговыхъ судахъ“, говорится о начальствованіи и вожденіи „морскихъ судовъ“, а не только торговыхъ (ст. 193). Слѣдующая IV глава говоритъ „о наймѣ корабельщика или судовщика“, будетъ ли это по торговлѣ, или не по торговлѣ; „хозяева корабля могутъ быть лица и неторгующія, — правила тѣмъ не менѣе и для нихъ тѣ же. Тоже слѣдуетъ сказать „о наймѣ корабельныхъ служителей и водоходцевъ, о наймѣ кораблей и судовъ подъ грузъ“ (глава V и VII), всюду законъ говоритъ о корабельщикѣ, о хозяинѣ корабля, противопоставляя имъ „хозяевъ товаровъ“ или „нанимателя корабля“. Такія же общія правила, неограниченныя понятіемъ о торговлѣ, законъ преподаетъ относительно бодмерей, займа припасовъ на морѣ, аварій, спасенія кораблей и судовъ и застрахованія морскаго. Словомъ, здѣсь предусматриваются особенности такъ называемаго *морскаго права*, насколько имъ измѣняются или отмѣняются правила общегражданскія, а никакъ не

особенности торговаго права, къ которому морское право отнесено, очевидно, лишь потому, что правила о послѣднемъ устанавливались первоначально для одного только сословія лицъ торгующихъ, хотя одновременно съ свободой торговли и стали общими для лицъ правилами общегражданскаго права (нашъ законъ говоритъ иногда о мореплаваніи и независимо отъ торговли, противопоставляя его даже послѣдней, такъ напр. ст. 2140 т. X ч. 1 къ предметамъ акціонерныхъ обществъ причисляетъ „приведеніе въ дѣйствіе предпріятія въ области наукъ, искусствъ, художествъ, ремеслъ, мореплаванія, торговли и промышленности“). Вопросъ о введеніи въ общую систему гражданскаго уложенія особенностей морскаго права не совпадаетъ, слѣдовательно, съ вопросомъ объ особенностяхъ торговаго права. Съ точки зрѣнія разсматриваемаго вопроса, наоборотъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ области такъ называемаго морскаго права нашъ законъ не устанавливаетъ никакого различія между дѣйствіями торговыми и неторговыми.

Такимъ образомъ созданіе у насъ особаго торговаго уложенія не оправдывается ни *историческими основаніями*, ни *содержаніемъ дѣйствующихъ постановленій о торговыхъ сдѣлкахъ*. Въ Россіи никогда не существовало торговаго сословія, подобнаго западно-европейскому, и не было почвы для самостоятельнаго развитія торговаго права. Наши торговые обычаи, какъ это выяснилось изъ практики коммерческихъ судовъ, въ значительной степени заимствованы изъ Германскаго торговаго уложенія 1861 г. Наше торговое право поражаетъ бѣдностью и отрывочностью своего содержанія и по существу не противопоставляется общегражданскому. Судебная практика по дѣламъ торговымъ только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ основывать свои рѣшенія на отрывочныхъ постановленіяхъ Устава Торговаго или на тѣхъ единичныхъ отступленіяхъ, которые въ т. X ч. 1 допущены для торговыхъ сдѣлокъ, большею же частью и по торговымъ дѣламъ судебныя мѣста руководствуются общими гражданскими законами.

И такъ, будущему гражданскому уложенію остается только сохранить исторически сложившееся у насъ единство гражданскаго права. Наоборотъ, выдѣленіе изъ единой системы гражданскаго права самостоятельной системы торговаго права представлялось бы въ нашемъ законодательствѣ крупнымъ *нововведеніемъ*, нуждающимся въ серьезномъ оправданіи.

Между тѣмъ такого оправданія найти невозможно. Было бы даже большою ошибкою стремиться создать у насъ особое торговое уложеніе въ то время, когда новѣйшія западно-европейскія законодатель-

ства отказываются отъ исторически сложившейся у нихъ розни торгового и гражданского права, и когда эта рознь осуждена, хотя и не единогласно, какъ въ иностранной (см. разные мнѣнія у Goldschmidt'a, Handbuch des Handelsrechts), такъ и въ нашей юридической литературѣ (см. С. В. Пахманъ, Истор. кодиф. т. II, стр. 26.; Бъ вопр. о пред. и сист. русск. гр. ул. журн. Гражд. и Угол. Пр. 1882 г. кн. 8 стр. 202; Г. Ф. Шершеневичъ, Сист. торг. дѣйств., Истор. кодиф. гр. пр. стр. 122 и сл., ср. К. П. Побѣдоносцевъ, Бурсъ гр. пр., ч. 3 § 39 стр. 323).

Противъ выдѣленія постановленій о торговыхъ сдѣлкахъ въ особое уложеніе говорятъ какъ теоретическія, такъ и практическія соображенія.

Съ теоретической точки зрѣнія представляется невозможнымъ сколько нибудь правильно и послѣдовательно размежевать область гражданского и торговаго права.

Торговое право есть видоизмѣненіе права гражданского, отъ котораго его, въ особенности отъ права по обязательствамъ, совершенно отдѣлить невозможно, потому что оно необходимо на немъ основано, а институты гражданского права вмѣстѣ съ тѣмъ суть институты торговаго права.

Особенное содержаніе торговаго права не составляютъ институты съ особымъ, самостоятельнымъ юридическимъ содержаніемъ, возникшіе или возникающіе первоначально въ торговомъ оборотѣ. Въ этомъ отношеніи въ литературѣ не существуетъ почти разногласія и всѣмъ признается фактъ прогрессивнаго развитія гражданского права, въ смыслѣ введенія въ его сферу юридическихъ институтовъ, исторически и фактически составлявшихъ, а отчасти и составляющихъ еще какъ бы особое достояніе права торговаго, какъ, напримѣръ, вексель, товарищество, страхованіе, фрахтовой, коммисіонный, экспедиціонный, маклерскій и другіе договоры. Необходимое расширеніе области гражданского права на счетъ торговаго вызвано естественнымъ ростомъ гражданского законодательства и паденіемъ разныхъ историческихъ, сословныхъ и другихъ преградъ, отдѣлявшихъ прежде, болѣе или менѣе рѣзко, область гражданского отъ области торговаго оборота. Торговое право, въ смыслѣ права сословнаго, лишено всякой возможности существованія въ настоящее время. Закрытыя прежде для лицъ, не принадлежавшихъ къ торговому сословію, области открыты нынѣ всѣмъ лицамъ правоспособнымъ, и не только вексельное, но и вообще все торговое право. Между тѣмъ какъ чуждые торговому сословію элементы проникаютъ въ область торговаго права, это послѣднее само

переступаетъ свои границы въ цѣломъ рядѣ положеній. Духъ торговаго права не только охватываетъ смежныя съ нимъ области (какъ область фабричной промышленности), но, въ извѣстномъ отношеніи, и весь гражданскій оборотъ. То, что торговый законъ предписываетъ относительно толкованія торговыхъ договоровъ, поручительства, вознагражденія за убытки, неустойки задатка, *laesio epogmis* признанія счета, доказательной силы долговаго документа, квитанціи или торговой книги,—все это удобопримѣнимо къ общегражданскому обороту. Съ отмѣною въ современномъ судопроизводствѣ теоріи формальныхъ доказательствъ, цѣлый рядъ до сихъ поръ спеціально торговыхъ нормъ вводится въ гражданское право. Правила гражданскаго права о заключеніи договоровъ между отсутствующими или чрезъ представителей совпадаютъ съ правилами торговаго права. То же слѣдуетъ сказать о правилахъ исполненія договоровъ и толкованія договора купли-продажи. Вслѣдствіе этого неудивительно, что извѣстныя части торговаго права цѣликомъ переходятъ въ современныя гражданскія уложенія; такъ, напр., правила Герм. торг. ул. 1861 г. о торговыхъ сдѣлкахъ вообще и о куплѣ-продажѣ перешли въ новое гражданское уложеніе 1896 г. Если дѣйствительно единственная причина образованія и развитія особаго торговаго права заключалась въ устарѣлости и неподвижности гражданскаго права, тогда все говорить въ пользу замѣны особаго торговаго права общимъ гражданскимъ правомъ, свободнымъ отъ оковъ минувшихъ столѣтій и приспособленнымъ къ современнымъ потребностямъ жизни (*Gareis, Aphorismen über die Zukunft des Handelsrechts*, въ *Archiv für Theorie und Praxis des allg. deutsch. Handels und Wechselrechts* т. 29 стр. 1—11; *Regelsberger, von Handbuch Endemann* т. II стр. 383 и 384; *Перицневичъ*, Исторія кодиф. гражд. пр. въ Россіи стр. 123 и 124; *Пазманъ*, Исторія кодиф. гражд. пр. т. II стр. 26).

Если, такимъ образомъ, нѣтъ достаточныхъ основаній для опредѣленія содержанія торговаго права, въ смыслѣ совокупности извѣстныхъ институтовъ и нормъ одинаковаго происхожденія, т. е. на основаніи ихъ первоначальнаго происхожденія въ торговомъ оборотѣ, то еще менѣе основательнымъ представляется опредѣленіе этого содержанія въ смыслѣ особенностей, соединяемыхъ съ такъ называемыми *абсолютно или объективно торговыми сдѣлками*.

Во Франціи до революціи существовала кодификація торговаго права въ смыслѣ *особаго права купеческаго сословія*, съ присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ сдѣлокъ, возникшихъ первоначально въ торговомъ быту и примѣнявшихся почти исключительно купцами.

Когда примѣненіе послѣдняго рода сдѣлокъ, напр., векселя, расширилось такъ, что онѣ сдѣлались общими формами кредита и обращенія цѣнностей, какъ торговаго, такъ и неторговаго, а съ другой стороны, подъ вліяніемъ французской революціи, уничтожилось сословное дѣленіе лицъ на купцовъ и не купцовъ, то явилась необходимость, чтобы сохранить традиціонное дѣленіе права на гражданское и торговое, подыскать этому дѣленію новое основаніе. Область торговаго права сдѣлалась, съ одной стороны, доступною всѣмъ правоспособнымъ лицамъ, а съ другой стороны, цѣлый рядъ сдѣлокъ, возникшихъ въ торговомъ быту, сталъ употребительнымъ въ общегражданскомъ оборотѣ. Поэтому ст. 1 Франц. торг. уложенія опредѣляетъ понятіе купца такимъ образомъ: „купцами признаются совершающіе торговые дѣйствія и дѣлающіе изъ этого свою обычную профессію“, отдѣливъ такимъ образомъ понятіе купца отъ понятія сословія и признавъ таковымъ всякаго, кто совершаетъ въ видѣ профессіи торговые дѣйствія. Оставалось опредѣлить, что считается торговымъ дѣйствіемъ. Составители уложенія предполагали опредѣлить это понятіе совершенно объективно, т. е. на основаніи самого свойства извѣстныхъ дѣйствій—*„par la nature du fait“* и въ противоположность предшествовавшему законодательству (*Ordonnance 1673 г.*), обращавшему, наоборотъ, вниманіе единственно на свойство лицъ (*qualité des personnes*). Результатомъ соединенія этихъ двухъ противоположныхъ системъ и явилась смѣшанная система, принятая въ окончательной редакціи торговаго уложенія. Къ тому же результату пришло Германское торговое уложеніе 1861 г. (ст. 271 и 272).

Въ этой смѣшанной системѣ кроется глубокое недоразумѣніе. Исходя изъ понятія о безотносительномъ или абсолютномъ торговомъ дѣйствіи, единственнымъ основаніемъ для признанія его таковымъ является цѣль меркантильная, торговая этого дѣйствія. Такъ, купля-продажа съ цѣлью перепродажи (приобрѣтеніе для сбыта) или съ цѣлью осуществить другую покупку (сбытъ для приобретенія)—большинствомъ торговыхъ уложеній признаются дѣйствіемъ торговымъ, а купля-продажа съ цѣлью лишь приобретенія покупаемаго или съ цѣлью лишь сбыта продаваемаго, безъ меркантильной цѣли, не признаются таковымъ дѣйствіемъ. Но спрашивается, изъ чего же можно заключить о наличности меркантильной цѣли въ дѣйствіяхъ контрагентовъ, какъ не единственно только изъ обыкновенной, профессиональной ихъ дѣятельности, т. е. изъ того, что дѣйствія приняты купцами? Другими словами, кажущееся чисто объективное

разграниченіе торговаго отъ неторговаго дѣйствія сводится практически къ различію лицъ по ихъ профессиональной дѣятельности.

Примѣняя такъ называемую смѣшанную систему, законодатель признаетъ дѣйствіями торговыми, кромѣ дѣйствій лицъ, занимающихся торговлею, какъ своею профессіею, еще цѣлый рядъ дѣйствій: покупку товара съ цѣлью перепродажи, выдачу векселя, заключеніе договора страхованія, однимъ словомъ, все то, что законъ пожелаетъ причислить къ объективно-торговымъ дѣйствіямъ, и это безъ всякой осязательной границы, такъ какъ *принципіальнаго различія между объективно-торговыми дѣйствіями и таковыми же неторговыми, независимо отъ лицъ, ихъ совершающихъ, найти невозможно*. Притомъ нѣтъ, повидимому, никакого основанія различать куплю-продажу, смотря по цѣли, а не дѣлать того же по отношенію къ другимъ сдѣлкамъ, напр. векселю, договору страхованія, дѣламъ банкирскимъ и т. п. Что разграниченіе субъективно и объективно-торговыхъ дѣйствій произвольное и не вызывается существомъ дѣла (см. Gierke, *der Entwurf des neuen Handelsgesetzbuches*, стр. 8), доказывается всего лучше различнымъ отношеніемъ отдѣльныхъ законодательствъ къ этому вопросу. Достаточно сопоставить совершенно несходное перечисленіе объективно-торговыхъ сдѣлокъ, дѣлаемое, напр. ст. 632 и слѣд. Франц. торг. уложенія, ст. 271 и слѣд. Германск. торг. улож. 1861 г. и ст. 3 и сл. новаго Итальянскаго торг. улож. (п. 3 ст. 3 къ объективно-торговымъ сдѣлкамъ причисляетъ также пріобрѣтеніе и отчужденіе *недвижимости* съ цѣлью торговой спекуляціи), чтобы убѣдиться въ томъ, что отнесеніе любой сдѣлки къ объективно-торговымъ есть дѣло случая, произвола закона.

Новое Германское торговое уложеніе 1897 г. отрѣшилось отъ понятія объективно-торговой сдѣлки и признаетъ *торговыми всѣ сдѣлки купца, которыя вызываются веденіемъ его торговаго предпріятія* (ст. 343).

Нашъ законъ не различаетъ объективныхъ и субъективныхъ торговыхъ сдѣлокъ. Первоначальная редакція т. XI Устава Торговаго представляла собою кодификацію права *извѣстнаго сословія лицъ*, предусматривая вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстныя сдѣлки и договоры, почти исключительно употреблявшіеся въ средѣ этого сословія, какъ, напр., вексель, морское страхованіе, бодмерею и т. п. Съ уменьшеніемъ сословнаго значенія купчества, съ признаніемъ торговли свободною для всѣхъ правоспособныхъ лицъ, сословное понятіе купца законъ замѣнилъ понятіемъ лица, занимающагося торговлею или промысломъ.

(ср. ст. 1, 41 Полож. о госуд. промысл. налогѣ), а не понятіемъ лица, совершающаго объективно торговыя дѣйствія.

Въ настоящее время уже невозможно представленіе о торговыхъ правѣ, какъ о привилегіи извѣстнаго сословія. Затѣмъ пришлось бы создать область торговаго права вполне искусственно, или въ смыслѣ совокупности извѣстныхъ институтовъ гражданскаго права первоначально торговаго происхожденія, или въ смыслѣ совокупности исключеній, измѣненій и дополненій къ общегражданскимъ правиламъ, постановляемыхъ для торговаго оборота. Въ томъ и другомъ случаѣ пришлось бы, безъ всякаго основанія, *разбивать содержаніе гражданскаго права на части, для соединенія этихъ частей въ сводъ постановленій и правилъ, лишенныхъ внутренняго единства и связи, въ ущербъ цѣлостности и систематичности гражданскаго уложенія*. Притомъ всѣ тѣ соображенія, которыя могли бы быть приведены въ пользу введенія извѣстныхъ институтовъ гражданскаго права въ торговое уложеніе на томъ основаніи, что они не вошли, или недостаточно опредѣлены нашими дѣйствующими гражданскими законами, какъ, напр., договоръ страхованія, отпадаютъ сами собою, коль скоро составленъ уже проектъ объ обязательствахъ. Безъ нарушенія единства и послѣдовательности содержанія послѣдняго нельзя будетъ выдѣлать, напр., изъ общаго отдѣла о товариществахъ статьи объ акціонерныхъ товариществахъ; изъ общихъ отдѣловъ о договорахъ пользованія личными услугами статьи о торговыхъ довѣренностихъ и коммисіонныхъ сдѣлкахъ и т. п. Чисто *внѣшняя практическая польза группировки къ одному мѣсту постановленій, примѣняемыхъ преимущественно въ дѣлахъ торговыхъ, не достигалась бы вовсе такимъ искусственно созданнымъ торговымъ уложеніемъ, такъ какъ въ него всетаки не вошло бы обязательственное право, которое безспорно примѣняется въ полномъ его объемѣ преимущественно въ торговыхъ оборотѣ*. Соединеніе же общегражданскихъ началъ съ торговыми въ одномъ уложеніи не только сблизило бы и примирило ихъ между собою, но вмѣстѣ съ тѣмъ устранило бы и затрудненія въ надлежащемъ разищеніи постановленій, относящихся къ одному и тому же предмету въ разныхъ уложеніяхъ.

Кромѣ того, съ созданіемъ самостоятельнаго торговаго уложенія на ряду съ гражданскимъ связанъ цѣлый рядъ *практическихъ неудобствъ*. Эти неудобства такъ многочисленны, что перечислить ихъ всѣ весьма затруднительно. Достаточно указать на два самыя выдающіяся.

Къ этимъ неудобствамъ слѣдуетъ отнести, во первыхъ, *возмож-*

ность и даже неизбежность противорѣчій въ общихъ, руководящихъ началахъ, относящихся къ одному и тому же предмету въ разныхъ уложеніяхъ. Устранить такое противорѣчіе тѣмъ болѣе затруднительно, что весьма часто общія начала не выражаются въ видѣ какого либо правила, а лишь подразумеваются лежащими въ основаніи цѣлаго ряда частныхъ постановленій, иногда же предрѣшаются системою, принятою для даннаго уложенія. Такъ, смотря по тому, будутъ ли включены правила о товариществѣ, о довѣренности и т. п. въ отдѣлъ о лицахъ или въ отдѣлъ о договорахъ, могутъ вытекать извѣстные общія руководящія начала для даннаго института права.

Въ другому разряду упомянутыхъ практическихъ неудобствъ отнесется возможность и даже неизбежность, съ одной стороны, пропусковъ, а съ другою стороны, повтореній извѣстныхъ правилъ и даже цѣлыхъ институтовъ гражданскаго права въ двухъ разныхъ уложеніяхъ, что не только увеличиваетъ число статей, но и можетъ служить источникомъ разныхъ недоумѣній.

Все вышеназванное можетъ быть сведено къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) торгово-частное право и законы о такъ называемыхъ торговыхъ договорахъ, образующіе главное содержаніе торговыхъ уложеній, составляютъ лишь часть гражданскаго права;

2) появленіе на Западѣ Европы особыхъ торговыхъ уложеній вызвано было обособленіемъ новаго наслоенія гражданскаго права отъ строго римской системы обязательственнаго права, не удовлетворявшей новымъ потребностямъ средне-вѣковаго торговаго оборота;

3) всѣ современные торговые уложенія представляются лишь подражаніемъ французской и германской кодификаціи торговаго права;

4) во Франціи и Германіи торгово-частное право было выдѣлено въ отдѣльные торговые уложенія не по соображеніямъ систематической кодификаціи законодательнаго матеріала, а произошло:

а) во Франціи вслѣдствіе того, что французская кодификація начала 19 столѣтія не была въ силахъ сразу уничтожить сложившуюся вѣками самостоятельность торговаго права включеніемъ его въ составъ гражданскаго уложенія, а ограничилась новою редакціею уже имѣвшихся двухъ сборниковъ торговаго права;

б) въ Германіи вслѣдствіе того, что торговое уложеніе было выработано до изданія гражданскаго уложенія, лишь какъ часть общегражданскаго права, представлявшая наибольшія удобства для предварительнаго объединенія различныхъ системъ гражданскаго права, дѣйствующихъ въ различныхъ германскихъ государствахъ;

Вѣстникъ Права. Іюнь 1899.

5) съ точки зрѣнія систематической кодификаціи существованіе торговыхъ уложеній наряду съ гражданскими уложеніями не оправдывается ихъ содержаніемъ, такъ какъ:

а) преимущественное содержаніе торговыхъ уложеній составляютъ правила о договорахъ торговыхъ, которыя такъ неразрывно связаны съ обязательственнымъ правомъ, что выдѣлить ихъ изъ послѣдняго не представляется возможнымъ, за отсутствіемъ принципиальнаго, внутренняго различія, ибо торговый договоръ есть тотъ же общегражданскій договоръ, заключенный лишь съ спекулятивною цѣлю;

б) торговые уложенія не суть сборники законовъ, проникнутые единою мыслию, а представляются случайнымъ сочетаніемъ разнородныхъ правилъ или отрывочною кодификаціею нѣкоторыхъ частей гражданскаго и нѣкоторыхъ частей публичнаго права;

в) сознаніе единства торговаго и гражданскаго права успѣло уже осуществиться въ рядѣ попытокъ включенія въ гражданскія уложенія того, что составляетъ нынѣ предметъ торговыхъ уложеній;

г) тамъ, гдѣ существуютъ отдѣльныя торговые уложенія, это сознаніе выразилось въ стремленіи согласовать правила о торговыхъ договорахъ съ обязательственнымъ правомъ, содержащимся въ гражданскомъ уложеніи;

д) въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ не проведено никакой черты между постановленіями гражданскаго и торговаго права. Вслѣдствіе сего нѣтъ достаточныхъ основаній вновь устанавливать произвольное размежеваніе законодательнаго матеріала между двумя уложеніями, а необходимо включить торгово-частное право въ общегражданское уложеніе;

е) составленіе одного общегражданскаго уложенія желательно въ интересахъ единства и цѣлости системы гражданскаго права, въ видахъ сближенія и примиренія общегражданскихъ началъ съ торговыми и устраненія неизбежныхъ, въ противномъ случаѣ, противорѣчій, пропусковъ и повтореній, и

ж) соединеніе гражданскихъ и торговыхъ законовъ въ одно уложеніе составляетъ лишь осуществленіе мысли творца нашего Свода Законовъ, графа Сперанскаго.

По этимъ соображеніямъ Редакціонная Комиссія признала нужнымъ включить постановленія о торговыхъ сделкахъ въ проектъ книги V объ обязательствахъ.

Въ проектѣ подробно изложены всѣ тѣ юридическіе институты, которые обыкновенно помѣщаются въ торговыхъ уложеніяхъ, такъ, напр., перевозка, комиссія, переводное письмо, чеки, бумаги на предья-

вителя, товарищества: полное, на вѣрѣ, несласное на вѣрѣ, акціонерное, съ переменнымъ составомъ, страхованіе. Для векселя отведено также мѣсто въ проектѣ (Разд. II Глава XIV, рядомъ съ переводнымъ письмомъ), но не постановлено никакихъ правилъ въ виду того, что проектъ Вексельнаго Устава составленъ уже особою Комисією и вносится отдѣльно на уваженіе Государственнаго Совѣта.

Затѣмъ проектъ вообще сближаетъ начала общегражданскія съ началами торговаго права. Это сближеніе послѣдовало на почвѣ такихъ правилъ, которыя, удовлетворяя потребностямъ торговаго оборота, въ то же время являются полезными и необходимыми и для всего гражданского оборота. По общему признанію, торговому законодательству присуще стремленіе къ установленію правилъ, содѣйствующихъ *быстрому заключенію и исполненію договоровъ, къ освобожденію отъ формальностей и ограниченій, имѣющихъ характеръ опеки, къ предоставленію возможно большаго простора суду, — словомъ, стремленіе къ достиженію матеріальной справедливости и добросовѣстности въ отношеніяхъ сторонъ* (*Dahn, Handelsrecht, Vorträge* стр. 13; *Goldschmidt, Handbuch* т. I § 3; *Beslay, Commentaire du code de commerce*, введ. стр. VII, VIII). Эти цѣли, конечно, не чужды и общегражданскому законодательству; онѣ положены въ основаніе правилъ настоящаго проекта объ обязательствахъ.

По нѣкоторымъ вопросамъ, однако, невозможно вполне согласовать правила общегражданскаго права съ правилами, соответствующими условіямъ торговаго быта. Въ этихъ случаяхъ проектъ устанавливаетъ для торговыхъ сдѣлокъ рядъ исключеній изъ общихъ правилъ, какъ, напр., относительно права удержанія товаровъ и процентныхъ бумагъ (ст. 105 и 106), совокупной отвѣтственности нѣсколькихъ лицъ по договору, относящемуся къ торговлѣ (ст. 167), послѣдствій несоблюденія продавцомъ или покупателемъ срока при куплѣ-продажѣ товаровъ и процентныхъ бумагъ (ст. 200 и 222), отсужденія похищенныхъ или потерянныхъ вещей, приобретенныхъ отъ лица, занимающагося торговлею однородныхъ вещей (ст. 228 ч. 2), срока найма земель подъ фабрики и заводы (ст. 279 ч. 3), процентовъ по торговому займу (ст. 357), совокупной отвѣтственности по торговому займу (ст. 360), найма приказчиковъ (ст. 405), торговой довѣренности (ст. 514 и 534), вознагражденія за вредъ, причиненный на желѣзной дорогѣ, фабрикѣ, заводѣ или горномъ промыслѣ (ст. 1087 и 1088) и др.

II. Пространство примѣненія проекта.

Въ Россіи, кромѣ т. X ч. 1 Св. Зак. Гражд., какъ закона общаго, дѣйствуютъ на окраинахъ, въ губерніяхъ Царства Польскаго и Прибалтійскихъ и въ Бессарабіи особые мѣстные законы. Нѣтъ сомнѣнія, что для облегченія, какъ торговыхъ, такъ и иныхъ сношеній разныхъ частей государства между собою, для сглаженія особенностей отдѣльныхъ мѣстностей, для усиленія государственной связи, другими словами, для достиженія экономическихъ и политическихъ цѣлей въ высшей степени важно введеніе однихъ гражданскихъ законовъ на всемъ пространствѣ Имперіи. Но осуществленіе этой мѣры—дѣло будущаго. Въ настоящее же время при составленіи проекта Гражданскаго Уложенія не имѣется въ виду пересмотръ мѣстныхъ гражданскихъ законовъ губерній Царства Польскаго и Прибалтійскихъ. Эти законы и по изданіи Уложенія должны остаться въ силѣ, такъ какъ многочисленныя особенности мѣстнаго права не позволяютъ пока полного сліянія его съ общими законами Имперіи. Но, конечно, совершеннаго обособленія и изыятія губерній Царства Польскаго и Прибалтійскихъ отъ дѣйствія общихъ законовъ Имперіи быть не можетъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по какому-либо юридическому институту нѣтъ мѣстныхъ законовъ, должны быть примѣняемы законы общіе. Въ Сводѣ гражданскихъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ имѣются прямыя указанія, что извѣстные предметы гражданскаго права опредѣляются общимъ Сводомъ Законовъ Имперіи, напр., что постановленія о торговыхъ товариществахъ изложены въ Уставѣ Торговомъ, а компаніи на акціяхъ подлежатъ дѣйствию отдѣльныхъ о нихъ положеній (ст. 4266 прим.). что подробнѣйшія постановленія о морскомъ страхованіи помѣщены въ Уставѣ Торговомъ, а о страхованіи другого рода въ учрежденныхъ съ этою цѣлью обществахъ, въ ихъ уставахъ (ст. 4362 прим.) и т. д. Въ Прибалтійскихъ законахъ отсутствуютъ постановленія о торговыхъ сдѣлкахъ: къ дѣламъ торговымъ, слѣдовательно, должны примѣняться общіе законы Имперіи (времен. прав. о произ. дѣлъ торг. 1889 г. іюля 9, ст. 1, 3, 4, 14, 15, 18, 19; прав. о произв. дѣлъ о несост. ст. 1, 25 п. 4, 31, 49). Мѣстные законы губерній Царства Польскаго, въ особенности законы торговые, содержатъ въ себѣ также значительныя пробѣлы по многимъ предметамъ гражданскаго права.

Такимъ образомъ настоящій проектъ обязательственнаго права, хотя и не предназначенъ замѣнить собою указанныя мѣстные законы, но, по необходимости, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ будетъ распро-

страненъ и на губерніи Царства Польскаго и Прибалтійскія. Такъ, постановленія проекта объ акціонерномъ товариществѣ, о товариществѣ съ переменнымъ составомъ, о страхованіи, о бумагахъ на предъявителя, должны имѣть примѣненіе также и въ упомянутыхъ губерніяхъ, въ Прибалтійскомъ же краѣ, кромѣ того, еще и всѣ постановленія проекта о торговыхъ сдѣлкахъ.

Въ иномъ положеніи находятся мѣстные гражданскіе законы Бессарабской губерніи. Дѣйствующіе въ этомъ краѣ (за исключеніемъ уѣздовъ Измаильскаго и Аккерманскаго), на основаніи ст. 63 Учрежденія для управленія Бессарабской области 29 февраля 1828 г. (1834), источники права гражданскаго суть: 1) Шестикнижіе Арменопула, частный сборникъ, составленный въ бывшей Византійской имперіи въ 1345 году, 2) краткое собраніе законовъ, извлеченныхъ изъ царскихъ книгъ молдавскимъ бояриномъ Доничемъ въ 1814 г., и 3) соборная грамота Молдавскаго Господаря Александра Маврокордато 28 декабря 1785 г. Всѣ эти памятники, въ практическомъ отношеніи, значительно и во многихъ частяхъ ихъ устарѣли. Въ 1869 году, въ виду предстоявшаго введенія въ Бессарабіи судебной реформы, председатели и члены тамошнихъ судебныхъ мѣстъ и другіе мѣстные юристы-практики, по предложенію Сенатора Шахматова и Бессарабскаго Губернатора Гангардта, произвели въ общихъ засѣданіяхъ ревѣрку мѣстныхъ законовъ съ цѣлію выдѣлить изъ нихъ устарѣвшія части и привести остальные, еще сохраняющія силу узаконенія въ болѣе удобный порядокъ, распредѣливъ ихъ примѣнительно къ системѣ X тома Свода Законовъ. Послѣдствіемъ этого пересмотра было изданіе однимъ изъ членовъ помянутаго совѣщанія А. Н. Егуновымъ частнаго сборника мѣстныхъ законовъ Бессарабіи, содержащаго въ себѣ 84 статьи. Хотя это частное изданіе не имѣетъ officialнаго значенія, но оно любопытно, какъ выраженіе убѣжденій мѣстныхъ юристовъ-практиковъ, по мнѣнію коихъ весь обширный матеріалъ Шестикнижія и книги Донича, за исключеніемъ упомянутыхъ 84 статей, должны быть признаны устарѣвшими и неимѣющими силы закона. Въ рѣшеніяхъ судебныхъ мѣстъ (ср. Сборн. Кохманскаго 1868 г.) и въ особенностяхъ Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената встрѣчаются иногда указанія и на другія, не вошедшія въ сборникъ г. Егунова, части Шестикнижія Арменопула и законовъ Донича, а также и разъясненія ихъ по источникамъ римскаго права, Дигестамъ, Кодексу и Новелламъ Юстиніана (касс. рѣш. 1871 г., № 273, 1872 г., № 1301, 1874 г., №№ 252, 257, 663, 854, 1875 г., № 833, 1876 г. №№ 269, 444, 500, 1885 г. № 59, 1886 г. № 25, 1889 г. № 22,

1890 г. № 17); но за всеѣмъ тѣмъ мѣстныя особенности Бессарабскаго права оказываются не настолькоъ многочисленными, чтобы невозможно было принять ихъ въ соображеніе при составленіи проекта Гражданскаго Уложенія. Во всякомъ случаѣ нѣтъ препятствія для распространенія на Бессарабскую губернію настоящаго проекта объ обязательствахъ.

Въ Сводѣ Законовъ Гражданскихъ встрѣчаются, въ видѣ исключенія изъ общихъ правилъ, особыя узаконенія для губерній *Западныхъ* (т. X ч. 1 ст. 67 прим., 75, 485 прим. 3, 494—512, 698 прим. 2 и прил.; 719, прим. 2, 966, прим., 969, 1046, прим. 1, 1069, 1106, прим., 1181, 1184, п. 8, 1214—1217, 1263, прим., 1317, прим., 1363, прим. 2, 1389, прим., 1396, прим. 2, 1630¹, прим., 1641, 1699, прим. 2; Пол. казен. подр., ст. 2, прим., 46), *Черниговской и Полтавской* (т. X, ч. 1, ст. 7, 111, 118, 167, 176, 232, 235, 255, 258, 264, 285, 295 и прим. 1, 2; 400, 466, 522, 540, 556, 694, прим., прил.: ст. 7; 710, прим., 970, 991, прим., 999, 1005, 1055, 1133, 1139, 1143, 1157, 1184 п. 11; 1220, 1256, 1321, 1322, прим.. 1354, 1459, 1559, 1584, 1586, 1677, прим., 2016, 2032, 2038, 2247, 2327), *Таврической* (т. X, ч. 1, ст. 245, 276, 371, 412, 449, прим., 1339, 1340), *Кавказа и Закавказья* (т. X ч. 1, ст. 3, 63, 281, 452, прим., 454, 462, 598, 694, прим., прил.: ст. 1, прим. 3; 2, прим.; 708, прил.; ст. 129, прим.; 1045, прим., 1130, прим. и прил.; 1148¹, 1153¹, 1162, прим., 1180, 1248, 1315, прим. 2, 1319, 1322, прим., 1404 прим., 1489, прим., 4, 5; 1503, прим. 3, 4; 1700, прим., 1710, прим. 2; 2013, прим.; Пол. казен. подр., ст. 1, 7, 13, прим., 44, 52, 55—57, 61, прим., 76), *Сибири* (т. X ч. 1, ст. 104, 140, прим., 240, 241, 346—348, 403, 708, прил.: ст. 2, 19, 91, 98, 125, 134; 709, прил.: ст. 2, 3, 5; 961, 981, прим., 1184 п. 12; прим., 1248, 1504, прим., 1510, прим., 2201, прим.; Пол. казен. подр., ст. 1, 44, 54, 80 п. 5 и прим.; 228—233) и *Туркестанскаго края* (т. X ч. 1, ст. 241, 412, 708, прил.: ст. 1, прим.; 1248; Пол. казен. подр., ст. 1, 236). Эти мѣстныя узаконенія касаются главнымъ образомъ *семейнаго и наследственнаго права*. Допущенныя дѣйствующимъ закономъ отступленія отъ общихъ правилъ въ области *договорно-обязательственныхъ* отношеній весьма незначительны. Такъ, напр., для губерній *Черниговской и Полтавской*, на долю которыхъ больше всего приходится означенныхъ отступленій, установлены исключительныя правила лишь въ отношеніи: *ответственности поручителя* (т. X ч. 1 ст. 1559), *размѣра неустойки* (т. X ч. 1 ст. 1584), *ограниченія перехода ответственности въ платежъ неустойки*

на наследниковъ обязавшагося лица (т. X ч. 1 ст. 1586), *exsertio* по *numerate pecunie* (т. X ч. 1 ст. 2016), *формы заключенія договора займа* (т. X ч. 1 ст. 2032 и 2038), *выдачи аттестата прислугъ* (т. X ч. 1 ст. 2247) и *ответственности повѣреннаго за убытки, происшедшіе отъ его нерадѣнія* (т. X ч. 1 ст. 2327). Мѣстныя особенности обязательственнаго права были приняты въ соображеніе при составленіи настоящаго проекта и въ переработанномъ видѣ вошли въ его составъ. Такимъ образомъ нѣтъ препятствія для распространенія проекта книги V „объ обязательствахъ“ на всю Россію. Что же касается мѣстныхъ узаконеній по семейному и наследственному правамъ, то они будутъ приняты во вниманіе при разработкѣ соответствующихъ книгъ Гражданскаго Уложенія. Тѣ отступленія отъ общихъ правилъ Уложенія, которыя при введеніи его въ дѣйствіе окажутся необходимыми для нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи, представляющихъ рѣзкія особенности гражданскаго быта, какъ, напр., для *Кавказа и Закавказья, Туркестанскаго края* и др., должны быть указаны въ правилахъ о введеніи Уложенія въ дѣйствіе.

Въ связи съ изложеннымъ слѣдуетъ указать, что будущее Гражданское Уложеніе, подобно нынѣ дѣйствующему закону, подлежитъ *распространенію* на всѣ сословія Имперіи, въ томъ числѣ и на *крестьянъ*.

На основаніи Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, на крестьянъ распространяются *общія постановленія законовъ гражданскихъ*, какъ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ, такъ и по пріобрѣтенію и распоряженію недвижимымъ и движимымъ имуществомъ (т. IX Особ. Прилож. 1 ст. 21 и 33). Изъ этого общаго правила допущены лишь два исключенія, когда крестьяне могутъ руководствоваться мѣстными своими обычаями, а именно: 1) въ дѣлахъ *наследственныхъ* (т. X ч. 1 ст. 1184 п. 5; т. IX Особ. Прилож. I ст. 38; касс. рѣш. 1880 г. № 174, 1884 г. № 105, 1885 № 3, 1891 г. № 86, 1893 г. № 77) и 2) въ дѣлахъ *опекунскихъ* (т. IX Особ. Прилож. I ст. 21 прим.; касс. рѣш. 1872 г. № 210, 1880 г. № 241). Кромѣ того, руководствоваться мѣстными обычаями дозволяется *крестьянамъ въ дѣлахъ, подвѣдомственныхъ волостному суду* (т. IX Особ. Прилож. I ст. 93 прим. 3, прилож. ст. 15 и 25).

Такимъ образомъ, за указанными исключеніями, крестьяне наравнѣ съ прочими классами населенія, подчиняются общимъ гражданскимъ законамъ Имперіи, что предполагается сохранить и на будущее время.

III. Источники проекта.

Въ числѣ источниковъ проекта на первомъ планѣ стоятъ *общіе законы Имперіи*. Въ видахъ полнаго и всесторонняго ознакомленія съ этимъ источникомъ Редакціонная Коммисія извлекала изъ всѣхъ томовъ Свода Законовъ, гражданскихъ, военныхъ и морскихъ, а также изъ законовъ духовныхъ и отдѣльныхъ законоположеній всѣ *постановленія, касающіяся гражданскаго права*, и собранный матеріалъ напечатала въ 1886 г. въ трехъ томахъ подъ названіемъ: „Сборникъ гражданскихъ законовъ“.

Проектъ, безъ дѣйствительной необходимости, не отступаетъ отъ началъ дѣйствующаго права, имѣя лишь цѣлю исправить, дополнить и обновить законъ соотвѣтственно потребностямъ современнаго гражданскаго оборота.

Для достиженія этой цѣли проектъ широко воспользовался весьма цѣннымъ матеріаломъ, заключающимся въ *рѣшеніяхъ Гражданскаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената*. Многія правила, установленныя Правительствующимъ Сенатомъ въ разъясненіе и дополненіе дѣйствующаго закона, почти цѣликомъ восприняты проектомъ, какъ, напр. правила о значеніи обмана и существенной ошибки при заключеніи договоровъ (ст. 27, 29, 30, 31), объ условіяхъ (ст. 35 и сл.), о договорахъ въ пользу третьихъ лицъ (ст. 45—48), о силѣ договора для участвующихъ въ немъ лицъ (ст. 43), о дѣленіи договоровъ на *contractus nominati* и *innominati* (ст. 185), объ *exscriptio non adimpleti contractus* (ст. 71), объ уступкѣ требованій (ст. 139 и сл.), объ очисткѣ при возмездныхъ договорахъ (ст. 203 и сл.) и мн. друг.

Довольно обильный матеріалъ для проекта, въ особенности для правилъ о продажѣ, имущественномъ и личномъ наймѣ и пожизненномъ содержаніи представили также *нормы обычнаго права*, отразившіяся въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ. Равнымъ образомъ *торговые обычаи*, на сколько они выяснились въ рѣшеніяхъ коммерческихъ судовъ, приняты Коммисією во вниманіе при начертаніи многихъ правилъ, въ частности правилъ о продажѣ, подрядѣ, перевозкѣ, комисіи и т. п. Вообще можно сказать, что большинство постановленій проекта основано на *дѣйствующемъ законѣ, на обычаяхъ и судебной практикѣ*.

Здѣсь необходимо коснуться *отношенія проекта къ обычному праву*, т. е. вообще къ мѣстнымъ юридическимъ обычаямъ, принятымъ къ быту народа, въ хозяйствѣ, промышленности и торговлѣ.

По дѣйствующему праву обычаи могутъ быть примѣняемы лишь въ случаяхъ, *дозволенныхъ именно закономъ или положительно не разрѣшаемыхъ законами* (ст. 130 Уст. Гражд. Суд.; ст. 88 Полож. о прозвв. суд. дѣлъ, подвѣд. зем. нач. и гор. судьямъ; ст. 154 и 352 т. XI ч. 2 Уст. Суд. Торг.; кас. рѣш. 1884 г. № 105, 1878 г. № 225, 1876 г. № 295 и др.). Однако случаи, въ которыхъ примѣненіе обычая дозволено закономъ, весьма немногочисленны (т. IX Особ. Прилож. I ст. 21 прим., ст. 38; т. X ч. 1 ст. 454, 1539 п. 4, 1700 прим., 2112 п. 3; Полож. о каз. подр. и пост. ст. 41: т. XI ч. 2 Уст. Торг. ст. 1, 592 прилож. I ст. 187; т. XII ч. 2 Уст. Сельск. Хоз. ст. 121 прилож. ст. 1, 23 п. 5).

Проектъ Гражданскаго Уложенія, сравнительно съ дѣйствующимъ закономъ, открываетъ болѣе широкій доступъ обычаямъ, имѣя въ виду, съ одной стороны, не препятствовать свободному развитію обычнаго права, а съ другой—вполнѣ выяснитъ случаи примѣненія мѣстныхъ обычаевъ. Въ общей части Уложенія предположено постановить, примѣнительно къ дѣйствующему закону, общее правило о томъ, что мѣстные обычаи примѣняются лишь въ случаяхъ, когда это именно дозволено закономъ, или же въ случаяхъ, положительно не разрѣшаемыхъ законами. Въ отдѣльныхъ затѣмъ частяхъ Уложенія указывается, когда обычай можетъ быть примѣняемъ, въ частности въ настоящемъ проектѣ обязательственнаго права содержатся довольно многочисленныя указанія на примѣненіе обычая.

Такъ, напр.: 1) при заключеніи договора между отсутствующими вопросъ о томъ, нужно ли *предварительное уведомленіе* о принятіи предложенія, чтобы считать договоръ заключеннымъ, можетъ быть разрѣшенъ на основаніи обычая, принятаго въ даннаго рода сдѣлкахъ (ст. 12); 2) *содержаніе* договора можетъ быть восполнено, за отсутствіемъ закона, на основаніи обычая (ст. 69); 3) примѣненіе обычая допускается также при *разсчетѣ покупной цѣны* по вѣсу проданнаго товара (ст. 189); 4) по *займамъ*, совершаемымъ торговцами между собою, *размѣръ процентовъ* опредѣляется обычаемъ (ст. 357 ч. 2); 5) въ договорѣ *имущественнаго найма*, за отсутствіемъ соглашенія сторонъ, опредѣляются обычаемъ: *сроки взноса наемной платы* (ст. 290) и *продолжительность найма* (ст. 311 и 312); 6) въ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ закономъ, права и обязательства сторонъ по *найму домашняго скота* опредѣляются, за отсутствіемъ соглашенія сторонъ, на основаніи мѣстнаго обычая (ст. 332); 7) въ договорѣ *личнаго найма* мѣстный обычай допускается для опредѣленія: а) обязанности нанявшагося *доставить* необходимыя для

исполненія договора *орудія и инструменты* (ст. 406), б) срока выдачи нанимателемъ *рядовой платы* (ст. 408), в) обязанности нанимателя *давать* нанявшемуся жилище и *содержаніе* (ст. 409) и г) *продолжительности найма* (ст. 418); 8) *взаимныя отношенія членовъ товарищества съ переменнымъ составомъ*, основаннаго на договорѣ, опредѣляются *мѣстнымъ обычаемъ* (ст. 909), какъ равно и *взаимныя отношенія членовъ трудового товарищества или артели* (ст. 923).

Признавая, что для успѣшнаго выполненія такого обширнаго и сложнаго труда, какъ составленіе проекта Гражданскаго Уложенія, необходимо содѣйствіе всѣхъ юридическихъ силъ Россіи, бывшій Министръ Юстиціи, Статсъ-Секретарь Набоковъ въ 1882 г. обратился къ учрежденіямъ и лицамъ судебного вѣдомства, къ профессорамъ университетовъ и въ юридическія общества съ просьбою о доставленіи свѣдѣній, въ чемъ именно обнаруживаются пробѣлы и недостатки дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ, на сколько и по какимъ преимущественно предметамъ проявляется стремленіе частныхъ лицъ, путемъ договоровъ и завѣщательныхъ распоряженій, устранить примѣненіе узаконеній, признаваемыхъ стѣснительными и не соотвѣтствующими современнымъ потребностямъ, какими общими началами руководствуются суды въ случаѣ недостатка законовъ, какіе мѣстные обычаи были примѣняемы въ судебныхъ рѣшеніяхъ и какимъ изъ этихъ обычаевъ было бы желательно придать силу закона. Доставленныя, вслѣдствіе сего, *замѣчанія* были приведены Коммисіею въ систему, расположены въ порядкѣ статей т. X ч. 1 и напечатаны въ 1891 году. По своему содержанію замѣчанія эти даютъ довольно полную картину недостатковъ дѣйствующаго закона, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣхъ измѣненій и дополненій, которыя необходимо въ немъ произвести.

Не менѣе важнымъ пособіемъ для надлежащаго осуществленія Коммисіею возложенной на нее задачи послужили также *научныя изслѣдованія* по отечественному праву, какъ въ историческомъ, такъ и въ догматическомъ отношеніи, а равно и спеціальныя статьи и монографіи, касающіяся собственно недостатковъ нашихъ законовъ и необходимости соотвѣтствующаго ихъ пересмотра. Для облегченія пользованія симъ пособіемъ Редакціонною Коммисіею былъ изданъ въ 1886 г. „Указатель русской литературы по гражданскому праву“.

При составленіи настоящаго проекта, равно какъ и всего Гражданскаго Уложенія, были приняты въ соображеніе *мѣстные законы*

губерній Царства Польскаго и Прибалтійскихъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо было восполнить пробѣлы дѣйствующаго закона. Заимствованіе изъ указанныхъ мѣстныхъ законовъ оправдывается тѣмъ, что эти законы во многихъ отношеніяхъ стоятъ значительно выше 1 ч. X т. А кромѣ того, посредствомъ такого заимствованія сглаживаются существующія нынѣ различія между общими и мѣстными законами и такимъ образомъ готовится путь для объединенія въ будущемъ всѣхъ гражданскихъ законовъ Имперіи. Потребность въ такомъ объединеніи не подлежитъ сомнѣнію. Разнообразіе гражданскаго права дѣйствующаго въ нашемъ отечествѣ, препятствуетъ развитію торговыхъ и иныхъ сношеній между отдѣльными частями государства и вообще содѣйствуетъ нежелательной обособленности окраинъ. Необходимость единства правовыхъ нормъ въ государствѣ доказывается примѣромъ Италіи, Швейцаріи и Германіи. Въ Италіи разнообразныя мѣстные законы были объединены въ гражданскомъ уложеніи, изданномъ въ 1865 году. До 1881 г. отдѣльные Швейцарскіе кантоны имѣли свои особые гражданскіе законы и гражданское право Швейцаріи представляло собою чрезвычайно пеструю картину. Въ прежнее время, въ виду малаго развитія путей сообщенія и торговли, разнообразіе права не было сопряжено съ большими неудобствами. Но событія первой половины нашего столѣтія существенно сблизили отдѣльныя части Швейцаріи. Быстрое, не виданное прежде, развитіе торговли и промышленности породило живую, неотложную потребность въ созданіи единыхъ правовыхъ нормъ. Эта потребность отчасти была удовлетворена изданіемъ въ 1881 г. закона, объединившаго собою все обязательственное право Швейцаріи. Объединеніе совершилось на почвѣ примиренія и согласованія разнородныхъ началъ германскаго и французскаго права, дѣйствовавшихъ на территоріи союза. Объединенію въ значительной степени способствовало и то обстоятельство, что новый законъ, въ сравненіи съ мѣстными законами, представляетъ собою болѣе совершенную систему права, отвѣчающую притомъ современнымъ потребностямъ гражданскаго оборота. Въ настоящее время въ Швейцаріи составлены проекты всѣхъ прочихъ частей уложенія. Въ Германіи работы по объединенію права закончились изданіемъ въ 1896 г. гражданскаго уложенія, предназначеннаго замѣнить собою всѣ мѣстныя уложенія. Слѣдуетъ надѣяться, что той же цѣли можно будетъ достигнуть и у насъ послѣ *кореннаго улучшенія* общихъ гражданскихъ законовъ, послѣ замѣны 1 ч. X т. Гражданскимъ Уложеніемъ, *отвѣчающимъ современнымъ потребностямъ* и въ значительной степени *сглажи-*

вающимъ тѣ различія, которыя въ настоящее время существуютъ между общими и мѣстными законами.

Имѣя въ виду составить Гражданское Уложение, отвѣчающее современнымъ потребностямъ гражданского быта Россіи, Редакціонная Комиссія не могла не принять въ соображеніе также *постановленій иностранныхъ законодательствъ и не воспользоваться ихъ опытомъ*, такъ какъ современныя условія гражданского быта Россіи и другихъ культурныхъ странъ во многомъ, если и не вполне тождественны, то близко подходят другъ къ другу. Кромѣ того, на постановленія нѣкоторыхъ частей уложения, въ особенности права обязательственнаго, національныя различія оказываютъ мало вліянія. Отсюда ясна необходимость и плѣсообразность подробнаго ознакомленія съ иностранными законодательствами и пользованія ими, какъ *материаломъ* при составленіи и обсужденіи проекта Гражданскаго Уложения. Не смотря на значительное число отдѣльныхъ гражданскихъ законодательствъ и на существующія между ними различія въ частностяхъ, всѣ они могутъ быть раздѣлены на три группы, смотря по тому, преобладаютъ ли въ нихъ начала права *французскаго, германскаго или англо-американскаго*. При пересмотрѣ нашихъ законовъ нельзя не считаться съ началами французскаго права уже по одному тому, что многія постановленія т. X ч. 1 носятъ на себѣ явные слѣды вліянія этого права, а кромѣ того, Французское гражданское и торговое уложенія, почти въ неизмѣненномъ видѣ, дѣйствуютъ въ губерніяхъ Царства Польскаго и, слѣдовательно, являются нашими мѣстными законами. Что касается началъ германскаго права, то хотя они въ значительной степени отразились въ Сводѣ гражд. узак. губ. Прибалтійскихъ, однако для полнаго ознакомленія съ ними необходимо обратиться къ иностраннымъ источникамъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія: *Прусское* общее земское право 1794 г. и *Австрійское* гр. уложеніе 1811 г., какъ старѣйшія изъ уложений; *Саксонское* 1863 г., большинство постановленій котораго основаны на римскомъ правѣ въ томъ его видѣ, какой ему дали германскіе пандектисты; *Цюрихское*, въ которомъ особенности германскаго права, въ отличіе отъ римскаго, получили наиболѣе рельефное выраженіе, и наконецъ *Германское* уложеніе 1896 г., представляющее собою новѣйшую обработку нормъ гражданского права.

Особенный интересъ возбуждаетъ *Швейцарскій* законъ объ обязательствахъ 1881 г. Нѣкоторыя постановленія его основаны на Германскомъ торговомъ уложеніи 1861 г., другія взяты изъ Цюрихскаго гражданского уложенія, наконецъ, нерѣдко законъ слѣдуетъ примѣру

Французскаго законодательства. Но противоположности отдѣльных законодательствъ примирены и весь законъ, не смотря на различіе его источниковъ, представляется органическимъ цѣлымъ. Основная задача составителей закона, какъ видно изъ сообщенія союзнаго совѣта союзному собранію отъ 20 ноября 1879 г., заключалась въ томъ, чтобы отнестись съ должнымъ вниманіемъ къ правовымъ взглядамъ и преданіямъ какъ нѣмецкихъ, такъ и французскихъ кантоновъ и, по возможности, явиться посредниками между тѣми и другими. Задача эта была осуществлена блестяще и новый союзный законъ не безъ основанія можетъ быть названъ интересною попыткой создать *международное* уложеніе.

Редакціонная Коммисія, при составленіи проекта Гражданскаго Уложенія, въ числѣ другихъ иностранныхъ законодательствъ, приняла въ соображеніе также и постановленія гражданскаго законодательства Калифорніи на томъ основаніи, что *Калифорнское уложеніе* 1873 г., какъ указано было выше, есть наиболѣе полная *кодификація англо-американскаго гражданскаго права* и потому лучшей источникъ его изученія. Изученіе этого права представляется особенно желательнымъ, въ виду полного объединенія въ немъ гражданскаго, торговаго и морскаго права. Бромъ того, весьма многія изъ отдѣльных постановленій Калифорнскаго уложенія, по своей практичности и простотѣ, заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія.

Не упущены Коммисією изъ виду также и гражданскія уложенія *Сербіи* и *Черногоріи*—странъ, родственныхъ Россіи по происхожденію, сохранившихъ нѣкоторые древнія нормы гражданскаго права, которыя встрѣчаются въ исторіи русскаго законодательства и даже теперь въ крестьянскомъ обычномъ правѣ.

Для болѣе удобнаго пользованія иностранными законодательствами Редакціонною Коммисією изданы въ переводѣ на русскій языкъ гражданскія уложенія: *Австрійское, Саксонское, Цюрихское, Калифорнское* и *Сербское*, а также *Швейцарскій законъ объ обязательствахъ* 1881 г.

IV. Система и терминологія проекта.

Настоящій проектъ *объ обязательствахъ* составляетъ книгу пятую и послѣднюю проекта Гражданскаго Уложенія. Первые четыре книги содержатъ въ себѣ: I—*общія положенія*, II—*право лицъ*, III—*вотчинное право* и IV—*право наследованія*.

Въ началѣ проекта книги V идутъ *общія положенія* (ст. 1—3), служащія какъ бы введеніемъ въ проектъ. Статья первая этихъ об-

шихъ положеній даетъ опредѣленіе обязательства, вторая указываетъ его источники, а третья имѣетъ значеніе лишь переходнаго правила. Такъ какъ проектъ излагаетъ общія правила объ обязательствахъ съ точки зрѣнія обязательствъ, возникающихъ изъ договоровъ, то необходимо было указать въ особой статьѣ, что означенныя общія правила примѣняются въ равной мѣрѣ и къ обязательствамъ, возникающимъ независимо отъ договоровъ, т. е. изъ недозволенныхъ дѣяній и другихъ, указанныхъ въ законѣ, основаній.

Затѣмъ слѣдуетъ раздѣлъ I *объ обязательствахъ по договорамъ вообще* (ст. 4—183), состоящій изъ пяти главъ: 1) *о договорахъ* (ст. 4—64), 2) *объ исполненіи договоровъ* (ст. 65—138), 3) *объ уступкѣ требованій и переводѣ обязательствъ по договорамъ* (ст. 139—152), 4) *о прекращеніи обязательствъ по договорамъ* (ст. 153—165) и 5) *о совокупныхъ обязательствахъ и совокупныхъ требованіяхъ по договорамъ* (ст. 166—183). Этими раздѣломъ исчерпываются постановленія проекта, относящіяся къ общей части обязательственнаго права. Слѣдующіе два раздѣла касаются особенной части обязательствъ.

Раздѣлу II, предусматривающему *обязательства по договорамъ въ особенности* (ст. 186—1044), предпосланы двѣ общія статьи о томъ, что правила объ обязательствахъ по договорамъ вообще примѣняются ко всѣмъ, указаннымъ въ законѣ, особымъ видамъ договоровъ лишь на столько, на сколько для нихъ не установлено въ законѣ изъятій (ст. 184), и что договоръ, хотя и не подходящий ни подъ одинъ изъ указанныхъ въ законѣ видовъ договоровъ, тѣмъ не менѣе признается *дѣйствительнымъ* и подчиняется общимъ правиламъ о договорахъ (ст. 185). Раздѣлъ II далѣе содержитъ въ себѣ слѣдующія двадцать четыре главы: I—*продажа* (ст. 186—235), II—*запродажа* (ст. 236—240), III—*мѣна* (ст. 241), IV—*дареніе* (ст. 242—276), V—*имущественный наемъ* (ст. 277—332), VI—*ссуда* (ст. 333—347), VII—*заемъ* (ст. 348—363), VIII—*поклажа* (ст. 364—392), IX—*личный наемъ* (ст. 393—439), X—*подрядъ* (ст. 440—462), XI—*перевозка* (ст. 463—504), XII—*доверенность* (ст. 505—545), XIII—*коммисія* (ст. 546—565), XIV—*вексель*, XV—*переводъ* (переводное письмо, ст. 566—576), XVI—*чеки* (ст. 577—588), XVII—*бумаги на предъявителя* (ст. 589—604), XVIII—*товарищество* (ст. 605—923), XIX—*ученія, благотворительныя и иныя общепольныя общества* (ст. 924—936), XX—*страхованіе* (ст. 937—985), XXI—*пожизненный доходъ (рента) и пожизненное содержаніе* (ст. 986—999), XXII—*игра и пари* (ст. 1000—1003), XXIII—*лоттерія* (ст. 1004—

1008), XXIV—*поручительство* (ст. 1009—1035), XXV—*мировая судья* (ст. 1036—1044).

Наконецъ раздѣлъ III посвященъ *обязательствамъ, возникающимъ не изъ договоровъ* (ст. 1045—1106). Онъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія четыре главы: I—*публичное обѣщаніе награды* (ст. 1045—1048), II—*веденіе чужихъ дѣлъ безъ порученія* (ст. 1049—1058), III—*незаконное обогаченіе* (ст. 1059—1064) и IV—*вознагражденіе за вредъ, причиненный недозволенными дѣяніями* (ст. 1065—1106).

Вѣдшая группировка законодательнаго матеріала въ проектѣ въ общихъ чертахъ та же, что и въ т. X ч. 1, за немногими лишь отступленіями. Такъ, проектъ совсѣмъ не упоминаетъ о *залогъ и закладъ*, какъ способахъ обезпеченія обязательствъ (т. X ч. 1, кн. IV, разд. I гл. III и IV), находя, что при надлежащей системѣ изложенія постановленій гражданскаго права залогъ и закладъ должны быть отнесены къ отдѣлу правъ вѣщныхъ. *Поручительство* изъ общей части обязательствъ, гдѣ оно находится теперь (т. X ч. 1, кн. IV, разд. I гл. I), перенесено въ особенную часть и помѣщено въ ряду другихъ договоровъ. *Продажа, мѣна и дареніе* заключаютъ въ себѣ всѣ признаки договора и входятъ непосредственно въ область договорныхъ отношеній, среди которыхъ и должны найти себѣ мѣсто въ отступленіе отъ т. X ч. 1, относящаго упомянутые юридическіе институты къ способамъ приобрѣтенія права собственности (ср., однако, касс. рѣш. 1887 г. № 100, 1890 г. № 41 и др., относящія продажу къ договорамъ). Наконецъ правила о *вознагражденіи за вредъ, причиненный недозволенными дѣяніями*, помѣщенные въ т. X ч. 1 въ книгѣ II о порядкѣ приобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества вообще, перенесены въ *обязательственное право*, такъ какъ гражданскія послѣдствія недозволенныхъ дѣяній сводятся главнымъ образомъ къ обязательственнымъ отношеніямъ.

Что касается способа изложенія постановленій проекта, то Редакціонная Коммисія стремилась *придать проекту возможно большую ясность и определенность* и сдѣлать его доступнымъ для пониманія всѣхъ, даже не юристовъ.

Въ этихъ видахъ принято было, прежде всего, не вводить въ проектъ положеній, относящихся къ области науки, теоріи права, такъ какъ законъ долженъ имѣть дѣло съ фактами и конкретными данными, а не съ отвлеченными понятіями. Стремленіе къ простотѣ и практичности правилъ выразилось также въ томъ, что вмѣстѣ съ установленіемъ общихъ началъ указаны и важнѣйшіе случаи ихъ примѣненія и что вообще изъ проекта удалены слишкомъ отвлеченныя обобщенія.

Такъ, напр., исходя изъ того практическаго соображенія, что главнымъ источникомъ обязательствъ является договоръ, проектъ, подобно дѣйствующему закону, излагаетъ общую часть обязательственнаго права съ точки зрѣнія обязательствъ, возникающихъ лишь изъ договоровъ.

Указанною цѣлью—сдѣлать законъ яснымъ и общедоступнымъ, другими словами, дать возможность каждому легко и скоро подыскивать нужныя постановленія—объясняются также и встрѣчающіяся въ проектѣ повторенія, а въ связи съ этимъ и сравнительно незначительное число ссылокъ въ текстѣ статей на другія статьи проекта.

При редактированіи проекта Комmissiя стремилась также къ *стро-
мому и точному проведенію разъ принятыхъ терминовъ*, въ виду того, что употребленіе различныхъ выраженій для обозначенія одного и того же понятія легко можетъ повести къ неясности и недоразумѣніямъ.

Въ объясненіяхъ къ отдѣльнымъ статьямъ проекта приведены соображенія, по которымъ приняты тѣ или иные термины. Здѣсь остается указать на общія начала, которыми руководствовалась Комmissiя при установленіи терминологіи проекта. Такъ, *новые термины* вводятся въ проектъ лишь въ случаяхъ явной въ томъ необходимости, именно, когда въ дѣйствующихъ законахъ не имѣлось соотвѣствующихъ терминовъ, каковы, напр.: *наймодавецъ, поклажедатель, поклажеприниматель, чекодатель, чекодержатель, страховщикъ, распорядитель* (*negotiorum gestor*) и др. Термины, существующіе уже въ законѣ, удерживаются и въ проектѣ, хотя бы они и не вполне удовлетворяли всѣмъ требованіямъ правильной терминологіи, напр. *коммисіонеръ* и *препоручитель*. Если для опредѣленія одного и того же понятія встрѣчается въ дѣйствующемъ законѣ нѣсколько терминовъ (напр. *контракты, условія, сдѣлки, договоры, контрагентъ, сторона, наемщикъ, наниматель, отдача въ содержаніе, аренда, наемъ, отдача и пріемъ на сохраненіе, поклажа, товарищество по участкамъ, компанія на акціяхъ, акціонерное товарищество* и т. п.), то удерживается въ проектѣ одинъ изъ нихъ въ видахъ единообразія терминологіи.

Затѣмъ въ терминологіи проекта принято было, по возможности, избѣгать употребленія иностранныхъ словъ. Такъ, напр., слово *кредиторъ* замѣнено въ проектѣ словомъ *вѣритель*. Это слово—вполнѣ русское и притомъ весьма точно выражаетъ понятіе, лежащее въ основаніи словъ: *creditor, Gläubiger, créancier*. Терминъ *вѣритель* употребляется въ нашей литературѣ (ср. *Мейеръ*, Курсъ гражд. пр.; *Гольевинскій*, О происхожд. и дѣлен. обязат.) и даже встрѣчается въ дѣйствующихъ законахъ (т. X ч. 1 ст. 297 по прод. 1876 г.; т. XI ч. 2,

изд. 1893 г., Уст. Консульск. ст. 77). Введеніе его въ проектъ тѣмъ болѣе желательно, что терминъ *кредиторъ*, помимо своего иностраннаго происхожденія, оказывается неудовлетворительнымъ, такъ какъ и въ законѣ, и въ практикѣ подъ кредиторомъ понимается лицо, имѣющее денежную претензію, а не всякое лицо, имѣющее право по обязательству.

Остается сказать нѣсколько словъ о терминахъ, употребляющихся въ настоящемъ проектѣ лишь по связи его съ проектами двухъ частей Гражданскаго Уложенія. Сюда относятся термины: *вотчинный*, *вотчинныя права*, *вотчинныя книги*, *вотчинныя установленія*, *имущество*, *недвижимое имущество*, *недвижимость*, *имѣніе*, *движимое имущество*, *вещь*, *передача* и др.

Въ дѣйствующихъ законахъ выраженія: *вотчина*, *вотчинникъ*, *вотчинное право*, *вотчинныя дѣла* встрѣчаются довольно часто (т. X ч. 1 ст. 420 прим. 1, 471, 513, 521, 566 и др.; т. XVI ч. 2 Зак. о Суд. Гражд. ст. 378, 379, 390, 400 и др.), но главнымъ образомъ въ примѣненіи къ недвижимому имуществу. К. П. Побѣдоносцевъ въ своемъ курсѣ гражданскаго права предлагаетъ, вмѣсто укоренившагося въ нашей юридической литературѣ термина: *вещный*, *вещныя права*, принять для обозначенія правъ, какъ на недвижимыя имущества, такъ и на вещи движимыя, чистое и выразительное русское слово: *вотчинный*, *вотчинныя права* (ч. 1, введ. стр. VII). Въ проектѣ Гражданскаго Уложенія слово „вотчинный“ употребляется въ указанномъ широкомъ его значеніи, причемъ оно послѣдовательно проведено во всей терминологіи проекта. Такъ, книги, въ которыхъ записываются вотчинныя права на недвижимое имущество, называются *вотчинными книгами*; установленія, ведущія эти книги—*вотчинными установленіями*, залогодержатели имѣній—*вотчинными впрителями* и т. д.

Въ т. X ч. 1 подъ словомъ „*имущество*“ понимаются какъ предметы физическіе (*res corporales*), такъ и права и требованія (*res incorporales*). Выраженія: *недвижимое имущество*, *недвижимость*, *имѣніе* употребляются безразлично одно вмѣсто другого (т. X. ч. 1 ст. 392, 393, 432, 469, 473, 545, 547, 716, 719, 967 и др.). Терминъ *движимое имущество* обнимаетъ собою также права и требованія (т. X ч. 1 ст. 401, 402, 405, 418, 419, 2167), но терминъ *вещь* относится лишь къ физическимъ предметамъ. Этому словоупотребленію, принятому въ дѣйствующемъ законѣ, слѣдуетъ и настоящій проектъ.

Терминъ *передача* употребляется въ т. X ч. 1 и въ значеніи римской *traditio* (ст. 1510 и сл.), и въ значеніи уступки требованій

(cessio—ст. 2058 и сл.). Проектъ усвоилъ разсматриваемый терминъ въ первомъ его значеніи.

V. Начала, положенныя въ основаніе проекта.

При установленіи правилъ проекта Редакціонная Коммисія руководствовалась основными положеніями:

1) Законъ, прежде всего, долженъ быть *справедливымъ*. Ограждая равноправность сторонъ въ обязательственныхъ отношеніяхъ, законъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ оградить интересы всѣхъ слабыхъ, беспомощныхъ, словомъ, всѣхъ тѣхъ, кто, по своему личному или имущественному положенію, нуждается въ особенной защитѣ закона, не будучи въ состояніи съ достаточною энергіею отстаивать свои права. Въ этомъ отношеніи можно указать на принятыя проектомъ мѣры противъ эксплоатаціи нужды, легкомыслія, неопытности и несчастія. Такъ, напр., проектъ, сравнительно съ дѣйствующимъ закономъ, расширяетъ понятіе *обмана*, приравнивая къ нему и тѣ случаи, когда кто либо, злоупотребляя оказываемымъ ему довѣріемъ или принадлежащею ему властью или пользуясь легкомысліемъ, слабостью воли, неопытностью, нуждою либо несчастіемъ другого лица, заключить съ этимъ лицомъ явно невыгодный для него договоръ (ст. 31). Такой договоръ, какъ заключенный безъ свободнаго и сознательнаго согласія и служащій источникомъ *несправедливой* выгоды, можетъ быть признанъ, по просьбѣ заинтересованнаго лица, недействительнымъ (ст. 26, 27 и 32). Проектъ, далѣе, ограждаетъ должниковъ отъ угнетенія ихъ *непомѣрными процентами* или *чрезмѣрною неустойкою*. Должникъ, обязавшійся платить свыше шести процентовъ на запятый капиталъ, имѣетъ право во всякое время, спустя шесть мѣсяцевъ по заключеніи займа, *возвратить* занятый капиталъ, предупредивъ вѣрителя объ этомъ не менѣе, какъ за три мѣсяца (ст. 95, 356). Равнымъ образомъ, если въ договорѣ назначена неустойка въ очевидно *преувеличенномъ размѣрѣ* или если она представляется *чрезмѣрною* въ виду неисполненія должникомъ обязательства лишь въ незначительной части, то должнику предоставляется право просить судъ объ уменьшеніи неустойки (ст. 63). Проектъ также возлагаетъ на нанимателя обязанность оказывать нанявшемуся покровительство и защиту во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ можетъ въ томъ нуждаться, ограждать его жизнь и здоровье отъ опасности при производствѣ работъ и гуманно съ нимъ обращаться (ст. 410, 411, 432—434) и т. п.

Вообще говоря, договорныя отношенія сторонъ должны покоиться на началахъ *справедливости и добросовѣстности*. Этотъ взглядъ про-

веденъ во многихъ статьяхъ проекта. Такъ, договоры должны быть исполняемы по доброй совѣсти (ст. 65); неисполненіе договора одною стороною лишь въ незначительной части не даетъ права другой сторонѣ отказываться отъ исполненія лежащаго на ней обязательства, если таковой отказъ, по обстоятельствамъ дѣла, представляется, недобросовѣстнымъ (ст. 71 ч. 2); въ проектѣ предусмтрѣны также случаи, когда дальнѣйшее исполненіе договора сопряжено съ чрезмѣрными издержками для обязанной стороны или вообще для нея весьма обременительно (ст. 314, 362, 422, 438 п. 3, 451, 457, 458, 997 и др.).

Вопросъ о вознагражденіи за убытки представляется весьма важнымъ, такъ какъ на этой почвѣ, въ конечномъ результатѣ, и могутъ быть примирены справедливые интересы сторонъ. Кромѣ того, имущественная отвѣтственность является санкціею юридической силы обязательствъ и чѣмъ обширнѣе ея объемъ, тѣмъ обезпеченнѣе общій законный порядокъ въ области лично имущественныхъ отношеній. Съ частнымъ интересомъ вѣрителя соединяется тутъ и общій. Поэтому вопросъ объ имущественной отвѣтственности должниковъ долженъ быть поставленъ и разрѣшенъ на возможно широкихъ и справедливыхъ основаніяхъ. Въ этомъ отношеніи нужно замѣтить, что проектъ, сравнительно съ дѣйствующимъ закономъ, значительно расширяетъ понятие *убытковъ*, допуская въ иныхъ случаяхъ даже возмѣщеніе *убытковъ*, не подлежащихъ имущественной оцѣнкѣ (*нравственный вредъ*). Такъ, въ видѣ общаго правила, проектъ, для лучшаго огражденія интересовъ вѣрителей противъ *злонамѣренныхъ* или *крайне легкомысленныхъ* нарушеній обязательствъ должниками, предоставляетъ суду право опредѣлять вознагражденіе за неисполненіе обязательства хотя бы вѣрителемъ и не было понесено *убытковъ подлежащихъ имущественной оцѣнкѣ* (ст. 117 ч. 2); въ частности, подлежитъ вознагражденію неимущественный, нравственный вредъ, происходящій отъ нарушенія правъ личности (*здоровья, свободы, чести*—ст. 1092, и 1093).

Вообще, стремленіе къ установленію справедливыхъ началъ проходить яркою чертою черезъ весь проектъ. Даже цѣлые юридическіе институты, предусмтрѣнные въ проектѣ, какъ, напр. *веденіе чужихъ дѣлъ безъ порученія* (ст. 1049—1058) и *незаконное обогащеніе* (ст. 1059—1064) вытекаютъ исключительно изъ началъ справедливости.

2) Законъ долженъ стремиться къ достиженію *матеріальной, а не формальной правды*. Однимъ изъ существенныхъ недостатковъ дѣйствующаго закона является его крайній формализмъ. Въ этомъ отношеніи проектъ значительно смягчаетъ нашъ законъ, упрощая форму заклю-

ченія договоровъ. Такъ, договоры на сумму до 300 р., по общему правилу, могутъ быть заключаемы *на словахъ* (ст. 15, ср. ст. 58, 349, 478). Нѣкоторые договоры, какъ, напр. ссуда (ст. 334) и коммисія (ст. 549), могутъ быть совершаемы безразлично—на словахъ или на письмѣ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда проектъ требуетъ удостовѣренія договора *на письмѣ* (ст. 191, 192, 249, 281, 349, 366, 400, 442, 478, 506, 607, 711, 941, 976, 988, 1015, 1038), письменная форма рассматривается имъ лишь, какъ *способъ доказательства существованія договора* (ad probationem) на случай спора, такъ что если возникаетъ споръ, договоръ долженъ быть подтвержденъ на судѣ *письменными доказательствами* или признаніемъ противной стороны, и не можетъ быть доказанъ *показаніями свидѣтелей* (ст. 14), причеиъ къ письменнымъ доказательствамъ въ подтвержденіе договора относятся не только акты, подписанные договорившимися сторонами, но и *письма, телеграммы* и другія бумаги. Форма, какъ *существенная принадлежность* сдѣлки (ad solemnitatem), устанавливается проектомъ лишь въ видѣ исключенія и притомъ для такихъ обязательствъ, которыя, собственно говоря, имѣютъ требуемой закономъ формы и не существуютъ, напр., *чеки, переводныя письма, бумаги на предъявителя*.

Изложенный взглядъ проекта на форму обязательственного договора соответствуетъ, какъ легкости *хозяйственному оборота*, на которомъ отразилось бы самымъ стѣснительнымъ образомъ установленіе строгой формы, такъ и требованіямъ *добросовѣстности*, составляющимъ *коренное начало договорно-обязательственныхъ отношеній*. Присвоеніе какой либо особенной формѣ значенія существенной принадлежности обязательственного договора вообще давало бы возможность сторонѣ, изъявившей свое согласіе самымъ положительнымъ образомъ, но *въ другой формѣ*, и даже исполнившей принятое на себя обязательство по неформальному договору, признавать на судѣ какъ заключеніе, такъ и добровольное исполненіе договора и въ то же время опровергать требованіе объ исполненіи въ первомъ—и требовать возврата переданнаго въ исполненіе договора имущества во второмъ случаѣ, основываясь на возраженіи о неформальности договора, возраженіи, составляющемъ, очевидно, не болѣе какъ предлогъ, прикрывающій *своекорыстіе и недобросовѣстность*.

3) Законъ долженъ предоставить возможно *широкій просторъ усмотрѣнію суда*, такъ какъ только при этомъ условіи могутъ быть въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлены отношенія сторонъ на справедливыхъ основаніяхъ. По дѣйствующему закону суды весьма ограничены въ правѣ руководствоваться свободнымъ усмотрѣніемъ. Этими

недостаткомъ страдаетъ въ особенности нашъ процессъ объ убыткахъ. Не смотря на доказанность самаго права на вознагражденіе, на несомнѣнное существованіе убытковъ, наши суды отказываютъ въ искѣ лишь по недоказанности *точной* цифры убытковъ. Подобная несправедливость въ отношеніи лицъ, потерпѣвшихъ убытки, равняется, въ сущности, отказу имъ въ правосудіи. Указанный недостатокъ дѣйствующаго закона исправленъ въ настоящемъ проектѣ, предоставляющемъ во многихъ случаяхъ весьма широкій просторъ справедливому усмотрѣнію суда. Такъ, напр., судъ, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, опредѣляетъ *размѣръ* вознагражденія за убытки *по своему усмотрѣнію* и даже можетъ назначить вознагражденіе, хотя бы убытковъ и не было понесено (ст. 117 ч. 2, 119, 122, 377 ч. 2, 1078, 1092 и 1093). Отъ свободнаго усмотрѣнія суда зависить также *уменьшить неустойку*, когда она представляется чрезмѣрною (ст. 63), *прекратить до срока договоръ личнаго найма*, когда принятыя не совершеннолѣтнимъ обязательства непомѣрно тягостны для него (ст. 422), *освободить подрядчика отъ исполненія договора или увеличить установленную договоромъ цѣну подряда*, когда вслѣдствіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ для дальнѣйшаго исполненія договора требуется несравненно больше труда, времени и издержекъ, чѣмъ предполагалось первоначально (ст. 457), *отмѣнить договоръ пожизненнаго содержанія или замѣнить содержаніе опредѣленными ежегодными денежными выдачами*, когда дальнѣйшее продолженіе договора станетъ невыносимымъ для той или другой стороны (ст. 997) и т. д.

4) Законъ долженъ *облегчить*, по возможности, заинтересованнымъ лицамъ *обращеніе къ суду* во всѣхъ случаяхъ, требующихъ быстрого огражденія правъ и преюдиціального рѣшенія вопроса. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія постановленія проекта, опредѣляющія порядокъ сдачи не принятаго вѣрителемъ имущества на храненіе (ст. 108), продажи съ публичнаго торга не принятыхъ вѣрителемъ движимыхъ вещей, въ особенности когда онѣ подвержены скорой порчѣ (ст. 111), не принятаго и не оплаченнаго товара (ст. 222, 223), груза (ст. 486), а также порядокъ судебного удостовѣренія наличности недостатковъ въ товарѣ (ст. 212 ч. 1) и т. п.

Но иногда затруднительно и даже невозможно воспользоваться немедленною защитою установленныхъ властей. Въ этихъ случаяхъ проектъ дозволяетъ заинтересованнымъ лицамъ *прибѣгнуть къ самопомощи*. Такъ, наймодавецъ можетъ, въ силу предоставленнаго ему закладнаго права на движимость нанимателя, *задержать*, безъ обращенія къ содѣйствію властей, ту часть движимости нанимателя, ко-

торая достаточна для обезпеченія наемной платы (ст. 292—295); такое же право принадлежит хозяину гостинницы по отношенію къ вещамъ прѣзжаго (ст. 390); равнымъ образомъ комисіонеръ можетъ самъ покрыть свои требованія изъ всѣхъ поступившихъ къ нему за счетъ препоручителя суммъ (ст. 561), наконецъ, каждый имѣетъ право, въ обезпеченіе слѣдующаго ему вознагражденія, задержать на состоящей въ его владѣніи землѣ чужое животное, производящее потраву или причиняющее иной вредъ (ст. 1103).

Въ заключеніе остается замѣтить, что въ настоящемъ проектѣ говорится вообще о *судѣ*, такъ какъ опредѣленіе подсудности дѣлъ, по роду и суммѣ, тѣмъ либо другимъ судамъ относится къ области судопроизводственныхъ законовъ.

Затѣмъ, въ проектѣ упоминается о *добровольной публичной продажѣ* (ст. 111, 212, 223, 486 и др.) и о *вызывномъ производствѣ* (ст. 596—599, 776). Согласно п. 13 Высочайшаго повелѣнія объ общемъ пересмотрѣ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ и о составленіи проекта Гражданскаго Уложенія (Собр. узак. 1882 г. 8 іюня № 55 ст. 361), Редакціонной Коммисіи вмѣнено въ обязанность, одновременно со внесеніемъ проекта въ Государственный Совѣтъ, представить соображенія о необходимости измѣненія тѣхъ изъ дѣйствующихъ статей Свода Законовъ, измѣненіе или отміна коихъ вызывается постановленіями проекта. Но Редакціонная Коммисія не составила правилъ о добровольной публичной продажѣ и о вызывномъ производствѣ, въ измѣненіе и дополненіе дѣйствующихъ по сему предмету законовъ, такъ какъ разработка упомянутыхъ институтовъ входитъ въ задачу Высочайше учрежденной Коммисіи по пересмотру судебныхъ уставовъ.

Въ составленіи проекта книги пятой Гражданскаго Уложенія объ *обязательствахъ* и объяснительной къ нему записки ближайшее участіе принимали: Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ *А. А. Книримъ*, Тайные Совѣтники: *В. И. Голевинскій* и *К. И. Малышевъ*, Дѣйствительные Статскіе Совѣтники: *Э. Э. Пирвицъ* и *А. Ф. Поворинскій* и состоящіе при Коммисіи: Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *В. С. Садовскій*, Статскіе Совѣтники: *П. А. Гедримовичъ* (нынѣ умершій), *С. В. Илюмовъ*, *И. Е. Ильяшенко*, *А. И. Дякошинъ* и *М. П. Шафиръ*, Коллежскій Совѣтникъ *В. Ф. Гельке* (нынѣ умершій) и Надворный Совѣтникъ *Ф. А. Вальтеръ*.

Проектъ былъ рассмотрѣнъ Редакціонною Коммисіею подъ пред-

сѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта, Статсъ-Секретаря, Сенатора *Н. И. Стояновскаго* и въ составѣ членовъ, Сенаторовъ: *А. А. Книрима*, Статсъ-Секретаря *А. А. Сабурова*, *П. А. Юренева*, *Н. А. Тура*, *Г. И. Карницкаго*, Членовъ Бюсъультаціи *К. И. Малышева* и *Э. Э. Пирвица* и Товарища Оберъ-Прокурора *А. Ф. Поворинскаго*, при дѣлопроизводителѣ Чиновникѣ Особыхъ Порученій при *М. Ю. Статскомъ* Совѣтникѣ *Ю. Р. Гентнеръ* въ пятидесяти девяти засѣданіяхъ, съ 10 января 1898 г. по 9 апрѣля 1899 г.

VI.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1. Последнія рѣшенія Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената за 1899 годъ ¹⁾.

1. По вопросу о примѣненіи 26 ст. уст. о наказ. и 1 п. 34 ст. уст. угол. суд.

Лойтерштейнъ и друг. были привлечены къ отвѣтственности за неисполненіе обязательныхъ постановленій относительно содержанія лѣсныхъ складовъ въ гор. Бердичевѣ. Согласно ст. 9 обязательныхъ постановленій о мѣрахъ предосторожности противъ пожаровъ, составленныхъ Бердичевскою городскою думою для мѣстныхъ жителей, утвержденныхъ Кіевскимъ губернаторомъ 23 іюня 1896 г., лѣсные и дровяные склады должны открываться съ разрѣшенія управы и помѣщаться въ усадьбахъ, расположенныхъ на берегу рѣки и на окраинахъ города Бердичева; размѣръ площади складовъ долженъ быть не менѣе 300 кв. саж., причѣмъ на этой площади не должно быть никакихъ построекъ, исключая сторожевой будки, а въ складахъ, расположенныхъ не на берегу рѣки, должны быть колодцы. Существовавшіе до изданія сего постановленія лѣсные и дровяные склады, неудовлетворяющіе вышеизложеннымъ условіямъ, должны быть закрыты въ теченіе полу-

¹⁾ Въ настоящемъ очеркѣ помѣщаются свѣдѣнія лишь о наиболѣе интересныхъ вопросахъ, разрѣшенныхъ присутствіемъ угол. кассад. д—та за первую половину 1899 г.

года со дня утвержденія постановленія. Мировой судья приговорилъ подвергнуть Лойтерштейна и др. за неисполненіе этихъ постановленій, на основаніи 29 ст. уст. о нак., денежному штрафу и обязать ихъ въ недѣльный срокъ со времени вступленія приговора въ законную силу закрыть существующіе у нихъ лѣсные склады. Въ апелляціонномъ отзывѣ обвиняемые доказывали, между прочимъ, что настоящее дѣло неподсудно мировымъ установленіямъ, на основаніи 34 ст. уст. угол. суд., потому, что съ наказаніемъ по приговору сему сопряжено закрытіе торговыхъ и промышленныхъ заведеній. Съѣздъ не согласился съ этимъ, признавъ, что по смыслу обязательныхъ постановленій Бердичевской городской думы должны быть въ теченіе полугода закрыты всѣ лѣсные склады, не соответствующіе этому постановленію, что лѣсные склады обвиняемыхъ, какъ не соответствующіе этому постановленію, должны были быть перенесены ими въ этотъ срокъ на другія мѣста, и разъ обвиняемые этого не исполнили, они подлежатъ отвѣтственности по 29 ст. уст. о наказ., какъ за неисполненіе этого постановленія, но они не лишаются права держать лѣсные склады, а только обязываются устроить ихъ согласно обязательному постановленію, а потому дѣло это, какъ не влекущее за собою лишенія права на занятіе промысломъ, не выходитъ изъ предѣловъ подсудности мировыхъ судебныхъ установленій. Въ подавляющей на приговоръ съѣзда кассационной жалобѣ указывалось на нарушеніе 34 ст. уст. угол. суд. тѣмъ, что съѣздъ ошибочно полагаетъ, что для превышенія мировой подсудности надо признать кого-либо лишеннымъ всякихъ правъ торговли или обязаннымъ къ совершенному закрытію даннаго заведенія безъ права перенесенія и возобновленія такового; въ жалобѣ сдѣлана ссылка на рѣшеніе угол. касс. деп. 1892 г. № 6.

Правительствующій Сенатъ (19 января) не призналъ кассационную жалобу обвиняемыхъ заслуживающею уваженія и въ рѣшеніи своемъ дѣлаетъ новую попытку къ разграниченію часто скрещивающихся случаевъ примѣненія ст. 26 уст. о нак. и ст. 34 уст. уг. суд. „Разсматривая случаи примѣненія 26 ст. уст. о наказ. въ связи съ правилами о подсудности, изъясненными въ ст. 34 уст. угол. суд., говорится въ рѣшеніи по этому дѣлу, Правительствующій Сенатъ въ рядѣ рѣшеній установилъ, что 26 ст. уст. о наказ. не примѣнима—*во 1-хъ*, къ тѣмъ неподсуднымъ мировымъ установленіямъ случаямъ, когда самое наказаніе, коему подлежитъ виновный, сопряжено по закону съ закрытіемъ торговаго или промышленнаго заведе-

ніа, съ запрещеніемъ производить торговлю или промыселъ или, наконецъ, съ высылкою изъ мѣста жительства, т. е. когда неизбѣжнымъ и неразрывно связаннымъ съ наказаніемъ послѣдствіемъ его является принятіе одной изъ перечисленныхъ мѣръ, какъ, напр. при преступныхъ дѣяніяхъ, указанныхъ въ ст. 701 (по ул. 1866 г.), 1073, 1074, 1075, 1348, 1350² ул. 1885 г. (рѣш. ⁹⁰/403; ⁷⁰/1146; ⁸⁴/36; ⁹²/6), и, во 2-хъ, къ тѣмъ случаямъ, гдѣ требуемое, въ силу закона, исправленіе ненадлежаще устроеннаго сопряжено съ матеріальными расходами, превышающими, въ своей совокупности, сумму болѣе 500 р. (⁷¹/985)⁴.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ по отношенію къ случаямъ, когда независимо и особо отъ наказанія по 29 ст. уст. о наказ. представляется необходимымъ, въ цѣляхъ благоустройства и безопасности, возстановить нарушенный обвиняемымъ порядокъ, установленный закономъ, изъ нарушенія коего вытекаетъ и самое обвиненіе,—Правительствующій Сенатъ находилъ принятіе мѣръ къ такому возстановленію не подходящимъ по 1 п. 34 ст. уст. угол. суд. и не исключающимъ подсудности дѣла мировымъ судебнымъ установленіямъ. Правительствующій Сенатъ призналъ не наказаніемъ, а лишь возстановленіемъ нарушеннаго закона наложеніе мировымъ судьей на домовладѣльца обязанности сломать самовольно возведенную и угрожающую опасностью постройку,—высылку виновнаго изъ мѣста, гдѣ ему по закону не дозволено проживать, и воспрещеніе проституткѣ жить, вопреки законному распоряженію полиціи, въ извѣстной части города, разъяснивъ притомъ, что если виновный приговаривается по 26 ст. уст. о наказ. къ исполненію упущеннаго, то это исполненіе является не наказаніемъ, а лишь возстановленіемъ нарушеннаго порядка,—не пораженіемъ личныхъ правъ, а лишь осуществленіемъ лежащей на неисполнившемъ обязанности (⁷³/494; ⁸⁶/2; ⁹²/42). Поэтому, постановляя на основаніи 26 ст. уст. о наказ. обязать подсудимыхъ закрыть свои лѣсные склады, незакрытые ими добровольно въ указанный въ обязательномъ постановленіи срокъ, мировой слѣздъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ своей подсудности, ибо рѣшеніе его о возстановленіи нарушаемыхъ подсудными законныхъ распоряженій для огражденія порядка и безопасности не исключаетъ открытія подсудными складовъ съ точнымъ соблюденіемъ требованій обязательнаго постановленія и, слѣдовательно, не нарушаетъ ихъ личныхъ правъ на производство торговли лѣсными матеріалами“.

2. По вопросу о томъ, можетъ ли окружный судъ, дѣйствующій въ качествѣ апелляціонной инстанціи, рассмотреть дѣло, подсудное съ самаго момента своего возникновенія волостному суду и ошибочно принятое къ производству уѣзднымъ членомъ окружнаго суда?

Крестьянка Куклева была приговорена уѣзднымъ членомъ окружнаго суда къ восьми мѣсяцамъ тюремнаго заключенія за кражу 15 р. 55 к. съ похищеннымъ ключемъ изъ сундука крестьянина Никонова (2 п. 170¹ ст. Уст. о Наказ.), а крестьянинъ Куклевъ былъ присужденъ за укрывательство похищеннаго къ семи мѣсяцамъ тюремнаго заключенія.

При разсмотрѣніи дѣла въ окружномъ судѣ по апелляціоннымъ жалобамъ Куклевыхъ, товарищъ прокурора находилъ настоящее дѣло неподсуднымъ уѣздному члену суда, такъ какъ кража, въ которой обвиняются Куклевы, не подходитъ подъ условія ст. 170¹ уст. о наказ., а составляетъ простую кражу, предусмотрѣнную ст. 169 того-же устава, почему полагалъ передать дѣло на разсмотрѣніе волостнаго суда въ виду принадлежности Куклевыхъ къ крестьянскому сословію. Окружный судъ призналъ совершенную Куклевыми кражу простою, предусмотрѣнную 169 ст. уст. о наказ., а не 2 п. 170¹ ст. уст. о наказ., ибо по дѣлу ничѣмъ не установлено, что кража денегъ изъ запертаго сундука была совершена посредствомъ отмычекъ, или принесенныхъ, или подобранныхъ или поддѣльныхъ ключей, напротивъ, сами потерпѣвшіе предполагаютъ, что сундукъ былъ отпертъ принадлежащимъ имъ ключемъ, похищеніе-же вещей изъ запертаго помѣщенія, отомкнутаго посредствомъ украденнаго ключа, не составляетъ кражи тяжкой (рѣш. угол. кассац. дѣла 1882 г. № 46),—слѣдовательно, примѣненіе уѣзднымъ членомъ суда къ данному случаю ст. 170¹ уст. о наказ. является неправильнымъ. Съ заключеніемъ же товарища прокурора о передачѣ дѣла по подсудности окружный судъ не согласился на томъ основаніи, что, въ силу 203 ст. уст. угол. суд. и разъясненій Правительствующаго Сената, если дѣло по первоначальной жалобѣ представлялось подсуднымъ мировымъ установленіямъ, то оно не можетъ быть передано сими установленіями въ волостной судъ, хотя бы при разбирательствѣ не подтвердились обстоятельства, исключающія подсудность волостному суду (рѣш. 1868 г. № 605; 1870 г. № 987 и 1871 г. № 776). На приговоръ окружнаго суда товарищъ прокурора принесъ кассационный протестъ въ смыслѣ заключенія, даннаго имъ въ засѣданіи

окружного суда. Ходатайствуя объ отиѣнїи этого приговора, товарищъ прокурора объясняетъ въ протестѣ, что отклоненіе судомъ заявленнаго имъ отвода онъ находитъ неправильнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ. 1) Судъ рассматривалъ настоящее дѣло въ качествѣ апелляціонной инстанціи на правахъ мирового съѣзда, а потому ссылка его на 203 ст. уст. угол. суд., относящуюся къ тому случаю, когда окружный судъ разрѣшаетъ дѣла въ качествѣ первой инстанціи, не можетъ имѣть мѣста. 2) Также не представляется достаточно уважительной и обоснованной ссылка суда на рѣшенія Сената, состоявшіяся въ 1868—1871 гг.; въ мѣстностяхъ, гдѣ введенъ законъ 12 іюля 1889 г., волостной судъ, въ рѣзкое отличіе отъ упраздненнаго волостного суда, приравнивавшася къ сельской расправѣ, возведенъ на степень судебнаго мѣста; поэтому указанныя рѣшенія Сената могутъ быть признаны относящимися лишь до дѣлъ, рассматриваемыхъ въ мѣстностяхъ, гдѣ не введенъ законъ 2 іюня 1889 г. 3) Ошибочное принятіе уѣзднымъ членомъ окружного суда къ своему разсмотрѣнію дѣла, явно съ самаго момента своего возникновенія не подсуднаго, не можетъ, конечно, служить неустранимой причиной къ тому, чтобы апелляціонная инстанція не способна была исправить допущенную ошибку, и чтобы тѣмъ самымъ, благодаря этому случайному обстоятельству, была отягчена участь виновнаго лица.

Правительствующій Сенатъ (23 марта) нашелъ, что первое изъ приведенныхъ въ протестѣ основаній къ отиѣнїи приговора не имѣетъ значенія. Въ рѣш. 1867 г. № 22, 1868 г. № 605, 1869 г. № 746 и др. Сенатомъ разъяснено, что лежащее въ основаніи 203 ст. уст. угол. суд. общее начало о неизмѣняемости подсудности дѣла въ случаѣ раскрытія, при разбирательствѣ онаго, обстоятельствъ, указывающихъ на подсудность проступка низшему суду, относится ко всѣмъ вообще случаямъ поступленія дѣла въ установленномъ порядкѣ въ высшій судъ, вмѣсто низшаго, коему оно было подвѣдомственно, если бы истинныя обстоятельства его были въ точности извѣстны при самомъ онаго возникновеніи. Столь-же неуважительнымъ, по мнѣнію Правительствующаго Сената, представляется и второй изъ приведенныхъ доводовъ протеста. Въ рѣш. 1897 г. № 1 Правительствующимъ Сенатомъ признано уже, что законъ 1889 г., преобразуя волостные суды, измѣнилъ лишь порядокъ производства въ нихъ дѣлъ, расширилъ кругъ подлежащихъ ихъ вѣдѣнію проступковъ, но сохранилъ, однако, за этими судами характеръ неформальной домашней расправы. Волостной

судъ и въ нынѣшнемъ его образованіи представляется, сравнительно съ судомъ уѣзднаго члена окружнаго суда, судомъ низшимъ, т. е. такимъ судомъ, къ которому исполнѣ примѣнны начала, установленныя практикою Правительствующаго Сената въ приведенныхъ выше рѣшеніяхъ. Третій доводъ протеста признанъ Правительствующимъ Сенатомъ исполнѣ основательнымъ.

Правилами о подсудности по роду дѣлъ опредѣляются кругъ и степень власти каждаго изъ судебныхъ учреждений въ отдѣльности; а потому не только сознательно-самовольное, но и ошибочное принятіе судьей къ разсмотрѣнію такого дѣла, которое, по роду своему, ему не подсудно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано дѣйствіемъ терпимымъ и подлежащимъ оставленію въ силѣ со стороны высшаго, въ порядкѣ подчиненности, судебного мѣста, коль скоро въ это послѣднее поступило дѣло въ установленномъ порядкѣ, хотя бы и безъ жалобы которой либо изъ сторонъ специально по вопросу о подсудности (ст. 250 учр. суд. уст.), при чемъ правило это должно имѣть примѣненіе не только къ тому случаю, когда низшій судъ принялъ къ производству дѣло, подлежащее высшему суду, но и къ тому, когда высшій судъ принялъ дѣло, которое и по обстоятельствамъ, бывшимъ въ виду при возбужденіи его, и по обстоятельствамъ, признаннымъ въ приговорѣ, подсудно суду низшему (рѣш. 1871 г. № 1082; 1876 г. № 320 и др.).

Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе, что вслѣдствіе неправильнаго принятія уѣзднымъ членомъ суда дѣла Куклевыхъ къ своему разсмотрѣнію и неустраненія этой неправильности окружнымъ судомъ, названные подсудимые приговорены къ наказанію и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи болѣе тяжкому, чѣмъ то, какое слѣдовало имъ за ихъ проступки по 38 ст. времен. прав. о волост. судѣ, если бы они судились, какъ слѣдовало, въ семь послѣднемъ, Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ приговоръ окружнаго суда, за нарушеніемъ 34 ст. уст. уг. суд. и предписалъ суду дать дѣлу законное направленіе.

3. По вопросу о примѣненіи 695 и 611 ст. уст. угол. суд., а также по вопросу, какое имѣетъ значеніе представленіе помощника секретаря, скрѣпившаго протоколъ судебного засѣданія, о неточной редакціи этого протокола.

Приговоромъ Нижегородскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей были признаны виновными Шариповъ и

Наумовъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1 ч. 196 ст. улож. о наказ., а Веберъ и Новиковъ,—предусмотрѣнномъ 3 ч. 196 ст. улож. Въ принесенной на этотъ приговоръ кассационной жалобѣ защитникъ подсудимыхъ ходатайствовалъ объ отиѣніи приговора, между прочимъ, по нарушенію 694, 695 и 720—725 ст. уст. угол. суд.—тѣмъ, что экспертъ предлагалъ свидѣтелямъ вопросы безъ особаго на то разрѣшенія предсѣдателя и вопросы часто совершенно посторонніе для цѣлей экспертизы, и по нарушенію 695 и 611 ст. уст. уг. суд.—тѣмъ, что экспертъ далъ не „заключеніе“ суду, какъ того требуетъ 695 ст., а произнесъ обвинительную рѣчь, обративъ ее къ присяжнымъ засѣдателямъ, стоя на возвышеніи около судейскаго стола и закончивъ ее словами: „эти люди (указывая на подсудимыхъ), подрывая религію, подрываютъ, присяжные засѣдатели, и государство;—вы призваны оградить православленную церковь; правительство увѣрено, что вы станете на стражѣ закона, на стражѣ православія; памяуйте, что вашего приговора съ нетерпѣніемъ ждетъ вся Россія“. По настоящему дѣлу также возникъ вопросъ о значеніи представленія помощника секретаря, скрѣпившаго протоколъ судебного засѣданія, о неточной редакціи этого протокола. Защитникъ подсудимыхъ въ кассационной жалобѣ указывалъ, что, въ нарушение 831 ст. уст. угол. суд., изъ протокола нельзя видѣть всего хода процесса, такъ какъ, не смотря на его просьбы, многое вносилось въ протоколъ не такъ, какъ было на самомъ дѣлѣ, а многое и совсѣмъ не вносилось въ протоколъ.

Правительствующій Сенатъ, рассмотрѣвъ настоящее дѣло (9 февраля), отиѣнилъ рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда, за нарушеніемъ 611 и 695 ст. уст. угол. суд., по слѣдующимъ соображеніемъ.

„Изъ рассмотрѣнія подлиннаго производства оказывается, что въ протоколъ судебного засѣданія по дѣлу занесена просьба защитника о записаніи, что экспертъ предлагалъ вопросы свидѣтелямъ непосредственно, причемъ судъ удостовѣрилъ, что о предложеніи необходимыхъ для экспертизы вопросовъ экспертъ обращался черезъ предсѣдательствующаго; въ заключеніи суда по замѣчаніямъ защитника на протоколъ, въ коихъ онъ возражалъ противъ согласія съ дѣйствительностью приведеннаго удостовѣренія суда, значится, что когда экспертъ предложилъ вопросъ свидѣтелю непосредственно, то предсѣдательствующій изъяснилъ ему, что если послѣ дачи свидѣтелемъ показанія

потребуется для экспертизы что-либо разъяснить, то онъ можетъ предложить вопросъ чрезъ председательствующаго, послѣ чего порядокъ этотъ и соблюдался, причемъ экспертъ испрашивалъ разрѣшеніе председательствующаго. Такимъ образомъ, въ противорѣчіе съ категорическимъ утвержденіемъ суда, записаннымъ въ протоколъ, судомъ признано, что непосредственное обращеніе эксперта къ свидѣтелю имѣло мѣсто. Въ виду сего надлежитъ признать, что заявленіе защитника относительно допроса свидѣтелей экспертомъ непосредственно, занесенное въ протоколъ засѣданія, соответствуетъ происходившему на судѣ. Такой выводъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ представленіи помощника секретаря отъ 8 октября 1898 г., приложенномъ къ дѣлу послѣ двукратныхъ ходатайствъ защитника отъ 9 октября и 9 ноября съ указаніемъ на то, что такового, несмотря на записаніе его въ книгу дежурства членовъ суда за № 2379, при производствѣ суда не имѣется. Въ представленіи этомъ, возвращенномъ помощникомъ секретаря въ судъ по постановленію послѣдняго, 13 ноября 1898 г. состоявшемуся, вслѣдствіе настояній защитника подсудимыхъ, помощникъ секретаря, скрѣпившій протоколъ судебного засѣданія, руководствуясь 840 ст. уст. угол. суд. и рѣш. угол. касс. деп. 1867 г. № 522 и заявляя, что составленный имъ протоколъ возвращенъ былъ ему для подписанія товарищемъ председателя въ новой редакціи, объясняетъ, что въ редакцію эту вкрались различныя неточности, имѣющія существенное значеніе, и указываетъ, что одною изъ такихъ неточностей является удостовѣреніе о предложеніи экспертомъ вопросовъ свидѣтелямъ чрезъ председательствующаго, тогда какъ въ дѣйствительности экспертъ предлагалъ вопросы свидѣтелю непосредственно, что и вызвало заявленіе защитника. Обсуждая значеніе представленія помощника секретаря для установленія происходившаго на судѣ и принявъ во вниманіе, что рѣш. 1867 г. № 522 опредѣлено, въ виду 595 и 598 ст. уст. угол. суд., значеніе и важность веденія секретаремъ протокола судебного засѣданія, удостовѣряющимъ своею скрѣпою надлежащую его достовѣрность, и указано, что въ случаяхъ затрудненія секретаря въ скрѣпѣ протокола, исправленнаго судьями безъ оговорокъ, судъ обязанъ предоставить ему изложить свое по этому предмету представленіе,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что по общему смыслу постановленій о протоколахъ судебныхъ засѣданій (ст. 835—845 уст. угол. суд.) такое представленіе можетъ быть устранено изъ дѣла исключительно лишь въ случаѣ согласія съ нимъ суда и соотвѣт-

ставяющаго сему окончательнаго измѣненія протокола,—въ противномъ-же случаѣ представленіе безусловно подлежит приобщенію къ протоколу, и судъ въ особомъ постановленіи долженъ составить по немъ заключеніе. Это необходимо какъ для устраниенія выраженной въ рѣш. 1867 г. № 522 возможности предположенія, чтобы судьи, сдѣлавшіе упущеніе и допустившіе безпорядки, могли бесслѣдно измѣнять протоколъ, составленный секретаремъ,—такъ и потому, что если, по силѣ 843 и 840 ст. уст. угол. суд., замѣчанія сторонъ на протоколъ засѣданія влекутъ за собою заключеніе по немъ суда, то тѣмъ болѣе такое заключеніе суда представляется необходимымъ при замѣчаніяхъ на протоколъ, представленныхъ лицомъ, входящимъ въ составъ присутствія и по званію своему и роли въ процессѣ удостоверяющимъ точность и вѣрность изложенія въ веденномъ имъ протоколѣ всего происходившаго на судѣ (рѣш. 1870 г. № 1506; 1883 г. № 27 и др.). Только наличность такого заключенія не лишаетъ Правительствующій Сенатъ, при разсмотрѣніи дѣла въ кассац. порядкѣ, возможности признать неопровержимо установленными обстоятельства, правильность занесенія коихъ въ протоколъ оспаривается секретаремъ. Принимая эти соображенія къ производству настоящаго дѣла, надлежитъ замѣтить, что получивъ 8 октября представленіе помощника секретаря, записанное въ книгу за № 2379 съ отиѣткою на немъ: „во 2 уголовное отдѣленіе 9 октября“, окружный судъ не имѣлъ законнаго основанія допускать возвращеніе сего представленія назадъ и, слѣдовательно, изыятіе его изъ дѣла, а обязанъ былъ обсудить таковое, къ чему представлялась полная возможность, такъ какъ по настоящему арестантскому дѣлу, рѣшенному 24 сентября и представленному въ Сенатъ лишь 16 ноября, заключеніе суда по замѣчаніямъ защитника, поданнымъ 13 октября, дано лишь 19 и 29 октября, тогда какъ уже 9 октября въ судѣ находилось заявленіе защитника о приобщеніи къ дѣлу представленія помощника секретаря, уваженное судомъ лишь 13 ноября. Признавая вслѣдствіе сего, что неподвергнутое надлежащему обсужденію суда представленіе помощника секретаря и съ своей стороны подтверждаетъ указываемый въ кассац. жалобѣ способъ допроса экспертомъ свидѣтелей, Правительствующій Сенатъ находитъ, что нельзя признать такой способъ правильнымъ. Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣш. 1868 г. № 944; 1871 г. № 1399 и 1876 г. № 160 разъяснено, что допросъ свидѣтелей свѣдущими людьми, непредусмотрѣнный ни въ 694—695 ст. уст. угол. сул., ни въ 720—725 ст.

того-же устава, но вызываемый иногда необходимостью, которую встрѣчаютъ свѣдущіе люди въ выясненіи того или другаго обстоятельства для представленія правильнаго заключенія долженъ, по заявленію ихъ о томъ, производиться, въ видѣ общаго правила, чрезъ предсѣдателя суда, который можетъ отступить отъ сего правила лишь въ томъ случаѣ, когда обстоятельство, подлежащее выясненію, имѣетъ спеціальнѣйшій характеръ, при чемъ формулированіе вопросовъ самимъ экспертомъ представляется болѣе удобнымъ, между тѣмъ по настоящему дѣлу производствомъ суда не удостовѣрено, чтобы экспертъ заявлялъ суду о необходимости выяснить какое-либо обстоятельство допросомъ свидѣтелей и чтобы предсѣдатель предоставилъ ему самому формулировать свои, имѣющіе спеціальнѣйшій характеръ, вопросы. По отношенію ко второму изъ приведенныхъ указаній кассационной жалобы, въ протоколѣ засѣданія значится просьба защитника о занесеніи въ него заявленія защиты о томъ, что экспертъ далъ не заключеніе, а произнесъ обвинительную рѣчь, а въ замѣчаніяхъ защиты на протоколъ отмѣчено, что судомъ, не смотря на ходатайство защиты, не занесено въ протоколъ, что экспертъ, давая свое заключеніе, длившееся 4 часа, обратилъ свою рѣчь не къ суду, а къ присяжнымъ засѣдателямъ въ формѣ обвинительной рѣчи, закончивъ ее словами, приведенными въ кассационной жалобѣ. Въ заключеніи своемъ по замѣчаніямъ на протоколъ судъ удостовѣряетъ, что защитникъ вовсе не просилъ судъ о внесеніи въ протоколъ какихъ либо словъ или выраженій изъ заключенія экспертизы, но въ представленіи помощника секретаря, значеніе коего по настоящему дѣлу, въ виду рѣш. 1867 г. № 522, объяснено выше, подтверждается какъ то, что заключеніе эксперта было дано въ формѣ обвинительной рѣчи, направленной противъ подсудимыхъ, такъ и то, что экспертъ, заканчивая свою рѣчь и обращаясь къ присяжнымъ засѣдателямъ, сказалъ: „эти люди, подрывая православную религію, вмѣстѣ съ тѣмъ подрываютъ государственное устройство,—вашего справедливаго приговора ждетъ вся Россія“. Оставленная безъ обсужденія судомъ эта часть представленія въ связи съ тѣмъ, что занесено судомъ, по просьбѣ защитника, въ протоколъ, даетъ достаточное основаніе для признанія, что эксперту, въ прямое нарушеніе предлежавшей ему по закону задачи разъяснить возникшіе въ дѣлѣ вопросы научнаго свойства и вопреки лежащимъ на предсѣдателѣ по 611 ст. уст. угол. суд. обязанностямъ, было дозволено выйти изъ роли свѣдущаго лица и заявить свою дѣятельность на судѣ въ области,

ему не принадлежащей. Правительствующимъ Сенатомъ было неоднократно разъяснено, что обязанность экспертовъ заключается въ объясненіи, на основаніи данныхъ науки, явленій и фактовъ, подлежащихъ разрѣшенію суда, при чемъ объясненіе это должно ограничиваться исключительно предѣлами научнаго разсмотрѣнія даннаго случая, почему эксперты не могутъ быть спрашиваемы по такимъ предметамъ, кои подлежатъ непосредственному вѣдѣнію суда, или высказывать мнѣніе о доказанности совершенія подсуднымъ преступнаго дѣянія (рѣш. 1872 г. № 528; 1876 г. № 237; 1877 г. № 78; 1896 г. № 20 и др.). Наблюденіе за тѣмъ, чтобы объясненія свѣдущаго лица и самый допросъ его не выходили за предѣлы лежащей на немъ задачи, всецѣло лежитъ на предсѣдателѣ, которому, въ силу 611 ст. уст. угол. суд., принадлежитъ право и власть опредѣлять предѣлы всякихъ объясненій, представляемыхъ на судѣ (рѣш. 1884 г. № 14; 1887 г. № 11 и др.). Поэтому допущеніе свѣдущаго лица къ произнесенію заключенія, по формѣ и содержанію своему несоотвѣтствующаго лежащимъ на немъ обязанностямъ, составляетъ несомнѣнное нарушеніе 611 ст. уст. угол. суд. Сопоставляя два указанныхъ нарушенія 695 и 611 ст. уст. угол. суд., указывающія, въ ихъ взаимной связи и послѣдовательности, на то, что по настоящему дѣлу въ Нижегородскомъ окружномъ судѣ эксперту были предоставлены несоотвѣтствующія его положенію права, пользованіе коими имѣло своимъ послѣдствіемъ извращеніе тѣхъ обязанностей, для выполнения коихъ вызываются въ судѣ свѣдущіе люди, Правительствующій Сенатъ не можетъ не признать сихъ нарушеній существенными и состоявшимися при ихъ наличности приговоръ не имѣющимъ силы судебного рѣшенія“.

4. По вопросу объ ответственности подстрекателей къ ложному оговору подсудимымъ другихъ лицъ.

Указанный вопросъ, имѣющій большое значеніе для возобновленія уголовныхъ дѣлъ, разрѣшенъ Правительствующимъ Сенатомъ (19 января) по дѣлу Менга. По приговору окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, Менгъ и Сайчикъ были признаны виновными въ томъ, что подстрекнули крестьянина Мясюка къ совершенію поджога хлѣбнаго сарая, отъ каковаго поджога сарай этотъ сгорѣлъ, а потому, на основаніи 1609 ст. улож., были осуждены къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и отдачѣ въ

исправительныя арестантскія отдѣленія на четыре года. Вскорѣ послѣ вступленія этого приговора въ законную силу жена Менга и мать Сайчика обратились къ прокурору окружнаго суда съ прошеніями, въ которыхъ ходатайствовали о возбужденіи противъ потерпѣвшей отъ поджога обвиненія въ томъ, что она подкупила Масюка къ ложному обвиненію Менга и Сайчика въ подстрекательствѣ его къ поджогу ея строеній. Допрошенные судебнымъ слѣдователемъ въ качествѣ потерпѣвшихъ осужденные Менгъ и Сайчикъ, присоединяясь къ заявленіямъ своихъ жены и матери, съ своей стороны предъявили обвиненіе въ лжесвидѣтельствѣ и въ подкупѣ Масюка къ лжесвидѣтельству также и матери потерпѣвшей, а Сайчикъ кромѣ того предъявилъ обвиненіе въ лжесвидѣтельствѣ и къ Масюку. Произведенное по этому обвиненію предварительное слѣдствіе было направлено слѣдователемъ къ прекращенію по отсутствію состава преступленія, въ частности въ отношеніи обвиненія Масюка въ лжесвидѣтельствѣ, а потерпѣвшей и ея матери въ подстрекательствѣ его, путемъ подкупа, къ означенному лжесвидѣтельству, потому, что въ виду ненаказуемости ложныхъ на судѣ заявленій со стороны обвиняемаго (рѣш. угол. кассац. дѣла Правительствующаго Сената 1867 г. № 438 и 1872 г. № 1059) ненаказуемо и подстрекательство къ нимъ. По прекращеніи предварительнаго слѣдствія окружнымъ судомъ, Менгъ обратился съ прошеніемъ въ Правительствующій Сенатъ о возобновленіи его дѣла, доказывая, что ненаказуемость самаго обвиняемаго за ложныя на судѣ объясненія не можетъ быть распространяема на другихъ лицъ и въ томъ числѣ на потерпѣвшихъ, которые за всякое побужденіе обвиняемаго къ ложному обвиненію другихъ лицъ отвѣтственны, какъ за ложный доносъ или за подстрекательство къ таковому. Правительствующій Сенатъ прежде разсмотрѣнія этого прошенія обратился къ разрѣшенію возникающаго изъ этого дѣла вопроса объ отвѣтственности подстрекателей къ ложному оговору подсудимымъ другихъ лицъ.

Останавливаясь на этомъ вопросѣ, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что „такія объясненія подсудимыхъ, какъ ложный оговоръ ими лицъ, вмѣстѣ съ ними преданныхъ суду, или преданіе коихъ суду не состоялось, ни по своему значенію, ни по силѣ п. 10 ст. 129 улож., не могутъ быть поводомъ къ уголовному преслѣдованію за нихъ самихъ подсудимыхъ, ибо оговоръ другихъ лицъ, представляясь ничѣмъ инымъ, какъ избраннымъ подсудимымъ способомъ оправданія себя или облегченія своей вины, не можетъ

подвергать его особому за это наказанію, подобно тому, какъ, по выраженному въ ст. 685 уст. угол. суд. началу, и молчаніе подсудимаго не должно быть признаваемо за сознаніе имъ своей вины, но такая ненаказуемость его, вытекающая единственно изъ тѣхъ исключительныхъ условій, въ которыхъ онъ находится, не можетъ имѣть никакого значенія при опредѣленіи общихъ свойствъ такого дѣянія и его преступности съ точки зрѣнія дѣйствующаго уголовного закона. По своимъ существеннымъ признакамъ ложный оговоръ подсудимымъ другихъ лицъ, заключая въ себѣ предъявленное судебной власти заведомо ложное обвиненіе о такихъ дѣяствіяхъ невиннаго лица, которыя вымышлены съ цѣлью навлечь на него за это отвѣтственность, вполне соответствуетъ дѣянію, предусмотрѣнному ст. 940 улож. о наказ.». Поэтому преступны и наказуемы дѣяствія лицъ, подговаривавшихъ подсудимаго взвести ложное обвиненіе на лицъ невинныхъ; дѣяніе такихъ подговорщиковъ должно быть опредѣляемо по тѣмъ существеннымъ признакамъ, какіе въ немъ заключаются и безотносительно къ тому, какія послѣдствія влечетъ за собою ложный оговоръ для лица, его сдѣлавшаго. Отвѣтственность подговорщиковъ и подстрекателей опредѣляется свойствомъ того дѣянія, которое по ихъ подговору учинено физическимъ виновникомъ, а потому, въ виду полного соответствія ложнаго оговора подсудимымъ невиннымъ лицъ дѣянію, предусмотрѣнному ст. 940 улож. о наказ., подстрекатели къ нему подлежатъ отвѣтственности по правиламъ, указаннымъ въ ст. 13 и 120 улож. о наказ.». Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ настоящему дѣлу, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что «разрѣшеніе ходатайства Менга о возобновленіи о немъ дѣла можетъ послѣдовать не прежде, какъ послѣ правильнаго и на законномъ основаніи разрѣшенія возбужденнаго жалобами жены Менга и матери Сайгина дѣла о подкупѣ потерпѣвшею Масюка къ ложному оговору имъ Менга и Сайгина, неправильно прекращеннаго окружнымъ судомъ, посему, руководствуясь ст. 249, 249¹ и 250 учр. суд. уст. и 936 ст. уст. угол. суд. и имѣя въ виду, что вопросы о дальнѣйшемъ направленіи дѣла, по коимъ уголовное преслѣдованіе прекращено неправильно, подлежатъ разрѣшенію судебной палаты въ порядкѣ, указанномъ ст. 529¹ уст. угол. суд., Правительствующій Сенатъ призналъ, что названное дѣло, вмѣстѣ съ прошеніемъ Менга, подлежитъ передачѣ въ судебную палату для дальнѣйшаго въ законномъ порядкѣ направленія».

5. По вопросу о томъ, подлежитъ-ли ответственности въ общемъ порядкѣ уголовного судопроизводства или въ порядкѣ, установленномъ для должностныхъ лицъ, присяжный повѣренный, исполняющій обязанности секретаря совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, за такое дѣяніе, которое, составляя для должностныхъ лицъ особое преступленіе по службѣ государственной или общественной, вмѣстѣ съ тѣмъ воспрещено подѣ страхомъ наказанія и общими законами, каково присвоеніе вѣреннаго чужаго имущества?

Правительствующій Сенатъ разрѣшилъ (23 марта) этотъ вопросъ въ пользу общаго порядка уголовного судопроизводства, а потому опредѣлилъ приговоръ особаго присутствія Харьковской судебной палаты и опредѣленіе о преданіи суду Акопенко ¹⁾ отмѣнить, за нарушеніемъ 1066 ст. уст. угол. суд., предписавъ палатѣ дать дѣлу законное направленіе. Мы приведемъ въ существенныхъ частяхъ весьма интересные мотивы этого рѣшенія. Законъ (ст. 357, 359—365 учр. суд. уст.) не знаетъ особой должности секретаря совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, а изъ свѣдѣній, собранныхъ по настоящему дѣлу путемъ сношеній съ предсѣдателями совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, оказывается, что по этому предмету въ разныхъ совѣтахъ примѣняются не одинаковые порядки. Такъ, напр., при Московскомъ и Харьковскомъ совѣтахъ состоятъ особыя лица, приглашаемыя предсѣдателемъ и исполняющія обязанности секретаря, а при С.-Петербургскомъ совѣтѣ такого лица не имѣется, а вмѣсто того предсѣдателемъ приглашаются лица, исполняющія обязанности по письменоводству. Но одно лишь разнообразіе въ опредѣленіи правъ и обязанностей должности секретаря совѣта и отсутствіе письменныхъ правилъ, къ организаціи ея относящихся, само по себѣ не можетъ еще имѣть окончательнаго значенія при рѣшеніи вопроса объ официальном или частномъ ея характерѣ. Правительствующій Сенатъ неоднократно признавалъ, что преданіе суду въ общемъ или въ особомъ должностномъ порядкѣ зависитъ не только и даже не столько отъ свойства виновныхъ по дѣлу лицъ, сколько главнымъ образомъ отъ свойства самаго дѣйствія, ими учиненнаго, свойства нарушенныхъ виновнымъ интересовъ, причемъ для признанія въ преступномъ дѣяніи наличности преступленія по службѣ государ-

¹⁾ Акопенко обвинялся въ присвоеніи денегъ, переданныхъ ему предсѣдателемъ совѣта для пересылки по назначенію, и въ подлогѣ для сокрытія сей растраты. Въ растратѣ онъ признанъ виновнымъ, а въ подлогѣ оправданъ.

ственной или общественной необходимо, чтобы дѣяніе составляло нарушеніе тѣхъ обязанностей, которыя возложены на виновнаго самою службою (рѣш. общ. собр. 1891 г. № 9; 1895 г. № 33), и чтобы обязанности эти носили публичный характеръ, состоя въ охраненіи силы законовъ и общественнаго порядка (рѣш. общ. собр. 1880 г. № 26). Напротивъ того, особый порядокъ должностнаго преслѣдованія отнюдь не можетъ имѣть примѣненія къ тѣмъ видамъ службы, назначеніе которыхъ состоитъ исключительно въ охраненіи и поддержкѣ интересовъ частныхъ или частно-общественныхъ, и которые вовсе не имѣютъ значенія государственнаго, хотя бы даже эти виды дѣятельности были поименованы въ законѣ, напр. уголовной отвѣтственности въ общемъ, а не въ особомъ должностномъ порядкѣ, подлежатъ лица, занимающія должности въ частныхъ обществахъ банкахъ (1877 г. № 95). Только въ тѣхъ случаяхъ, когда на такихъ лицъ возлагается, по исключенію, охраненіе интересовъ и отношеній значенія общегосударственнаго, обыкновенно лежащее на лицахъ должностныхъ и, слѣдовательно, когда они замѣняютъ собою послѣднихъ, дѣйствуя какъ органы власти государственной, они подпадаютъ особому порядку преслѣдованія и отвѣтственности, установленному для должностныхъ лицъ за преступныя дѣянія по службѣ государственной или общественной, напр. священнослужители и духовныя лица христіанскихъ или иновѣрныхъ исповѣданій, въ случаѣ неправильныхъ дѣйствій по веденію метрическихъ записей (1893 г. № 9). Обращаясь отъ приведенныхъ общихъ соображеній къ настоящему дѣлу, надлежитъ прежде всего имѣть въ виду тотъ характеръ, который усвоенъ закономъ установленію присяжныхъ повѣренныхъ и образованнымъ въ составѣ его органамъ управленія—совѣту и общему собранію присяжныхъ повѣренныхъ. Признавая введеніе послѣднихъ необходимымъ вслѣдствіе замѣны прежняго, розысканаго порядка судопроизводства новымъ, состязательнымъ, законодатель находилъ, что безъ образованія присяжной адвокатуры „рѣшительно невозможно будетъ веденіе состязанія въ гражданскомъ и судебныхъ преній въ уголовномъ судопроизводствѣ, съ цѣлью раскрытія истины и предоставленія полной защиты тяжущимся и обвиняемымъ передъ судомъ“ (журн. соед. депар. 1862 г.). Такимъ образомъ, на присяжную адвокатуру, хотя и предназначенную служить къ охранѣ общегосударственнаго интереса правосудія, не было перенесено никакихъ признаковъ и правъ власти государственной, а было возложено представительство на судѣ

лицъ, къ ней обращающихся или ей порученныхъ. Заботы законодателя относительно условій поступленія въ званіе присяжныхъ повѣренныхъ, отвѣтственности ихъ и вообще организации этого института направлены къ тому, чтобы обезпечить, наиболѣе надежнымъ образомъ и въ наибольшей степени служеніе адвокатуры интересамъ тяжущихся или подсудимыхъ. Она не есть правительственная или общественная должность, а особое званіе и самостоятельное занятіе,—профессія. Она имѣетъ дисциплинарную власть надъ своими членами и право наложенія на нихъ дисциплинарныхъ взысканій, но эта власть уподобляется не той, которая принадлежитъ начальству надъ должностными лицами, имъ подчиненными по службѣ правительственной или общественной, и которая составляетъ низшую ступень власти карательной, стоящую съ послѣдней въ тѣсной и неразрывной связи (ст. 65 улож. о нак., ст. 1066 уст. угол. суд.), а той, которая принадлежитъ надъ ихъ членами разнообразнымъ общественнымъ группамъ, напр. школъ надъ учениками, семьѣ надъ ея членами, и которая осуществляется отдѣльно и независимо отъ карательной государственной власти, даже параллельно съ нею; потому и Правительствующимъ Сенатомъ (общ. собр. 1880 г. № 5 по д. Стацевича) признано, что дисциплинарныя взысканія, установленныя для присяжныхъ повѣренныхъ, не могутъ быть подводимы подъ тѣ виды дисциплинарныхъ наказаній, о коихъ упоминается въ ст. 262 учр. суд. уст., а также (общ. собр. 1882 г. № 31), что примѣненіе дисциплинарной отвѣтственности къ присяжному повѣренному не устраняетъ ни гражданской, ни уголовной отвѣтственности его передъ судомъ за то же дѣяніе. Присяжная адвокатура имѣетъ отдѣльное управленіе, но органы его, совѣтъ и общее собраніе, не имѣютъ никакихъ признаковъ государственной власти и отнюдь не могутъ быть почитаемы мѣстами присутственными, а члены ихъ—должностными лицами, облеченными правительственною властью; согласно тому, какъ признано Правительствующимъ Сенатомъ (рѣш. гражд. касс. деп. 1879 г. № 55 по д. Бахтина), опредѣленіямъ совѣта законъ не присвоиваетъ значенія судебныхъ рѣшеній, почему при спорѣ о вознагражденіи присяжнаго повѣреннаго, рассматриваемомъ въ судебномъ мѣстѣ, для послѣдняго означенныя опредѣленія могутъ имѣть лишь силу мнѣнія свѣдущихъ людей. Посему и порядокъ преслѣдованія и отвѣтственности, которому присяжные повѣренные подлежатъ по отношеніямъ между ними и кліентами, долженъ быть общій, а не особенный, установленный для должностныхъ

лицъ за преступныя дѣянія послѣднихъ по службѣ правительственной или общественной. Положеніе это уже примѣнялось Правительствующимъ Сенатомъ по отношенію къ отдѣльнымъ присяжнымъ повѣреннымъ, предававшимся суду въ общемъ порядкѣ (рѣш. 1872 г. № 672). Но такъ какъ, согласно вышеизложенному, совѣты присяжныхъ повѣренныхъ имѣютъ значеніе установленій не правительственныхъ или общественныхъ, а лишь карпоративныхъ, то не оказывается никакихъ основаній дѣлать изъ указаннаго положенія изъятіе, въ отношеніи порядка преданія суду и подсудности, также относительно тѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые оказались виновными въ преступномъ нарушеніи интересовъ кліентовъ, дѣйствуя въ качествѣ секретарей или письмоводителей совѣта, или по иному порученію совѣта, хотя бы въ то же время они были членами послѣдняго. Совѣтъ, не имѣя самъ должностнаго характера, не можетъ и передать должностныхъ порученій. Учиненіе преступнаго дѣянія присяжнымъ повѣреннымъ въ качествѣ уполномоченнаго совѣта могло бы лишь, согласно п. 6 ст. 129 улож. о нак., служить къ увеличенію мѣры его отвѣтственности, а отнюдь не къ измѣненію порядка преданія суду и подсудности“.

6. По вопросу о примѣненіи 1206 ст. уст. упол. суд.

Виленискимъ окружнымъ судомъ Эфронъ и Кабагникъ были признаны виновными—первый въ томъ, что черезъ посредство нанятаго имъ Кабагника провезъ въ г. Вильну товаръ заграничнаго происхожденія, не объявивъ его въ тамождѣ, а второй въ томъ, что провезъ означенный товаръ для Эфрона, зная, что таковой заграничнаго происхожденія и не объявленъ въ тамождѣ, т. е. въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 1522 ст., 1 ч. 1546 и 1538 ст. уст. тамож. На приговоръ окружнаго суда подалъ апелляціонный отзывъ одинъ Эфронъ, который и былъ оправданъ судебною палатою. На приговоръ палаты повѣренный таможеннаго вѣдомства принесъ въ Правительствующій Сенатъ кассационную жалобу, въ которой находилъ приговоръ подлежащимъ отмене въ виду оставленія судебною палатою въ силѣ части приговора окружнаго суда, опредѣляющей отвѣтственность Кабагника лишь за провозъ контрабанднаго товара, между тѣмъ въ виду освобожденія отъ отвѣтственности Эфрона, какъ хозяина товара, Кабагникъ, какъ провозившій означенный товаръ и недоказавшій хозяина его

внутри Имперіи, подлежить отвѣтственности уже не по 1 ч. 1546 ст. уст. тамож., а по 2 ч. 1522 и 1538 ст. того же устава. Правительствующій Сенатъ (11 мая) отмѣнилъ приговоръ палаты по нарушенію 1206 ст. уст. угол. суд., разъяснивъ, что статья эта налагаетъ на апелляціонный судъ по дѣламъ этого рода обязанность, въ случаѣ измѣненія имъ въ чемъ либо приговора суда первой степени, установить, не сокращается ли вслѣдствіе такого измѣненія право казны въ отношеніи объема слѣдуемаго ей вознагражденія, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ соотвѣтственно измѣнить приговоръ суда первой степени о другихъ подсудимыхъ, даже при отсутствіи о томъ какого бы то ни было ходатайства обвинителя или представителя казеннаго управленія въ ихъ отзывахъ или въ заявленіяхъ суду при самомъ разбирательствѣ дѣла (рѣш. 1871 г. № 598, 1875 г. № 379, 1897 г. № 45), а такъ какъ при этомъ апелляціонною инстанціею можетъ быть измѣнена и участь такихъ подсудимыхъ, о которыхъ или отъ имени которыхъ не послѣдовало апелляціоннаго отзыва или протеста, то и они должны быть признаваемы участвующими лицами до совершеннаго окончанія дѣла, съ извѣщеніемъ ихъ о принесеніи протеста или отзыва и о днѣ слушанія дѣла судомъ апелляціоннымъ, на точномъ основаніи ст. 879 уст. угол. суд.

7. По вопросу о примѣненіи 3, 5 и 99 ст. улож. о наказ. къ формальнымъ нарушеніямъ, и между прочимъ, къ дѣланію, предусмотрѣнному ст. 1171 ул. о нак.

Проживающая въ гор. Перми, при мужѣ—слесарномъ мастерѣ, мѣщанка изъ евреевъ Житомирскаго уѣзда, Волынской губ., Каминъ производила въ гор. Перми торговлю обоями, сигарами, папирсами и другими предметами не собственнаго ремесла, и за это дѣяніе по обвинительному акту товарища прокурора была предана суду Пермскаго окружнаго суда по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1171 ст. улож. о наказ. При разсмотрѣніи дѣла въ окружномъ судѣ оказалось, что Каминъ производила торговлю по свидѣтельству 2 гильдіи, патенту къ нему на продажу табачныхъ издѣлій и билету на торгово-промышленное заведеніе, выданнымъ изъ Пермской городской управы, и что выдача таковыхъ производилась на основаніи: 1) отношенія Пермской казенной палаты на имя Пермской городской управы о неимѣніи со стороны палаты препятствій къ выдачѣ торговыхъ документовъ Каминъ, по сооб-

раженіямъ, изложеннымъ въ рапортѣ податнаго инспектора, который полагалъ, что, согласно указу Правительствующаго Сената (С. У. 1887 г. № 82), невозможность для евреевъ заниматься торговлею внѣ мѣстъ ихъ постоянной осѣдлости обусловлена не ограниченіемъ ихъ торговыхъ правъ, а лишь воспрещеніемъ имѣть постоянное жительство въ данной мѣстности, неотносящимся къ Каминъ, имѣющей право, какъ жена ремесленника, проживать въ Перми; 2) письма и. д. управляющаго Пермской казенной палатой на имя городского головы о томъ, что, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 10 іюня 1894 г., казенная палата не встрѣчаетъ препятствій къ выдачѣ торговыхъ документовъ Каминъ, и 3) удостовѣреній Пермскаго полиціймейстера о правѣ Каминъ, какъ жены ремесленника, на проживаніе въ Перми. Окружный судъ, рассмотрѣвъ настоящее дѣло и принявъ во вниманіе, что хотя, на основаніи 3 примѣч. къ 157 ст. уст. о пасп., Каминъ можетъ проживать въ Перми, но, согласно 382 ст. уст. о промышл., она могла торговать только предметами своего ремесла, что опредѣленіе Сената, на которое сослалась казенная палата, касается евреевъ, получившихъ образованіе, а Высочайшее повелѣніе 10 іюня 1894 г. никакого отношенія къ дѣлу не имѣетъ,—нашелъ, что Каминъ не имѣла права производить въ Перми торговлю произведеніями чужихъ фабрикъ и, производя такую, нарушила постановленіе 1171 ст. улож. о наказ., но не признавъ ее виновною и подлежащею отвѣтственности за это дѣяніе, такъ какъ по общимъ, изложеннымъ въ 3 и 5 ст. улож. о наказ., началамъ уголовного права, вѣнчаются въ вину лишь дѣянія умысленныя или неосторожныя; если-же правонарушеніе совершенно безъ умысла или неосторожности или небрежности, то не можетъ быть рѣчи о виновности правонарушителя. Каминъ-же совершила приписываемое ей правонарушеніе не только безъ умысла или по неосторожности, или небрежности, а принявъ съ своей стороны всѣ мѣры къ тому, чтобы не нарушить законъ; нарушеніе-же такового послѣдовало вслѣдствіе заблужденія, въ которое ее ввели разъясненія компетентной власти, т. е. казенной палаты и исправляющаго должность управляющаго палатой, а также и выдача торговыхъ документовъ изъ городской управы.

Въ принесенномъ на этотъ приговоръ апелляціонномъ протестѣ прокуроръ окружнаго суда просилъ судебную палату признать Каминъ виновною и подвергнуть наказанію по 1171 ст. улож., доказывая, въ опроверженіе заключенія окружнаго суда, что, согласно

разъясненіямъ угол. кассац. д-та Правительствующаго Сената въ рѣш. 1871 г. №№ 591, 625, 1478, нарушение правилъ о производствѣ торговли подлежитъ взысканію независимо отъ того, было ли оно послѣдствіемъ умысла, неосторожности или небрежности въ исполненіи обязанностей, возлагаемыхъ на торговцевъ, или незнанія этихъ обязанностей, такъ какъ каждый торговецъ, принимаясь за торговлю, обязанъ знать и исполнять всѣ постановленія, относящіеся до этой торговли. Судебная палата не согласилась съ соображеніями, высказанными въ протестѣ прокурора, находя, что хотя Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніяхъ, на которыя ссылается прокуроръ въ апелляціонномъ протестѣ, призналъ, что каждый торговецъ, принимаясь за торговлю, обязанъ знать и исполнять всѣ постановленія, относящіеся къ производимой имъ торговлѣ, и потому нарушение правилъ о производствѣ торговли подлежитъ взысканію независимо отъ того, было ли оно послѣдствіемъ какого либо умысла, неосторожности или небрежности возложенныхъ на торговцевъ подлежащими уставами обязанностей или незнанія этихъ обязанностей, но эти разъясненія послѣдовали по дѣламъ о нарушеніяхъ торговыхъ правилъ, сопряженныхъ съ нарушеніемъ казеннаго интереса, и не могутъ относиться къ разсматриваемому случаю потому, во 1), что дѣяніемъ Каминя интересы казны въ отношеніи причтавшихся съ ея торговли пошлинъ или иныхъ сборовъ и вообще никакимъ инымъ образомъ не нарушены, и дѣяніе это заключается лишь въ нарушеніи содержащагося въ 382 ст. уст. о пром. воспрещенія евреямъ производить торговлю предметами не своего ремесла внѣ постоянной осѣлости евреевъ; во 2), что приведенныя общія начала уголовного права, въ видѣ исключенія, не примѣняются лишь къ дѣламъ о нарушеніяхъ, сопряженныхъ съ нарушеніемъ казеннаго интереса, какъ это признано угол. кассац. д-томъ Правительствующаго Сената въ рѣш. 1872 г. № 486 и, въ 3) что упомянутыя рѣшенія касаются вмѣненія при наличности умысла, неосторожности, небрежности или незнанія закона и не относятся до случаевъ заблужденія, какъ результата неправильнаго толкованія закона со стороны компетентныхъ учреждений. Въ виду изложеннаго и принявъ во вниманіе, что изъ угрожающихъ виновному по 1171 ст. улож. взысканій высылка изъ г. Перми не можетъ быть примѣнена къ подсудимой Каминѣ, какъ женѣ проживающаго въ Перми ремесленника, а конфискація товаровъ, являясь особымъ видомъ наказанія, по 58 ст. улож. о наказ., не представляетъ собою убытка, причиненнаго казнѣ подсудимой; что приписываемое подсудимой

Каминъ правонарушеніе не должно быть вѣнено ей въ вину, какъ учиненное вслѣдствіе заблужденія, въ которое она была введена неправильнымъ толкованіемъ и примѣненіемъ закона подлежащими, отъ которыхъ таковыя зависѣли, учрежденіями, съ принятіемъ со стороны самой подсудимой мѣръ къ тому, чтобы поступить согласно закону, и что засимъ и на основаніи 1 п. 771 ст. уст. угол. суд. оправдательный относительно подсудимой приговоръ Пермскаго окружнаго суда оказывается правильнымъ, судебная палата опредѣлила апелляціонный протестъ оставить безъ послѣдствій и приговоръ Пермскаго окружнаго суда въ силѣ. На приговоръ палаты былъ принесенъ протестъ товарищемъ прокурора, въ которомъ онъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ приговора по слѣдующимъ основаніямъ. Согласно 92 и 99 ст. улож. о наказ., причиною, уничтожающею вѣняемость, можетъ служить только заблужденіе и ошибка въ фактахъ, а не въ законѣ. Такая ошибка согласно 62 ст. зак. осн. не можетъ служить оправданіемъ совершившему преступленіе и вовсе не подходитъ подъ дѣйствіе 92 и 99 ст. улож. (рѣш. угол. кассац. д-та 1871 г. № 1082 и 1552). Посему судебная палата, установивъ въ своемъ приговорѣ, что Каминъ, какъ жена еврея ремесленника, проживая внѣ черты еврейской осѣлости, не могла производить торговли произведеніями не своего ремесла, а чужихъ фабрикъ, не имѣла достаточныхъ основаній освобождать ее отъ отвѣтственности, указанной въ 1171 ст. улож. о наказ., лишь въ виду того, что Каминъ была введена въ заблужденіе относительно своихъ правъ на торговлю неправильными разрѣшеніями подлежащихъ учреждений, тѣмъ болѣе, что рѣшеніемъ угол. кассац. д-та 1887 г., № 14, по дѣлу Животинскаго, по вопросу о примѣненіи 1171 ст. улож. къ случаямъ неправильнаго разрѣшенія торговли евреямъ подлежащими властями, разъяснено, что такое обстоятельство можетъ служить основаніемъ лишь для смягченія отвѣтственности подсудимаго и что нарушеніе закона не можетъ быть покрываемо разрѣшеніемъ какой бы то ни было административной власти. Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе: 1) что преслѣдуемый 1171 ст. улож. о наказ. проступокъ заключается въ себѣ нарушеніе денежныхъ интересовъ казны, которое и вознаграждается опредѣляемой въ этой статьѣ конфискаціей товаровъ (рѣш. угол. кассац. д-та 1889 г. № 32), и 2) что Каминъ, какъ видно изъ дѣла, производила незаконную торговлю и во время производства предварительнаго о ней слѣдствія, товарищъ прокурора ходатайствовалъ предъ Правительствующимъ Сенатомъ объ

отмѣнѣ, за нарушеніемъ 92 и 1171 ст. улож., состоявшагося по дѣлу Каминъ оправдательнаго приговора судебной палаты.

Правительствующій Сенатъ (6 апрѣля) оставилъ протестъ товарища прокурора безъ послѣдствій. Въ опредѣленіи Сената по сему дѣлу высказаны слѣдующія соображенія. „Евреи мастеровые, ремесленники и проч., проживая внѣ черты постоянной осѣдности евреевъ и получивъ гильдейское свидѣтельство, могутъ по этому свидѣтельству производить торговлю исключительно лишь издѣліями своего мастерства. Что-же касается до живущихъ внѣ черты постоянной еврейской осѣдности при такихъ евреяхъ ремесленникахъ членовъ ихъ семействъ, если сіи послѣдніе сами не состоятъ мастерами или ремесленниками, то никакихъ иныхъ правъ, кромѣ права проживать въ качествѣ членовъ семьи ремесленника вмѣстѣ съ нимъ внѣ черты еврейской осѣдности, они, очевидно, имѣть не могутъ, а, слѣдовательно, и права заниматься самостоятельно какою бы то ни было торговлею. Такимъ образомъ обвиняемая Каминъ, проживая при мужѣ ремесленникѣ въ г. Перми и не имѣющая никакихъ правъ на полученіе торговыхъ документовъ, для производства какой бы то ни было торговли, за производство такой недозволенной торговли подлежитъ дѣйствию 1171 ст. улож. о наказ. Разсужденіе судебной палаты, что эта статья не можетъ имѣть къ ней примѣненія, какъ потому, что она, имѣя право проживать при мужѣ въ Перми, не можетъ быть выслана въ черту еврейской осѣдности, такъ и потому, что конфискація товаровъ, коими она торговала, являясь особымъ видомъ наказанія по 58 ст. улож., не представляетъ собою вознагражденія убытка, причиненнаго ею казнѣ, представляется совершенно неосновательными. Высылка въ черту еврейской осѣдности опредѣляется 1171 ст. въ наказаніе именно тѣмъ евреямъ, которые, имѣя право проживать внѣ этой черты, будутъ уличены въ производствѣ недозволенной имъ закономъ торговли (рѣш. угол. кас. д—та 1889 г. № 7), и въ этомъ отношеніи ни для кого изъ нихъ никакого исключенія сдѣлано быть не можетъ. Что-же касается конфискаціи товаровъ, то таковая опредѣляется 1171 ст., какъ наказаніе и, согласно разъясненію въ рѣш. 1889 г. № 32, въ видахъ вознагражденія казны. Хотя такимъ образомъ къ дѣянію Каминъ ст. 1171 улож. должна быть признана вполне примѣнимой, но въ виду того, что въ законѣ ничего не упоминается о правахъ женъ евреевъ ремесленниковъ, проживающихъ внѣ черты постоянной еврейской осѣдности, и что Каминъ могла на этотъ

счетъ находится въ сомнѣніи и, при установленіи окружнымъ судомъ, приговоръ коего оставленъ судебной палатой въ силѣ, что нарушеніе Каминъ 1171 ст. улож. совершено ею не только безъ намѣренія, но совершенно случайно, вслѣдствіе заблужденія, въ которое она была введена неправильною выдачею ей торговыхъ документовъ, нельзя не признать, что въ силу 99 ст. улож. о наказ. совершенное ею при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ преступное дѣяніе не можетъ, какъ это правильно признано судомъ, быть вѣннено ей въ вину“.

8. По вопросу о примѣненіи 863 ст. улож. о наказ.

Приговоромъ Харьковскаго окружнаго суда *Ашукинъ* былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что на принадлежащемъ ему шерстомойномъ заведеніи въ гор. Харьковѣ, при рѣкѣ Лопани, во время промывки грязной шерсти въ 1892 г. и послѣдующихъ годахъ, остающіяся при этомъ мытьѣ шерсти нечистоты, завѣдомо для него Ашукина, спускаются въ названную рѣку, отчего вода въ ней дѣлается безусловно вредной для народнаго здравія, и вредоносность эта происходитъ отъ устройства приспособленій въ означенномъ заводѣ для промывки шерсти и удаленія изъ него нечистотъ, за что судъ, въ виду 863 и 4 п. 158 ст. улож., Всемилоствѣйшихъ Манифестовъ 1894 и 1896 г.г., 408 ст. уст. стронт., освободивъ Ашукина, согласно 2 п. 771 ст., отъ слѣдующаго ему по закону личнаго наказанія, опредѣлилъ уничтожить принадлежащее Ашукину вышеуказанное шерстомойное заведеніе на его счетъ. Въ апелляціонной жалобѣ въ Харьковскую судебную палату защитникъ Ашукина доказывалъ непримѣнимость къ настоящему дѣлу 863 ст. улож., указывая, что мойка Ашукина была выстроена, когда мѣстность, на которой она стоитъ, не входила въ городскую черту, что въ числѣ прочихъ собственниковъ этихъ заведеній Ашукинъ самъ не устраивалъ своей мойки, а она перешла къ нему отъ его предшественниковъ, которые много десятковъ лѣтъ тому назадъ строили ее на рѣкѣ Лопани внѣ городской черты съ разрѣшенія надлежащей власти, что всѣ Харьковскія мойки, постепенно совершенствуясь и расширяясь, достигли теперь миллионной цѣнности, поддерживаютъ важную для края шерстяную промышленность, кормятъ тысячи рабочихъ и съ теченіемъ времени очутились въ городской чертѣ, такъ какъ съ одной стороны городъ, а съ другой

хуторъ села Филипповки подселились къ нимъ. Харьковская судебная палата приговоръ окружнаго суда утвердила. Правительствующій Сенатъ, разсматривая (23 февраля) кассационную жалобу Ашукина, нашелъ неправильнымъ примѣненіе къ настоящему дѣлу 863 ст. улож. о наказ. по слѣдующимъ соображеніямъ. „863 ст. улож. имѣетъ въ виду лишь устройство, безъ соблюденія предписанныхъ правилъ, новыхъ промышленныхъ заведеній, но не поддержаніе старыхъ (1876 г. № 183). Въ правильности такого толкованія 863 ст. убѣждаетъ и постановленіе, содержащееся во 2-й ч. 408 ст. уст. строит. (изд. 1857 г.). По смыслу этого постановленія, распоряженіе о переносѣ изъ города вредныхъ чистотъ воздуха и воды существующихъ уже фабричныхъ или заводскихъ заведеній, или же временное оставленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ особо уважительныхъ, по мѣстнымъ условіямъ, случаяхъ, предоставляется губернскимъ начальствамъ и Министерству Внутреннихъ Дѣлъ (указъ 1-го д-та Црав. Сената 7 февраля и 28 ноября 1879 г. № 9152). Почему въ случаѣ состоявшагося распоряженія административной власти о переносѣ изъ города такихъ вредныхъ чистотъ воздуха и воды существующихъ уже фабричныхъ и иныхъ заведеній, всякое уклоненіе со стороны собственника заведенія отъ исполненія такого предъявленнаго къ нему законнаго требованія можетъ быть разсматриваемо какъ проступокъ, предусмотрѣнный 29-ю ст. уст. о наказ. (1891 г. № 21 и др.). Но устраненіе возможности примѣненія къ дѣянію Ашукина 863 ст. улож. не освобождаетъ судебное мѣсто отъ обязанности войти въ обсужденіе вопроса объ отвѣтственности Ашукина за несогласное съ требованіями охраны общественнаго здравія содержаніе имъ издавна существующаго, но признаваемаго вреднымъ въ гигиеническомъ отношеніи шерстомойнаго заведенія и представляетъ суду законное основаніе, въ случаѣ установленія таковой вредности, для присужденія его къ наказанію по соотвѣтственнымъ его дѣяніямъ статьямъ устава о наказ. 52 или 111 съ послѣдствіями, въ 26 ст. уст. о наказ. указанными“.

9. По вопросу о примѣненіи 1012 ст. улож. о наказ.

Въ подцензурномъ журналѣ „Міръ Божій“ за 1897 г., печатавшемся въ типографіи *Скорородова* въ г. С.-Петербургѣ, былъ помѣщенъ романъ Потапенко „Живая жизнь“. Съ этого романа

въ той же типографіи дѣлалась перепечатка для отдѣльнаго изданія по заказу издательницы журнала Давыдовой. Листы романа, по мѣрѣ отпечатанія, отсылались къ переплетчику, брошюрующему журналъ. Давыдова, продавъ вышеупомянутый романъ Ключину, перевезла его отдѣльными листами въ Москву, гдѣ были напечатаны обложка и титулъ, послѣ чего книга эта была представлена въ Московскій цензурный комитетъ типографіей Гербека. Старшій инспекторъ типографій въ С.-Петербургѣ, усматривая въ дѣяніи Скороходова, выдавашаго Давыдовой все изданіе безъ предварительнаго представленія въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ, нарушение 143 и 167 ст. уст. о ценз., просилъ мирового судью о привлеченіи Скороходова къ отвѣтственности по 1012 ст. улож. о наказ. Мировой судья и сѣздъ оправдали Скороходова. По мнѣнію сѣзда, примѣненіе ст. 1012 улож. къ дѣянію Скороходова не можетъ быть допущено, такъ какъ эта статья караетъ „выпускъ въ свѣтъ“ сочиненій до установленнаго срока; выпускъ же въ свѣтъ относится лишь къ цѣльному изданію, а не отдѣльными его листамъ, которые закономъ не возбранено печатать въ различныхъ типографіяхъ и затѣмъ брошюровать въ одно изданіе, которое издатель до „выпуска въ свѣтъ“ обязанъ представить въ цензурный комитетъ.

Правительствующій Сенатъ, разсматривая (23 февраля) настоящее дѣло по кассационной жалобѣ старшаго инспектора типографій въ С.-Петербургѣ, разъяснилъ, что „подъ выпускомъ въ свѣтъ, какъ усматривается изъ соображеній ст. 52, 54, 70 и 71 уст. ценз. и 1012, 1020 и 1024 улож., законъ разумѣетъ не одинъ выпускъ сочиненія въ продажу, но и допущеніе всякимъ инымъ образомъ поступленія его въ обращеніе и употребленіе, болѣе или менѣе общее“ и что „передача содержателемъ типографіи всѣхъ уже отпечатанныхъ листовъ книги на руки издателю прежде окончанія всего сочиненія и соблюденія 167 ст. ценз. уст., безъ какого-либо на этотъ предметъ разрѣшенія цензурныхъ установленій или инспекціи, представляетъ собою нарушеніе закона, караемое по 1012 ст. улож.“.

10. По вопросу о томъ, можетъ ли изданное на основаніи положенія о заведеніяхъ трактирнаго промысла обязательное постановленіе городской думы имѣть силу для содержателей трактирныхъ заведеній, открытыхъ до вступленія его въ дѣйствіе?

Ярымкинъ, привлеченный къ отвѣтственности по 29 ст. уст. о наказ., былъ признанъ виновнымъ Московскимъ столичнымъ мировымъ съѣздомъ въ томъ, что производилъ торговлю въ трактирномъ заведеніи, не соответствующемъ обязательнымъ постановленіямъ Московской городской думы о заведеніяхъ трактирнаго промысла въ г. Москвѣ. Въ кассационной жалобѣ Ярымкинъ указывалъ, что эти постановленія изданы на основаніи 24 ст. Высочайше утвержденнаго 8 іюня 1893 г. положенія о заведеніяхъ трактирнаго промысла, вступившаго въ силу съ 1 января 1894 г., и, какъ всякій законъ, немогущаго имѣть обратной силы и примѣняться къ отношеніямъ, возникшимъ ранѣе этого закона, почему къ нему, Ярымкину, открывшему трактиръ еще въ 1889 г., не могутъ быть примѣнены указанные обязательныя постановленія и служить основаніемъ привлеченія его къ отвѣтственности по 29 ст. уст. о наказ. Правительствующій Сенатъ, разсматривая (19 января) жалобу Ярымкина, разрѣшилъ указанный выше вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ по слѣдующимъ соображеніямъ. „Признаніе, что постановленныя Московскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ правила относительно устройства трактирныхъ заведеній, находящіяся имъ безусловно необходимыми, подлежатъ исполненію, согласно мнѣнію жалобщика, лишь владѣльцами вновь открываемыхъ послѣ 1 января 1894 г. заведеній, шло бы въ разрѣзъ, въ виду малаго числа вновь открываемыхъ трактирныхъ заведеній сравнительно съ числомъ существовавшихъ до 1 января 1894 г., съ цѣлями закона, изображеннаго въ 24 ст. полож. о тракт. промыслѣ, имѣющаго въ виду упорядоченіе всего трактирнаго промысла, въ смыслѣ водворенія въ немъ порядка, благочинія и благоустройства. Опредѣляя способъ, коимъ должно быть достигнуто это упорядоченіе, 24 ст. полож. о тракт. промыслѣ указываетъ, что обязательныя постановленія думы должны стремиться къ осуществленію такихъ требованій, при которыхъ каждое трактирное заведеніе соответствовало бы своему назначенію. Посему, соображеніе о томъ, что прежде такихъ требованій не предъявлялось, отнюдь не можетъ служить прпятствіемъ къ необходимымъ въ этомъ отношеніи улучшеніямъ, ибо иначе, опи-

раясь на превратное толкованіе жалобщикомъ понятія о недопустимости обратной силы закона, пришлось бы отказаться отъ примѣненія къ цѣлымъ отраслямъ промышленности и торговли вынуждаемыхъ жизнью правилъ, ограждающихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ существенныя условія личной и общественной безопасности, здоровья и нравственности“.

2. Вправѣ ли крестьяне-католики польскаго происхожденія приобрѣтати имѣнія въ западномъ краѣ?

Въ одной изъ газетъ (Сынъ Отечества) появилось сообщеніе изъ юго-западнаго края о томъ, что сдѣлано правительственное распоряженіе, *разрѣшающее* крестьянамъ-католикамъ польскаго происхожденія покупать земельныя участки размѣромъ не свыше шестидесяти десятинъ. Сообщеніе это затѣмъ было подтверждено и въ другихъ газетахъ: въ „Недѣль“, въ газетѣ „Право“; оно могло быть и дѣйствительно было понято въ смыслѣ мѣры льготной, хотя отчасти снимающей тѣ ограниченія по приобрѣтенію земельной собственности, которыя тагуютъ надъ польскимъ элементомъ въ краѣ. Вполнѣ естественна была мысль, что, сдѣлавъ шагъ къ уничтоженію тѣхъ особенныхъ условій, въ которыхъ находится этотъ край, къ изглаженію слѣдовъ, оставленныхъ на его почвѣ послѣднимъ взрывомъ національной борьбы. Тогда то, въ „смутное“ время, и была выкована, какъ боевое оружіе, политика насажденія землевладѣнія русскаго и вытѣсненія землевладѣнія польскаго, политика, которая постепенно все болѣе и болѣе оттачивалась и которая теперь уже принесла свои плоды. Плоды эти разнообразны по качеству и далеко неравноцѣнны по значенію своему для культурнаго и хозяйственнаго развитія и преуспѣянія края; во всякомъ случаѣ, та специальная, аграрно-политическая задача, которая была поставлена въ 1865 году, могла бы считаться теперь осуществленною, и притомъ—отчасти даже помимо тѣхъ специальныхъ мѣръ, которыя были приняты для ея достиженія. Тридцать пять лѣтъ тому назадъ польское землевладѣніе было господствующимъ во всѣхъ губерніяхъ, на которыя распространяется дѣйствіе ограничительныхъ правилъ 10 декабря 1865 года; при неразвитости другихъ сторонъ мѣстной экономической жизни, при слабости культурныхъ

силъ мѣстнаго русскаго общества, еще возможно было видѣть въ преобладаніи крупнаго польскаго землевладѣнія основу и устой политическаго вліянія, не соотвѣтствовавшаго государственнымъ интересамъ. Но за протекшія десятилѣтія многое измѣнилось въ западномъ краѣ. Польское землевладѣніе понесло крупныя потери, его площадь уменьшилась болѣе чѣмъ на одну треть, почти наполовину ¹⁾, и въ большинствѣ губерній оно занимаетъ въ настоящее время положеніе второстепенное. Рядомъ съ этимъ паденіемъ польскаго землевладѣнія и на встрѣчу ему шло еще быстрѣе возвышеніе не одного только русскаго землевладѣнія, но и другихъ русскихъ элементовъ, государственныхъ общественныхъ и культурныхъ,—шло развитіе другихъ сторонъ хозяйственной жизни, промышленности, торговли, оттѣснившее крупное землевладѣніе съ принадлежавшаго ему прежде положенія первенствующаго экономическаго фактора,—такъ что относительно, по сравненію съ новыми, выросшими вокругъ него общественными силами, польское землевладѣніе опустилось на еще низшую ступень, чѣмъ абсолютно. Политика не есть искусство для искусства, и тѣмъ менѣе—политика ограниченій; всякая ограничительная мѣра, перейдя за необходимый предѣлъ, обращается противъ самой себя, противъ собственной цѣли. По всей вѣроятности, этой именно причинѣ и слѣдуетъ приписать тотъ фактъ, что русское землевладѣніе въ краѣ, послѣ быстрыхъ успѣховъ (успѣховъ только въ количественномъ отношеніи) за первые годы дѣйствія ограничительнаго закона, теперь уже не дѣлаетъ болѣе такихъ замѣтныхъ завоеваній. При такихъ условіяхъ сами собою напрашивались тѣ комментаріи, которыми было встрѣчено въ печати правительственное распоряженіе, коснувшееся пока только польскаго крестьянства. Однако, такое пониманіе новой мѣры, какъ мѣры, разрѣшающей прежде наложенныя узы, представляется невѣрнымъ, лучше сказать—не вполне вѣрнымъ. Истинное ея значеніе выяснится изъ нижеслѣдующей юридической справки.

Вопросъ о правѣ крестьянъ католическаго исповѣданія пріобрѣтать землю въ западномъ краѣ не новъ. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ въ 1868 году виленскимъ генералъ-губернаторомъ, который вошелъ съ представленіемъ о распространеніи дѣйствія за-

¹⁾ Въ 1865 г. полякамъ принадлежало 82,6 % всей площади частнаго землевладѣнія въ 9 губерніяхъ, а въ 9 губерніяхъ, а въ 1897 г.—51,3 %.

кона 10 декабря 1865 года и на католиковъ-крестьянъ. По Высочайшему повелѣнію, вопросъ былъ переданъ на разсмотрѣніе комитета министровъ. Комитетъ министровъ нашелъ, что установленное указомъ 10 декабря 1865 г. воспрещеніе лицамъ польскаго происхожденія приобрѣтатъ имѣнія въ западномъ краѣ, какъ по буквальному смыслу самого этого указа, такъ и по соображеніямъ, легшимъ въ его основу, касается исключительно *помѣщиковъ*, а не *крестьянъ*. Признавая, поэтому, что мѣра распространенія упомянутого запрещенія на крестьянъ католиковъ была бы сопряжена съ расширеніемъ силы указа 10 декабря 1865 г., ввела бы начало раздѣленія крестьянскаго населенія по вѣроисповѣданіямъ и крайне стѣснила бы хозяйство мѣстныхъ крестьянъ, комитетъ министровъ полагалъ изложенное предположеніе отклонить. Это положеніе комитета министровъ Высочайше утверждено 14 іюня 1868 г. Такимъ образомъ, по закону—для крестьянъ-католиковъ не существуетъ никакихъ ограниченій относительно приобрѣтенія земельной собственности и они пользуются одинаковыми правами съ крестьянами другихъ исповѣданій.

Такъ обстоитъ дѣло *de jure*,—но въ иномъ положеніи оно оказывается *de facto*. Въ 1885 году виленскій генераль-губернаторъ Кахановъ обратился къ начальникамъ подвѣдомственныхъ ему губерній съ циркуляромъ слѣдующаго содержанія: „Принимая во вниманіе,—говорится въ этомъ циркулярѣ,—что хотя въ законѣ 10 декабря 1865 года и не содержится указаній на то, чтобы крестьянамъ-католикамъ воспрещалось приобрѣтеніе земельной собственности въ 9 западныхъ губерніяхъ, и таковое запрещеніе, согласно разъясненію Высочайше утвержденнаго 14 іюня 1868 года журнала комитета министровъ, касается только помѣщиковъ, а не крестьянъ,—тѣмъ не менѣе, въ виду того обстоятельства, что цѣль изданія закона 10 декабря 1865 г. есть стремленіе правительства къ уменьшенію въ краѣ крупныхъ землевладѣльцевъ польскаго происхожденія, каковыми, несомнѣнно, становятся и крестьяне-католики, приобрѣвшіе значительныя помѣщичьи имѣнія,—по крайней мѣрѣ, они стараются вести такую же жизнь, поддѣлываются подъ ихъ взгляды и не отказываются слѣдовать ихъ указаніямъ,—я съ своей стороны нахожу необходимымъ: крестьянамъ-католикамъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, предоставлять право приобрѣтатъ только такое количество земли, какое они могутъ обработать силами своей семьи, не заводя фольварочнаго хозяйства съ наемными

рабочими и другими признаками помѣщичьяго хозяйства* ¹⁾. Количество это циркуляръ опредѣлилъ въ размѣрѣ шестидесяти десятинъ.

Циркуляръ этотъ характеристиченъ, въ томъ смыслѣ, что въ немъ на одной сторонѣ оказывается точный смыслъ закона и его аутентичное толкованіе Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ, а на другой административныя соображенія, и перевѣсъ остается за послѣдними.

Правда, года полтора спустя, этотъ циркуляръ получилъ нѣкоторую опору, благодаря послѣдовавшему 1 ноября 1886 года пол. ком. м—ровъ, коимъ предоставляется генераль-губернаторамъ въ западномъ краѣ дискреціонное право выдавать свидѣтельства на покупку тамъ имѣній. Но необходимо замѣтить, что эта обширная власть вручена генераль-губернаторамъ въ цѣляхъ правильного примѣненія ограничительнаго закона 10 декабря 1865 г., а не дальнѣйшаго и произвольнаго суженія или расширенія его рамокъ. При отсутствіи точныхъ внѣшнихъ признаковъ для безошибочнаго распознаванія лицъ польскаго происхожденія, которыхъ однихъ только имѣть въ виду законъ, администрація удостовѣряетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что тотъ или другой субъектъ не подходитъ подъ установленное запрещеніе,—она *констатируетъ* его правоспособность къ приобрѣтенію земельной собственности, но не создаетъ этой правоспособности по своему усмотрѣнію. Въ этомъ именно смыслѣ неоднократно высказывался и Правительствующій Сенатъ,—а въ одномъ изъ недавнихъ своихъ рѣшеній (рѣш. гражд. касс. деп. 1898 г. по дѣлу Родзюкевича) Сенатъ призналъ, что крестьяне католики имѣютъ право покупать недвижимыя имѣнія въ западныхъ губерніяхъ въ неограниченномъ количествѣ десятинъ.

Что же означаетъ новое распоряженіе о разрѣшеніи крестьянамъ-католикамъ польскаго происхожденія земельныхъ покупокъ до шестидесяти десятинъ? Оно свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, о томъ, что на дѣлѣ примѣнялись, очевидно, болѣе стѣснительныя мѣры и всякія покупки воспрещались безусловно. Во вторыхъ, оно является, вѣроятно, уступкой указанному рѣшенію Сената—своего рода компромиссомъ между дѣйствовавшей административной практикой и точнымъ велѣніемъ закона. Въ этомъ смыслѣ

¹⁾ Циркуляръ отъ 28 февраля 1885 г. за № 6. См. Б. Г. Ольшамовскій, Права по землевладѣнію въ западномъ краѣ. Спб. 1899 г. стр. 41—42.

оно, пожалуй, и льгота, хотя по существу возвращаетъ насъ только къ тому порядку, который въ 1885 году представлялся неправильнымъ распространеніемъ силы исключительнаго закона.

3. Изданіе прекратившееся или прекращенное?

По силѣ статьи 121 уст. о ценз. (т. XIV, изд. 1890 г.) считается прекратившимся всякое повременное изданіе, уже выходявшее въ свѣтъ, но по какимъ либо причинамъ не появлявшееся въ теченіе года. На этомъ основаніи въ 1894 году было признано „прекратившимся“ изданіе „Московской Газеты“, о чемъ объявлено было въ Правит. Вѣстн. Между тѣмъ издатель названной газеты находилъ, что она не должна считаться „прекратившеюся“, ибо годичный перерывъ въ ея изданіи послѣдовалъ—согласно сакраментальной въ такихъ случаяхъ формулѣ—по „независящимъ“ къ нему, издателя, обстоятельствамъ. Онъ приобрѣлъ газету, когда выходъ ея въ свѣтъ былъ временно приостановленъ по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ; затѣмъ всѣ представленные имъ кандидаты для замѣщенія обязанностей отвѣтственнаго редактора были отвергнуты главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, которое также отклонило послѣднее его ходатайство объ утвержденіи его самого временно „за редактора“. Такимъ образомъ причина пропуска годичнаго срока, истеченіе котораго влечетъ за собою утрату права на изданіе, должна быть отнесена не къ нему, издателю, а къ главному управленію по дѣламъ печати, фактически пресѣвшему возможность выхода газеты.

По жалобѣ издателя, вопросъ о правильности распоряженія, коимъ „Московская Газета“ была вычеркнута изъ книги живота—изъ списка существующихъ изданій, взошелъ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената. Въ засѣданіи Сената послѣдовали по этому вопросу разныя мнѣнія. Всѣ участвовавшіе въ обсужденіи дѣла гг. сенаторы сходились въ томъ, что выраженіе „по какимъ либо причинамъ“, употребленное въ ст. 121 уст. ценз., означаетъ „не всѣ безъ исключенія причины неоявленія въ свѣтъ повременнаго изданія, но лишь тѣ причины, возникновеніе которыхъ находится внѣ зависимости отъ министра внутреннихъ дѣлъ“. Но разногласіе обнаружилось въ оцѣнкѣ той причины, которая въ

данномъ случаѣ вызвала перерывъ въ изданіи „Московской Газеты“; причина эта—неутвержденіе министерствомъ представленныхъ кандидатовъ въ редакторы—должна ли считаться стоящею внѣ зависимости или въ зависимости отъ министерства? Одно мнѣніе гласить: въ появленіи газеты въ свѣтъ въ теченіе года виновать самъ издатель, а не министерство, которое не утвердило ни одного изъ предложенныхъ редакторовъ.

Проситель, покупая газету въ то время, когда выпускъ ея въ свѣтъ ужъ былъ приостановленъ,—такъ гласить аргументація сторонниковъ этого мнѣнія,—долженъ былъ считаться какъ съ этимъ обстоятельствомъ, такъ и съ дѣйствующими узаконеніями объ утвержденіи редакторовъ повременныхъ изданій по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, долженъ былъ предвидѣть, выбирая кандидатовъ на должность редактора, что опѣнка этихъ кандидатовъ принадлежитъ исключительно министру, долженъ былъ знать, что въ случаѣ неодобренія министромъ представленныхъ имъ кандидатовъ онъ не можетъ выпустить изданія своего въ свѣтъ, а въ случаѣ появленія изданія въ теченіе годичнаго срока оно будетъ признано прекратившимся. Дискреціонный характеръ власти министра внутреннихъ дѣлъ въ дѣлѣ утвержденія или неутвержденія редакторовъ повременныхъ изданій стоитъ внѣ всякаго спора и сомнѣнія, а слѣдовательно и повѣрка Правительствующимъ Сенатомъ въ порядкѣ инстанцій тѣхъ соображеній, по которымъ то или иное лицо не было утверждено редакторомъ, не можетъ имѣть мѣста. Правительствующій Сенатъ по отношенію къ этимъ соображеніямъ министра долженъ всегда находиться въ предположеніи, что соображенія эти были основательны и достаточны, другими словами, долженъ стоять на томъ, что всякое лицо, не утвержденное министромъ въ званіи редактора, не обладаетъ необходимыми для этого званія качествами. Ставъ же на эту точку зрѣнія, нельзя не сдѣлать вывода, что причиною прекращенія изданія „Московской Газеты“ было представленіе издателемъ министру внутреннихъ дѣлъ, въ качествѣ кандидатовъ на званіе редактора газеты, лицъ, не соответствующихъ обязанностямъ этого званія, т. е. причина зависящая не отъ министра внутреннихъ дѣлъ, а отъ самого издателя.

Установивъ такимъ образомъ догматъ непогрѣшимости дискреціоннаго распоряженія, приверженцы разсматриваемаго взгляда нѣсколько иначе отнеслись къ жалобѣ издателя въ той ея части, которая касается медленности главнаго управленія по дѣламъ печати въ разрѣшеніи послѣдняго ходатайства просителя объ утверж-

деніи его самого „за редактора“ Московской Газеты. Если бы таковая медленность главнымъ управленіемъ дѣйствительно была допущена и, благодаря этой медленности, издатель пропустилъ бы установленный ст. 121 уст. цензурн. годичный срокъ, то, руководствуясь вышеизложенными соображеніями, слѣдовало бы, признать распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ о признаніи „Московской Газеты“ прекратившемся 29 марта 1894 г. преждевременнымъ и, отиѣнивъ это распоряженіе, возстановить для просителя теченіе срока въ разиѣрахъ пропущеннаго имъ вслѣдствіе медленности главнаго управленія по дѣламъ печати времени, предоставивъ ему возобновить въ теченіе этого срока ходатайство объ утвержденіи редактора. Однако, въ дѣйствительности для такого возстановленія срока не оказывается достаточныхъ основаній, и потому жалоба должна быть отвергнута и въ этой части. Ибо, съ одной стороны, изъ обстоятельствъ настоящаго дѣла нельзя сдѣлать вывода, чтобы годичный срокъ былъ пропущенъ издателемъ именно вслѣдствіе медленности главнаго управленія по дѣламъ печати въ разрѣшеніи его послѣдняго ходатайства, такъ какъ ходатайство это было лишь повтореніемъ уже отклоненнаго министромъ внутреннихъ дѣлъ перваго ходатайства просителя по тому же предмету, служило свидѣтельствомъ тому, что кругъ лицъ, желательныхъ для издателя въ качествѣ редакторовъ, былъ уже исчерпанъ, а по существу было признано министромъ внутреннихъ дѣлъ не подлежащимъ удовлетворенію; съ другой же стороны, если бы проситель придавалъ существенное значеніе въ дѣлѣ вопросу о медленности, то въ жалобѣ своей указалъ бы въ точности, когда имъ было заявлено ходатайство, въ какой срокъ оно должно бы быть разрѣшено и сколько именно времени продолжалась медленность; между тѣмъ проситель вопроса этого касается лишь мимоходомъ, и съ жалобою къ министру внутреннихъ дѣлъ, коему непосредственно подчинено главное управленіе по дѣламъ печати, на медленность его не обращался; министръ внутреннихъ дѣлъ медленности главнаго управленія не усматриваетъ, для возбужденія вопроса о медленности Правительствующимъ Сенатомъ въ порядкѣ надзора не оказывается повода, а съ искомъ объ убыткахъ, происшедшихъ отъ медленности или упущенія главнаго управленія по дѣламъ печати, проситель, согласно ст. 1316 и слѣд. уст. гражд. суд., долженъ обратиться непосредственно въ гражданскій судъ, и слѣдовательно въ этой части его жалоба разсмотрѣнію Правительствующаго Сената въ административномъ порядкѣ не подлежитъ.

Въ противовѣсъ этому мнѣнію было высказано другое. По точному смыслу ст. 121 уст. цензурн. т. XIV изд. 1890 года, считается прекратившимся всякое повременное изданіе, уже выходившее въ свѣтъ, но по какимъ либо причинамъ не появлявшееся въ теченіе года. Употребленное въ этомъ узаконеніи выраженіе „по какимъ либо причинамъ“ предусматриваетъ разнообразныя случаи, вслѣдствіе которыхъ въ выпускѣ въ свѣтъ повременнаго изданія можетъ произойти перерывъ, но при этомъ, очевидно, оно должно быть понимаемо въ соотвѣтствіи съ общимъ смысломъ постановленій устава о цензурѣ и печати и не можетъ быть распространяемо на такіе случаи, относительно которыхъ въ названномъ уставѣ содержатся особыя указанія. Въ этомъ отношеніи прежде всего нельзя не обратить вниманія на вытекающее изъ сопоставленія ст. 121 и 141 уст. цензурн. различіе между изданіями прекратившимися и прекращенными: хотя для возобновленія тѣхъ и другихъ законъ одинаково требуетъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, но, не смѣшивая ихъ между собою, именуетъ прекращенными тѣ изданія, которыя прекращены по распоряженію правительства, а прекратившимися тѣ, которыя перестали выходить въ свѣтъ по причинамъ, зависящимъ отъ самого издателя. Засимъ слѣдуетъ замѣтить, что ст. 121 находится въ ближайшей связи съ предшествующею ей ст. 120 уст. цензурн.: одна говоритъ объ изданіяхъ несостоявшихся, т. е. невыпущенныхъ въ свѣтъ въ теченіе года со дня полученія разрѣшенія на изданіе, вторая—о прекратившихся, т. е. объ изданіяхъ, уже выпущенныхъ въ свѣтъ, но не появлявшихся въ теченіе года. Въ обоихъ этихъ случаяхъ предполагается наличность отвѣтственнаго редактора, такъ какъ безъ нея не допускается ни разрѣшеніе новаго повременнаго изданія (ст. 118, 119 уст. цензурн.), ни выпускъ въ свѣтъ существующаго (ст. 134 уст. цензурн.); поэтому отсутствіе редактора, вызванное не причинами, находящимися въ зависимости отъ воли издателя, а неутвержденіемъ въ званіи отвѣтственнаго редактора министромъ внутреннихъ дѣлъ лицъ, представленныхъ ему издателемъ, является конечно препятствіемъ къ выходу въ свѣтъ повременнаго изданія, но не подходитъ подъ дѣйствіе какъ 120, такъ и 121 статей уст. цензурн. и не можетъ имѣть для самаго изданія указанныхъ въ послѣдней статьѣ послѣдствій. Допустить иное пониманіе закона и признать неутвержденіе министромъ внутреннихъ дѣлъ въ званіи редактора представленныхъ ему издателемъ лицъ такою причиною невыхода въ

свѣтъ изданія, которая влечетъ за собою объявленіе его прекратившимся по ст. 121 уст. цензурн., было бы равносильно признацію за министромъ внутреннихъ дѣлъ, которому принадлежитъ лишь дискреціонное право утверждать или не утверждать редактора (ст. 122 уст. цензурн.), также и дискреціоннаго права прекращать повременныя изданія, такъ какъ въ каждомъ повременномъ изданіи, въ случаѣ смерти редактора, отказа его отъ своихъ обязанностей или утраты имъ своего званія по силѣ ст. 123 уст. цензурн., можетъ наступить такое положеніе дѣлъ, при которомъ отъ усмотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ зависить не утверждать въ теченіе года редактора и засимъ объявить изданіе прекратившимся.

Между тѣмъ въ уставѣ о цензурѣ и печати строго проводится раздѣленіе частно-гражданской и литературно-политической сторонъ повременнаго изданія. Предоставляя министру внутреннихъ дѣлъ широкія полномочія по отношенію къ литературно-политической сторонѣ изданія, отвѣтственнымъ представителемъ которой является редакторъ, названный уставъ изъимлетъ изъ вѣдѣнія администраціи частно-гражданскія отношенія, вытекающія изъ права собственности издателя на повременное изданіе (ст. 122 и др.), а прекращеніе его допускаетъ лишь въ особомъ порядкѣ, по распоряженію Перваго Департамента Правительствующаго Сената, на основаніи ст. 148 устава цензурн. Хотя дѣйствіе постановленій устава о цензурѣ какъ по тому, такъ и по другому предмету временно пріостановлено, впредь до пересмотра устава въ законодательномъ порядкѣ, Высочайшими повелѣніями именно въ 1882 г. состоялось изложенное въ примѣч. къ ст. 148 уст. цензурн. Высочайшее повелѣніе о прекращеніи повременныхъ изданій по коллегіальному рѣшенію Министровъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія, Юстиціи и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, совмѣстно съ Министромъ, возбудившимъ вопросъ, а засимъ 28 марта 1897 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о передачѣ періодическихъ изданій отъ одного издателя къ другому не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ,—однако оба упомянутыя узаконенія, внося лишь частичное измѣненіе въ дѣйствіе правилъ устава цензурнаго о періодической печати, не измѣняютъ существа установленнаго въ законѣ различія между отношеніями издательскими, частно-гражданскими, и редакторскими, литературно-политическими.

Эта строго логическая аргументація дополняется слѣдующимъ

не менѣе основательнымъ соображеніемъ. Не отрицая дискреціоннаго характера принадлежащаго министру внутреннихъ дѣлъ права утверждать и не утверждать редакторовъ повременныхъ изданій, сторонники излагаемаго мнѣнія справедливо указываютъ, что Правительствующій Сенатъ не можетъ дѣлать и никакихъ предположеній о причинахъ неутвержденія министромъ въ этомъ званіи лицъ, представленныхъ издателемъ, а тѣмъ менѣе признавать, что неутвержденіе это произошло по причинамъ, зависящимъ отъ послѣдняго. Сущность дискреціонной власти въ томъ и состоитъ, что послѣдовавшія въ предѣлахъ этой власти распоряженія зависятъ исключительно отъ усмотрѣнія должностнаго лица, коимъ они сдѣланы,—и предвидѣть, куда и по какимъ причинамъ склонится это усмотрѣніе, частное лицо не въ состояніи, а Правительствующій Сенатъ не можетъ вмѣнять ему такое предвидѣніе въ обязанность. Если частное лицо, издатель газеты, представляетъ министру внутреннихъ дѣлъ одного за другимъ цѣлый рядъ кандидатовъ на званіе редактора, то этимъ самымъ оно въ достаточный мѣрѣ доказываетъ свое желаніе и намѣреніе издавать газету, и если это намѣреніе его не можетъ осуществиться, по причинѣ неутвержденія его кандидатовъ министромъ, то газета не выходитъ въ свѣтъ по причинѣ, не зависящей отъ издателя. Въ виду этого и пропускъ годичнаго срока, установленнаго ст. 121 уст. цензурн., по общему правовому принципу, не можетъ быть поставленъ въ вину и имѣть невыгодныя послѣдствія для того лица, которое было поставлено въ невозможность соблюсти этотъ срокъ.

Не трудно видѣть, что первое изъ приведенныхъ мнѣній основано на такихъ соображеніяхъ, съ принятіемъ которыхъ исчезаетъ всякое различіе между причинами, зависящими отъ издателя, и причинами, исходящими отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Между тѣмъ признаніе этого различія служитъ отправнымъ пунктомъ этого мнѣнія, равно какъ и другого, ему противоположнаго, и ставится въ немъ въ главу угла толкованія закона, т. е. ст. 121 уст. ценз. Въ самомъ дѣлѣ, рассматриваемое мнѣніе выдвигаетъ передъ издателемъ газеты или журнала цѣлый рядъ категорическихъ императивовъ: онъ *долженъ* считаться съ дѣйствующими узаконеніями объ утвержденіи редакторовъ повременныхъ изданій по дискреціонному усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, *долженъ* былъ предвидѣть, выбирая кандидатовъ, что оцѣнка ихъ принадлежитъ исключительно министру, *долженъ* былъ знать, что

въ случаѣ неодобренія министромъ представленныхъ имъ кандидатовъ онъ не можетъ выпустить изданія своего въ свѣтъ, а въ случаѣ неоявленія изданія въ теченіе годичнаго срока оно будетъ признано прекратившимся. Но тѣ же категорическія вѣщанія, и съ такимъ же точно основаніемъ, можно предъявить издателю и въ томъ случаѣ, когда выходъ изданія въ свѣтъ приостанавливается по прямому распоряженію Министра внутреннихъ дѣлъ. Развѣ нельзя и тогда обратиться къ издателю съ тою же проповѣдью обязательнаго предвидѣнія: принимая изданіе газеты, онъ *долженъ* былъ считаться съ дѣйствующими узаконеніями о дискреціонномъ правѣ министра внутреннихъ дѣлъ налагать кары на повременное изданіе приостановленіемъ его на тотъ или иной срокъ, *долженъ* былъ предвидѣть, что оцѣнка благонадежности общаго направленія газеты или содержанія отдѣльныхъ появившихся въ ней статей принадлежитъ исключительно министру, *долженъ* былъ знать, что въ случаѣ неодобренія со стороны подлежащей власти характера его изданія, послѣднее можетъ быть приостановлено и не появиться такимъ образомъ въ теченіе года, послѣ чего оно будетъ признано прекратившимся... Tu l'a voulu, Georges Dandin! можно сказать тогда издателю: твоя вина, если по недостатку предвидѣнія повлечетъ на себя скорпіоны, которые, къ тому же, распределяются по дискреціонному усмотрѣнію административной власти и *слѣдовательно* довлѣютъ тебѣ по заслугамъ...

Очевидно, что при такомъ взглядѣ на дѣло нѣтъ и не можетъ быть вовсе такихъ причинъ прекращенія или неоявленія изданій, которыя сторонники разсматриваемаго мнѣнія согласились бы отнести къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Первопричиной—причиной всѣхъ причинъ—всегда окажется издатель. Дѣятельность министерства по надзору за повременными изданіями, при всемъ ея дискреціонномъ характерѣ, не возникаетъ самопроизвольно, не рождается изъ ничего,—ея проявленіе *вызывается* самымъ фактомъ изданія, фактомъ, зависящимъ, въ послѣднемъ счетѣ, отъ издателя. Слѣдовательно, издатель всегда можетъ быть введенъ въ цѣпь причинъ, вызвавшихъ прекращеніе изданія. Между тѣмъ это мнѣніе, неправильность котораго обнаруживается изъ его собственныхъ исходныхъ началъ, стремится утвердить за администраціей такое право, которое по существу, въ практическомъ отношеніи, является совершенно безцѣльнымъ. Зачѣмъ можетъ понадобиться формальное признаніе

изданія „прекратившимся“, разъ существуетъ полная, дискреціонная власть не допускать дѣйствительнаго появленія изданія въ свѣтъ? Прекращеніе изданія по прямому распоряженію администраціи есть не только мѣра предупрежденія и пресѣченія, но и кара, налагаемая на издателя за его прегрѣшенія, уже успѣвшія обнаружиться на дѣлѣ. Но въ данномъ случаѣ изданіе не было прекращено, слѣдовательно, издатель не заслужилъ своей издательской дѣятельностью этой высшей мѣры репрессіи, примѣняемой по дѣламъ печати. Ему ставится въ вину то, что онъ не „предвидѣлъ“, предлагая къ утвержденію редакторовъ, какъ они будутъ оцѣнены въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Но онъ и несетъ возмездіе за недостатокъ въ немъ дара предвидѣнія, такъ какъ принадлежащее ему право выпуска повременнаго изданія на дѣлѣ парализуется и въ рукахъ у него остается только голое право—*nudum jus*. Непроницательный издатель съ теченіемъ времени, путемъ горькаго опыта предложенныхъ и отвергнутыхъ представленій объ утвержденіи редакторами тѣхъ или иныхъ кандидатовъ, можетъ приобрести необходимую мѣру способности къ предвидѣнію; наконецъ самое усмотрѣніе, съ переменною въ личномъ составѣ администраціи, съ наступленіемъ иныхъ обстоятельствъ или вѣяній, можетъ измѣниться, стать болѣе благосклоннымъ, и тѣ кандидаты, которые признавались непригодными вчера, могутъ завтра оказаться вполне удовлетворяющими своему назначенію. Поэтому при всей жалкой наготѣ того права, которое отнимается у издателя, лишеніе это, все таки, есть несомнѣнное *лишеніе*, несомнѣнное уменьшеніе его правовой и имущественно! сферъ.

4. Указы Перваго Общаго Собранія Правительствующаго Сената.

1. Порядокъ исправленія ошибокъ въ данныхъ на выкупленныя крестьянами земли.

Въ теченіе первой половины текущаго года 1-мъ Общимъ Собраніемъ Сената даны крайне важныя разъясненія по весьма существеннымъ вопросамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ мы помѣщаемъ ниже. Въ первомъ изъ нихъ подвергся аутентичному толкованію со стороны Государственнаго Совѣта законъ о выдачѣ данной на земли крестьянъ (прил. къ ст. 109 пол. о вык), и въ особенности

разъясненъ вопросъ о предѣлахъ административной компетенціи крестьянскихъ учреждений, при разсмотрѣніи ходатайствъ объ *исправленіи ошибокъ*, допущенныхъ при составленіи данной.

1898 года декабря 18 дня. По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ въ первомъ общемъ собраніи слушали: во 1) предложеніе за Министра Юстиціи, товарища министра отъ 3 декабря 1898 г. за № 27366, при коемъ предлагаетъ Правительствующему Сенату Высочайшее повелѣніе объ исполненіи послѣдовавшаго въ Государственномъ Совѣтѣ мнѣнія по дѣлу, возникшему вслѣдствіе всеподданнѣйшей жалобы крестьянина дер. Девиндоне, Шавельскаго уѣзда, Ковенской губ. Петра Бачевского на опредѣленіе 2-го департамента Правительствующаго Сената по ходатайству просителя объ исправленіи данной на земли крестьянъ названной деревни, слѣдующаго содержанія: Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, законовъ и государственной экономіи, разсмотрѣвъ внесенное за разногласіемъ изъ 1-го общаго собранія Правительствующаго Сената, дѣло, возникшее вслѣдствіе всеподданнѣйшей жалобы крестьянина дер. Девиндоне, Шавельскаго уѣзда, Ковенской губ., Петра Бачевского на опредѣленіе 2-го департамента Правительствующаго Сената, по ходатайству просителя объ исправленіи данной на земли крестьянъ названной деревни, мнѣніемъ положили: утвердить заключеніе Министра Юстиціи и сенаторовъ, съ нимъ согласныхъ. На подлинномъ мнѣніи написано: Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ соединенныхъ департаментахъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, законовъ и государственной экономіи Государственного Совѣта по дѣлу, возникшему вслѣдствіе всеподданнѣйшей жалобы крестьянина дер. Девиндоне, Шавельскаго уѣзда, Ковенской губерніи, Петра Бачевского на опредѣленіе 2-го департамента Правительствующаго Сената по ходатайству просителя объ исправленіи данной на земли крестьянъ названной деревни, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписалъ Предсѣдатель Государственного Совѣта Михайлъ. Въ Ливадіи 18 ноября 1898 г. и во 2) справку, по которой оказалось, что въ 1-мъ общемъ собраніи Правительствующаго Сената производилось дѣло, поступившее на разсмотрѣніе общаго собранія вслѣдствіе всеподданнѣйшей жалобы крестьянина Бачевского на опредѣленіе 2-го департамента Правительствующаго Сената, со-

стоявшееся 10 марта 1895 г. по предмету исправленія данной надер. Девиндоне. По докладѣ сего дѣла 25 октября 1896 г. въ 1-мъ общемъ собраніи Правительствующаго Сената послѣдовали разныя мнѣнія г.г. сенаторовъ, вслѣдствіе чего дѣло представлялось въ консультацію, при министерствѣ юстиціи учрежденную; засимъ Министръ Юстиціи 31 октября 1897 г. за № 446 далъ по настоящему дѣлу Правительствующему Сенату предложеніе, слѣдующаго содержанія: „Сообразивъ обстоятельства настоящаго дѣла съ законами, Министръ Юстиціи находилъ, что Правительствующимъ Сенатомъ неоднократно признавалась компетенція мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений къ исправленію ошибокъ, вкравшихся въ выкупные документы и въ частности въ данныя, совершенныя по требованію сихъ учреждений. При семъ Правительствующій Сенатъ въ позднѣйшихъ рѣшеніяхъ своихъ (опредѣленія по общему собранію 1 и кассационныхъ департаментовъ 1886 г. № 21; 1887 г. № 8, 1893 г. № 7, 1895 г. № 36 и по 1-му общему собранію—22 декабря 1895 г. по дѣлу Позолотина) не ограничивалъ этой компететности тѣмъ обстоятельствомъ, чтобы выкупные документы не получили еще окончательнаго утвержденія и исполненія. Но съ другой стороны, согласно постановленіямъ 156 ст. пол. учр. кр. и 1 ст. уст. гражд. суд., Правительствующій Сенатъ признавалъ, что при возбужденіи сторонами споровъ о содержаніи, сущности и значеніи выданныхъ крестьянамъ актовъ на надѣльныя земли, сіи споры о правѣ гражданскомъ подлежатъ разрѣшенію судебныхъ установленій. Это послѣднее положеніе категорически выражено какъ въ приведенномъ опредѣленіи 1-го общаго собранія 1895 года по дѣлу Позолотина, такъ и въ опредѣленіи общаго собранія 1 и кассационныхъ департаментовъ 1887 г. № 8, на которое дѣлается ссылка и въ опредѣленіяхъ 1893 г. № 7, и 1895 г. № 36. Оно согласуется и съ разъясненіемъ главнаго комитета по устройству сельскаго состоянія въ журналѣ его, Высочайше утвержденномъ 22 декабря 1880 г., что основаніемъ для измѣненія окончательно утвержденныхъ выкупныхъ актовъ и данныхъ, измѣненія, допускаемаго въ видѣ чрезвычайной льготы, можетъ служить лишь обнаруженіе несомнѣнной ошибки въ сихъ актахъ при удостовѣреніи, что предполагаемымъ измѣненіемъ не будутъ нарушены ничьи законныя права. Въ положеніи того же комитета 17 мая 1876 г. подлежащія исправленію ошибки характеризуются словомъ „очевидныя“. Такимъ образомъ, предметъ обсужденія учреждений по крестьянскимъ дѣламъ по вопросамъ объ

исправленіи окончательно утвержденныхъ выкупныхъ актовъ и данныхъ опредѣляется даже тѣмъ, чѣмъ разсмотрѣніе правильности вообще составленія сихъ документовъ (что могло имѣть мѣсто при своевременномъ обжалованіи ихъ составленія). Тѣмъ болѣе не входитъ въ понятіе исправленія „несомнѣнныхъ ошибокъ“ въ выкупныхъ документахъ разсмотрѣніе споровъ заинтересованныхъ лицъ о правахъ, принадлежащихъ имъ по содержанію, силѣ и значенію сихъ документовъ. Въ настоящемъ дѣлѣ Ковенское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе разрѣшило просьбу Бачевскаго объ исправленіи выкупнаго акта и данной въ указанныхъ выше предѣлахъ разсмотрѣнія сего рода дѣлъ. Изъ приведенныхъ въ постановленіи присутствія, соображеній, при всей недостаточности ихъ, явствуется, что оно обсуждало вопросъ о наличности несомнѣнной ошибки въ выкупныхъ документахъ и оставило просьбу Бачевскаго безъ удовлетворенія за отсутствіемъ такой ошибки. Слѣдовательно, губернское присутствіе не стѣснялось въ обсужденіи ходатайства Бачевскаго по существу ни оконченнымъ исполненіемъ по выкупнымъ документамъ, ни послѣдовавшимъ въ 1877 г. судебнымъ рѣшеніемъ объ устраненіи Бачевскаго отъ поземельнаго участка. Самое указаніе на упомянутое рѣшеніе дѣлается присутствіемъ лишь въ дополнительномъ соображеніи о томъ, что не ошибка въ данной, которой оно не обнаружило, а толкованіе ея судомъ повело къ устраненію Бачевскаго отъ участка, почему ему и надлежало обратиться къ обжалованію сего рѣшенія. Не усматривая посему основанія признавать, что губернское присутствіе неправильно служило предѣлы разсмотрѣнія настоящаго дѣла, онъ, Министръ Юстиціи, не можетъ съ другой стороны раздѣлить и противоположнаго воззрѣнія, что не только утвержденіе ограниченія надѣла (о чемъ уже было говорено), но и судебное рѣшеніе 1877 года не стѣсняло губернское присутствіе въ разрѣшеніи вопроса объ исправленіи выкупнаго акта и данной, потому что имѣло своимъ предметомъ не означенный вопросъ, — подлежащій разсмотрѣнію крестьянскихъ учреждений, — но опредѣленіе спорныхъ между Тваріонисомъ и Бачевскимъ, отцомъ, поземельныхъ правъ на основаніи выкупныхъ документовъ, въ томъ видѣ, какъ они были утверждены и выданы крестьянскими учрежденіями. Въ случаѣ исправленія губернскимъ присутствіемъ выкупнаго акта и данной, исправленіемъ этимъ было бы видоизмѣнено лишь доказательство, принятое въ основу судебного рѣшенія 1877 года, откуда могла явиться возможность ходатайства о пересмотрѣ

послѣдняго при наличности законныхъ къ тому условій. Въ дѣйствительномъ же противорѣчій съ законною силою помянутого рѣшенія и послѣдовавшаго по оному исполненія стояло бы только видоизмѣненіе фактическаго владѣнія, установившагося на основаніи рѣшенія, посредствомъ ввода во владѣніе Бачевскаго по видоизмѣненной данной въ порядкѣ 16 п. прил. къ ст. 109 пол. о вык. над. 1876 г. Обстоятельство это, конечно, подлежало принятію во вниманіе при сужденіи объ уважительности заявляемаго Бачевскимъ ходатайства о вводѣ, но оно не могло препятствовать самому исправленію данной. Обращаясь, засимъ, къ сужденіямъ губернскаго присутствія по существу вопроса о наличности ошибки въ выкупныхъ документахъ, онъ, Министръ Юстиціи, находилъ осужденія эти въ такой мѣрѣ неполными и неясными, что не представлялось возможности судить ни о правильности окончательнаго вывода присутствія объ отсутствіи ошибки, ни о значеніи возраженій по сему предмету жалобщика. По ближайшему смыслу приведенныхъ присутствіемъ соображеній, въ показаніи участка за Тваріонисомъ, — не смотря на фактическое владѣніе таковымъ Тваріониса и Бачевскаго, водворившихся на участкѣ вслѣдствіе женитьбы на двухъ дочеряхъ умершаго Густаса, не усматривается ошибки, „такъ какъ участки, записанные за однимъ домохозяиномъ, почитаются въ надѣлѣ всего семейства“. Въ семъ послѣднемъ соображеніи заключается, повидимому, та мысль, что участки, надѣляемые цѣлому семейству, записывались за однимъ домохозяиномъ. Однако, для устраненія по сему соображенію наличности ошибки въ записи участка за Тваріонисомъ необходимо было бы установить, съ приведеніемъ надлежащихъ къ тому оснований: 1) что Тваріонисъ и Бачевскій (отецъ) представлялись членами одного семейства, надѣляемаго землею, и 2) что домохозяиномъ въ семъ семействѣ могъ почитаться только Тваріонисъ, а не Бачевскій, или что послѣдній почему-либо не могъ быть показанъ въ актахъ домохозяиномъ. Ни того, ни другого обстоятельства губернскимъ присутствіемъ не выяснено. Въ частности, не имѣя въ виду соображеній губернскаго присутствія по предмету признанія Тваріониса и Бачевскаго членами одного семейства, нельзя составить заключенія о томъ, насколько могутъ опровергать окончательный выводъ присутствія представляемыя жалобщикомъ доказательства равносемежности ихъ. Въ виду изложеннаго, признавая, что губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе не уклонилось отъ надлежащихъ предѣловъ обсужденія настоящаго дѣла,

но по существу вопроса о наличности несомнѣнной ошибки въ выкупныхъ документахъ постановило совершенно недостаточное заключеніе, почему, какъ постановленіе губернскаго присутствія отъ 31 декабря 1883 г., такъ и опредѣленіе Второго Департамента Правительствующаго Сената 10 марта 1895 г. объ оставленіи сего постановленія въ силѣ, не могутъ быть признаны правильными, — Министръ Юстиціи полагалъ: обжалованное Петромъ Бачевскимъ опредѣленіе Второго Департамента Правительствующаго Сената 10 марта 1895 г. и постановленіе Ковенскаго Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія 31 декабря 1883 года отиѣнить, предписавъ губернскому присутствію войти въ новое разсмотрѣніе ходатайства Бачевского объ исправленіи выкупныхъ документовъ. По выслушаніи означеннаго предложенія Министра Юстиціи въ Первомъ Общемъ Собраніи Правительствующаго Сената 28 ноября 1897 года не состоялось узаконеннаго большинства голосовъ г.г. Сенаторовъ, согласныхъ съ симъ предложеніемъ, а потому настоящее дѣло было внесено въ Государственный Совѣтъ, гдѣ и воспослѣдовало, изложенное выше, мнѣніе онаго, Высочайше утвержденное 18 ноября 1898 г. Приказали: О таковомъ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта, для надлежащаго исполненія онаго и объявленія просителю, крестьянину дер. Девиндоне, Шавельскаго уѣзда, Петру Бачевскому, по мѣсту его жительства, Ковенскому Губернатору послать указъ, а во Второй Департаментъ Правительствующаго Сената сообщить вѣдѣніемъ. Указъ посланъ 5 марта 1899 г. за № 1045.

2. Порядокъ признанія рѣчки судоходною и опредѣленія размѣра бечевника; участіе при этомъ городского и земскаго общественнаго управленія.

1898 г. октября 23-го дня. По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ въ Первомъ Общемъ Собраніи слушали: дѣло по всеподданнѣйшей жалобѣ уполномоченнаго Духовнаго Собора Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, казначея Лавры Архимандрита Корнилія, на опредѣленіе I Дѣла Правительствующаго Сената, состоявшееся по жалобѣ С.-Петербургскаго городского головы на распоряженіе Министра Путей Сообщенія объ уменьшеніи десятисаженнаго бечевника р. Волковки до двухсаженной ширины. Приказали: Изъ дѣла видно, что С.-Пе-

тербургское столичное по городскимъ дѣламъ присутствіе, разсмотрѣвъ жалобу повѣреннаго Духовнаго Собора Александро-Невской Лавры, присяжнаго повѣреннаго Соколова на опредѣленіе С.-Петербургской городской думы, коимъ было признано правильнымъ сдѣланное городской управой по сношенію съ Министерствомъ Путей Сообщенія распоряженіе объ отводѣ законнаго бечевника 10 саженой ширины на р. Волковкѣ, протекающей въ районѣ гор. С.-Петербурга, по постановленію 26 января 1891 г., таковую жалобу оставило безъ удовлетворенія въ виду того, что, по силѣ Высочайше утвержденнаго 13 іюня 1890 г. мѣнія Государственнаго Совѣта, послѣдовавшаго въ разъясненіе ст. 359 Уст. пут. сообщ., открытіе водныхъ путей для судоходства, сплава или гонки лѣса и дровъ не требуетъ для своего осуществленія особаго правительственнаго распоряженія, и водный путь считается открытымъ для общаго пользованія, коль скоро онъ, въ естественномъ своемъ состояніи, безъ особыхъ искусственныхъ приспособленій, пригоденъ для производства по оному судоходства, сплава или гонки лѣса и дровъ, и что р. Волковка, по осмотрѣ ея городской управой, оказалась открытой для общаго пользованія, пригодной и служащей на практикѣ для надобностей судоходства, которое тамъ существуетъ. Это постановленіе столичнаго по городскимъ дѣламъ присутствія не было обжаловано Соколовымъ въ установленномъ порядкѣ и вошло въ законную силу. Засимъ въ ноябрѣ 1895 года Министръ Путей Сообщенія, по разсмотрѣніи прошенія того же повѣреннаго Александро-Невской Лавры Соколова объ установленіи на рѣчкѣ Волковкѣ вмѣсто 10 саженаго бечевника такового въ видѣ тропы для прохода рабочихъ, производящихъ сплавъ, и по сношеніи по поводу сего съ С.-Петербургскимъ градоначальникомъ, донесъ Правительствующему Сенату, для опубликованія, что, на основаніи прим. къ ст. 360 уст. пут. сообщ. по прод. 1893 г., имъ сдѣлано распоряженіе—законный 10 саженный бечевникъ р. Волковки въ судоходной ея части на протяженіи одной версты уменьшить до двухъ-саженной ширины, каковое распоряженіе Министра было обнародовано 28 ноября 1895 г. въ № 188 собр. узак. и расп. прав. Изложенное распоряженіе Министра Путей Сообщенія, по жалобѣ на оное С.-Петербургскаго городского головы было отмѣнено опредѣленіемъ I Департамента Правительствующаго Сената отъ 21 мая 1897 г., и на это опредѣленіе Сената уполномоченный Духовнаго Собора Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры Архимандритъ

Корнилій принесть всеподданнѣйшую жалобу. Изъ соображеній обстоятельствъ настоящаго дѣла оказывается, что подлежащіе разрѣшенію Перваго Общаго Сената Собранія вопросы сводятся: 1) къ вопросу о правѣ Министра Путей Сообщенія опредѣлять, по руководству ст. 360 уст. пут. сообщ. изд. 1857 г. и прим. къ оной по прод. 1893 г., размѣръ и протяженіе бечевниковъ въ городскихъ поселеніяхъ, въ коихъ введено городское положеніе, и 2) о правильности съ формальной стороны дѣйствій Министра Путей Сообщенія по изданію распоряженія объ уменьшеніи 10 саженаго бечевника рѣчки Волковки до 2 саженной ширины, послѣ того какъ состоялись распоряженія С.-Петербургскаго городского общественнаго управленія объ отводѣ подъ указанный бечевникъ 10 сажень и вошедшее въ законную силу постановленіе С.-Петербургскаго столичнаго по городскимъ дѣламъ присутствія, признававшего таковыя распоряженія правильными. Приступая къ разсмотрѣнію перваго изъ означенныхъ вопросовъ, Первое Общее Сената Собраніе находитъ, что, согласно п. 4 ст. 2 гор. пол. (т. II св. зак. изд. 1892 г.) и прим. къ ст. 369 уст. пут. сообщ. (т. XII ч. 1 по прод. 1893 г.), „содержаніе въ исправности“ и „устройство“ бечевниковъ въ городахъ, гдѣ введено городское положеніе, относится къ предметамъ вѣдомства городского общественнаго управленія; такимъ образомъ, сіи статьи закона устанавливаютъ то исключеніе изъ общаго, выраженнаго въ ст. 369 уст. пут. сообщ. изд. 1857 г. правила, по которому устройство и содержаніе бечевниковъ лежатъ на обязанности казны; но ни въ этой, ни въ другихъ статьяхъ городского положенія не содержится указаній на то, чтобы съ изданіемъ сего положенія перешло къ городскому управленію, помимо заботъ объ устройствѣ и содержаніи бечевника, и предоставленное закономъ (ст. 360 уст. пут. сообщ. изд. 1857 г. и прим. къ ней по прод. 1893 г.) Министру Путей Сообщенія, подъ высшимъ начальствомъ котораго состоятъ всѣ водныя сообщенія (ст. 1 того же уст.), право опредѣлять самое протяженіе и размѣръ бечевника. Справедливость такихъ соображеній подтверждается тѣмъ, что иное толкованіе закона привело бы къ лишенію Министра означеннаго права не только въ городахъ, гдѣ введено городское положеніе, но и во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ дѣйствуетъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, такъ какъ, въ силу п. 4 ст. 2 сего послѣдняго положенія, содержаніе и устройство бечевниковъ отнесены также къ предметамъ вѣдомства и земскихъ учрежденій. Переходя къ разсмотрѣнію вопроса о правиль-

ности съ формальной стороны дѣйствій Министра Путей Сообщенія по изданію распоряженія объ уменьшеніи бечевника рѣчки Волковки до 2 саженой ширины, Первое Общее Собраніе находить, что хотя такое распоряженіе Министра Путей Сообщенія состоялось вопреки вошедшему въ законную силу постановленію С.-Петербургскаго столичнаго по городскимъ дѣламъ присутствія объ отводѣ подѣ указанный бечевникъ 10 саженой, тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду, что С.-Петербургское городское общественное управленіе, не будучи въ правѣ уменьшать установленный закономъ размѣръ бечевника, ограничилось въ своемъ постановленіи лишь требованіемъ объ очисткѣ мѣста для бечевы въ законныхъ размѣрахъ (10 саженой), а Министръ Путей Сообщенія, къ которому обращено было ходатайство объ уменьшеніи сихъ размѣровъ, издалъ распоряженіе объ ограниченіи бечевника рѣчки Волковки двухсаженной шириною, основываясь на принадлежащемъ ему по закону правѣ, слѣдуетъ признать, что изложенное распоряженіе Министра не можетъ быть признано направленнымъ къ отмѣнѣ распоряженій городского управленія по отводу бечевника и постановленія столичнаго по городскимъ дѣламъ присутствія, признавашаго правильнымъ сіи распоряженія уже потому, что вопросъ объ уменьшеніи бечевника выходитъ изъ предѣловъ вѣдѣнія названнаго управленія и подлежалъ разрѣшенію, какъ разъяснено выше, лишь Министра Путей Сообщенія. Признавая по изложеннымъ соображеніямъ: 1) что опредѣленіе размѣра и протяженія бечевника, на основаніи ст. 360 уст. пут. сообщ. изд. 1857 г. и прим. къ оной по прод. 1893 г., въ городскихъ поселеніяхъ, въ коихъ введено городское положеніе, какъ и въ всѣхъ прочихъ мѣстахъ, зависитъ отъ Министра Путей Сообщенія, и 2) что распоряженіе сего Министра относительно уменьшенія бечевника рѣчки Волковки до двухсаженной ширины никакихъ неправильностей съ формальной стороны не представляетъ, Первое Общее Собраніе приходитъ къ заключенію, что опредѣленіе 1 Департамента Правительствующаго Сената отъ 21 мая 1897 г. неправильно во всѣхъ его частяхъ, а потому опредѣляетъ: такое отмѣнить. О чемъ для объявленія уполномоченному Духовнаго Собора Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры Архимандриту Корнилию, Министру Путей Сообщенія послать указъ, каковыми увѣдомить и Министра Внутреннихъ Дѣлъ и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода (Указъ 16 марта 1899 года, М—ру Пут. Сообщ., № 2861).

3. *Право земства на установленіе таксъ на извѣстные предметы или услуги.*

1897 года января 31-го
1898 года декабря 18-го дня. По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ въ Первомъ Общемъ Собраніи слушали: дѣло по жалобѣ Самарской губернской земской управы на постановленіе Самарскаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія объ отказѣ въ утвержденіи постановленія Самарскаго губернскаго земскаго собранія, коимъ установлена такса на взвѣшиваніе зернового хлѣба и другихъ продуктовъ на вѣсахъ, предполагаемыхъ къ устройству обществомъ крестьянъ села Балакова, Николаевскаго уѣзда, на принадлежащей имъ базарной площади. Приказали: Изъ дѣла видно, что крестьяне собственники села Балакова въ приговорѣ своимъ отъ 13 января 1893 г., ссылаясь на неудобства отъ взвѣшиванія всѣхъ привозимыхъ въ Балаково окрестными жителями на продажу произведеній на вѣсахъ базарной площади удѣльнаго вѣдомства, постановили: ходатайствовать о разрѣшеніи обществу имѣть торговые вѣсы на сѣнной общественной площади, съ правомъ взимать за взвѣшиваніе на оныхъ плату по таксѣ, сообразной съ таксою удѣльнаго вѣдомства. Засимъ, вслѣдствіе предложенія уѣздной земской управы, общество крестьянъ составило новый приговоръ, опредѣливъ въ ономъ самую плату за взвѣшиваніе зернового хлѣба по $\frac{1}{4}$ коп., а за взвѣшиваніе сѣна и другихъ продуктовъ по $\frac{1}{2}$ коп. съ пуда. По представленіи уѣздною управою означенной таксы, согласно постановленію уѣзднаго земскаго собранія, на утвержденіе губернскаго земскаго собранія, послѣднее, руководствуясь п. 9 ст. 108 пол. зем. учр., приняло эту таксу и постановило представить ее на утвержденіе губернатора (постановленіе 13 декабря 1893 г.). Самарскій губернаторъ, не признавая возможнымъ утвердить это постановленіе губернскаго земскаго собранія, предложилъ его на обсужденіе губернскаго по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствія, которое нашло допущенное собраніемъ примѣненіе 9 п. 108 ст. зем. полож. неправильнымъ, почему опредѣленіемъ отъ 17 января 1894 г. оставило постановленіе собранія безъ утвержденія. Самарская губернская земская управа, по уполномочію губернскаго земскаго собранія, обжаловала это постановленіе Правительствующему Сенату, объясняя, что, въ виду 9 п. 108 ст. и 11 п. 2 ст. пол. зем. учр., огражденіе армарочной и базарной торговли отъ стѣсненій со стороны владѣльцевъ торговыхъ пло-

щадей лежить на обязанности земскихъ учреждений, которыя по-сему и имѣютъ право, въ интересахъ населенія, таксировать размѣръ платы за взвѣшиваніе товаровъ въ опредѣленномъ торговомъ пунктѣ. Сообразивъ обстоятельства настоящаго дѣла съ законами, Первое Общее Сената Собраніе находитъ, что, какъ это вытекаетъ, между прочимъ, изъ смысла 127 ст. уст. нар. прод., св. зак. т. XIII изд. 1892 г., существенное значеніе таксъ, въ смыслѣ опредѣленныхъ правительственною или общественною властью цѣнъ за извѣстные предметы или услуги, заключается въ ограниченіи произвольныхъ требованій, какія могли бы быть предъявлены частными лицами за доставленіе этихъ предметовъ или услугъ. Предоставленіе какому либо учрежденію права нормировать такимъ образомъ изданіемъ таксы размѣръ выгодъ, извлекаемыхъ собственникомъ (отдѣльнымъ лицомъ или обществомъ) изъ принадлежащаго ему имущества, является ограниченіемъ правъ собственности и принципа свободы частныхъ сдѣлокъ, которое не можетъ предполагаться, но должно всегда основываться на прямомъ указаніи закона. Сообразно сему наше законодательство въ тѣхъ случаяхъ, когда признаетъ нужнымъ допустить обязательную нормировку цѣнъ какихъ либо предметовъ, работъ или сборовъ за пользованіе извѣстнаго рода имуществомъ, указываетъ не только учрежденіе, уполномоченное издавать таксы, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и границы, въ коихъ имѣетъ право дѣйствовать это учрежденіе. Съ своей стороны, Правительствующій Сенатъ неоднократно признавалъ незаконность установленія таксъ при отсутствіи прямого на то дозволенія въ законѣ. Обращаясь засимъ къ разсмотрѣнію возникшаго въ настоящемъ дѣлѣ вопроса о правѣ губернскаго земскаго собранія на установленіе, съ утвержденія губернатора, таксы за взвѣшиваніе сѣна, зерна и другихъ произведеній на вѣсахъ, устроенныхъ обществомъ крестьянъ на принадлежащей имъ базарной въ селѣ площади, Первое Общее Сената Собраніе не усматриваетъ ни въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, ни въ какомъ либо другомъ узаконеніи указанія на принадлежность земскимъ учрежденіямъ подобаго права. Въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ (св. зак. т. II изд. 1892 г.) предусмѣрено право земскихъ собраній на установленіе таксъ вознагражденія за потравы и другія поврежденія земельныхъ угодій, за лѣсныя порубки, за тушеніе лѣсныхъ пожаровъ и платы судорбочимъ за простой на водяныхъ путяхъ сообщенія (н. 7 и 8 ст. 63), причемъ постановленія собраній по симъ предметамъ

подлежать утвержденію губернаторовъ (п. 5 ст. 82); независимо отъ сего, губернское земское собраніе опредѣляетъ сборы съ проезжающихъ по содержимымъ частными лицами переправамъ (п. 12 ст. 62 полож.). Эти указанія закона, какъ спеціальныя, исключительныя, не только не даютъ предполагаемаго жалобщикомъ основанія къ признанію за губернскими земскими собраніями, по аналогіи, подобнаго же права на установленіе таксы за взвѣшиваніе товаровъ, но служатъ, напротивъ, къ опроверженію такого предположенія. Равнымъ образомъ нельзя вывести правомочіе земскихъ собраній по означенному предмету изъ приводимыхъ губернскою земскою управою 11 п. 2 ст. и 9 п. 108 ст. пол. зем. учр. Первое изъ сихъ узаконеній относитъ къ предметамъ вѣдомства земскихъ учреждений въ предѣлахъ, указанныхъ въ положеніи (ст. 62—64, 97, 98, 108 и 109),—воспособленіе зависящими отъ земства способами земледѣлію, торговлѣ и промышленности. Приведенное постановленіе указываетъ, такимъ образомъ, что для осуществленія возложенной на земскія учреждения задачи по воспособленію земледѣлію, торговлѣ и промышленности они могутъ принимать зависящія мѣры, лишь насколько таковыя не выходятъ изъ предѣловъ власти сихъ учреждений, установленныхъ 62—64, 97, 98, 108 и 109 ст. Посему точное содержаніе 11 п. 2 ст. подтверждаетъ тотъ выводъ, что земскія учрежденія могли бы содѣйствовать земледѣлію и торговлѣ таксированіемъ платы за взвѣшиваніе продуктовъ единственно въ томъ случаѣ, если бы закономъ имъ было именно предоставлено право на изданіе такихъ таксъ, между тѣмъ о такомъ правѣ въ перечисленныхъ въ 11 п. 2 ст. статьяхъ закона вовсе не упомянуто. Хотя приведенный выше 9 п. 108 ст. пол. зем. учр. предоставляетъ земскому собранію составлять обязательныя постановленія о внутреннемъ распорядкѣ на ярмаркахъ, рынкахъ и базарахъ, но нормированіе цѣнъ за пользованіе сооруженными собственниками базарной площади вѣсами (точно также, какъ и таксація продаваемыхъ на базарахъ продуктовъ) не можетъ быть относимо къ категоріи мѣръ, устанавливающихъ „внутренній распорядокъ на базарѣ“. По ближайшему смыслу сего послѣдняго выраженія подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть мѣры благоустройства на базарной площади и въ самомъ базарномъ торгѣ, которыя обеспечиваютъ возможность безопасно и удобно пользоваться ими. Таковы правила, гарантирующія исполненіе требованій уставовъ строительнаго и пожарнаго, а равно и санитарныхъ условій, имѣющія предметомъ распредѣленіе торговцевъ на извѣстныя группы,

назначеніе мѣстъ, гдѣ могутъ останавливаться торговцы съ лотковъ, незагроможденіе площадей и т. д.; сюда же можетъ быть отнесено и опубликованіе существующихъ уже таксъ. Но установленіе новыхъ таксъ выходитъ далеко за предѣлы такого распорядка, внося, какъ уже было сказано, въ видѣ исключенія, вызваннаго общественнымъ интересомъ, извѣстныя ограниченія въ распоряженіи собственника своимъ имуществомъ въ свободу самыхъ сдѣлокъ. Въ постановленіяхъ нашего законодательства усматриваются и прямыя указанія на невозможность смѣшивать право изданія таксъ на предметы потребленія и услуги съ правомъ установленія внутренняго распорядка на ярмаркахъ, рынкахъ и базарахъ. Такъ, въ дѣйствующемъ городовомъ положеніи, наряду съ ст. 108, предоставляющей городскимъ думамъ право изданія обязательныхъ постановленій о внутреннемъ распорядкѣ на ярмаркахъ, рынкахъ и базарахъ, имѣется отдѣльное постановленіе п. 4 ст. 78 о правѣ думы устанавливать таксы на хлѣбъ, мясо и другіе предметы и статьи 135—о сборѣ за употребленіе общественныхъ мѣръ и вѣсовъ на торговыхъ мѣстахъ. Наконецъ взглядъ законодателя проявляется всего нагляднѣе въ ст. 54 уст. фаб. (т. XI ч. 2 изд. 1893 г.), которая гласитъ: „На фабричную инспекцію.... возлагается.... разсмотрѣніе и утвержденіе таксъ, табелей и росписаній и правилъ внутренняго распорядка, составляемыхъ фабричными управленіями для руководства рабочихъ“. Въ этомъ постановленіи законъ положительно отдѣляетъ утвержденіе таксъ отъ утвержденія правилъ внутренняго распорядка. Въ виду вышеизложеннаго Первое Общее Собраніе находитъ, что Самарское губернское по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствіе имѣло законное основаніе не признавать за губернскимъ земскимъ собраніемъ права на установленіе таксы вознагражденія за пользованіе общественными крестьянскими вѣсами на базарной площади села Балакова, и соотвѣственно сему, а равно въ виду 82 ст. пол. зем. учр., перечисляющей, какія именно таксы, составленныя земскими собраніями, подлежатъ утвержденію губернатора, отклонить ходатайство губернской земской управы объ утвержденіи постановленія земскаго собранія по означенному предмету. Опредѣленіе губернскаго присутствія тѣмъ болѣе представляется правильнымъ, что предположенная земскимъ собраніемъ мѣра—утвержденіе таксы правительственною властью—могла быть по существу своему лишь общою для однородныхъ промышленныхъ предпріятій въ данной мѣстности (село Балаково), гдѣ уже имѣлись вѣсы другого вла-

дѣльца, а никакъ не спеціальною для однихъ крестьянскихъ общественныхъ вѣсовъ. По всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ, не усматривая основанія къ отмѣнѣ обжалованнаго постановленія Самарскаго губернскаго по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствія, Первое Общее Собраніе Правительствующаго Сената опредѣляетъ: жалобу Самарской губернской земской управы оставить безъ послѣдствій. О чемъ для исполненія къ объявленію Самарской губернской земской управѣ, а равно въ разрѣшеніе рапорта за № 3965, министру внутреннихъ дѣлъ, послать указъ, каковымъ для свѣдѣнія увѣдомить министра финансовъ (Указъ 28 марта 1899 года, № 3450 г. М—ру Вн. Дѣлъ).

4. Имѣютъ ли земскія учрежденія право разсрочивать уплату недоимокъ земскихъ сборовъ.

1897 года мая 30-го
1898 года октября 28-го дня. По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ въ Первомъ Общемъ Собраніи слушали: дѣло по рапорту министра финансовъ отъ 10 мая 1895 г. № 1536 по вопросу о томъ, имѣютъ ли право земскія учрежденія разсрочивать уплату недоимокъ земскихъ сборовъ. Приказали: изъ дѣла видно, что министерство внутреннихъ дѣлъ препроводило въ министерство финансовъ представленіе Тверскаго губернатора по вопросу о томъ, имѣютъ ли право земскія учрежденія разсрочивать уплату недоимокъ земскихъ сборовъ и если имѣютъ, то кому это право принадлежитъ,—земскимъ ли только собраніямъ или также управамъ, и, съ своей стороны, находило, что предоставленіе земскимъ учрежденіямъ такого права не оправдывается ни дѣйствующимъ закономъ, ни соображеніями практическаго свойства. Министерство финансовъ по разсмотрѣніи этого дѣла, отозвалось, что хотя ни въ положеніи о зем. учр. (1864 г.), ни во врем. прав. по дѣл. о зем. пов. не упомянуто о правѣ земскихъ собраній и управъ давать отсрочки по платежу земскихъ сборовъ, но, въ виду разъясненія Правительствующаго Сената, распубликованнаго въ циркулярѣ хозяйственнаго департамента отъ 13 іюля 1884 г. за № 4418, коимъ за земскими учрежденіями въ исключительныхъ случаяхъ признано право отсрочки земскихъ сборовъ, установилась земская практика предоставленія плательщикамъ временныхъ льготъ по платежу оныхъ. Эта практика сохранила свою силу и при дѣйствіи новаго положенія о губерн. и уѣздн. зем. учр. (12 іюня

1890 г.), какъ потому, что временныя правила, до коихъ собственно относилось вышеприведенное Сенатское разъясненіе, остались безъ измѣненія, такъ и потому, что, въ силу ст. 10 врем. прав., земскимъ учрежденіямъ принадлежить гораздо большее право освобождать вовсе отъ земскаго обложенія имущества, не изъятія отъ него по закону. Не усматривая, по этому, повода къ измѣненію существующаго порядка, министерство финансовъ полагало, вмѣстѣ съ тѣмъ, что, хотя земскія управы не должны бы въ этомъ отношеніи дѣйствовать самостоятельно, ибо назначеніе и раскладка сборовъ предоставлены собраніямъ, но, въ виду того, что послѣднія собираются лишь разъ въ годъ и на короткое время, слѣдуетъ признать вполне цѣлесообразною установившуюся земскую практику, по которой не собранія, а управы предоставляютъ упомянутыя льготы въ предѣлахъ тѣхъ полномочій, коими онѣ облечены земскими собраніями. По поводу этого заключенія министр внутреннихъ дѣлъ уведомилъ министерство финансовъ, что спорный вопросъ разрѣшенъ Правительствующимъ Сенатомъ въ опредѣленіи отъ 14 февраля 1894 г. за № 1582 по дѣлу Папа-Афанасопуло въ смыслѣ, вполне согласномъ съ мнѣніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, почему оно и сдѣлало Тверскому губернатору соответствующія сему указу разъясненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, министерство внутреннихъ дѣлъ указало на отличіе отсрочки взысканія, которая можетъ быть сдѣлана до внесенія недоимки въ смѣту земскихъ доходовъ, путемъ признанія ея временно неблагонадежною, отъ разсрочки таковой, какъ уже внесенной въ смѣту, вслѣдствіе чего оно и затруднилось согласиться съ соображеніями министерства финансовъ, полагая, что допущеніе разсрочекъ могло бы внести въ смѣту нежелательную неопредѣленность и отразиться неблагоприятно на земскомъ хозяйствѣ. Находя, что сообщенное министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Тверскому губернатору разъясненіе, какъ основанное на сепаратномъ указѣ Правительствующаго Сената и не согласное съ основаніями заключеній министерства финансовъ, ни съ прежней практикой Правительствующаго Сената, не можетъ быть признано окончательнымъ, министр финансовъ рапортомъ отъ 10 мая 1895 г. за № 1536 представляетъ Правительствующему Сенату о необходимости общаго окончательнаго разъясненія спорнаго вопроса и, по поводу изложенныхъ соображеній министерства внутреннихъ дѣлъ, полагаетъ, что право давать льготы по обложенію въ видѣ отсрочки платежа, не имѣетъ ничего общаго съ признаніемъ неблагонадежности взысканія, которое

имѣть значеніе лишь для смѣтныхъ исчисленій. Сообразивъ возбужденный министромъ финансовъ вопросъ о правѣ земскихъ учреждений отсрочивать взносы земскихъ сборовъ, Первое Общее Собраніе находить, что вопросъ этотъ восходитъ уже на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената, причемъ въ рѣшеніи 12 мая 1883 г. за № 2517 признано, что хотя по уставу о земскихъ повинностяхъ земскіе сборы вносятся въ тѣ же сроки, какіе установлены для взноса податей, но правило сіе, имѣющее цѣлью обезпечить земскимъ кассамъ вѣрнѣйшее поступленіе суммъ, не можетъ быть рассматриваемо, какъ непреложное требованіе закона и въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда взысканіе земскихъ сборовъ въ установленные сроки повлекло бы за собою значительное разстройство въ хозяйствѣ плательщиковъ, а слѣдовательно, и вообще уменьшеніе платежныхъ силъ мѣстности (каковы случаи неурожая, градобія, пожаровъ, падежей скота и т. п.), въ каковыхъ случаяхъ земскія учрежденія, коимъ по закону предоставлены: назначеніе, раскладка, взиманіе и расходование земскихъ сборовъ не лишены права отсрочивать взносъ оныхъ. Приведенное разъясненіе Правительствующаго Сената, хотя оно послѣдовало при дѣйствіи положенія земскихъ учреждений 20 ноября 1864 г., въ полной мѣрѣ сохраняетъ свою силу и въ настоящее время, такъ какъ въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ 11 іюня 1890 г. не содержится какихъ либо законоположеній, изъ коихъ можно было бы усмотрѣть, что законодателемъ названное право нынѣ за земскими учрежденіями не признается, а дѣйствующія нынѣ, какъ и до изданія положенія 1890 г., временныя правила по дѣламъ о земскихъ повинностяхъ подтверждаютъ заключеніе о правѣ земскихъ учреждений разсрочивать уплату недоимокъ земскихъ сборовъ. Въ силу означенныхъ узаконеній назначеніе, раскладка, взиманіе и расходование земскихъ сборовъ остались, какъ и прежде, въ вѣдѣніи земскихъ учреждений. Статья 10 врем. прав. о зем. пов. предоставляетъ усмотрѣнію сихъ учреждений допускать изыятія изъ обложенія земскими сборами по особымъ уважительнымъ причинамъ, а по ст. 62 пол. зем. учр., изд. 1892 г., къ предметамъ вѣдѣнія губернскихъ собраній отнесено (п. 6) сложеніе безнадежныхъ къ поступленію недоимокъ и пеней по земскимъ сборамъ. Разсматривая приведенныя законоположенія въ ихъ взаимной связи, нельзя не признать, что земскія учрежденія, имѣющія право обложенія земскими сборами и сложенія недоимокъ по этимъ сборамъ, не могутъ быть лишены и менѣе обширнаго права дарованія

временныхъ податныхъ льготъ въ видѣ разсрочки земскаго сбора. Косвенное подтвержденіе сего права усматривается и въ 1 примѣчаніи къ 93 ст. уст. зем. пов., по прод. 1890 г. Въ названной статьѣ значится, что при взысканіи недоимокъ земскаго сбора разсрочекъ не допускается, а въ примѣчаніи къ ней выражено, что министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, предоставляется по особо уважительнымъ причинамъ разсрочивать недоимки земскихъ сборовъ въ размѣрѣ до 3000 руб. на срокъ не свыше 5 лѣтъ съ примѣненіемъ сего порядка въ тѣхъ лишь губерніяхъ, въ конхъ не открыты земскія учрежденія. Нельзя не замѣтить, что правило, выраженное въ 93 ст. уст. о зем. пов. изд. 1857 г., не распространяется на губерніи, въ которыхъ введены земскія учрежденія, такъ какъ, по смыслу 1 и 2 ст. врем. прав. зем. пов. (св. зак. Т. IV, изд. 1890 г. и прод. 1891 и 1893 г.г.), означенныя учрежденія примѣняютъ лишь тѣ постановленія устава о земскихъ повинностяхъ, на которыя сдѣлана ссылка во временныхъ правилахъ (ср. ст. 10, 21, 2 прим. къ 23, 36 врем. прав.), статья же 93 къ числу таковыхъ не относится. Засимъ, если въ губерніяхъ, въ которыхъ по общему правилу не допускается разсрочка земскихъ сборовъ, дозволяется отступленіе отъ этого правила въ особо уважительныхъ случаяхъ, то не усматривается никакихъ основаній предполагать, чтобы законодатель ставилъ въ менѣе благоприятное положеніе плательщиковъ земскихъ сборовъ въ тѣхъ губерніяхъ, на которыя не распространяется общее воспрещеніе разсрочки земскихъ сборовъ. Отсутствіе въ законѣ указаній на правительственные органы, коимъ предоставлено допущеніе подобныхъ отсрочекъ въ губерніяхъ земскихъ, приводитъ лишь къ заключенію, что законодатель признаетъ таковое право за земскими учрежденіями, снабженными вообще широкими полномочіями по завѣдыванію земскими сборами и имѣющими, между прочимъ, право сложенія недоимокъ, безнадежныхъ къ поступленію.

Что же касается правилъ ст. 5 Прав. о составленіи земскихъ смѣтъ (прил. къ ст. 6 Пол. Зем. Учр. 1890 г.), по коему неполненныя до составленія новой смѣты недоимки по земскимъ сборамъ, признаваемыя благонадежными къ поступленію въ предстоящемъ году, должны быть обращаемы на покрытіе исчисленныхъ по смѣтѣ расходовъ, то правило это нисколько не можетъ лишать земскія учрежденія права разсрочивать уплату признанныхъ благонадежными и вписанныхъ въ смѣту недоимокъ, такъ какъ всѣ суммы, вносимыя въ раскладку, не могутъ быть на прак-

тикѣ исчислены съ полною точностью: дѣйствительное поступленіе различныхъ сборовъ можетъ быть большимъ или меньшимъ противъ предположенія, причемъ это явленіе замѣчается какъ по отношенію къ поземельнымъ сборамъ, такъ и по отношенію къ недоимкамъ сихъ сборовъ за прежніе годы и, слѣдовательно, допущеніе отсрочекъ или разсрочекъ въ уплатѣ земскихъ сборовъ вовсе не можетъ затруднить выполненіе смѣтныхъ предположеній. По изложеннымъ соображеніямъ и имѣя въ виду: 1) что выраженное въ опредѣленіи Сената по дѣлу Папа-Афанасопуло 14 марта 1894 г. требованіе, чтобы разсрочки земскихъ сборовъ не допускались земскими учрежденіями по соображеніямъ личныхъ удобствъ частныхъ лицъ, насколько таковыя не соотвѣтствуютъ общимъ пользамъ мѣстнаго населенія, представляется прямымъ выводомъ изъ смысла I ст. пол. зем. учр. и необходимымъ, во избѣжаніе злоупотребленій, дополненіемъ признаннаго Правительствующимъ Сенатомъ въ 1883 году права упомянутыхъ учрежденій на разсрочку земскихъ сборовъ; 2) что существенною гарантіею противъ возможныхъ злоупотребленій правомъ разсрочки недоимокъ земскихъ сборовъ является, наряду съ симъ, и принадлежащее Губернаторамъ, согласно 87 ст. пол. зем. учр., право останавливать исполненіе постановленій земскихъ собраній не только по незаконности ихъ, но и въ томъ, между прочимъ, случаѣ, когда постановленія эти явно нарушаютъ интересы мѣстнаго населенія, причемъ въ семъ послѣднемъ случаѣ опротестованное постановленіе земства восходитъ, согласно 93 и 94 ст. пол., на обсужденіе высшихъ центральныхъ установленій—Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Комитета Министровъ и Государственнаго Совѣта, Первое Общее Собраніе находитъ, что *право на разсрочку недоимокъ земскихъ сборовъ должно быть и въ настоящее время, какъ и при дѣйствіи Пол. Зем. Учр. 1864 г., признано за Земскими Собраніями, причемъ за ними же должно быть признано и право опредѣленія способовъ и порядка этихъ разсрочекъ и преподаніе соответствующихъ о семъ указаній Земскимъ Управамъ.* А посему Первое Общее Собраніе Правительствующаго Сената опредѣляетъ: о вышензложенномъ разъясненіи въ разрѣшеніе рапорта за № 1536 Министру Финансовъ послать указъ, каковымъ увѣдомить для свѣдѣнія и Министра Внутреннихъ Дѣлъ (Указъ 12 февраля 1899 г., М—ру Вн. Дѣлъ № 1772).

5. *Предѣлы права городского общественнаго управленія на изда-
ніе обязательныхъ постановленій, коими въ пользу городскихъ кон-
цессионеровъ монополизирется данная отрасль.*

1898 г. апрѣля 24 и декабря 18 Правительствующій Сенатъ, въ Первомъ Общемъ Собраніи слушали: дѣло по жалобамъ: 1) прав-
ленія Высочайше утвержденного товарищества Витебскихъ
водопроводовъ и повѣреннаго сего правленія, статскаго совѣтника
Загородъ-Илинича на постановленіе Витебскаго губернскаго по го-
родскимъ дѣламъ присутствія, состоявшееся 11 января 1896 г.,
по прошенію правленія о понужденіи Витебской городской думы
къ изданію, во исполненіе п. 15 контракта 5 декабря 1892 г. обяза-
тельнаго постановленія относительно воспрещенія водовозамъ брать
воду для продажи не изъ устроеннаго въ гор. Витебскѣ водопро-
вода, и 2) по жалобѣ уполномоченнаго Витебской городской думы,
гласнаго Казимира Догеля, на распоряженіе Министра Внутреннихъ
Дѣлъ объ исключеніи изъ составленнаго Витебскою городскою ду-
мою проекта обязательныхъ постановленій относительно пользованія
устроеннымъ въ г. Витебскѣ водопроводомъ правила о дозволеніи
мѣстнымъ водовозамъ брать воду для продажи только изъ водо-
разборныхъ будокъ.

Приказали: Изъ дѣла видно, что Витебскою городскою думою
29 ноября 1894 г. составленъ былъ проектъ обязательныхъ поста-
новленій для мѣстныхъ жителей о порядкѣ содержанія и пользо-
ванія устроеннымъ частными предпринимателями водопроводомъ
въ конхъ, между прочимъ, содержались правила: 1) о размѣрахъ
платы за отпускаемую изъ означеннаго сооруженія воду (§ 9) и
2) о томъ, что всякая, въ видѣ промысла, продажа воды, взятой
не изъ водопровода, для какого бы то ни было употребленія, безу-
словно воспрещается; концессионерамъ же предоставляется право
снабжать жителей фильтрованной водою изъ водопровода посред-
ствомъ водовозовъ, съ платою по взаимному соглашенію (§§ 3 и 5).
Означенный проектъ обязательныхъ постановленій, въ виду п. 5
ст. 79 гор. пол. 1892 г., Витебскимъ губернаторомъ представленъ
былъ, на предметъ утвержденія включеннаго въ оный правила о
размѣрѣ платы за пользованіе водою изъ водопровода, въ Министе-
рство Внутреннихъ Дѣлъ, а послѣднее, съ своей стороны, по раз-
смотрѣніи упомянутыхъ обязательныхъ постановленій, нашло, что
указаніе на размѣръ сбора за пользованіе водопроводными соору-
женіями не должно быть предметомъ такихъ постановленій, и что,

равнымъ образомъ, не можетъ имѣть мѣста въ ряду обязательныхъ постановленій и воспрещеніе водовозамъ брать воду изъ р. Двины, для развозки ея за плату по домамъ, такъ какъ подобное воспрещеніе создаетъ ничѣмъ неоправдываемую монополію снабженія мѣстныхъ жителей водою предпринимателями, стѣсняетъ или даже въ конецъ убиваетъ водовозный промыселъ, можетъ поставить городское населеніе въ крайне затруднительное положеніе при неисправности дѣйствія водопровода или недоброкачественности воды изъ него, какъ это обнаружено уже на опытѣ въ нѣкоторыхъ городахъ, и, наконецъ, лишаетъ обывателей города возможности пользоваться нефилътрированной водою, какъ болѣе дешевою, во многихъ случаяхъ требующихъ большаго количества воды (какъ, напримѣръ, при стиркѣ, для употребленія въ баняхъ, при поливкѣ мостовыхъ и дворовъ и т. п.), въ явное нарушеніе имущественныхъ интересовъ населенія. Признавая, по симъ соображеніямъ, составленный Витебскою городскою думою проектъ обязательныхъ постановленій по объясненному предмету подлежащимъ пересоставленію, Министръ, 23 февраля 1895 г. за № 1923, сообщилъ о семъ губернскому началству. По новомъ, вслѣдствіе сего, обсужденіи настоящаго дѣла Витебская городская дума не признала, однако, возможнымъ исключить указанное Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ воспрещеніе водовозамъ брать воду для продажи не изъ водопровода, основываясь на томъ, что подобное воспрещеніе основывается на заключенномъ 5 декабря 1892 г. городскою управою съ предпринимателями контрактъ, по силѣ коего „всякая, въ видѣ промысла, продажа, для какого бы то ни было потребленія, воды, взятой не изъ водопровода, безусловно воспрещается, а водовозамъ дозволяется брать воду только изъ водоразборныхъ будокъ; городскимъ же управленіемъ будутъ постановлены въ семъ отношеніи обязательныя для жителей правила (п. 16)“. При этомъ, такъ какъ контрактъ этотъ никѣмъ не отиѣненъ и совершенъ еще при дѣйствіи въ г. Витебскѣ городского положенія 1870 г., то точное исполненіе его, по мнѣнію городской думы, безусловно обязательно какъ со стороны предпринимателей, такъ и городского общественнаго управленія, вслѣдствіе чего всякое нарушеніе сего контракта можетъ навлечь на городъ судебные иски. По симъ основаніямъ городская дума, въ засѣданіи 15 мая 1895 г., постановила возбудить, въ установленномъ порядкѣ, ходатайство предъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ о сохраненіи содержавшагося въ 3 и 5 §§ упомянутаго проекта правила о воспрещеніи водовозамъ брать воду изъ р. Двины

для развозки ея, за плату, по домамъ. Но Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, какъ по приведеннымъ въ отзывѣ отъ 23 февраля 1895 г. за № 1923 соображеніямъ, такъ и въ виду того, что водовозный промыселъ вообще относится къ числу тѣхъ промысловъ, упорядоченіе коихъ принадлежитъ городскому общественному управленію, въ порядкѣ ст. 108 нов. гор. пол. признало изъясненное ходатайство неподлежащимъ удовлетворенію. Между тѣмъ, правленіе Высочайше утвержденнаго товарищества Витебскихъ водопроводовъ обратилось къ губернскому начальству съ прошеніемъ, въ коемъ, ссылаясь на контрактъ отъ 5 декабря 1892 г., по силѣ коего городское общественное управленіе должно издать ко дню открытія дѣйствій водопровода (т. е. къ 1 января 1895 г.) обязательныя для мѣстныхъ жителей постановленія о воспрещеніи продажи воды, въ видѣ промысла, взятой не изъ водоразборныхъ будокъ, ходатайствовало о понужденіи городского общественнаго управленія къ скорѣйшему изданію означенныхъ постановленій, съ точнымъ соблюденіемъ условія контракта. Съ своей стороны, губернаторъ, въ виду означеннаго ходатайства, передалъ все дѣло о составленныхъ Витебскою городскою думою обязательныхъ постановленіяхъ объ устройствѣ и эксплуатаціи городского водопровода на разсмотрѣніе мѣстнаго губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, которое, принявъ во вниманіе, что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, по двукратномъ разсмотрѣніи составленныхъ Витебскою городскою думою обязательныхъ постановленій по изъясненному предмету, нашло необходимымъ измѣнить ихъ, исключивъ изъ оныхъ тѣ параграфы, коими воспрещалось водовозамъ брать воду изъ р. Двины для продажи мѣстнымъ обываламъ, признало объясненное ходатайство правленія товарищества Витебскихъ водопроводовъ о включеніи въ обязательныя постановленія правила относительно воспрещенія продажи воды, взятой не изъ водопровода, неподлежащимъ удовлетворенію, и, засимъ, по опредѣленію 11 января 1896 г., постановило признать обязательныя постановленія подлежащими составленію лишь въ предѣлахъ, разрѣшенныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Въ приносимой на сіе Правительствующему Сенату жалобѣ правленіе товарищества Витебскихъ водопроводовъ, ссылаясь, между прочимъ, на изложенный выше § 15 контракта городского общественнаго управленія съ частными предпринимателями (Глинскими и Цѣхановецкимъ) относительно устройства и эксплуатаціи въ г. Витебскѣ, водопровода, заключеннаго 5 декабря 1892 года, т. е. еще

Вѣстникъ Права. Іюль 1899.

при дѣйствіи въ названномъ городѣ прежняго городского положенія 1870 г., и § 70 Высочайше утвержденнаго 23 іюня 1895 г. устава названнаго товарищества, по силѣ коего взаимныя права и обязанности между товариществомъ и Витебскою городской думою опредѣляются означеннымъ контрактомъ, ходатайствуетъ объ отмѣнѣ изъясненнаго опредѣленія Витебскаго губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія отъ 11 января 1896 г., какъ состоявшагося въ нарушение имущественныхъ интересовъ просителя. Съ своей стороны, Витебская городская дума, чрезъ уполномоченнаго своего, помощника присяжнаго повѣреннаго Догеля, ссылаясь, равнымъ образомъ, на § 15 контракта городского общественнаго управленія съ частными предпринимателями относительно устройства и эксплуатаціи въ г. Витебскѣ водопровода и указывая, что контрактъ этотъ для города Витебска обязателенъ, ходатайствуетъ объ отмѣнѣ распоряженія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, препятствующаго думѣ, во исполненіе принятаго ею, въ силу названнаго контракта, обязательства, издать упомянутое выше обязательное постановленіе относительно воспрещенія водовозамъ брать воду изъ р. Двины для развозки ея за плату по домамъ. Сообразивъ обстоятельства настоящаго дѣла, Первое Общее Собраніе находитъ, что въ дѣлѣ этомъ, прежде всего, представляется необходимымъ разрѣшить вопросъ о томъ, въ правѣ ли была Витебская городская дума включать въ заключенный ею 5 декабря 1892 г. съ концессионерами Глинскими и Цѣхановецкимъ контрактъ условіе о томъ, что и всякая, въ видѣ промысла, продажа для какого бы то ни было потребленія воды, взятой не изъ водопровода, безусловно воспрещается, а водовозамъ дозволяется брать воду только изъ водоразборныхъ будокъ, городскимъ же управленіемъ будутъ составлены въ семъ отношеніи обязательныя для жителей правила. При этомъ, въ виду отсутствія указанія на такое право въ ст. 108 город. полож. 1892 г. и 103 ст. город. полож. 1870 г., въ которыхъ перечислены всѣ предметы, по которымъ городскимъ думамъ предоставляется составлять обязательныя постановленія, нельзя не придти въ этомъ отношеніи къ отрицательному выводу, находящему себѣ подтвержденіе, кромѣ того, и въ рѣшеніи Правительствующаго Сената 20 марта 1884 г. № 2215, коимъ разъяснено, что „ни право распредѣлять предметы торговли, ни наблюденіе за порядкомъ на базарахъ не даютъ городскому управленію права воспрещать такую торговлю, которая допускается закономъ повсемѣстно“, содержаніе же п.п.

7 и 9 ст. 108 город. полож. 1892 г. не можетъ быть признано имѣющимъ отношеніе къ настоящему вопросу, такъ какъ означенными пунктами устанавливается право городскихъ думъ издавать обязательныя постановленія: а) „о санитарныхъ мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы въ помѣщеніяхъ для продажи съѣстныхъ припасовъ и напитковъ для обезпеченія безвредности оныхъ“, и б) „о мѣрахъ противъ порчи воды, объ уборкѣ или уничтоженія палыхъ животныхъ, о предупрежденіи и прекращеніи заразительныхъ и повальныхъ болѣзней, а равно и скотскихъ падежей“. Но и помимо отсутствія въ законѣ указаній на право городскихъ управленій воспрещать какой-либо видъ торговли, повсемѣстно дозволенный, существуетъ положительный законъ, по которому никакой налогъ не можетъ быть назначенъ иначе какъ Высочайшею властью; между тѣмъ помѣщеніе Витебскою городскою думою въ заключенный ею договоръ условія о воспрещеніи водовозамъ доставлять воду, взятую не изъ водопровода, предоставляя товариществу недопускаемую закономъ монополію, устанавливаетъ въ пользу товарищества налогъ на жителей тѣхъ отдаленныхъ частей города, въ которыя товарищество не сочтетъ выгоднымъ проводить воду водопроводомъ. Очевидно, что въ этихъ частяхъ города водовозы къ нынѣшней цѣнѣ за доставляемую ими прямо изъ р. Двины воду, за которую ничего сами не платятъ, прибавятъ все то, что должны будутъ платить водопроводу, и такимъ образомъ жители этихъ частей города, несомнѣнно самые бѣднѣйшіе, должны будутъ за самый необходимый предметъ продовольствія—воду платить, безъ всякаго основанія, значительно большія цѣны, нежели нынѣ. Наконецъ, помѣщеніе Витебскою Городскою Думою въ заключенный ею договоръ условія о непремѣнной обязательности издать обязательное постановленіе указаннаго выше содержанія должно быть признано несогласнымъ съ закономъ и по самой невыполнимости такого условія для городской думы, въ виду устанавливаемаго какъ городовымъ положеніемъ 1870 г. (ст. ст. 11 и 106), такъ и город. пол. 1892 г. (ст. ст. 80 и 110) права высшихъ административныхъ властей издаваемыхъ городскими думами обязательныя постановленія отмѣнять. Переходя засимъ къ разрѣшенію вопроса о томъ, должны ли отсутствіе своевременно послѣдовавшихъ, въ установленномъ порядкѣ, протеста мѣстнаго губернатора или распорядженій мѣстнаго губернскаго по городскимъ дѣламъ Присутствія и Министра Внутреннихъ Дѣлъ объ отмѣнѣ противозаконнаго постановленія витебской городской думы, а также послѣдовавшее

впослѣдствіи утвержденіе высшимъ правительствомъ устава товарищества витебскихъ водопроводовъ, по силѣ § 70 котораго „взаимныя отношенія, права и обязанности между товариществомъ и витебскою Городскою Думою опредѣляются настоящимъ уставомъ и контрактомъ, заключеннымъ 5 декабря 1892 г. дворяниномъ Феликсомъ Цѣхановецкимъ съ городскою управою“, затѣмъ „всѣ измѣненія въ означенномъ контрактѣ производятся съ общаго согласія сторонъ и вступаютъ въ силу по надлежащемъ утвержденіи состоявшихся соглашеній“, быть признаны препятствіемъ къ отмѣнѣ впослѣдствіи такого противозаконнаго обязательнаго постановленія думы при новомъ разсмотрѣніи онаго подлежащею властью, причеиъ въ виду отсутствія въ законѣ указанія на то, чтобы Губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе, вслѣдствіе неправильнаго предварительнаго представленія обязательнаго постановленія думы въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, или вслѣдствіе нарушенія какихъ либо иныхъ формальныхъ условій,—было лишено права войти въ обсужденіе законности хотя бы и не въ установленномъ порядкѣ переданнаго на его разсмотрѣніе Губернаторомъ обязательнаго постановленія думы и признать таковое неподлежащимъ утвержденію, Первое Общее Сената Собраніе признаетъ, что для отмѣны по этому поводу постановленій Витебскаго Губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія по сему дѣлу отъ 11 января и 29 февраля 1896 г. не представляется законныхъ основаній. Нельзя при этомъ не остановиться и на томъ соображеніи, что принятое на себя Витебскою городскою думою по договору обязательство обезпечить товариществу Витебскихъ водопроводовъ отсутствіе конкуренціи ни въ какомъ случаѣ не можетъ, даже и при отсутствіи своевременнаго протеста административныхъ властей, быть обязательнымъ для лицъ, не участвующихъ въ этомъ договорѣ и желающихъ воспользоваться предоставленнымъ закономъ повсемѣстно правомъ свободно заниматься водовознымъ промысломъ. Наконецъ, въ отношеніи утвержденного высшимъ правительствомъ устава Товарищества Витебскихъ водопроводовъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что уставомъ этимъ Витебская Городская Дума не уполномочивается ни на какое дѣйствіе внѣ предоставленныхъ ей городскимъ положеніемъ правъ, и хотя въ § 70 этого устава и говорится, что „взаимныя отношенія, права и обязанности между товариществомъ и Витебскою городскою думою опредѣляются настоящимъ уставомъ и контрактомъ, заключеннымъ 5 декабря 1892 г. дворяниномъ Феликсомъ Цѣхановецкимъ съ городскою

управомъ, затѣмъ всѣ измѣненія въ означенномъ контрактѣ производятся съ общаго согласія сторонъ и вступаютъ въ силу по подлежащемъ утвержденіи состоявшихся соглашеній“, но, очевидно, при этомъ имѣются въ виду лишь „отношенія, права и обязанности“, а также „измѣненія“, не противорѣчація законамъ, на что, кромѣ общихъ соображеній о невозможности отиѣны закона, коимъ опредѣляются права лицъ, не участвующихъ въ договорныхъ отношеніяхъ, тѣмъ или другимъ параграфомъ отдѣльнаго устава, указываетъ между прочимъ, и содержаніе 2 прим. къ § 1 того же устава товарищества Витебскихъ водопроводовъ, въ которомъ разъяснено, что „соблюденіе условій, изложенныхъ въ контрактѣ, заключенномъ дворяниномъ Феликсомъ Цѣхановецкимъ съ Витебскою Городскою Управою 5 декабря 1892 г., въ чемъ они не противорѣчаютъ законамъ, обязательно для товарищества“, а также и послѣднія слова приведеннаго выше § 70 устава, коими устанавливается, что и всякое измѣненія въ контрактѣ, которое, съ общаго согласія сторонъ было бы признано желательнымъ, можетъ вступить въ силу лишь „по подлежащемъ утвержденіи“, состоявшагося соглашенія, т. е. по разрѣшеніи компетентною властью, насколько предположенное измѣненіе соотвѣтствуетъ требованіямъ закона. Въ виду приведенныхъ соображеній Первое Общее Сената Собраніе *опредѣляетъ*: жалобу уполномоченнаго гор. Витебска Догеля и правленія В с о ч а й ш е утвержденного товарищества Витебскихъ водопроводовъ на распоряженіе по настоящему дѣлу Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Витебскаго губернскаго по городскимъ дѣламъ Присутствія оставить безъ послѣдствій. (Указъ 18 февраля 1899 г. М-ру Вн. Дѣлъ, № 2120).

5. Права состоянія разведенныхъ женъ.

Недавно Правительствующему Сенату пришлось разрѣшать два вопроса, имѣющіе по существу общее значеніе, но случайно возбужденные на почвѣ весьма узкой, отличающейся своеобразиемъ и запутанностью отношеній, казуистикой перекрещивающихся правилъ и исключеній, а именно, на почвѣ опредѣленія права на жительство евреевъ, въ мѣстностяхъ внѣ такъ называемой черты еврейской осѣдности (ст. 11 и 12 уст. о пасп.). Вотъ эти вопросы: имѣютъ ли право на повсемѣстное жительство разведенныя еврейки, мужья которыхъ этимъ пра-

вомъ не пользовались, но которыя до замужества обладали этимъ правомъ по происхожденію? И затѣмъ—вторая комбинація: имѣютъ ли право на повсемѣстное жительство такія разведенныя еврейки, которыя не пользовались этимъ правомъ по происхожденію, а приобрѣли его съ выходомъ замужъ? Теряютъ ли онѣ это право послѣ развода или сохраняютъ за собою? Первый вопросъ поступилъ на разсмотрѣніе Сената вслѣдствіе разномыслія, возникшаго по его поволу между двумя министерствами—финансовъ и внутреннихъ дѣлъ; второй вопросъ былъ поставленъ въ жалобахъ, поданныхъ заинтересованными лицами, выселяемыми изъ мѣста своего жительства въ „черту“. При всемъ отчужденіи этихъ вопросовъ отъ міра общаго права, они одной своей стороною, однако, съ нимъ соприкасаются, именно—съ общимъ вопросомъ о правахъ состоянія разведенныхъ женъ, неразработаннымъ ни въ законодательствѣ нашемъ, ни въ практикѣ. Наше брачное право находилось и находится всецѣло подъ вліяніемъ каноническихъ постановленій, а составители кормчей книги мало заботились объ этихъ мірскихъ послѣдствіяхъ развода. Не смотря на то, что расторженіе брака есть явленіе вовсе не рѣдкое, въ дѣйствительности остается еще нерѣшеннымъ вопросъ о правахъ состоянія разведенной жены и въ частности о правѣ ея на имя, которое она носила въ расторгнутомъ бракѣ. Нельзя, однако, сказать, чтобы въ законѣ вовсе не было никакихъ указаній на этотъ счетъ; такія указанія существуютъ, только, по характерному для нашего законодательства обыкновенію, они оказываются казуистичными, содержатъ въ себѣ извѣстное правило только въ примѣненіи къ опредѣленному конкретному случаю. Общая норма можетъ быть добыта только путемъ обобщенія,—распространенія частнаго правила на другія аналогичныя явленія. Пріемъ этотъ не слишкомъ затруднителенъ и выведеніе общей нормы указаннымъ способомъ достается безъ особенныхъ усилій; гораздо труднѣе—установить предѣлы дѣйствія этой нормы, указать ея необходимыя ограниченія, какъ тѣ, которыя совпадаютъ съ границами самаго ея принципа, такъ еще болѣе тѣ, которыя налагаются требованіями, вытекающими изъ другихъ началъ, проявляющими свое господство въ той же области отношеній, гдѣ отводится мѣсто данной нормѣ. Одна крайность вызываетъ другую: узкая конкретность и казуистичность закона, не вмѣщающая всего дѣйствительнаго разнообразія жизненныхъ фактовъ, ведетъ за собою чрезмѣрную отвлеченность въ его толкованіи.

Вопросъ о „состояніи“ разведенной жены рѣшается закономъ только частично—въ примѣненіи къ одному праву, именно—праву русскаго или иностраннаго подданства. Согласно ст. 1026 т. IX зак. о сост., русская подданная, вступившая въ бракъ съ иностранцемъ, можетъ послѣ смерти мужа или расторженія брака ея съ нимъ, *возвратиться* въ русское подданство, причемъ ей указывается особый облегченный порядокъ вступленія въ прежнее подданство. То же самое предписывается ст. 1028 объ иностранкахъ, вступившихъ въ бракъ съ русскими подданными, а равно о женахъ иностранцевъ, перешедшихъ въ подданство Россіи: въ случаѣ смерти мужа или развода съ нимъ, жена сохраняетъ его подданство. О еврейкахъ, вступившихъ въ супружество съ иностранными подданными, существуетъ нѣсколько отличное правило: онѣ пользуются правомъ возвращенія въ русское подданство только до тѣхъ поръ, пока не оставили отечества; съ выѣздомъ за границу, эта привилегія для нихъ теряется (ст. 993, т. IX). Изъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ постановленій можно сдѣлать заключеніе, что по отношенію къ одному изъ правъ состоянія, приобретаемому черезъ замужество, законъ не дѣлаетъ различія между вдовами и разведенными женами, одинаково сохраняя за нимъ это право и по прекращеніи брака. Можно ли затѣмъ распространять это равенство вдовъ и разведенныхъ женъ и по отношенію ко всѣмъ прочимъ правамъ состоянія, которыя приобретаются черезъ вступленіе въ бракъ? Нельзя отрицать, что основаніе для аналогіи здѣсь не совсѣмъ твердое. Право подданства, въ ряду другихъ правъ состоянія, занимаетъ особое положеніе, его приобретеніе и его потеря нормируются особыми принципами; его особенный характеръ отражается и на приобретеніи этого права путемъ брака,—ибо жена *semper* слѣдуетъ подданству мужа, между тѣмъ какъ остальные права состоянія мужа переносятся на жену только въ томъ случаѣ, когда они *вышшія* по сравненію съ ея собственными, принадлежащими ей по происхожденію; слѣдовательно, по общему началу брачнаго права русская подданная, выходя замужъ за иностранца, должна бы оставаться русской подданной, такъ какъ мѣстное подданство представляется высшимъ правомъ, чѣмъ подданство иностранное. Но для укрѣпленія фундамента, на которомъ опирается рассматриваемая аналогія относительно равнаго сохраненія вдовами и разведенными женами приобретенныхъ ими съ замужествомъ правъ состоянія, могутъ служить еще нѣкоторыя другія постановленія закона, относящіяся къ данному предмету. Въ законахъ о состояніяхъ мы находимъ (въ ст. 5) общее

положеніе, что „жена... сохраняетъ вполнѣ, или съ нѣкоторыми ограниченіями, права высшаго состоянія, если они принадлежали ей до замужества по происхожденію или приобрѣтены ею *черезъ бракъ*“, т. е. вторичное замужество не лишаетъ правъ, приобрѣтенныхъ первымъ бракомъ, при чемъ законъ умалчиваетъ о какомъ-либо различіи между случаями прекращенія брака смертью мужа или разводомъ; это молчаніе можетъ быть истолковано въ пользу равенства вдовъ и разведенныхъ женъ. Затѣмъ, есть прямое указаніе въ этомъ смыслѣ относительно тѣхъ женъ, бракъ которыхъ расторгнутъ по причинѣ лишенія мужей правъ состоянія за уголовныя преступленія (ст. 101 т. X ч. 1); разведенная жена продолжаетъ именоваться по прежнему званію мужа. Такимъ образомъ, выводъ о равенствѣ вдовъ и разведенныхъ женъ по правамъ состоянія, приобрѣтеннымъ ими въ замужествѣ, представляется достаточно обоснованнымъ.

Къ такому же заключенію пришелъ и Сенатъ по вопросу о правѣ жительства разведенныхъ евреекъ въ черты постоянной еврейской осѣдлости: Сенатъ призналъ, что разведенныя еврейки сохраняютъ это право, если оно было сообщено имъ замужествомъ, наравнѣ съ вдовами.

Другой вопросъ, вызвавшій разногласіе двухъ министерствъ, возбудилъ также разногласіе въ Сенатѣ. Разногласіе несомнѣнно коренится здѣсь въ юридической неопредѣленности самаго „права на жительство“, въ неизвѣстности того, къ какой именно категоріи правъ слѣдуетъ отнести такое специальное „право“. Ограниченіе въ правѣ жительства есть, по существу, ограниченіе личной свободы; обыкновенно, по общему правилу, касающемуся всѣхъ гражданъ, такое ограниченіе налагается только какъ уголовное наказаніе въ видѣ ссылки въ опредѣленное мѣсто и воспрещенія въѣзда въ другія мѣста. Если право личной свободы, принадлежащее всякому, кто не совершилъ уголовного преступленія и не пораженъ приговоромъ уголовного суда, есть право состоянія, то таковымъ является и право повсемѣстнаго жительства, какъ составная часть права личной свободы, все равно, идетъ ли рѣчь о евреяхъ или о не-евреяхъ. Если же это право есть право состоянія, то безспорно, что еврейки, пользовавшіяся имъ до замужества, должны сохранить его и послѣ замужества, и послѣ прекращенія или расторженія брака, въ силу общаго положенія, что жена сохраняетъ права высшаго состоянія, принадлежавшія ей до вступ-

ленія въ бракъ. Однако, тутъ то и выдвигаются на сцену всевозможныя тончайшія разграниченія, основанныя на пестротѣ и многовѣтвистости правилъ и исключеній, относящихся къ праву жительства евреевъ. Проводятся сублимнѣйшія различія между правомъ лично присвоеннымъ и правомъ состоянія, между правомъ самостоятельно приобрѣтеннымъ и производнымъ, полученнымъ отъ родителей и сообщеннымъ путемъ брака, правомъ, переходящимъ къ потомству и уничтожающимся со смертію, и т. д.,—и все это имѣетъ единственнымъ своимъ объектомъ—право жительства. Министерство финансовъ, высказавшееся за предоставленіе разведеннымъ еврейкамъ права повсемѣстнаго жительства, если оно принадлежало имъ по происхожденію, указываетъ, что по отношенію къ нѣкоторымъ категоріямъ евреевъ, напр., купцамъ 1-ой гильдіи, выполнившимъ условія п. 1 ст. 12 уст. о пасп., и отставнымъ нижнимъ чинамъ рекрутскихъ наборовъ, приписавшимся съ семействами внѣ черты осѣлости, по силѣ нашего законодательства, право повсемѣстнаго жительства, несомнѣнно, является правомъ состоянія, такъ какъ оно передается потомственно дѣтизмъ тѣхъ лицъ, которыя это право приобрѣли. Но оно должно быть признано также правомъ состоянія и по отношенію ко всѣмъ остальнымъ категоріямъ евреевъ, за которыми законъ признаетъ право повсемѣстнаго жительства въ томъ же объемѣ, какъ за означенными купцами 1-ой гильдіи и отставными нижними чинами рекрутскихъ наборовъ. Тѣ евреи, о которыхъ говорится въ примѣч. къ ст. 12 уст. о пасп., т. е. врачи, юристы, фармацевты, техники и т. п., имѣютъ такое же право повсемѣстнаго жительства, повсемѣстнаго приобрѣтенія недвижимости, повсемѣстнаго занятія торговлею и промыслами, какое принадлежитъ купцамъ первой гильдіи и отставнымъ нижнимъ чинамъ послѣ приписки ихъ къ обществамъ внѣ черты осѣлости; первые, кромѣ того, пользуются еще *преимуществомъ высшаго состоянія*—они не обязаны приписаться къ какому либо изъ низшихъ, такъ называемыхъ, податныхъ сословныхъ обществъ. И вотъ, это преимущество, дарованное имъ закономъ, обращается для ихъ семействъ въ *privilegium odiosum*; ихъ свобода отъ обязанности приписки ставится на одну доску съ отсутствіемъ права приписки, и за ихъ семействами отрицается право повсемѣстнаго жительства послѣ смерти главы, даже при временной разлукѣ съ мужемъ или отцомъ, на томъ основаніи, что семейства не приписаны къ обществу внѣ черты. Неправильность такого толкованія очевидна; имъ нару-

шается основное правило юридической герменеватики, которое гласитъ, что законъ благопріятный не подлежитъ истолкованію *eo jure* тому лицу, въ интересахъ котораго онъ изданъ.

6. Вознагражденіе за увѣчые по ст. 683 т. X ч 1.

I.

Федоръ Мухинъ получилъ увѣчые во время смазки имъ паровоза на станціи Владиміръ, Нижегородской жед. дор., лишившее его вполне способности къ какому либо труду и поставившее его въ необходимость постоянно нуждаться въ постороннемъ уходѣ. Муханъ, окончившій съ отличіемъ курсъ наукъ въ высшемъ спеціальному заведеніи и удостоенный званія инженеръ-механика, временно занималъ должность помощника машиниста, предназначался же на должность помощника начальника депо, а черезъ два три года службы занялъ бы должность начальника депо, по примѣру другихъ своихъ товарищей. Мухинымъ былъ предъявленъ по желѣзной дорогѣ искъ о вознагражденіи за увѣчые въ суммѣ 40.000 р.; окружный судъ удовлетворилъ исковыя требованія въ размѣрѣ 28.000 р., признавъ, что ущербъ, понесенный Мухинымъ, не можетъ исчисляться въ зависимости отъ жалованья, какое получалъ потерпѣвшій на должности машиниста, и что назначаемое вознагражденіе должно опредѣляться по соображенію съ будущей карьерой Мухина, ради которой имъ понесено было столько трудовъ по образованію. Рѣшеніе суда было утверждено палатой, которая вмѣстѣ съ тѣмъ уважила ходатайство истца о присужденіи ему процентовъ со дня его обращенія въ управленіе дороги съ просьбою о выдачѣ вознагражденія.

На это рѣшеніе управленіе дороги подало кассационную жалобу, въ которой указывалось, между прочимъ, на слѣдующія нарушенія:

1) Палата, принявъ во вниманіе для опредѣленія размѣра ущерба, понесеннаго истцомъ, не дѣйствительный его заработокъ до увѣчья, а возможный въ будущемъ, нарушила п. 4 ст. 683 т. X ч. 1.

2) Палата, при опредѣленіи размѣра вознагражденія, руководствовалась, между прочимъ, тѣмъ, что процентовъ съ присужденнаго капитала едва хватитъ на содержаніе изувѣченнаго и лица, которое должно постоянно быть при немъ, чтобъ имѣть за нимъ

уходъ, если принимать въ разчетъ доходъ, приписанный государственными процентными бумагами. Такое соображеніе, по мнѣнію кассатора, нарушаетъ 4 и 5 п. ст. 683.

3) Палата, присудивъ проценты не со дня предъявленія иска, а со дня подачи въ управленіе дороги заявленія о вознагражденіи въ порядкѣ ст. 121 общ. уст. рос. жел. дор., нарушила ст. 641 т. X ч. 1.

Наиболѣе важнымъ и интереснымъ изъ вопросовъ, затронутыхъ въ кассационной жалобѣ, является, конечно, вопросъ объ опредѣленіи размѣра вознагражденія по дѣйствительному заработку, получавшемуся до увѣчья, или по возможному въ будущемъ. Этотъ же вопросъ былъ возбужденъ и въ другомъ дѣлѣ—Васюченко съ управленіемъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Черноработчій Васюченко былъ допущенъ къ исполненію обязанностей помощника машиниста, для подготовленія къ занятію этой должности, и въ первый же день получилъ увѣчье, вслѣдствіе котораго утратилъ трудоспособность. Судъ и палата нашли, что возложеніе на Васюченко обязанностей помощника машиниста свидѣтельствуетъ о полной вѣроятности постоянного занятія имъ такой должности, а потому „цѣнить его работоспособность въ день 22 февраля (когда случилось несчастье) должно ближе къ заработку помощника машиниста, чѣмъ къ заработку чернорабочаго“.

Оба дѣла поступили на разсмотрѣніе гражданскаго кассационнаго департамента, причемъ на разрѣшеніе поставленъ былъ слѣдующій вопросъ:

„Можно ли согласно п. 4 ст. 683 т. X ч. 1, опредѣлять размѣръ вознагражденія за причиненный при эксплуатациіи дороги вредъ не на основаніи существовавшаго въ моментъ случившагося несчастья имущественнаго положенія потерпѣвшаго, но по возможности улучшенія этого положенія въ будущемъ при отсутствіи означеннаго несчастья, т. е. можетъ ли судъ принять во вниманіе не только то, что потерпѣвшій зарабатывалъ, но и то, что онъ могъ пріобрѣсти или заработать въ будущемъ“?

II.

По приведенному вопросу—общему для обоихъ дѣлъ,—кассаторы нашли поддержку въ заключеніи г. тов. оберъ-прокурора К. П. Змирлова, который посвятилъ и ему, подобно вопросу возникшему по дѣлу Вѣлювана (см. Вѣстникъ Права, апрѣль, стр. 283), статью въ газетѣ „Право“, № 22.

Тезисъ, доказательству котораго посвящено было заключеніе, какъ и статья, состоялъ въ томъ, что „размѣръ вознагражденій долженъ опредѣляться исключительно размѣромъ тѣхъ средствъ къ существованію, которыми до момента случившагося съ нимъ несчастія располагалъ пострадавшій и которыхъ онъ и его семья, вслѣдствіе этого именно несчастія, должны были лишиться“.

Всѣ доводы К. П. Змирлова сводятся въ сущности къ утвержденію, что какъ нашъ законъ, такъ и первообразы его—иностранные—должны быть толкуемы въ смыслѣ приведеннаго тезиса. Пунктъ 4 ст. 683 т. X ч. 1 гласитъ: „Размѣръ вознагражденія долженъ зависѣть *исключительно* отъ понесеннаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ущерба“. Что значитъ это выраженіе: „исключительно“?

Бывшій Министръ Юстиціи графъ Паленъ, представляя въ Государственный Совѣтъ правила объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій за причиненіе смерти и вреда здоровью, высказалъ, что „сумма вознагражденія должна быть поставлена закономъ *исключительно* въ зависимость отъ средствъ существованія потерпѣвшаго, но отнюдь *не отъ средствъ причинившаго ущербъ* желѣзнодорожнаго или пароходнаго предпріятія“. Въ виду этого, Министръ Юстиціи нашелъ простую ссылку въ проектированной 683 ст. на 657—682 ст. 1 ч. X т. недостаточною, такъ какъ въ послѣднихъ выраженъ принципъ, въ силу котораго размѣръ вознагражденія поставленъ также въ зависимость отъ средствъ лица, причинившаго ущербъ.

И такъ, отвѣтъ, казалось бы, ясенъ. Изъ общихъ началъ опредѣленія размѣра вознагражденія, принятыхъ въ нашемъ правѣ, исключается только начало соразмѣрности со средствами лица, виновнаго въ причиненіи ущерба.

Г. Змирловъ не удовлетворяется такимъ простымъ и яснымъ отвѣтомъ, а путемъ болѣе глубокихъ интерпретаціонныхъ изысканій находитъ и болѣе сложное разрѣшеніе вопроса. Его дальнѣйшія разсужденія развиваются на почвѣ того факта, что составителямъ первоначальнаго проекта 683 ст. по редакціи 1879 года были извѣстны германскій законъ 7 іюня 1871 года и швейцарскій законъ 1 іюля 1875 года объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпринимателей: оба эти закона имѣлись въ виду при начертаніи ст. 683. Изъ этого дѣлается выводъ, что подлинными источниками для истолкованія ст. 683 должны служить не столько текстъ ея, разъясненный законодательными мотивами, и общія начала отвѣтственности за ущербъ, установ-

ленныя въ ст. 657—682, на которыя въ ст. 683 имѣется прямая ссылка,—сколько постановленія означенныхъ германскаго и швейцарскаго законовъ.

Обращаясь къ этимъ постановленіямъ, авторъ разсматриваетъ отдѣльно опредѣленіе вознагражденія за причиненіе смерти, а затѣмъ за причиненіе поврежденія въ здоровьѣ. Относительно перваго пункта, т. е. вознагражденія за причиненіе смерти, онъ находитъ, что какъ германскій, такъ и швейцарскій законъ уполномочиваютъ отыскивать вознагражденіе только въ томъ размѣрѣ, въ какомъ истецъ получалъ содержаніе отъ умершаго кормильца. Приводя текстъ этихъ законовъ, авторъ категорически утверждаетъ, что текстъ этотъ не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что при опредѣленіи размѣра вознагражденія принимается по названнымъ законамъ во вниманіе „дѣйствительный убытокъ потерпѣвшаго, т. е. только *dammus emergens*, и оставляется совершенно въ сторонѣ или игнорируется возможная потеря выгодъ въ будущемъ, т. е. *lucrum cessans*“.

Переходя затѣмъ къ отдѣльному разсмотрѣнію постановленій о вознагражденіи за причиненіе вреда здоровью, г. Змирловъ находитъ, что „само собою разумѣется, тотъ же принципъ или тѣ же основанія для опредѣленія вознагражденія,—должны имѣть мѣсто при причиненіи поврежденія въ здоровьѣ. Если при вознагражденіи за причиненіе смерти не играетъ никакой роли и не имѣетъ никакого рѣшительно значенія возможность улучшенія въ будущемъ имущественнаго положенія пострадавшаго, то едва ли можно допустить противное по отношенію къ вознагражденію за причиненіе поврежденія въ здоровьѣ. Съ одной стороны, при лишеніи жизни, т. е. лишеніи высшаго блага человѣка, немислимо устанавливать меньшую имущественную отвѣтственность, чѣмъ при причиненіи поврежденія въ здоровьѣ, а съ другой—нельзя найти ни логическихъ, ни юридическихъ основаній для установленія различныхъ принциповъ отвѣтственности въ обоихъ случаяхъ“. При этомъ, однако, упускается изъ виду, что хотя лишеніе жизни есть, дѣйствительно, лишеніе высшаго блага человѣка, но вознагражденіе получаетъ не тотъ, кто это благо потерялъ—не самъ умершій,—а тотъ, кто лишился только содержанія, получавшагося имъ отъ умершаго, между тѣмъ какъ при поврежденіи въ здоровьѣ вознаграждается самъ изувѣченный, потерявшій здоровье; упускается изъ виду, что на содержаніе своихъ близкихъ человѣкъ тратитъ обыкновенно только часть добываемыхъ имъ средствъ,

каковая часть и возмѣщается въ случаѣ причиненія ему смерти, а при полной потерѣ трудоспособности отъ увѣчья пострадавшій, остающійся въ живыхъ, имѣетъ, очевидно, право на полное возмѣщеніе всего, что онъ добывалъ своимъ трудомъ; упускается также изъ виду, что возможность улучшенія въ будущемъ имущественнаго положенія пострадавшаго есть только вѣроятность, но что, при дѣйствительномъ ея осуществленіи, этимъ улучшеніемъ воспользуется самъ пострадавшій, если онъ живъ, это уже фактъ безусловно достовѣрный, а въ какой мѣрѣ отразится это улучшеніе на тѣхъ, кто пользовался отъ него содержаніемъ—вопросъ этотъ разрѣшается уже болѣе или менѣе гадательно, т. е. исгисм родственниковъ или другихъ лицъ, получавшихъ содержаніе отъ умершаго, опредѣляется съ меньшею степенью вѣроятности, чѣмъ исгисм самого пострадавшаго, если онъ остается въ живыхъ. Вотъ, казалось бы, нѣкоторые соображенія, которыя рекомендуютъ осторожность при отождествленіи принциповъ и основаній опредѣленія размѣра вознагражденія за причиненіе смерти и за причиненіе поврежденія въ здоровьѣ. Но почтенный авторъ, установивъ тождество этихъ принциповъ и основаній а priori, находитъ то-же самое и а posteriori (правда, безъ какихъ либо соображеній въ пользу, а только путемъ констатирования, что будто нѣтъ сомнѣній, или что само собою разумѣется) въ соотвѣствующихъ законодательныхъ постановленіяхъ. Однако, нельзя сказать, чтобы текстъ закона устранялъ всякія сомнѣнія и категорически подтверждавалъ искомый тезисъ.

Въ случаѣ поврежденія въ здоровьѣ, германскій законъ говоритъ о вознагражденіи имущественнаго ущерба, происшедшаго вслѣдствіе временной или постоянной неспособности къ труду, или уменьшенія трудоспособности; а швейцарскій—о томъ же ущербѣ, происшедшемъ вслѣдствіе „временнаго или постояннаго лишенія или уменьшенія способности къ труду“. Въ сущности, это не болѣе ясно, чѣмъ текстъ ст. 683, на который должны пролить свѣтъ германскій и швейцарскій законы. Но тутъ то и выручаетъ насъ предварительное твердое знаніе того, что мы должны найти. „Само собою разумѣется“,—говоритъ г. Зморловъ,—должно быть строгое соотношеніе между вознагражденіемъ за поврежденіе въ здоровьѣ и тѣми средствами, которыя добывалъ въ моментъ несчастія пострадавшій (курсивъ нашъ), т. е. этотъ послѣдній не можетъ получить болѣе того, что онъ зарабатывалъ и чего онъ лишился“. Если это „само собою разумѣется“, то доказательства, собственно, излишни; тѣмъ не менѣе, таковое доказательство дается намъ—

на тотъ конецъ, чтобы мы не смущались крайними послѣдствіями принципа, который привели бы къ тому, что если пострадавшими являются малолѣтній или несовершеннолѣтній, еще ничего не добывающій своимъ трудомъ, то ему, вполне согласно со строгимъ принципомъ, никакого вознагражденія, и не полагается. Случай съ несовершеннолѣтнимъ, потерявшимъ трудоспособность, не есть еще крайняя граница примѣненія установленнаго имъ принципа возмѣщенія ущерба при причиненіи поврежденія въ здоровьѣ. Геркулесовы столпы должны быть отодвинуты еще дальше.

Принципъ гласитъ, что должно быть строгое соотношеніе между вознагражденіемъ и тѣми средствами, которые добывалъ въ моментъ несчастія пострадавшій. А если въ *этотъ моментъ* онъ ничего не добывалъ? Напримѣръ, пострадавшій наканунѣ несчастія потерялъ мѣсто и другого приложенія своимъ трудовымъ способностямъ еще не успѣлъ найти. Слѣдуетъ ли ему какое нибудь вознагражденіе? Оставаясь вѣрнымъ принципу, необходимо дать отвѣтъ: нѣтъ, не слѣдуетъ.

Авторъ формулированнаго выше принципа, вѣроятно, не приметъ этого заключенія. Онъ укажетъ намъ, что логика и законъ имѣютъ въ виду возмѣщеніе ущерба, происшедшаго отъ потери „*способности къ труду*“, какъ говорится въ германскомъ и швейцарскомъ законѣ, или „*возможности добывать средства къ существованію обычными трудами*“, какъ говорится въ ст. 661 нашего X тома. *Способность къ труду, возможность добывать средства обычными трудами*—это, конечно, не одно и то-же, что дѣйствительный заработокъ въ какой либо случайный моментъ времени. Дѣйствительный заработокъ пострадавшаго, тѣ средства, которые онъ добывалъ себѣ до увѣчья, вовсе и не подлежатъ возмѣщенію, такъ какъ пострадавшій никоимъ образомъ не лишается того, что онъ добылъ прежде своимъ трудомъ—его прежнія пріобрѣтенія при немъ и остаются. Этотъ дѣйствительный заработокъ служить только *мѣриломъ* для опредѣленія *возможнаго* заработка въ будущемъ; предполагается, что при прочихъ равныхъ условіяхъ данное лицо выручало бы за свой обычный трудъ столько же, сколько оно получало за него прежде.

Такимъ образомъ, присуждая вознагражденіе, суду всегда приходится заглядывать въ *будущее*, пользуясь для этого предположеніемъ о равенствѣ прошлаго и будущаго заработка. Но необходимымъ основаніемъ примѣненія такой презумпціи является наличность того условія, на которомъ она держится, а именно—что

прошлый заработокъ былъ результатомъ приложенія *обычнаго* труда пострадавшаго, имущественнымъ выраженіемъ его обычной трудоспособности. Если же этого условія не оказывается, если дѣйствительный заработокъ потерпѣвшаго представляется случайнымъ, необычнымъ для него вознагражденіемъ за необычный для него трудъ, или этотъ заработокъ вовсе отсутствовалъ вслѣдствіе случайной безработицы или потому, что пострадавшій еще не успѣлъ войти и занять обычное мѣсто въ рядахъ людей, обладающихъ тою же трудоспособностью, то очевидно, что указаннымъ мѣриломъ въ этихъ случаяхъ нельзя воспользоваться по той простой причинѣ, что его нѣтъ налицо. Каждый работникъ самъ создаетъ для себя своей работой свой собственный аршинъ, которымъ измѣряется имущественная цѣнность его трудоспособности; эта мѣрка опредѣляется не сразу, для ея установленія необходимъ извѣстный періодъ времени, болѣе или менѣе продолжительный, смотря по роду труда, который является обычнымъ для данного лица. Если несчастіе случилось съ нимъ послѣ того, какъ онъ уже успѣлъ выковать самъ свой аршинъ, судъ примѣняетъ именно эту мѣру, какъ наиболѣе точную; если же онъ былъ застигнутъ увѣщемъ въ тотъ моментъ, когда онъ только что приступалъ къ отправленію своей обычной профессіи, только сдѣлалъ или готовился сдѣлать первый шагъ на поприщѣ своихъ обычныхъ трудовъ,—у него еще нѣтъ своего собственнаго аршина и, слѣдовательно, измѣреніе не можетъ быть произведено съ помощью этого отсутствующаго орудія. Тогда остается прибѣгнуть къ другимъ единицамъ измѣренія; за неимѣніемъ аршина пользоваться длиною локтя, пяди, шага и т. п. Такъ и поступаетъ судъ, когда онъ вмѣсто дѣйствительнаго заработка, почему либо не опредѣлившася еще въ соотвѣтствіи съ обычною трудоспособностью пострадавшаго, беретъ среднюю норму заработка среднихъ представителей той профессіи, къ которой принадлежитъ пострадавшій. Эта мѣра не вполне точная,—возможно, что пострадавшій занялъ бы въ трудовыхъ рядахъ выдающееся мѣсто и заработокъ его былъ бы выше средняго, или наоборотъ—остался бы въ заднихъ рядахъ и получалъ менѣе средней нормы,—но при отсутствіи болѣе точной мѣры не приходится безговать и менѣе точной.

Какъ и слѣдовало ожидать, Правительствующій Сенатъ не согласился съ заключеніемъ г. товарища оберъ-прокурора и оставилъ кассационныя жалобы по обоимъ дѣламъ безъ уваженія.

III.

Въ дѣлѣ общества Рязанско-Уральской желѣзной дороги съ Кузьмивымъ и въ дѣлѣ Ивана Чахонелидзе съ управленіемъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ—на разрѣшеніе Гражданскаго Кассационнаго Департамента были поставлены слѣдующіе вопросы:

1) Искъ о вознагражденіи за увѣчые, причиненное на принадлежащей желѣзной дорогѣ солемолкѣ, можетъ ли быть обсуждаемъ по правиламъ, содержащимся въ ст. 683 т. X ч. 1? и

2) Примѣнима ли ст. 683 т. X ч. 1 къ иску сторожа желѣзно-дорожной больницы о вознагражденіи за увѣчые, причиненное содержащимся въ больницѣ больнымъ?

Въ обоихъ случаяхъ инстанціи, разсматривавшія означенныя дѣла по существу, присудили вознагражденіе какъ за увѣчые, полученное при эксплуатаціи желѣзно-дорожнаго предпріятія. Эти рѣшенія вполнѣ убѣдительно опровергаются въ поданныхъ на нихъ кассационныхъ жалобахъ.

„Судебная палата,—говорится въ жалобѣ, принесенной по первому дѣлу,—неправильно отвергла доводы о непримѣнимости къ настоящему дѣлу 683 ст. зак. гражд.

Судебная палата примѣнила этотъ спеціальныи законъ единственно на томъ основаніи, что, какъ она выражается, „683 ст. примѣнима ко всѣмъ желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ, безразлично отъ того, является ли какая либо отъ нихъ опасность для работающихъ или не является“. Подобное заключеніе я нахожу несогласнымъ съ истиннымъ смысломъ 683 ст. Законодатель, устанавливая исключительно строгую отвѣтственность для желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій, имѣлъ въ виду присущую этимъ предпріятіямъ, при ихъ эксплуатаціи, особую опасность, вызываемую сложностью технической стороны этихъ предпріятій, недоступною легкому пониманію всѣхъ и каждаго. Но наряду съ эксплуатаціей чисто желѣзнодорожнаго или пароходнаго дѣла, владѣлецъ этихъ предпріятій можетъ быть собственникомъ и такого имущества, которое не находится въ непрерывной связи съ желѣзнодорожнымъ и пароходнымъ дѣломъ, т. е. послѣднее можетъ существовать и безъ этого добавочнаго имущества. Согласно мнѣнію судебной палаты и ко всѣмъ несчастнымъ случаямъ, послѣдовавшимъ при владѣніи и пользованіи и этимъ добавочнымъ имуществомъ, должна быть примѣнена 683 ст., такъ какъ владѣльцемъ его состоитъ владѣлецъ желѣзнодорожнаго или пароходнаго

предпріятія. Насколько однако подобная теорія далека отъ мысли и цѣли законодателя позволяю себѣ поддержать примѣрами, взятыми изъ дѣйствительной жизни: довѣритель мой, владѣлецъ дома въ г. Саратовѣ, гдѣ помѣщаются его конторы, онъ имѣетъ городскія станціи и, поэтому, доставляетъ грузы съ желѣзнодорожныхъ станцій на частныя квартиры и обратно, при посредствѣ телѣгъ и лошадей; далѣе—онъ владѣлецъ цѣлаго караваннаго пути отъ Уральска до Хивинской границы, перевозка по которому грузовъ производится на верблюдахъ; наконецъ онъ содержитъ коровъ, для нуждъ своихъ желѣзнодорожныхъ больницъ. Осмѣливаюсь предполагать, что прохожій, упавшій на тротуарѣ дома моего довѣрителя, или ушибленный на улицѣ, при столкновеніи съ его-же телѣгой, или пораженный его лошадыю, верблюдомъ, или коровою,—хотя и можетъ отыскивать съ отвѣтника вознагражденіе за вредъ и убытки, но основывать свои требованія долженъ на 684 ст. зак. гражд., а не на 683 ст.*

Не менѣе основательны доводы кассационной жалобы по дѣлу Чохонелидзе:

„Истецъ Чохонелидзе требуетъ присужденія вознагражденія за увѣще, причиненное ему, при исполненіи своей обязанности сторожа въ желѣзно-дорожной больницѣ, больнымъ Покровскимъ, содержавшимся для излеченія въ той же больницѣ. Судебная палата, вопреки возраженію отвѣтной стороны, разрѣшила настоящее дѣло на основаніи 683 ст. 1 ч. X т.

Примѣненіе 683 ст. въ данному случаю представляется неправильнымъ, такъ какъ статья эта предусматриваетъ несчастные случаи только при эксплуатаціи желѣзной дороги. Эксплуатація же означаетъ дѣятельность, направленную къ извлеченію прибыли изъ предпріятія. Поэтому, если та или другая дѣятельность желѣзной дороги не направлена на извлеченіе какой-либо прибыли изъ предпріятія, то ее и нельзя отождествлять съ эксплуатаціею. Наоборотъ, если данная дѣятельность направлена на извлеченіе означенной прибыли, то она несомнѣнно должна бытъ признана эксплуатаціею желѣзной дороги, безразлично, въ чемъ бы эта дѣятельность ни заключалась, въ движеніи ли по рельсовому пути, въ исполненіи ли работъ въ мастерскихъ и т. д. Вотъ почему Гражданскій Кассационный Департаментъ Правительствующаго Сената въ своихъ рѣшеніяхъ за №№ 114—1884 г. и 112—1894 г. призналъ, что несчастные случаи въ мастерскихъ желѣзной дороги, въ адмиралтействѣ пароходства и при выгрузкѣ вагоновъ должно счи-

тать происшедшими при эксплуатаціи желѣзнодорожныхъ и паровыхъ предпріятій и что на этомъ основаніи къ этимъ случаямъ должна быть примѣняема 683 ст.

Переходя отъ этихъ соображеній къ данному случаю, имѣвшему мѣсто въ больницѣ желѣзной дороги, необходимо признать, что больница не представляетъ для желѣзной дороги предпріятія въ вышеприведенномъ смыслѣ, что изъ больницы желѣзная дорога не извлекаетъ никакой прибыли; что, поэтому, нѣтъ никакого основанія примѣнять къ несчастному случаю, происшедшему въ больницѣ, 683 ст., которая, по разъясненіямъ же Сената, основана на принципѣ солидарности предпринимателя съ предпріятіемъ и на томъ началѣ справедливости, что убытки должны падать на того, кто получаетъ барыши. Желѣзная дорога же, устраивая больницы для безвозмезднаго леченія своихъ служащихъ и лицъ, пострадавшихъ на дорогѣ, никакихъ барышей изъ этого не извлекаетъ, а, напротивъ, производитъ только расходы. Независимо отъ этого 683 ст. имѣетъ въ виду несчастные случаи, вызванные техническими и хозяйственными особенностями желѣзнодорожнаго дѣла, какъ транспортнаго предпріятія. Больница же, хотя и принадлежащая желѣзной дорогѣ, никакихъ такихъ особенностей не можетъ и не должна представлять. Всякая больница, буде она желѣзнодорожная, фабричная, благотворительнаго общества и т. п., должна вестись и, на самомъ дѣлѣ, ведется по общимъ правиламъ и требованіямъ современной медицины. Если бы больницы можно было относить къ предпріятіямъ желѣзной дороги и если случаи, происходящіе въ нихъ можно было бы подводить подъ дѣйствіе 683 ст., то при всякомъ случаѣ смерти больнаго въ той больницѣ можно было бы требовать съ желѣзной дороги вознагражденіе, такъ какъ вина желѣзной дороги, или скорѣе, врача, лечившаго больнаго, согласно 683 ст., предполагалась бы. Но ставить къ такое положеніе врача, очевидно, нельзя“.

Правительствующій Сенатъ, согласно съ заключеніемъ г. товарища оберъ-прокурора, отмѣнилъ обжалованныя рѣшенія.

7. Окончаніе работъ Высочайше учрежденной Коммисіи по пересмотру законоположеній по судебной части.

Послѣ 5-лѣтняго упорнаго и усиленнаго труда Коммисія подъ предсѣдательствомъ г. Министра Юстиціи, Н. В. Муравьева, выполнивъ Высочайше на нее возложенную задачу, собралась

въ засѣданіе 5 іюня для выслушанія Высочайшаго повелѣнія о закрытіи ея. За время ея дѣйствія Коммисія совершила гигантскую работу пересмотра всего судебного законодательства, т. е. судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. и многочисленныхъ дополненій къ нимъ, изданныхъ впослѣдствіи. Какъ великъ былъ этотъ трудъ, каковы его особенности, какую задачу имѣла предъ собою Коммисія, въ какомъ направленіи происходили ея работы, ходъ коихъ отчасти сообщался въ Журналъ Министерства Юстиціи,—это самымъ лучшимъ образомъ и съ обычнымъ для Н. В. Муравьева мастерствомъ, изложено въ его блестящей, глубокой и мѣткой рѣчи, съ которою онъ обратился къ членамъ Коммисіи въ заключительномъ засѣданіи ея. Было бы непростительно не воспроизвести ея цѣликомъ.

Заключительное сообщеніе Предсѣдателя Высочайше учрежденной Коммисіи для пересмотра законоположеній по судебной части, Статсъ-Секретаря Муравьева въ послѣднемъ засѣданіи Коммисіи 5 іюня 1899 г.

„Нашъ сложный трудъ пришелъ къ желанному концу. Высочайше возложенная на Коммисію нашу задача всесторонняго пересмотра Судебныхъ Уставовъ исполнена, насколько было въ нашихъ силахъ, по долгу совѣсти и крайнему разумѣнію каждаго изъ насъ. Нынѣ, въ исходѣ быстро пролетѣвшихъ пяти лѣтъ этой неустанной работы, мы можемъ, мы должны подвести ей хотя-бы самые краткіе, вѣдшіе итоги. Ее ждетъ впереди строгая оцѣнка законодателя, ее ждутъ подвижные, иногда случайные отзывы современниковъ, а дальше—безстрастное сужденіе потомства, и не къ тому, конечно, чтобы приуготовить или предвосхитить будущія судьбы выработанныхъ нами предположеній, послужить бѣглое ихъ обозрѣніе. Побужденіе наше гораздо проще и скромнѣе. Въ послѣднія, всегда немного жуткія минуты передъ окончаніемъ крупнаго государственно-общественнаго дѣла, передъ разставаньемъ соединенныхъ имъ, искренно преданныхъ ему работниковъ, воплѣтъ естественно и законно желаніе припомнить сдѣланное. Мы были призваны довѣріемъ двухъ Монарховъ къ повѣрѣію и обновленію всего строя отечественнаго правосудія, и да будетъ мнѣ позволено сказать отъ имени всѣхъ моихъ сотрудниковъ, что мы никогда не переставали глубоко сознавать огромную, лежащую на насъ отвѣтственность, и теперь, оглядываясь назадъ на пройденный трудный путь, мы бодро и спокойно готовы нести ее

Когда весной 1894 г. мы приступали къ нашимъ занятіямъ, я, опасаясь, чтобы они не затянулись на время слишкомъ длинное, считъ излишнимъ предположительно намѣтить для нихъ примѣрный 3-хъ лѣтній срокъ. Его пришлось продлить еще на 2 года по обстоятельствамъ, мало отъ насъ зависѣвшимъ; но цѣль была достигнута, Коммисія наша не превратилась въ хронически, неопредѣленно длящуюся и всякій свѣдущій, благоразумный и непредубѣжденный цѣнитель легко пойметъ это продленіе. Независимо отъ того, что высокое и серьезное назначеніе Коммисіи не допускало ничего поспѣшнаго и незрѣлаго въ ея дѣятельности, самыя условія послѣдней едва-ли благопріятствовали чрезмѣрной быстротѣ. Тщательное изслѣдованіе и исправленіе громаднаго, давно существующаго сооруженія совсѣмъ не то, что созиданіе вновь, на пустомъ или расчищенномъ мѣстѣ, изъ новыхъ, еще неиспробованныхъ матеріаловъ, какъ бы ни была велика ихъ умозрительная пригодность. Геній творить мощно и скоро, но дѣловое утвержденіе его произведеній на почвѣ практической дѣйствительности, съ очищеніемъ ихъ отъ постороннихъ примѣсей, требуетъ прежде всего добросовѣстнаго, кропотливаго, даже мелочнаго и потому продолжительнаго труда. Къ тому же Коммисія наша, обязанная шагъ за шагомъ провѣрить всѣ безъ исключенія постановленія Судебныхъ Уставовъ, въ ихъ многолѣтнемъ примѣненіи, состояла изъ лицъ, ни на мгновеніе не покидавшихъ прямыхъ и обычныхъ своихъ занятій, что потребовало такого чрезвычайнаго напряженія всѣхъ нравственныхъ и физическихъ силъ, которое по плечу только настоящему самоотверженію. О достоинствѣ выполненныхъ работъ судить не намъ, но уже одинъ ходъ и объемъ ихъ оправдываютъ долгіе трудовые дни, имъ посвященные.

Въ Коммисіи, образовавшей Отдѣлы и Общее ихъ Собраніе, при многихъ переменѣхъ въ личномъ ея составѣ, присутствовало въ общемъ до 24 Членовъ и болѣе 60 лицъ, приглашенныхъ въ разное время и по разныхъ поводамъ къ участію въ судебномъ просмотрѣ.

Изъ нихъ помянемъ прежде всего умиленной, доброй памятью товарищей, безвременно унесенныхъ смертію. Неклюдовъ, Даневскій, Концевичъ, Макалинскій, Влезковъ доблестно поработали на общемъ съ нами поприщѣ и, отойдя въ вѣчность, оставили русскому судебному дѣлу дорогіе, честныя завѣты и имена.

Составъ нашей Коммисіи не былъ однородный и отнюдь не бюрократическій: въ него вошли почти всѣ лучшіе знатоки дѣла,

всѣ дѣатели, ознаменовавшіе себя выдающимися заслугами въ юриспруденціи; высокопоставленные чины судебного и иныхъ вѣдомствъ трудились рядомъ съ нечиновными юристами, наука свободно обмѣнивалась и сообщалась съ практикой и всѣхъ, безъ различія званія и ранга, дружно соединяло живое, единоедушное стремленіе посильно придти на помощь нуждамъ родной юстиціи. Коммисія, сверхъ непрерывной домашней работы многихъ Членовъ, имѣла 503 засѣданія, изъ которыхъ 27 приходятся на долю Отдѣла общихъ вопросовъ, 89 на Соединенные Отдѣлы и Особые Совѣщанія, 53 на Отдѣлъ судоустройства, 111 на Отдѣлъ уголовного судопроизводства, 188 на Отдѣлъ судопроизводства гражданского, 35 на Общее Собраніе. Въ 112 засѣданіяхъ, въ томъ числѣ во всѣхъ засѣданіяхъ Общаго Собранія, председательствовалъ Предсѣдатель Коммисіи, въ остальныхъ—П. М. Бутовскій и Предсѣдатели Отдѣловъ Н. Н. Шрейберъ, С. И. Лукьяновъ, Н. С. Таганцевъ. Въ 201 засѣданіи лично участвовалъ завѣдывающій дѣлопроизводствомъ Коммисіи С. С. Манухинъ и подъ его ближайшимъ руководствомъ дѣлопроизводство совершило съ извѣстною всѣмъ намъ отчетливостью и глубиной, по истинѣ, гигантскій трудъ, внѣшность котораго опредѣляется крупными чертами: XII томовъ обширныхъ и въ высшей степени цѣнныхъ подготовительныхъ матеріаловъ, VI томовъ матеріаловъ, собранныхъ распоряженіемъ самой Коммисіи, обстоятельные журналы засѣданій съ многочисленными къ нимъ приложеніями въ видѣ отдѣльныхъ записокъ и свѣдѣній весьма разнообразнаго характера, наконецъ редакція самыхъ проектовъ и капитальныя объяснительныя къ нимъ записки. Въ ряду вспомогательныхъ работъ находятся такіе солидные вклады въ нашу юридическую литературу, какъ библиографическій указатель Поворинскаго, сборникъ руководящихъ опредѣленій Правительствующаго Сената по судебному надзору и цѣлый списокъ настоящихъ трактатовъ по всѣмъ главнѣйшимъ предметамъ судоустройства и процесса. Предсѣдатели Отдѣловъ подавали примѣры усиленной, и черновой, и бѣловой работы, которую раздѣляли многіе изъ Членовъ и въ числѣ ихъ А. Г. Гасманъ и И. Г. Щегловитовъ особенно много и полезно потрудились надъ разработкой первый—гражданскаго, второй—уголовнаго судопроизводства. Въ приведенномъ сухомъ перечнѣ лишь блѣдно отражается коммисіонная дѣятельность, въ которой явственно обозначились три предуказанные въ самомъ ея началѣ, логически между собою связанныя, послѣдовательныя ея фазисы и стадіи:

1) собираніе и приведеніе въ ясность матеріаловъ, 2) изслѣдованіе истиннаго положенія судебной части и возникающихъ изъ него вопросовъ и 3) составленіе по этимъ даннымъ законодательныхъ предположеній. Къ первымъ двумъ относятся: ознакомленіе съ богатымъ запасомъ свѣдѣній, которыми располагало Министерство Юстиціи; отвѣты судебныхъ мѣстъ и лицъ на предъявленные имъ запросы; статьи, замѣтки добровольцевъ дѣла, отозвавшихся на приглашеніе Предсѣдателя Коммисіи оказать ей благожелательное содѣйствіе; происходившія зимой 1894 — 1895 г. г. совѣщанія Старшихъ Предсѣдателей и Прокуроровъ Судебныхъ Палатъ при участіи нѣкоторыхъ членовъ Коммисіи по важнѣйшимъ вопросамъ ея программы; трехтомный сводъ выводовъ изъ систематическаго одновременнаго обревизованія всѣхъ судебныхъ установленій Имперіи, предпринятаго для надобностей Коммисіи по выработанному ею подробнѣйшему плану. Уже изъ сказаннаго видно, какъ всеобъемлюща была раскрывшаяся передъ Коммисіей широкая сфера фактовъ, взглядовъ, наблюденій: на твердомъ фундаментѣ годами накопывающагося опытнаго изученія, на яркомъ фонѣ неприкрашенной дѣйствительности, въ освѣщеніи вполне компетентной критики предстала наша судебная часть, съ ея свѣтомъ и тѣнью, силой и слабостью, съ ея пробѣлами и потребностями, съ ея глубоко вросшими корнями и наносными, навѣянными придатками. Взаимно сталкивающіяся черты того, что есть, чего не должно быть, что нужно, обрисовались ясно и полно; разобраться въ этомъ сплетеніи, отдѣлить важное отъ несущественнаго, сопоставить противорѣчія, разъяснить сомнѣнія, формулировать возможные рѣшенія въ видѣ, соответствующемъ требованіямъ законодательства,—вотъ къ чему свелись подготовка, обсужденіе и вытекавшая отсюда громадная редакціонная работа. Для сообщенія ей стройности общіе принципиальныя или наиболѣе важныя вопросы были выдѣлены и рассмотрѣны въ I Отдѣлѣ, а затѣмъ въ Общемъ Собраніи по особымъ запискамъ дѣлопроизводства, при чемъ заключенія Коммисіи явились руководящимъ указаніемъ при постановочной разработкѣ проектовъ судоустройства и судопроизводства. Что же касается до этихъ послѣднихъ, то по первоначальному изложеніи ихъ отдѣльными редакторами, каждый изъ проектовъ проходилъ черезъ трехкратное чтеніе въ специальномъ Отдѣлѣ, въ Соединенномъ присутствіи или совѣщаніи изъ Членовъ разныхъ Отдѣловъ и въ Общемъ Собраніи всей Коммисіи и при этомъ столько же разъ редактировался въ дѣлопроизводствѣ. Такимъ спо-

собомъ работы обезпечивалось внимательное и всестороннее рассмотрение всѣхъ вопросовъ, а для того, чтобы оно не разбрасывалось въ частностяхъ, не размѣнивалось на мелочи, изъ-за которыхъ иногда не видно цѣлаго, сужденія тщательно сосредоточивались на главномъ, предоставляя подробности и эластичныя тонкости редакціи соглашенію немногихъ специалистовъ, подъ наблюдениемъ и ручательствомъ Предсѣдателя Коммисіи, ея Отдѣловъ и Члена, завѣдывающаго ея дѣлопроизводствомъ. Не менѣе основательности старались мы соблюдать свободу и цѣльность мнѣній, высказывавшихся въ нашей средѣ по многоразличнымъ вопросамъ и предметамъ пересмотра. Выясняя ихъ всѣми доступными намъ средствами, мы стремились столковаться и всюду, гдѣ возможно, сгладить шероховатости и разнорѣчія. Но при этомъ, взаимно уважая чужія убѣжденія, мы не боялись разномыслія и не насильствовали своихъ воззрѣній натянутой аргументаціей или неохотными, неискренними уступками. Отсюда не малое количество мотивированныхъ разногласій и разрѣшеніе многихъ важныхъ и спорныхъ пунктовъ по большинству голосовъ. Этотъ откровенный и прямой исходъ, вообще свойственный многолюдной коллегіи, если она относится къ порученному ей дѣлу добросовѣстно и независимо, казался намъ предпочтительнѣе искусственныхъ компромиссовъ съ ихъ непрочнымъ построеніемъ и сомнительными послѣдствіями. Во всякомъ спорѣ мы считали себя обязанными прежде всего правильно поставить его сущность и затѣмъ продуманно обосновать предлагаемыя, хотя-бы и различныя рѣшенія. Тогда и законодатель—полагали мы—не будетъ затрудненъ въ выборѣ или въ выводѣ изъ подготовленныхъ и разъясненныхъ данныхъ.

Въ конечномъ результатѣ произведеннаго, такимъ образомъ, пересмотра составлены проекты новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій и уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства съ пространными къ нимъ объясненіями, въ которыхъ изложены, кромѣ общихъ, принятыхъ во вниманіе соображеній, точные мотивы каждаго предположеннаго въ уставахъ измѣненія или дополненія. Въ этихъ объясненіяхъ оправдывается не только вновь проектированное, но и сохраненіе прежняго; нѣтъ судебного учрежденія или закона, по поводу котораго Коммисія не высказалась бы такъ или иначе, положительно или отрицательно, особо или въ общемъ развитіи своихъ разсужденій, разборъ которыхъ облегчается ихъ полнотою. Съ ними можно не соглашаться, но

нельзя упрекнуть ихъ въ поверхностномъ, скользящемъ отношеніи къ предмету. За то велика и матеріальная масса всего исполненнаго—это десятки печатныхъ томовъ, рискующихъ вызвать традиціонную усмѣшку досужихъ эноидовъ надъ комисіонными трудами, это 4 $\frac{1}{2}$ т. заново редактированныхъ статей, невольно пугающихъ непривычное или обремененное вниманіе. Но ждѣ Коммисіи было повелѣно пересмотрѣть одно изъ величайшихъ произведеній преобразовательной эпохи, являющееся уже болѣе 30 лѣтъ драгоценнымъ достояніемъ нашей родины, работа эта съ высоты Престола объявлена трудной, и разбирать ее будутъ не диллетанты, а государственные люди, во всеоружіи познаній, подготовки, умѣлости и трудолюбія—пристало ли смущаться грандіозными очертаніями законченнаго дѣла, достойными колоссальнаго его значенія?

Вслѣдъ за изложеніемъ внѣшней стороны исполненной работы слѣдовало бы обратиться къ характеристикѣ внутренняго ея содержанія, но предстоящее внесеніе ея на уваженіе законодательной власти дозволяетъ, по всеѣмъ понятному чувству авторской сдержанности, удѣлить этому предмету лишь нѣсколько самыхъ общихъ и сжатыхъ замѣчаній. Здѣсь развѣ только умѣстно вспомнить, въ какомъ направленіи вообще шла дѣятельность нашей Коммисіи, какой духъ виталъ надъ ея трудами. Начиная пересмотръ Судебныхъ Уставовъ, мы имѣли передъ собою, во-1-хъ, ихъ первоначальный текстъ, во-2-хъ, многочисленныя за 30 лѣтъ изданныя къ нимъ новеллы и, въ-3-хъ, безчисленные судебные вопросы, выдвинутые за это время практикой. Все это нужно было обсудить и взвѣсить, всему дать мѣсто въ той радикальной переработкѣ, которой были подвергнуты судебныя законоположенія. Работать же надъ ними приходилось среди различныхъ теченій общественной и юридической мысли, служащихъ до извѣстной степени показателемъ окружающихъ настроеній. Пестро, измѣнчиво, противорѣчиво и не чуждо крайнихъ увлеченій это разнохарактерное пониманіе судебныхъ идеаловъ, и невозможно угодить ему. Одни, считая всю судебную реформу пагубной ошибкой, обращаютъ свои взоры вспять и помышляютъ, повидимому, о такомъ судѣ, который ничѣмъ не отличался бы отъ административно-полицейскаго воздѣйствія. При этомъ иногда даже рѣшаются выводить огульное порицаніе теперешнихъ судебныхъ порядковъ изъ единичныхъ, произвольно оцѣниваемыхъ, невѣрно освѣщаемыхъ и потому ничего не доказывающихъ примѣровъ. Другіе, наоборотъ, вдохновляясь иными, не нашими условіями и нравами, нетерпѣ-

ливо и поспѣшно порываются къ чисто-теоретическому прогрессу, напимѣръ къвыборнымъ судьямъ, къ исключительному преобладанію гарантій личности, къ гласному и состязательному предварительному слѣдствію, въ то время, когда нужно зорко охранять публичную безопасность, когда предстоитъ еще создавать правильный уголовный розыскъ, когда еще приходится воспитывать въ судѣ людей и ихъ міровоззрѣніе и при этомъ бороться съ такими противниками, какъ обширность страны, малонаселенность и всяческая скудость или неравномѣрность общественной культуры. Третьи, не думая ни о какихъ практическихъ препятствіяхъ и разсуждая какъ-бы внѣ времени и пространства, туманно мечтають объ уничтоженіи судебныхъ формальностей, о какихъ-то идеализованныхъ, не русскихъ судьяхъ, которые не стѣсняются узкими рамками закона и свободно гдѣ-то ищутъ и провозглашаютъ, будто-бы, имъ однимъ вѣдомую истину, между тѣмъ какъ все у насъ—исторія, общественность, привычки—требуетъ именно строжайшей во всемъ законности и разумнаго, осмотрительнаго упорядоченія, а не фантазій. Для четвертыхъ, наконецъ, замкнувшихъ свой кругозоръ Уставами 1864 г., каждая буква въ нихъ есть непререкаемая истина, святыня, которой не слѣдуетъ касаться даже съ наилучшей цѣлью, изъ опасенія новымъ, неизвѣданнымъ повредить старому, испытанному. Не мало почтеннаго въ этомъ судебномъ консерватизмѣ, но онъ преувеличиваетъ непогрѣшимость, и мимо него, нерѣдко даже въ перерѣзъ ему, несетъ бытовая жизнь, гдѣ одна потребность неудержимо смѣняется другой и, опережая медленное развитіе закона, рано или поздно добивается себѣ признанія. Ни одно изъ приведенныхъ и подобныхъ имъ воззрѣній, съ разными ихъ оттѣнками и сочетаніями, не соотвѣтствуетъ задачамъ нашей Комисіи, которая впала бы въ печальную ошибку, если бы односторонне послѣдовала за однимъ изъ нихъ. У нея былъ свой путь, единственно вѣрный и возможный въ переживаемый нами историческій моментъ, путь, намѣченный при самомъ открытіи Комисіи 30 апрѣля 1894 г. и затѣмъ подтвержденный, въ началѣ 1897 г., на рубежѣ двухъ періодовъ ея дѣятельности въ печатномъ отчетѣ о работахъ по улучшенію судебной части ¹⁾. Съ тѣхъ поръ ни въ чемъ не измѣнились обстоятельства и, ссылаясь на высказанныя тамъ сужденія, я повторю лишь то, что было и остается исходной точкой судеб-

¹⁾ Журналъ Министерства Юстиціи 1897 г. Январь—«Работы по улучшенію судебной части въ 1894—1896 г.г.».

наго пересмотра: мы избѣгали крайностей и потрясеній, мы желали сохранить и укрѣпить въ нашемъ судѣ все истинно хорошее, исправить недостатки, но безъ лишней ломки, восполнить пробѣлы, но безъ кабинетныхъ и канцелярскихъ измышленій, и нынѣ, стоя твердо на этой почвѣ, мы предлагаемъ улучшеніе, а не реформу еще столь недавно преобразованнаго суда. Избранное нами направленіе, осторожное, умѣренное и самостоятельное, задается практической цѣлесообразностью и равно исключаетъ тенденціозность и предвзятость, рутинную косность и рискованные эксперименты, страсть къ новшествамъ и слѣпое преклоненіе передъ существующимъ. И потому, не игнорируя никакихъ серьезныхъ указаній, мы обратились къ неисчерпаемому, единственно надежному источнику—къ открывшемуся передъ нами огромному запасу всѣдневнаго опыта судящихъ и судящихся, который и показалъ намъ, куда идти, что измѣнить, чего не трогать. Мы воспользовались для этого и своею личною долею въ немъ участія и, зная, какъ въ житейскомъ обиходѣ совершается обыденная, черновая и закулисная работа sudoотправленія, мы не стѣснялись ни доктриной, ни возраженіями, когда находили, что та или другая мѣра достаточно обусловливается совокупнымъ интересомъ правосудія и населенія. Такой приѣмъ не блещетъ красивыми эффектами и не сулитъ дешевой популярности; за то онъ отвѣчаетъ уважительнымъ запросамъ гражданского быта и общаетъ больше прочности. Судъ не зрѣлище, не публицистическое упражненіе, не удовлетвореніе личныхъ вкусовъ и симпатій; судъ—это отраженіе мудрости законодателя и совѣсти народной, судъ есть лучшая охрана законныхъ правъ, но не абсолютно, а въ предѣлахъ данной, человѣческой и общественной возможности.

Было бы затруднительно, да и безцѣльно приводить въ подробности, даже перечислять всѣ измѣненія, проектированныя Коммисіей въ дѣйствующемъ sudoустройствѣ и sudoпроизводствѣ—я говорю о дѣйствующемъ, потому что много воды утекло со времени изданія Судебныхъ Уставовъ и много наслоеній образовалось вокругъ нихъ. Подобный пересказъ явился бы и повтореніемъ, такъ какъ, передъ разсмотрѣніемъ въ Общемъ Собраніи проектовъ учрежденія судебныхъ установленій и уставовъ sudoпроизводства, я всегда представлялъ вниманію Коммисіи сводъ предположенныхъ важнѣйшихъ перемѣнъ въ нынѣшнемъ законодательствѣ съ краткимъ поясненіемъ существеннаго ихъ смысла. Поэтому, теперь довольно вновь упомянуть, что всѣ вносимыя въ Судебные Уставы новыя

или видоизмѣненныя постановленія неукоснительно направлены къ осуществленію многократно выраженныхъ общихъ задачъ пересмотра, а именно: къ объединенію судебного устройства въ различныхъ частяхъ Имперіи, уже подготовленному мѣропріятіями послѣднихъ лѣтъ, къ большей близости и доступности суда для населенія, къ упрощенію, удешевленію и ускоренію правосудія, къ утвержденію государственнаго значенія и правительственнаго характера судебного вѣдомства, къ нравственному и матеріальному поднятію его чиновъ, къ укрѣпленію и развитію возможнаго общественнаго участія въ отправленіи суда, и вообще къ устраненію недостатковъ и восполненію пробѣловъ судебной части, когда тѣ и другіе зависятъ отъ несовершенствъ закона и обусловленныхъ ими судебныхъ распоряженій. Этимъ все сказано, и недалекое, дастъ Богъ, будущее покажетъ, въ какой степени намъ удалось достигнуть цѣли. Какъ бы то ни было, ни одинъ дѣйствующій судебный институтъ, успѣвшій заслужить народное расположеніе, не поколебленъ и не поврежденъ, а, напротивъ, многіе исправлены или улучшены, смотря по надобности. Ни одно процессуальное правило не уничтожено, не измѣнено или замѣнено другимъ безъ вѣсскихъ къ тому побужденій; ни одно нововведеніе—а ихъ не мало—не нарушаетъ принятаго общаго строенія юстиціи. Не подорванъ ни одинъ изъ ея основныхъ принциповъ даже въ томъ случаѣ, если, не въ видѣ уступки, а по непреложнымъ соображеніямъ государственной пользы, приходилось допускать отдѣльныя изъятія или ограниченія, которыя уже потому извинительны, что даютъ необходимый просторъ упорнымъ домогательствамъ жизни и, не позволяя ей подтачивать высшія правовыя нормы, косвенно способствуютъ ихъ неприкосновенности и торжеству.

Форма, въ которую вылились работы Коммисіи, а слѣдовательно и вещественныя проявленія пересмотра судебныхъ узаконеній, строго соотвѣтствуетъ его сущности и назначенію. Были приложены всѣ старанія къ тому, чтобы какъ можно меньше отойти отъ законодательнаго памятника, связаннаго съ Великимъ Именемъ Императора Александра II. Составленные въ Коммисіи проекты образуютъ въ ихъ совокупности тѣ же Судебные Уставы, но лишь въ новомъ ихъ изложеніи, съ тѣми измѣненіями и дополненіями въ текстѣ, которыя вызываются переработкой содержанія. Всюду, гдѣ являлась малѣйшая къ тому возможность, оставлена нетронутою прежняя редакція какъ потому, что отъ добра добра не ищутъ, такъ и вслѣдствіе того, что съ ней давно освои-

лись и свѣклись суды и граждане. Примѣнительно къ тому же слогу, къ той же терминологіи Судебныхъ Уставовъ изложены и новыя предположенія, особенно вставки въ старый текстъ или частичныя въ немъ измѣненія. Проникнутая искреннимъ почтеніемъ къ труду своихъ предшественниковъ, Комиссія тщательно воздерживалась отъ всѣхъ не безусловно необходимыхъ, наружныхъ поправокъ, на которыя иногда незамѣтно для себя самой поддается реформаторская энергія законодательнаго перевершенія. Соблюденіе этихъ и имъ подобныхъ условий редакторской и кодификаціонной техники стоило немаловажныхъ усилій нашему дѣлопроизводству, но они искупались ревностнымъ желаніемъ дать и во внѣшнемъ отношеніи кодексъ, приближающійся къ своему первообразу и въ то же время находящійся на высотѣ современныхъ ожиданій отъ правосудія. Такъ же поступали мы во всемъ, что касалось распредѣленія частей въ проектахъ. Вездѣ сохранена прежняя система изложенія кромѣ тѣхъ мѣстъ, отраслей и отдѣловъ, гдѣ радикально измѣнялась вся постановка дѣла, а съ нею и вся послѣдовательность и соразмѣрность его воспроизведенія въ проектированныхъ статьяхъ. Тамъ система логически опредѣлилась содержаніемъ, усвоеніе котораго приведетъ и къ удобству пользованія. Короче, въ работѣ нашей Судебные Уставы не перестали быть тѣмъ, чѣмъ они были до нея; если же въ самомъ названіи точнѣе обозначить ея соотношеніе съ ними, то можно было бы лишь продлить заглавіе, сказавъ: *Судебные Уставы Императора Александра II, пересмотрѣнные по повелѣнію Императора Александра III въ Царствованіе Императора Николая II.*

Освященное изволеніемъ трехъ Императоровъ, судебное обновленіе и нынѣ, какъ прежде, не предполагается держать въ тайнѣ отъ общественнаго свѣдѣнія. Въ теченіе пятилѣтнихъ занятій нашей Комиссіи въ Журналѣ Министерства Юстиціи неоднократно помѣщались болѣе или менѣе подробныя извѣстія о ходѣ ея трудовъ. Въ повременной печати проскальзывали сожалѣнія о томъ, что эти извѣстія не касаются внутренней стороны нашихъ работъ, не излагаютъ выработанныхъ заключеній и проектовъ. Не говоря о томъ, что эти сѣтованія лишены основанія, такъ какъ въ цѣломъ рядѣ напечатанныхъ сообщеній періодически указывалось направленіе дѣятельности Комиссіи по существу подлежащихъ ей вопросовъ, ясно до очевидности, что въ періодъ продолжающейся законодательной разработки, въ разгаръ горячаго

обмѣна мнѣній, при неустановившихся еще выводахъ и рѣшеніяхъ, мы не могли, да и не имѣли права, безъ высшей санкціи въ болѣе-шей мѣрѣ дѣлиться съ публикой нашими трудами. Теперь настала другая, конечный періодъ ихъ движенія, и одновременно съ передачей на заключеніе вѣдомствъ, проекты будутъ опубликованы и, такимъ образомъ, поступать на общественное обсужденіе. Поскольку оно выразится въ серьезныхъ и безпристрастныхъ отзывахъ, Министерство Юстиціи, всюду признавая гласность и свободу мнѣній однимъ изъ могучихъ двигателей истины, не преминетъ воспользоваться и этимъ средствомъ для окончательной отдѣлки выполненныхъ работъ. Всякій добрый совѣтъ будетъ встрѣченъ съ благодарностью, всякій разумный голосъ услышанъ и оцѣненъ.

Сегодня, при завершеніи нашихъ занятій, невольно вспомнятся предшествовавшіе ихъ началію тревожные и знаменательные дни. Мы помнимъ, вокругъ насъ сгущались тѣни и на распутьи, въ зловѣщемъ сумракѣ недоброжелательныхъ сомнѣній и колебаній, стояло наше дѣло, лицомъ къ лицу съ возникшими вопросами объ участи многихъ основъ и учрежденій такъ называемаго новаго, хотя уже успѣвшаго состариться суда; и часто у его служителей сжималось сердце и опускались руки передъ роковыми недоразумѣніями, которыя воздвигались между законодателемъ и судьей, между закономъ и жизнью, дѣйствительностью и призраками. Но Богъ былъ милостивъ къ русской юстиціи: почившій Государь повелѣлъ выяснить вопросы, разсѣять сомнѣнія, прекратить колебанія и недоразумѣнія, чтобы *«наконецъ дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи»*—какъ сказано въ приснопамятныхъ историческихъ словахъ Высочайшей резолюціи 7 апрѣля 1894 года. И вотъ, по этой священной, замогильной волѣ, подѣ благотворной сѣнью Всемилостивѣйшаго вниманія нынѣ благополучно Царствующаго Монарха, наша работа кончена: судебный строй, испытанный болѣе, чѣмъ 30 тяжелыми годами опыта, прошелъ и черезъ тщательное испытаніе всѣхъ сторонъ своихъ въ горнилѣ знанія, правдивости и вѣрно-подданническаго долга. По глубочайшему моему убѣжденію, которое я былъ бы счастливъ раздѣлить съ Вами, русскій, царскій судъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется по Судебнымъ Уставамъ и по настоящимъ нашимъ предположеніямъ, съ честью выдержалъ это испытаніе, оказался вполнѣ жизнеспособенъ и смѣло, громко требуетъ себѣ довѣрія и уваженія. Не помышляя

о недостижимомъ совершенствѣ, довольствуясь возможной правильностью судебной организаціи и правомѣрностью судебныхъ дѣйствій, мы хотѣли бы видѣть нашъ судъ устойчивымъ, крѣпко водруженнымъ на твердомъ основаніи закона, въ себѣ самомъ носящимъ залоги прочной и сильной справедливости. Въ этомъ реальномъ стремленіи наше неизбѣжное отличіе отъ нашихъ славныхъ предшественниковъ, создавшихъ новый судъ и бережно, любовно охранявшихъ начальные шаги его—отличіе, но вмѣстѣ и преемство. То былъ своего рода медовый мѣсяцъ, незабвенная пора первыхъ піонеровъ судебной реформы, которые вложили въ нее всю душу свою и ярко озарили выбранное ими поприще неугасимо горѣвшимъ въ нихъ огнемъ добра и правды. Согрѣтыя и просвѣтленныя его живительною силой, новыя судебныя установленія пылко выступили на борьбу съ неправдою и зломъ. Несмотря на набѣгавшія уже тучи, не взирая на противодѣйствіе и затрудненія, приподнятый и окрыленный духъ подвига, призванія, поддерживалъ дѣятелей и скрашивалъ всѣ невзгоды дѣятельности. Но скоро—таковъ жестокой законъ вещей—слишкомъ скоро миновалъ свѣтлый праздникъ и постепенно перешелъ въ длинные, сѣрые будничные дни. На смѣну подвижниковъ—идеалистовъ явились рядовые труженики, священнодѣйствіе впервые устнаго и гласнаго суда превратилось въ нелегкую всedневную страду, непомѣрно возрастающую и въ качествѣ и въ количествѣ; душевный подъемъ слабѣлъ, а трудъ ежечасно увеличивался. Съ установленіями новаго суда случилось то же, что съ новымъ зданіемъ, осѣдающимъ на неподготовленномъ, мягкомъ грунтѣ: пока дойдетъ до материка оно постепенно обнаруживаетъ всѣ недочеты стройки или почвы, всѣ слабыя мѣста свои, куда и надлежитъ направить ремонтныя работы. А для нихъ, по самому ихъ свойству, ужъ нечего искать и ждать юношескаго пыла или радужныхъ перспективъ и обширныхъ горизонтовъ. Нужно было трезвое, спокойное, настойчивое и не всегда благодарное, но всегда благородное закрѣпленіе устоевъ, починка, передѣлка, приспособленіе къ развивающимся условіямъ и явленіямъ жизненнаго оборота. Таковъ трудъ, выпавшій на долю нашей Коммисіи; онъ есть не что иное, какъ продолженіе и обезпеченіе судебного преобразованія. Многозначительна та служба, которую мы предназначены сослужить ему. Мы должны были сдѣлать такъ, чтобы составъ и уровень нашего суда и его органовъ отнынѣ не опасался никакихъ враговъ, но и не зависѣлъ ни отъ высокаго, но временнаго порыва, ни отъ

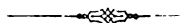
горячихъ, но преходящихъ вѣяній, ни отъ избранниковъ, рѣдкихъ въ тяжелой трудовой профессіи. Мы знали, что учрежденія должны быть рассчитаны на массу обыкновенныхъ, среднихъ людей, не на героевъ, что люди и настроенія ихъ проходятъ, а учрежденія остаются и дѣйствуютъ среди далекой отъ идеаловъ «битвы жизни» Намъ казалось необходимымъ и возможнымъ сблизить это разстояніе, соединить въ устройствѣ правосудія неизблемость великихъ основныхъ началъ его съ практической гибкостью ихъ дѣйствія. Судебные Уставы дали Россіи новый судъ; пусть же послѣ пересмотра онъ станетъ судомъ уже не новымъ, но незамѣняемымъ!»

Вѣстникъ Права

Журналъ Юридическаго Общества

при

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

XXIX.

АПРѢЛЬ

1899.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

1899

Опечатки въ статьѣ „Религіозныя преступленія въ Россіи“ Е. Н. Тарновскаго, въ апрѣльской книгѣ „Вѣстника Права“: стр. 9 строка 9 снизу:

НАПЕЧАТАНО
чаще

ДОЛЖНО БЫТЬ
рѣже

стр. 20 таблица внизу стр.

НАПЕЧАТАНО

ДОЛЖНО БЫТЬ

Духовенства.
Купцовъ и почет-
ныхъ гражданъ.
Мѣщанъ.
Дворянъ.

Дворянъ.
Духовенства.
Купцовъ и почет-
ныхъ гражданъ.
Мѣщанъ.

Для личныхъ объясненій Редакція „ВѢСТНИКА ПРАВА“ открыта по субботамъ отъ 3 до 5 час. дня.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторамъ присылаемыхъ рукописей редакція проситъ озаботиться яснымъ и четкимъ письмомъ текста, особенно иностраннаго, а равно и цитатъ. Рукописи, неудобныя къ печатанію, не возвращаются, но могутъ быть получены въ редакціи авторами или уполномоченными ими лицами. По истеченіи года, со дня полученія, рукописи, не взятые обратно, уничтожаются.

2) Гонораръ получается въ редакціи самими авторами; иногороднымъ онъ высылается по особому, каждый разъ, заявленію ихъ, съ вычетомъ почтовыхъ расходовъ.

3) Лица, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, редакція проситъ доставлять свои сочиненія въ *двухъ экземплярахъ* тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

4) Для отвѣтовъ на всякаго рода запросы гг. сотрудниковъ и подписчиковъ должна быть приложена почтовая марка.

Объ изданіи Журнала Юридическаго Общества „Вѣстника Права“ въ 1899 г. см. 4 стр. обложки.

Объ изданіи въ 1899 году „ВѢСТНИКА ПРАВА“

**ЖУРНАЛА ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.**

**Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ іюля и августа)
въ количествѣ 10 книгъ въ годъ
подъ редакцію Г. В. СЛІОЗВЕРГА.**

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

	на годъ	по полугодіямъ	
		Январь	Іюнь
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р. — к.	4 р. — к.	4 р. — к.
„ „ „ съ доставкою	8 „ 50 „	4 „ 50 „	4 „ — „
Въ другихъ городахъ съ доставкою	9 „ — „	5 „ — „	4 „ — „
За-границей	12 „ — „	7 „ — „	5 „ — „
Отдѣльныя книги журнала	1 „		

Съ приложеніемъ сборника рѣшеній Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Сената, въ оффиціальномъ изданіи, разсылаемаго подписчикамъ немедленно по выходѣ листовъ изъ Сенатской типографіи (въ распоряженіи редакціи имѣется 500 экземпляровъ): за Журналъ съ Сборникомъ, съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою въ другіе города—13 р., или по полугодіямъ—въ январѣ 8 р. и въ іюнѣ 5 р.

Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности и учащіеся платятъ при подпискѣ по 4 р. 50 к. въ годъ съ доставкою и пересылкою, а съ приложеніемъ рѣшеній 8 р. 50 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ: „Вѣстника Права“ въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 5 ливня. д. 28 и въ отдѣленіяхъ конторы въ книжныхъ магазинахъ.

Въ С.-Петербургѣ: 1) Н. К. Мартынова, Невскій пр. уголъ Б. Садовой № 50—15; 2) И. П. Анисимова, рядомъ съ Публичной Библіотекой; 3) „Новое Время“ А. С. Суворина, Невскій 38; 4) Общество французской книжной торговли, бывш. Мелье, преемникъ А. Ф. Цинзерлингъ, Невскій пр. 20; 5) Магазины Юридической Литературы Д. В. Члчинадзе, Невскій пр. 59; 6) Книжный магазинъ Н. П. Карбасникова, Литейный пр. 46.

Въ Москвѣ: 1) И. П. Анисимова, Никольская улица, домъ законоискуснаго монастыря; 2) Въ книжномъ магазинѣ Журнала „Русская Мысль“ Б. Никитская.

Въ Кіевѣ: 1) Н. Я. Оглобина, Крещатикъ 33; 2) И. А. Розова, Крещатикъ, домъ Марръ.

Въ Варшавѣ: С.-Петербургскій книжный складъ, Новый Свѣтъ, 67.

Въ Одессѣ: 1) И. А. Розова, Дерибасовская, противъ сада.

Въ Харьковѣ: Кн. Маг. Дредера.

Въ Казани: 1) Бр. Башмаковыхъ, Городской Пассажъ; 2) А. А. Дубровина, Гостинный дворъ № 1.

Въ Перми: О. П. Петровской, Сибирская, домъ Евреиновой.

Въ Тифлисѣ: Центральная книжная торговля.

Въ Томскѣ и Иркутскѣ: Сибирскій книжный магазинъ Макушина.

Объявленія для напечатанія въ „Вѣстникѣ Права“ принимаются въ Главной Конторѣ по расцѣту 16 руб. за страницу.

Адресъ Редакціи:
Спб., Мал. Итальянская, 47.

Адресъ Главной Конторы.
Вас. Остр., 5 л., д. 28. Книжный складъ
М. Стасюлевича.

Экспедиція Журнала: Вас. Остр. Академическій пер. 7.

Редакторъ Г. Сліозбергъ.

Вѣстникъ Права

Журналъ Юридическаго Общества

при

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

XXIX.

ІЮНЬ

1899.

№ 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

1899

